

Инесса Давыдова

Верона

Роман – трилогия

Часть третья

Глава первая

Вера

Танцпол ночного клуба, переделанный в срочном порядке в банкетный зал, наполнен ароматом еды, снующими между столиками нанятыми официантами и мужским гомоном, старательно перекрикивающим голос Дэна Маккаферти, солиста группы «Nazareth». Разноцветные вспышки стробоскопа слепят глаза. Слишком громкие басы бьют по ушам. Кто-то из персонала включил дым-машину и танцующие пары скрылись от банкетной части зала в туманной завесе.

Ох! Как кружится голова. Надолго меня не хватит... Дым обволакивает ноги и напоминает, что прошлую ночь я провела в реанимации, где очищала легкие от слезоточивого газа.

Еще шесть часов назад это помещение клуба выглядело обыденно. Зашедший случайный посетитель мог бы увидеть, как мы с моим возлюбленным за одним из столиков поглощали омара и обсуждали новость, которую моя мать обрушила на нас с братом. Только после двух бокалов красного вина я пришла в себя, смогла адекватно мыслить и воспринимать информацию. Но ни вино, ни горячий секс не помогли мне справиться с тем, что заготовил для меня Мистер Непредсказуемость. Итог сумасшедшего дня: я сижу на собственной свадьбе, не зная никого из гостей, за исключением ближайшего столика, за которым разместились мой брат, мама и две подруги. Свадьба была для меня сюрпризом. Поэтому я все еще бледная и испуганная. Сжалась как побитая градом маленькая, отбившаяся от стаи птичка. До сих пор не могу отойти от церемонии бракосочетания, которую Руссо превратил в балаган. На мне наряд и украшения, которые я не выбирала. Передо мной гости, которых я не приглашала. Новую фамилию со мной тоже никто не согласовывал, собственно как и дизайн обручальных колец.

Моя мама в еще большем шоке, чем я. Она в полной дезориентации. Ее состояние можно понять, два месяца назад она впервые отпустила меня одну в другой город – я уехала учиться в Финансовую Академию, а сегодня вышла замуж за парня, с которым познакомилась в первый день самостоятельной жизни. Еще несколько часов назад мы с мамой обсуждали семейную драму, а теперь она

сидит с новым цветом волос, в новом платье и с совершенно неестественной улыбкой принимает очередное приглашение к танцу. На ее лице отражается весь мыслительный процесс. Да, мамочка, ты все еще красива и интересна мужчинам и, слава богу, что моя свадьба помогла тебе это понять – хоть какая-то польза от спонтанного мероприятия.

После короткой перепалки с охраной, Руссо возвращается к столику и тут же хватается за мою руку. Ему нужен якорь, чтобы удержаться от быстрого течения событий. Да, этот по-наполеоновски амбициозный план придумал и воплотил Руссо. Он все продумал и спланировал, но... это еще не значит, что его многозадачный мозг все осмыслил и одобрил. Ему, так же как и мне, требуется поддержка, поэтому он возобновляет наш прерванный телесный контакт, целует мне руку и укладывает себе на колено.

– Никто не знает, как Оборотень прошел в зал и это меня бесит! – выпаливает он и с тяжелым выдохом откидывается на спинку кресла. – Если он прошел, черт знает, кто еще пройдет.

– Главное, что его вывели...

Мой голос еще дрожит, ведь я только что познакомилась с Исчадием Ада – единственным партнером Руссо, которого он не позвал на свадьбу.

Смотрю на татуировки на его руках и говорю:

– Надо признать, что художник он отличный.

Руссо обнимает меня, целует в висок и притягивает к себе.

– Он тебя напугал?

– До жути, – признаюсь я и прижимаюсь к его разгоряченному телу.

С нас не сводит глаз моя мама. Она покачивается в танце с каким-то мужчиной, и я спрашиваю у мужа:

– Кто это с мамой?

Руссо оглядывается и отвечает:

– Это старший из братьев Ждановых.

В начале банкета Руссо провел меня по залу и познакомил со всеми партнерами и их женами. Их было так много, что не всех я запомнила, поэтому уточняю:

– Это те, что владеют на паях с тобой боулингом?

– Типа того... – отвечает сквозь зубы Руссо и перекидывается парой шуточных фраз с проходящим мимо другом-байкером.

Такая реакция мне хорошо знакома по общению с братом, она называется «Отвлеки внимание от места, где зарыты проблемы». Поэтому, как только он поворачивается ко мне, я спрашиваю:

– Что значит, «типа того»? В здании есть что-то еще, что...

– Не нужно тебе знать, а я не имею к этому никакого отношения.

Обычно я бы кивнула и сама сменила тему, но моя мама танцует уже второй танец с этим Ждановым и вид у него такой, что отпускать ее он не намерен.

– Руссо, – я обхватываю его лицо ладонями, – старший Жданов явно запал на маму и я хочу знать, какими делами он ворочает.

Муж кидает на меня свой коронный колюще-режущий взгляд. Это предупреждение, что я полезла на запретную территорию. Но отступать я не собираюсь, и он это чувствует. Чтобы разрядить атмосферу, я кивком показываю в сторону мамы, и Руссо одаривает танцующую парочку придирчивым взглядом. Убедившись в моей правоте, он со вздохом нехотя поясняет:

– У них несколько игорных домов для узкого круга. Ты же знаешь, этот бизнес сейчас под запретом, но они на этом сделали не один лимон, терять клиентуру было подобно самоубийству.

– В боулинг-центре есть подпольный игорный дом?

Руссо никак не реагирует, но взгляд не отводит, из чего я делаю вывод, что так и есть.

– Ох...

– Я скажу Кириллу, чтобы не лез к твоей матери, – вид у Руссо решительный.

Смотрю на маму, сердце кровью обливается. Отец сообщил ей, что после освобождения из тюрьмы домой не вернется, а уйдет к той из-за которой много лет наша семья жила в аду. Да, мама сама была виновата, нужно было его отпустить еще до рождения двойняшек, но мне все равно ее жалко. Это ведь моя мама. Никто не застрахован от ошибок. Жаль, что за ее ошибку пришлось заплатить Пашке.

– Не надо, – прошу я Руссо, – не вмешивайся. Хочу, чтобы хоть на сегодняшний вечер она вышла из ореола моего отца. Пусть убедится, что есть и другие мужчины и что она все еще кому-то интересна.

– Лады, – рука Руссо ныряет мне под платье и ползет вверх по ноге, – а тебе не нужно ни в чем убеждаться? А то я тебя как варвар утащил в свою пещеру и не дал хвостом покрутить.

Я знаю, что на это поле лучше не заходить, Руссо ревнив до чертиков, и тут же перевожу подачу.

– А тебе?

– Пушочек, мне нужна только ты.

Тянусь к его губам, мы целуемся страстно, до дрожи в коленках.

– Детка, ты такая горячая...

– Руссо! Брателло! Ты что ж удумал, чертяга! – раздаётся над нами громогласный бас.

Поднимаю голову и вижу огромного роста байкера в полном обмундировании, в руках шлем с красными языками пламени.

Муж освобождается из моих объятий и с улыбкой поднимается. Они крепко обнимаются и похлопывают друг друга по плечу.

– Ледоруб! Думал, ты не приедешь! Ты Бизона видел?

– Нет, черт, эту тему и хотел с тобой перетереть. Что за хрень, не пойму...

Видимо это друг, я с облегчением вздыхаю и смотрю, как официанты подают фаршированную индейку. Подкрепиться что ли? Поцелуй Руссо меня немного разогрели, и я окончательно отошла от стычки с Обратнем.

Пока Руссо занят разговором я разделяюсь с отбивной. Оглядываюсь на брата. Саня сидит с отстраненным видом, весь в своих мыслях. Не хочу его дергать, поворачиваюсь к подругам и прислушиваюсь к их разговору. Анна и Софа спорят о свадьбах. У каждой свое представление об идеале. Выбранная тема как ножом полосонула по сердцу и с новой силой всколыхнула обиды. Девчонки даже не понимают, что я сейчас чувствую, иначе бы не завели этот разговор. Уйти в свои мысли я не успела. Над столиком подруг навис... Обратень! Появился как из-под земли. Ни охрана, ни предостережения Руссо его не остановили. Точно Исчадие Ада. Он бросает на меня загадочный взгляд и ухмыляется. Не успела я

отреагировать, как он тащит Анну на танцпол. Ох! Анна! Что-то мне подсказывает, что проявил он к ней интерес, чтобы меня позлить.

Муж возвращается к столику, я показываю ему на нежелающего покинуть нас гостя. Руссо не верит своим глазам.

– Не оттаскивать же его от Анны, – Руссо садится рядом и перетягивает меня к себе на колени. Берет рацию в руки и говорит Годзилле, чтобы присматривал заоборотнем.

– Как этот сукин сын проходит в зал?! – орет Годзилла и материться. – Мы все выходы держим!

– Видать, есть еще ход... – Руссо чешет затылок. – Если знает оборотень, кто еще может знать? Тащи Коляна. Придется по второму разу ему язык развязывать.

Руссо бросает на меня обвинительный взгляд. Ох! Это из-за того, что я вмешалась в разборки с главой охраны.

– Видишь, детка, что бывает, когда ты встречаешь, куда не надо.

– Мог бы и не говорить, – бурчу я и надуваю губы, – я и так все поняла.

– Что-то мне подсказывает, что Колян знает, где Бизон, но так бздит кого-то, что до сих пор держит язык за зубами.

Это не приглашение к диалогу, а мысли вслух, поэтому я молчу. Руссо тянется к рации, делиться своими опасениями с Годзиллой и просит осмотреть каждый сантиметр крыши.

Аристарх

Мой мобильник просигналил о поступившем сообщении. Я нехотя отвел глаза от Вероны, которая лепетала мне про то, чем она будет заниматься в Италии, и прочел смс от партнера. Влад уведомил, что самолет будет готов к взлету через полтора часа, а значит, нам с Вероной пора выдвигаться.

– Детка, прощайся с гостями, нам пора.

Верона расплылась в улыбке.

– Брачная ночь?

– Она самая, – одной рукой отправляю смс партнеру, другой сжимаю ее дрожащую коленку.

Моя малышка волнуется! Еще бы! Она знает, я как самая нестабильная субстанция могу вытворить что угодно, а по такой логике брачная ночь может пройти как в снегах Антарктиды, так и в Римских катакомбах.

Верона щебечет с подругами, целует мать и брата. А когда возвращается ко мне, я беру ее за руку и веду к выходу. Сажаю за руль одного из секьюрити. Прошу его после аэропорта поставить тачку в гараж коттеджа. Курт обещал отогнать ее завтра в мастерскую для прокачки.

Моя малышка забирается ко мне на колени и припадает губами к моей шее.

– Скажи старшему по смене, чтобы завтра утром переслал мне запись с парковки, на которой виден джип без номеров, – говорю я водителю.

Черт! Как назло Дракон не выходит на связь. Я бы пробил сейчас того, кто звонил матери. Что за движуха? Почему мать так странно себя вела?

– Милый? – мурлычет Верона мне на ухо.

Я уже чувствую, как она трепещет от предвкушения, заглядываю ей в глаза и спрашиваю:

– Что, хитрюга? Хочешь выведать, куда мы едем?

Она кивает и закусывает нижнюю губу.

– Терпи, оно того стоит...

Верона стонет и хнычет совсем как ребенок. А потом тянется к моим губам. Но мне еще предстоят переговоры, а я могу завестись от ее поцелуев с полпинка, поэтому уклоняюсь и сдвигаю брови.

– Разве «наша» ночь уже не началась? – ей не понятна моя реакция.

– Фактически да, технически – нет.

– Ты снова говоришь загадками.

– Я такой!

Не добившись от меня объяснений, она сползает с колен с притворно надутыми губками, но я вижу, что глаза ее все еще светятся от желания. Больше она не паникует, не нервничает. С ролью жены еще не свыклась, слишком мало прошло времени, но и подружкой себя уже не считает, это чувствуется в ее жестах и реакции на мои слова. Она осмелела и чаще ко мне прикасается, даже

посторонние ее не смущают. Теперь она более открыта и слепо мне доверяет. Она и раньше особо не перечила, что, конечно, безмерно радовало, а теперь и подавно. Сказал – сделала. Молодец! Все как я люблю!

– Я люблю тебя, Пушочек, – шепчу я ей в ухо.

Она поворачивается, ее фальшивая обида рассеивается без следа и в следующую секунду лицо озаряет широкая улыбка.

– Я тоже тебя люблю, милый.

Подъезжаем к аэропорту. Джип объезжает здание и подъезжает к таможенному терминалу с вывеской «Для служебного транспорта». Лицо Вероны вытягивается от удивления. В ее огромных глазищах отражаются огни уличных фонарей. Я предъявляю наши загранпаспорта и перекидываюсь с таможенниками парочкой фраз. Верона наострила уши. Уже понимает, что происходит что-то необычное.

Джип останавливается перед небольшим частным самолетом. Водитель открывает дверь. Помогаю Вероне выбраться из машины и показываю на трап.

– Нам туда.

– Ох! Руссо! Что ты задумал? Экстрим-секс пока владелец самолета не вернулся?

– Не угадала, хотя идея мне нравится... – и тут меня как молнией шарахнуло. – Верона! Откуда у тебя в голове такие безумные идеи?

Она пожимает плечами и ухмыляется. Ходячая Дерзость!

Прежде чем мы успели подняться на борт, приехал Влад с женой, убей, не помню ее имя. Как глянул на его вторую половину, челюсть отвисла, у Вероны, кстати, тоже. На анорексичном тельце какая-то тряпочка, претендующая на высокое звание «платье». Ну почему богатеи одевают своих жен по принципу «Чем меньше – тем лучше»? По сравнению с ними чиксы в нашем мото клубе выглядят целомудренными монашками.

Я представил партнеру Верону и Влад расплылся в похотливой улыбке.

– Извините, что не приехали на банкет, занимались сборами в поездку.

Мне уже хотелось съязвить, типа ладно тебе отмазываться, понятное дело, что мой клуб не то место, куда придет твоя жена – Пробирка с Голубой Кровью. Я живо представил ее реакцию на Ледоруба или Монстра. Достаточно им заржать,

не то чтобы заорать и эта дамочка будет дергаться на полу в каталептическом припадке. Верона по сравнению с ней не женщина, а кремень!

С Владом мы партнеры уже два года. Сфера его интересов лежит в медицине и фармацевтике. Я и еще один его кореш владельцы сети аптек. Моя доля меньше пятнадцати процентов и приносит небольшой доход, но для меня это неважно. Главное, что я через это партнерство приобретаю новые связи.

Из рассказов Влада я знал, что женился он по расчету, что на родине в Архангельске у него есть еще одна семья, а в Москве куча любовниц. Такая жизнь еще никого не сделала счастливым: на выходе один геморрой. Поэтому внешность Влада вполне соответствует образу жизни. Задерганный, измученный, в глазах тоска. Сейчас он в той стадии, которую я только что пережил: получает удовольствие только от бизнеса и движухи. Если мир хоть немного остановится, то пустота, засевшая у него внутри, вырвется наружу и погромсает остатки разума в клочья.

Только я хотел открыть рот, как в подтверждение слов партнера водитель «Бентли» начал заносить в самолет многочисленный багаж. Откуда-то из глубин подсознания выплыли сточки стихотворения Маршака «Дама сдавала багаж: диван, чемодан, саквояж, картину, корзину, картонку и маленькую собачонку». Дивана не было, но чемоданы напоминали его размером.

Собачонка, как и хозяйка, страдала анорексией. Меня она сразу невзлюбила, затряслась, начала рычать и угрожающе оголила клыки. Я прикинул на глаз вес и понял, что могу прибить ее, не дотрагиваясь, просто силой своего яростного взгляда. Объятая тремором нечисть с внешностью дьявола начала поскуливать и склонять голову на бок, но тут вмешалась Верона и спасла животине жизнь.

Пока мы поднимались по трапу, я нашепывал Вероне кто наши новые друзья. Малышка одарила меня недовольным взглядом, она-то думала, что уже можно смахнуть с лица приклеенную улыбку и, наконец-то, получать удовольствие. Но мой настрой подсказал ей, что деловая часть мероприятия еще не закончена. Она кивнула, давая понять, что справиться со своей ролью.

В салоне нас встречали две стюардессы. Пока мы размещались и готовились к отлету, Пробирка успела взорвать мозг всему экипажу. Все было не

так, все было не такое! Верона смотрела на нее выпученными глазами, я сжал ей руку, тем самым намекая, что ее лицо, как книга с картинками. Она допетрила и начала нервно расправлять складки на платье, в точности как делает ее мамаша.

После взлета мы с Владом стали обсуждать бизнес, а Верона попыталась наладить отношения с Пробиркой. На мой взгляд, дело совершенно безнадежное. Мне не хотелось лишнего напряжения с партнером, поэтому я внимательно слушал их начало беседы, готовый вмешаться в любую минуту и урегулировать конфликт. Я уже понял, что Пробирка с Голубой Кровью та еще язва и за словом в карман не полезет. Могла окатить словесной бурдой любого, кто по ее мнению ей не соответствовал. Сначала жены пристреливались по общим темам, Верона прощупывала сферу интересов Пробирки, к слову сказать, делала это мастерски. Законтачить не получилось и обе потянулись к журналам. Верона проигнорировала женскую блабуду и ухватила за «Философия и общество». Хорошо, что я не успел отпустить по этому поводу едкую шуточку, а язык чесался, именно этот жест и проложил мне дорогу к новым контактам в бизнесе.

Пробирка подняла глаза и, глядя на Верону, усмехнулась. Видать, подумала, что Верона красуется и хочет придать себе загадочно-философский вид. Черт! Да я сам так подумал!

– Любите философию? – спросила Пробирка и уткнулась в журнал мод.

Я уже хотел прийти Вероне на помощь, но она выдала совершенно спокойным тоном:

– Увлекалась год назад, но потом началась подготовка к экзаменам, было уже не до философии.

Влад спросил, куда поступила Верона, она ответила. Партнер, тоже чуял подвох и хотел увести ее с зыбкой почвы.

– Убеждения каких философов вы разделяете? – желчно-ядовитым тоном снизошла до следующего вопроса Пробирка.

– Зайка, не приставай с такими сложными вопросами к студентке первого курса. Не все имеют престижное европейское образование, – взмолился Влад.

Я чуть не въехал ему в морду. В этом предостережении мне почудилось, что он намеренно подсластил пилюлю жене, чтобы та заткнулась, но тем самым

унизил Верону, а спускаться мне этого не хотелось. Верона почувствовала, как я напрягся и тут же ответила:

– Мне близок Ницше и Шопенгауэр. Одно время увлекалась Камю. Сначала я прочитала его роман «Чума» и только потом заинтересовалась им как философом.

– Ницше? Вы серьезно? А вас не смущает то, что его имя так прочно связали с фашизмом?

Пробирка отложила журнал и впялилась в Верону сверлящими глазенками с наклеенными опахалами. Она явно пыталась подловить и опустить Верону. Я чуть не застонал во весь голос.

– Нет, – Верона пожала плечами и спокойно продолжила: – Ведь он умер еще до прихода Гитлера к власти и не виноват, что какой-то маньяк истолкует его идею о Сверхчеловеке на свой лад. Сам же Ницше неоднократно писал, что его Сверхчеловек еще не родился и придет на землю лет через триста. Помните высказывание о том, что он переспал со всеми домохозяйками в Германии? Он говорил как раз о том, что его книги были настолько популярными, что их можно было найти в каждом доме. Думаю, идеологи Третьего Рейха, а всем известно, что они были далеко не глупцами, знали о популярности Ницше среди соотечественников. Им нужна была своя философия, концепция, за которой пойдут вдохновленные пропагандистскими речами рядовые немцы. Как всегда все хорошее, попавшее в руки невежд и гордецов, теория Ницше была варварски исковеркана. Он говорил о саморазвитии, о постоянном совершенствовании, а это присуще очень малому проценту населения и уж, конечно, все они оставляют свой след в истории.

У меня отвалилась челюсть. Влад вздохнул с облегчением, ну еще бы, нам удалось избежать вселенской катастрофы – столкновения двух планет.

– Вот как? Интересное толкование. Возможно, я даже с вами соглашусь. Какие же еще теории были истолкованы неправильно?

– В истории их было бесчисленное множество, – махнула рукой Верона, будто говорила о сыре Рокфоре, который Влад поглощал так же быстро, как я нервно отстукивал ритм левой ногой. – Возьмите хотя бы Иисуса Христа. Он пришел к евреям со своей миссией. Но они его не поняли, испугались и распяли.

А все потому, что он объявил себя Царем и, конечно, все подумали, что он решил узурпировать власть. Иисус же говорил о Царствии Небесном, и никакого намерения вмешиваться в государственное устройство страны не имел. Или возьмите любого другого восточного философа, например, Заратустру, он показывал пальцем на луну, а те, кто его слушал, смотрели на палец.

Я был настолько потрясен, что смотрел на свою жену совершенно по-новому. Оказывается, в ней было столько пластов, которые я совершенно не замечал, а все внимание уделил внешнему фасаду. Не скрою, это было впервые, когда я так гордился ею. Какая жалость, что я не записал ее монолог на телефон, мне хотелось, чтобы моя мать тоже его послушала.

С этого момента я ушел в свои размышления. Жены продолжили перемывать косточки философам и их теориям. Затем перешли к литературе и живописи, где Верона держалась наравне с Пробиркой. Если чего-то не знала, не стеснялась об этом прямо сказать и тогда ее собеседница пускалась в занудное объяснение. За Верону я больше не переживал, сосредоточился на том, что мне предстоит сделать в ближайшие дни, а дел было по горло.

Вера

Да! Да! Да! Это случилось! И это невероятно! Впервые мне удалось по-настоящему удивить Руссо! Надо было видеть его лицо, когда мы заговорили с Адель о философии. Он смотрел на меня так, словно я на его глазах выиграла телевизионную олимпиаду «Умники и умницы». Это была сладкая победа, но наслаждалась я ею недолго. Уже через пятнадцать минут он ушел в себя и до конца полета не произнес ни слова. По его виду я поняла, что он мысленно там, в Москве, решает свои задачи и строит наполеоновские планы.

Адель оказалась продвинутой в философии и социологии. Мы обменялись мнениями, зацепились за общие темы, и уже к концу полета ее бледное лицо разругалось, она повеселела и даже поужинала. По словам ее мужа это был нонсенс. Думаю, это из-за меня, от волнения я так проголодалась, что умяла все, что было на моей тарелке и, видимо, делала это с таким аппетитом, что прицепом увлекла за собой Адель.

Именно от Адель я узнала, что мы летим в Швейцарию. С ума сойти! Швейцария! Когда я завизжала от восторга и расцеловала Руссо, он сдвинул брови и выдал:

– Детка, будешь благодарить, когда увидишь, в каком месте мы проведем два дня.

– Только два дня? – я тут же скуксилась.

– Да, вернемся в Москву вместе с Владом.

– Мы летим на юбилей моего отца, – пояснила Адель и, сощурившись, предложила: – А вы не хотите к нам присоединиться? Музыку в стиле «Хеви Метал» не обещаю, – она одарила Руссо хитрющим взглядом, – но на приеме будет деловое сообщество и вы сможете раздвинуть свои горизонты.

Руссо поблагодарил, но сослался на то, что его график расписан до минуты, а я дуреха думала, что предстоящие два дня он будет уделять только мне.

Мы приземлились в небольшом частном аэропорту. Откуда до отеля, по словам Руссо, рукой подать. Наши новые знакомые довезли нас до Эннетбюргена, и в предрассветный час я увидела многоэтажное здание на вершине горы Бюргенсток. Совершенно райское местечко. Окна нашего номера выходили на Люцернское озеро. Сам отель настолько шикарен, что я могла бы часами ходить по нему и разглядывать детали интерьера.

Номер был специально подготовлен для новобрачных. На кровати разбросаны красные лепестки роз. Горели свечи, от которых исходил приятный аромат шоколада. На столе стояло ведерко с шампанским, хрустальная ваза с клубникой и серебряное блюдо с канапе. В камине потрескивали гигантские поленья. Над кроватью свисал ярко красный полог, а на подушках лежали презенты от отеля и поздравительная открытка на английском языке. Изголовье кровати было украшено цветочной гирляндой, обвязанной белой лентой.

Было очень романтично и я сразу прониклась атмосферой. Не успела я запечатлеть на телефон все детали новобрачной атрибутики и исследовать лакомства, как Руссо начал меня раздевать.

– Детка, потерпи с едой, а то разомлеешь, и на второй заход не хватит.

– Будет только два? – мне хотелось его подразнить.

Я вообще решила, что после цирка устроенного на бракосочетании отыграюсь на нем как следует. Пока не придумала как, но непременно отыграюсь.

– Начнем, а там посмотрим...

Мое платье упало на пол. Руссо уставился на мое белоснежное нижнее белье и чертыхнулся. Особенно его впечатлили чулки с кружевным поясом. Он вертел меня как куклу, стараясь рассмотреть со всех ракурсов.

– Детка, с твоего позволения я тебя сфотоаю.

– Что? Нет! – я запротестовала, но было уже поздно.

Ну, вот так всегда! С твоего позволения... Ага! Застыл и ждет позволения... Ох! Мне не нравятся, что такого рода снимки будут на его телефоне. А если мобильник украдут? Какой-то незнакомец будет глазеть и облизываться?

– Убери руки от груди, малышка. Когда ты улетишь в Италию, я буду их пересматривать.

Руссо окатывает меня таким взглядом, что мои руки соскальзывают с груди и падают плетью вдоль тела. От двух щелчков фотокамеры в телефоне я невольно ежусь. Он отключил и отложил телефон в сторону. Я шагнула к нему и потянулась к ремню на брюках, но он мягко отстранился и отошел назад ближе к дивану.

Что происходит?

– Ты сегодня какой-то недотрога!

Я нервно усмехнулась, но мне было уже не до смеха. Помимо возбуждения в Руссо было что-то еще, чего я раньше никогда не замечала. Мы стояли на ковре в гостиной, между нами не больше трех шагов.

– Снимай все с себя, детка... – он нервно сглотнул, кадык дернулся, в глазах огонь, – только медленно...

Честно говоря, я так распалилась, что делать что-то медленно было настоящей пыткой. Мне хотелось сейчас горячего и страстного секса. Чтобы следы от моих зубов оставались на его коже еще минимум неделю. Но может, я тороплю события? Ладно, я поиграю в его игру...

Скидываю туфли. Ох, как хорошо! Только от этого уже можно испытать оргазм. Ставлю ногу на подлокотник кресла и медленно стягиваю с ноги сначала

один чулок, а затем другой. Оба чулка приземляются на голову Руссо, он шумно втягивает носом воздух и рычит. Не могу сдержать улыбку.

– Я все правильно делаю?

Он кивает.

– Продолжай, малышка.

Большими пальцами я поддеваю кромку пояса для чулок и, виляя бедрами, тяну вниз. Пояс падает на пол, туда же отправляется лифчик. Расстегиваю заколку в волосах и снимаю серьги. Затем вынимаю из волос шпильки, мягкие локоны распадаются и частично прикрывают грудь. На мне остались только трусики.

– Что дальше? – спрашиваю я и смотрю в ошеломленные зелено-изумрудные глаза.

Руссо показывает на оставшийся предмет одежды.

– Я сказал – все!

Ох! Командир спальных войск!

Когда я предстала перед ним обнаженной, Руссо потянулся к пуговицам рубашки, движения резкие, немного нервные. Кидает ее на пол, туда же отправляются брюки, носки и боксеры. Не могу отвести от него глаз. Красивый. Брутальный. Дерзкий. Мне кажется, я никогда не смогу им насытиться. Наши взгляды сцепились и проникают в такие глубины, которые мы еще не исследовали.

– Теперь ты моя жена, Верона. Хочу, чтобы ты крепко уяснила то, что я сейчас скажу. Я забрал тебя всю целиком: твоё тело, твоё сердце, твою волю и даже твою душу. Больше никаких тайн. Никаких сомнений. Никаких недомолвок. Никаких вольностей.

Мне хотелось сказать, чтобы эти слова он в первую очередь адресовал себе. Вот уж у кого тайн больше чем у Мадрицкого двора.

– Идешь куда-то? Сообщаешь мне. Не отвечаю, ты оставляешь смс. Никаких подруг, кроме Софы и Анны. Никаких походов в клубы, рестораны, и другие увеселительные места без меня. Если тебя куда-то приглашают, ты согласовываешь со мной. Все поняла?

Стою как вкопанная, хлопаю ресницами. Мы вроде сексом собирались заняться, разве не для этого разделись?

– Значит, ты тоже будешь так себя вести?

– Да, – он кивает, чем очень меня удивляет. – Ты должна знать, где я и что делаю. Я твой, а ты – моя. Уясни это.

Мой взгляд скользит по его телу и застывает на Сэме. Только он подсказывает, как сильно сейчас хочет меня Руссо. Зачем мы тратим время? К чему эти разговоры? Разве я могу истолковать наш брак как-то по-другому?

– А я не хочу ничего забирать. Я не сторонник силовых методов.

Руссо хмурится, не понимает, куда я клоню.

– Делись тем, чем сможешь, а если душа не лежит и это никак не повлияет на наши отношения, можешь не говорить, не предупреждать, не отчитываться. В твоём шкафу скелетов гораздо больше. Тебе будет труднее. К тому же я тебе доверяю. Ты никогда меня не предашь. Ведь если ты меня предашь, то потеряешь, а я знаю, что тебе стоило оказаться со мной здесь и сейчас.

Аристарх

Верона разбивает в пух и прах любую мою броню, любой наезд и аргумент. Не знаю почему, но оставшись с ней наедине в номере, я вдруг обозлился и начал нести всякую чушь. Обрисовал ее дальнейшую свободу в таких красках, что ей осталось только пуститься бегом до Тверского ЗАГСа и аннулировать наш брак. Я принимаю решения, к которым сам внутренне не готов и Верона это чувствует. Она мне это четко показала. Ее слова о доверии укололи в самое сердце. Я выставил себя тираном перед хрупким и нежным созданием готовым дарить мне любовь и от этого ощущал себя самым настоящим дерьмом. Она доверяет мне... *мне!* Человеку, который и понятие не имеет о верности и преданности женщине.

Закрываю глаза и подавляю рвущийся наружу стон. Проклятье! Она читает меня так же легко, как и я ее. Как все быстро у нас с ней завертелось! Лили впервые осталась у меня ночевать через год после знакомства. Тогда мы с Игнатом жили на съемной квартире. До этого мы с ней просто встречались. После свиданий, которые всегда заканчивалось кувырканием в моей спальне, я всегда отвозил ее домой. Это было нашим ритуалом.

С Вероной я встретился тридцать первого августа, а сейчас ноябрь. Уф! Быстро! Все очень быстро! Но я не ощущаю с ней никакого напряжения. Она будто всегда была рядом. Никогда такого прежде не чувствовал. Наверное, это и есть родственная душа...

Пока она раздевалась, я пожирал ее глазами. Каждое ее движение пропитано нежностью и эротизмом. Смотрю и не верю, что Верона теперь моя жена! *Моя жена!* Эти слова назойливо звучали в голове, будто я никак не мог их осознать и раз за разом повторял, чтобы вбить в свою дурью башку как заклинание. В своей любви к Вероне я не сомневался. Но буду ли я ей верен? На этот вопрос ответа не было и это меня пугало. Я хочу сделать ее счастливой. Но о каком счастье может идти речь, если я рано или поздно поведу на чьи-то буфера и разобью ей сердце? Черт! Нужно было раньше об этом думать!

Верона видит мои сомнения и замешательство, отпечатавшиеся на лице как трафарет. Я прячу глаза, еще бы, стыдник! Проклятье! Я ее не достоин! Она делает робкий шаг мне навстречу, потом другой. Ее нежные руки, еле касаясь, скользят по моей груди, спускаются к бедрам и ложатся на ягодицы. Я с шумом выдохнул. Она поднимается на цыпочки и целует меня в губы.

– Все будет хорошо, – шепчет она мне на ухо. – Если тебе нужно, чтобы я отчитывалась – я буду. Расслабься и подари нам удовольствие.

Проклятье! Сердце сейчас выпрыгнет из груди!

– Как ты хочешь, детка? – мой голос предательски дрожит, я прочищаю горло. – Сегодня твоя ночь – твои правила.

Она прикрывает глаза и закусывает губу.

– Хочу как на Сицилии, сначала нежно, а потом... потом пусть придет Пиночет.

Я киваю. Такой план по мне.

Сдвигаю кресла и диван к стене, освобождая место перед камином. Подхожу к кровати и рывком срываю покрывало. На пол летит вся романтическая блабуда, будь она неладна. Наверное, именно она вызвала во мне приступ гнева. В цветах замечаю белые лилии, ненавижу их запах, меня выворачивает на изнанку. Открываю дверь балкона и бросаю гирлянду на плиточный пол.

Переносу матрас в гостиную и бросаю его перед камином. Верона стелет простынь, и мы плюхаемся на спины. Оба уставились в потолок и замолчали.

– Ты все еще в шоке? Да? – спрашивает Верона.

– А ты?

– М-м-м.

Я так и не понял, это «да» или «нет»...

– О чем ты думал, когда я раздевалась?

У меня пересохло во рту. Она меня раскусила.

– О чем можно думать, когда ты раздеваешься? – усмехнулся я, пытаюсь увести тему.

Она повернула ко мне голову и сжала мою руку.

– Так и было, пока в твоей воспаленной от переутомления голове не промелькнула мысль, которая испугала тебя и огорошила.

Я тяжело вздохнул, повернулся к ней и стал перебирать пряди ее волос, затем пальцы нежно заскользили по лицу и шее. Она закрыла глаза и застонала. Конечно, я мог продолжить и добраться до ее груди, вопрос канул бы в небытие. Но на свое удивление я сказал правду:

– Думал о том, как сделать тебя счастливой. О том, смогу ли я быть хорошим мужем. Смогу ли быть верным... это самое сложное для меня.

– Понимаю, такая мысль кого угодно охладит, – она открыла глаза и улыбнулась. – У тебя был кто-то кроме меня после Владивостока?

Я замер. Значит, вот как она провела черту. Ее интересовал только тот период, с которого началось наше тесное общение.

– Нет, – быстро ответил я.

– А когда был последний раз?

Черт! Зачем ей это?

– За день до знакомства с тобой, – она перевернулась на бок и удивленно уставилась на меня своими бездонными глазищами. Я видел, как отражались всполохи огня в стекловидном теле ее глаз. – И еще... в середине сентября приехал из Ростова, где вымотался как черт и зажал какую-то телку в клубе. От чего чуть не блеванул. После этого никого. Только ты...

Я рассказал ей, как сто раз порывался приехать в общежитие, чтобы поговорить с ней. Как сворачивал с полпути, а если добирался, то пялился в пустое окно. Каким было для меня облегчением заметить мельком ее силуэт или наблюдать, как она рисует, сидя на подоконнике. Рассказал, как боролся с собой, как не чувствовал вкуса еды и терял интерес к жизни. Как мучился от того, что не было ее номера мобилы. Черт! Я даже рассказал ей про рыжую чертовку, что подвернулась мне во Владике. Что я чувствовал, когда подумал, что сорвался и какое потом испытал облегчение от ее признания.

В тот момент я впервые был с кем-то так откровенен. Говорил без напряжения. Не утаил ни одной важной детали. Верона слушала молча, просто одобряюще поглаживала мои руки и грудь, а когда я закончил, спросила:

– Разве ты не чувствуешь что изменился? Это же очевидно. Так чего ты испугался?

– Чего я испугался? – я приподнялся на локтях. – Верона! Я на собственной свадьбе пялился на сиськи виолончелистки!

Она повернула к себе мою голову, наши глаза встретились.

– Аристарх, ты же не слепой. Конечно, ты будешь заглядываться на смазливых девчонок и шикарных женщин. Все мужчины это делают, женаты они или нет. Я тоже смотрю на красивых мужчин, но это ничего не значит.

– Ты думаешь, таким признанием ты меня успокоила? Верона! – я одернул ее руку. – Не заводи меня! На кого это ты пялилась?! А?!

От моего крика она вздрогнула, но потом улыбнулась и потянула к себе.

– На кого бы я ни смотрела, ты мой единственный. Самый умный. Самый красивый и самый сексуальный. Я люблю тебя. Остальное не имеет значения. Я всегда буду только твоей.

Она мне это уже говорила, но звучало это как-то шаблонно.

– Если что-то во мне изменится, ты узнаешь об этом первым, причем задолго до того, как я перейду от фантазий к реальным действиям.

Вот это то, что мне было нужно!

– Обещаешь?

– Мамой клянусь, – ответила она на блатной манер, который никак не вязался с ее нежным обликом и я расхохотался во весь голос.

– Я люблю тебя, малышка.

– И ты опять ловко перевел тему с себя на меня, – она тянет меня за нос, – а еще меня называешь хитрюгой!

– Я такой!

Все пошло не по плану. Вроде начали, как и договаривались с нежности, но с каждым прикосновением Верона становилась все жестче и смелее. Ее пальцы впились в мои волосы с такой силой, что я взвыл во весь голос. Она кусала мои губы, царапала спину и руки. Завела меня так, что я зарычал и начал отвечать ей взаимностью. Когда мои зубы впились в ее плечо, она гневно прокричала мое имя и выгнулась назад. Думал, влепит сейчас пощечину или оттолкнет и уже приготовился оправдываться, мол, сама меня завела, но она снова впилась мне в шею, и поставила очередной засос.

Ее дыхание было тяжелым и сиплым, в глазах полыхал огонь. Она направила Сэма в свое лоно и оседлала меня. Я схватил ее за бедра и прижал к себе так сильно, что Сэм вошел на полную глубину. Думал, у Вероны глаза сейчас вылезут из орбит. Но уже через мгновение, ее бедра взлетели и снова рухнули вниз. Она набрала темп и задвигалась так быстро, что мне пришлось ее немного осадить.

– Эй, эй, малышка, если ты будешь так частить, я быстро кончу и вырублюсь после двух бессонных ночей.

Она улыбнулась и обозвала меня слабаком. Охренеть! Конечно, от такого мне крышу снесло!

Когда бы мы с Вероной не занимались сексом, я подсознательно боялся причинить ей боль. Она такая хрупкая, как тростинка. Я опасался, что своей долбешкой могу ей что-нибудь сломать или вывихнуть. Но все это были цветочки по сравнению с тем, что произошло в нашу первую законную ночь. Я буквально озверел и провалился в бездну страсти. Отпустил вожжи самоконтроля и меня понесло. Вроде только что видел ее лицо над собой, потом провал и мой собственный дикий крик вернул меня к реальности и разорвал предрассветную тишину.

Открыл глаза и ужаснулся. Стою на четвереньках. Верона лежит на спине. Мои руки сжимают ее лодыжки. Ноги Вероны согнуты в коленях и припечатаны к груди. Сэм зажат в ее лоне так сильно, что боль пульсирует в паху. Верону накрывает волна тех самых спазмов, что были в ночь на Сицилии. Мне показалось, что сегодня они даже сильнее. Я чуть не задохнулся. Хватал ртом воздух как рыба. Бешеное биение сердца перекрывало все звуки. Думал, сдохну прямо на ней.

Когда ее отпустило, я резко вышел, вызвав у нее вскрик, и отполз к дивану. Лицо Вероны было пунцово красным. Тело все покусано и в засосах. Она опустила ноги и застонала.

– Детка, ты кончила?

Она смотрит на меня в недоумении.

– А ты что не слышал? Я же кричала на всю Швейцарию. Кажется, нас сейчас выселят из номера.

Я мотаю головой. Вид как у дурика после транквилизатора. Голова не соображает. Дыхалка сбита.

– Верона! Что ты делаешь со мной? Я уже второй раз слетаю с катушек, и меня уносит черт знает куда.

– А мне нравится, ты становишься таким одержимым и ненасытным, что аж дух захватывает.

– Не помню, как оказался сверху...

– Я сама мало что помню... – она смотрит на меня таким взглядом, что я забываю свое имя, а заодно и ее тоже.

Мы все еще тяжело дышим. Я подползаю к ней ближе и начинаю осматривать ее тело.

– Господи, что я с тобой сделал?!

– Только то, что я просила, – смеется Верона и прижимает мою ладонь к своей щеке. – К тому же ты выглядишь так же красочно, как и я.

Я принес подушки и одеяло из спальни. Лег на спину, притянул к себе жену и закопался в ее волосах. Когда наше дыхание восстановилось, Верона уснула. А я пытался осмыслить произошедшее. Эти провалы меня пугали, а что если я в этом состоянии сделаю что-то непоправимое...

Насколько красочно выглядит мое тело, я понял только днем, войдя в ванную. Твою ж мать! Я будто всю ночь оборонялся от стаи бешеных собак. Вот это темперамент у моей малышки! Хорошо, что такое бывает не каждый день, иначе меня бы уже поместили в психушку.

Тело ныло как после интенсивной трехчасовой тренировки. Стоя под душем, я размышлял о предстоящих делах. Дверь кабинки открылась и ко мне вошла моя ненаглядная. Весь ее облик лучился любовью и нежностью. Она поцеловала татуировку с ее именем, осторожно погладила кубики на прессе и внутреннюю часть ног. А вот я, увидев то, что она со мной сотворила, нежностью не отличался. Для нее настал час расплаты и уже любые мои прикосновения вызывали у нее вздрагивания. Я понял, что с сексом нужно повременить. Просто вымыл ее, обмотал полотенцем и шлепнул по попе. Она вскрикнула, еще бы, там ведь самые яркие отметины от моих зубов.

– В шкафу для нас должна быть сменная одежда, – я подмигнул ей. – Приводи себя в порядок. Пообедаем на террасе и поедем в Цюрих.

Вера

Эту поездку я не забуду до конца жизни. С первых минут пребывания в Швейцарии началось какое-то безумие и остановить мы его смогли, только по возвращении в Москву. Не припомню, чтобы меня охватывала такая страсть. Словно в самолете нам в еду подмешали афродизиак, и его действие началось, как только мы переступили порог номера в отеле. Мы так завелись, что уже не контролировали себя. После чего казалось бы, должен наступить полный хаос, но нет, наши тела, словно слившись в один организм, действовали в унисон.

Руссо это безумно пугает, ведь его многозадачный мозг исключен из игры, а ему нужно все контролировать. Как только по его телу пробежала волна оргазма, он очнулся из забытья и уставился на меня, будто видит впервые. Осознав, что это произошло с ним снова, он в ужасе отполз к дивану и долго приходил в себя. Мне хотелось его успокоить, найти нужные слова, но по его виду я поняла, что лучше дать ему время и не делать акцент на произошедшем.

В шкафу я обнаружила несколько комплектов одежды и хотела уже надеть классического покроя шорты и кофту с запахом, но из ванной комнаты вышел Руссо, ткнул на черный женский брючный костюм от «Виктории Бэкхем» и туфли-лодочки. Вот так! Теперь я уже не имею права выбора даже собственной одежды. Не скрою, я даже насупилась, но ненадолго. Поразмыслив, я пришла к выводу, что черный костюм не только стройнил и вытягивал силуэт, но и больше подходил к деловым встречам, ведь, по словам Руссо, у него расписан весь день.

После изумительного обеда, который прошел на открытой веранде с потрясающим видом на долину мы отправились в Цюрих. Увидев как подогнали «Лексус» спортивное купе темно бордового цвета я усмехнулась и назвала мужа пижоном. Ни минуты не сомневалась что это наша арендованная машина. Из второй совместной поездки я сделала вывод, что Руссо в России предпочитает не афишировать свой достаток, дабы не привлекать к себе лишнее внимание. В зарубежных поездках напротив, отрывается по полной и ни в чем себе не отказывает.

Первый шок я испытала, когда мы приехали в один их банков Цюриха. Эту поездку Руссо держал в секрете даже от Влада и Адель. Когда супруги позвонили уточнить время начала празднования – они все еще не теряли надежды видеть нас на юбилее, – он снова вежливо отказался и сказал, что мы сейчас путешествуем по стране и попутно решаем его деловые вопросы, но в назначенный час непременно будем в аэропорту.

Мне не понятна была ситуация с этой парой, в самолете я должна была подружиться с Адель, теперь же, когда мы получили приглашение на мероприятие, он отказывается. Поэтому я устроила мужу в машине допрос.

– Детка, запомни раз и навсегда незыблемое правило бизнеса: деньги любят учет и тишину. Ты всегда должна знать, куда и на что потратила свой заработок. Анализировать и искать пути сокращения расходов. Без фанатизма, но со здоровым прагматизмом. Никогда не говори никому, сколько у тебя денег и не давай повода думать, что у тебя их много. Вообще эту тему не поднимай. Общие фразы и переводы разговор. Я выбрал тебя в жены еще и потому, что знаю, что с тобой у меня этих проблем не будет. Ты скромна и экономна, – он поцеловал мою руку и снова перевел взгляд на дорогу. – Отца Пробирки с Голубой Кровью я

однажды видел. Пафосник и выпендрила. Ненавижу таких. Влад мне нравится, но в Европе он играет по правилам семейки жены, а мне-то это зачем?

– Адель недвусмысленно намекнула, что ты мог бы там приобрести новых партнеров, – напомнила я ему разговор в самолете.

– Чушь! На меня эти снобы смотрят как царствующая династия на бастарда, а когда узнают ближе, меняют мнение, иногда даже впускают в бизнес, но все равно держаться настороже.

Затем я получила советы, как вести себя с партнерами и правильно выстроить с ними отношения, что приемлемо, а что нет. Видимо, Руссо помнил о предложении Санчеса и Михея и приводил примеры из индустрии моды. К этому дню я уже привыкла, что Руссо меня постоянно удивляет, но все же не смогла сдержать своей реакции. Я смотрела на мужа с таким обожанием и восторгом, что он впервые за время нашего знакомства засмутился. Он моя вселенная! Именно так я ощущаю его как личность. Что-то мощное, необъятное, непредсказуемое, не имеющее четких границ.

Мы припарковались рядом с трехэтажным зданием банка. Руссо вынул из багажника кожаную сумку, с которой не спускал глаз с момента взлета самолета. Взял меня под локоть, что было впервые, обычно он просто тащил меня за собой, не спрашивая, поспеваю ли я за ним или нет. Интерьер банка изобилует мрамором, хрустальными люстрами и гипсовой лепниной. Нас провели в переговорную комнату, где в центре огромного стола сидели двое мужчин и одна женщина. При виде Руссо они расплылись в отточенной дежурной улыбке.

Беседа шла на английском языке и пестрела финансовыми терминами, из того что успел отформатировать мой мозг, я поняла, Руссо спрашивал о каких-то акциях и намеревался пополнить свой счет. Он положил дорожную сумку на стол и расстегнул молнию, она была набита пачками евро. Я мысленно ахнула, хорошо, что не вслух. Руссо продолжает преподносить сюрпризы и у меня такое ощущение, что это никогда не кончится.

Перед глазами стоял туман. Наверное, я так побледнела, что Руссо схватил меня за руку и спросил:

– Детка, ты в порядке.

– Да, – кивнула я, но мой вид красноречиво говорил об обратном.

А что мне было отвечать? Что меня пугает твоя скрытность? Но я знала, что он такой и никогда не изменится. В данный момент я была уже его законной женой, как говорится, что сделано, то свято, назад не воротишь.

Женщина сразу подключила кучу всякого оборудования и начала пересчитывать и сканировать наличные. Руссо протянул мой загранпаспорт и наше свидетельство о браке, вернее ее заверенную копию с переводом на английский язык – не пойму когда он успел это сделать – и представил меня банкирам. Те еще раз склонили головы в приветствии и, взглянув мельком на документы, внимательно слушали моего мужа. Он попросил открыть на мое имя дочерний счет и выдать банковскую карту с лимитированным остатком, который должен пополняться по мере списания средств, т.е. у меня на счету всегда должна быть эта сумма. Сама сумма меня просто вышибла из колеи – пятьдесят тысяч евро! Озвучив ее, Руссо сжал мою руку и с улыбкой добавил:

– На шопинг. Тебе же хватит?

Я нахмурилась, мою реакцию он истолковал по-своему.

– Если не хватит, позвонишь в банк, и они пополнят счет.

Я выпала в осадок! Кроме как хлопать ресницами у меня ничего не получилось. Как говорит Руссо: «Мозгульки в классики играли».

– Ты бледная! Тебя не тошнит?

Да что там тошнит, я сейчас в обморок грохнусь!

Но это только было начало, самое сильное потрясение меня ждало позже, когда мы ужинали с брокером в одном из лучших ресторанов Цюриха. Заказанные блюда были потрясающими, но долго наслаждаться мне не пришлось. Началось обсуждение дел, а к слову сказать, брокер был тот самый Артур, с которым Руссо говорил по телефону в день приезда моей мамы. Артур был армянином. Родился в Москве, получил образование в Англии, а после осел в Швейцарии. Вот такая заковыристая география.

Из разговора я поняла, что Руссо хочет продать акции одной компании и купить другой. Пока согласовывали цену и лучший момент для сделки, я наслаждалась рекомендованными Артуром блюдами и бесцельно скользила взглядом по respectable публице. Словом, была расслаблена и довольна происходящим. В моей новой дизайнерской сумочке покоилась банковская карта

с лимитом в пятьдесят тысяч евро, по мне так сумма баснословная, а София скажет, что это медяки. Руссо и Артур перешли к обсуждению количества акций. Мой пытливый ум, просто так, ради забавы перемножил цену на количество и меня настиг второй шок. Я присутствовала при обсуждении сделки на один миллион восемьсот тысяч долларов!

– Я получил выписку вашего Цюрихского счета. Средств недостаточно, хотя они охотно согласились на поручительство.

– Сегодня я пополнил счет, – ледяным тоном ответил Руссо. – В поручительстве нет нужды.

Артур не придавал значения, но я уловила, какой негатив вызывает у Руссо слово «поручительство».

– О'кей! Тогда жду от вас обновленную выписку и тему закрыли.

Они еще долго что-то обсуждали, но я была уже в прострации. Мне вспомнился наш ночной разговор в клубе. Руссо пытался мне рассказать о своих финансах, но меня заклинило на том, что он решил меня бросить. Все закончилось моей истерикой. Боже, как же мне сейчас было стыдно! Он взрослый состоявшийся мужчина с уникальными мозгами, а я несмышленная курица, которая чуть что сразу слезы льет, а если и думает для разнообразия, то не о том.

В этот момент я осознала, что находясь рядом с Руссо, витаю в облаках и ничему не учусь. На мой взгляд, это было просто преступлением. Я уже не говорю о том, что через его партнеров я вхожу в совершенно другое общество, где нужно соответствовать мужу и быть его опорой. На примере Адель я это поняла. Ее брак основан не на любви, ее там и рядом нет, а на партнерстве. Они доверяют друг другу и это самое главное. Руссо же со мной не имеет возможности довести разговор до конца, не натыкаясь на мои слезы.

Мысли сами полились потоком. Я начала осознавать свои слабые стороны, каких навыков мне недостает и какую информацию мне нужно изучить в ближайшее время. Покончив с ужином, я промокнула рот салфеткой и потянулась к сумочке за телефоном. Составила план действий на ближайшие полгода. Пункт «Вникнуть в каждый вид деятельности Руссо» стоял первым. За ним следовали: «Получить права, в т.ч. международные», «Изучить деловую этику» и «Правила этикета».

– Ты не скучаешь? – шепнул мне Руссо и поцеловал в губы. – К нам скоро присоединится юрист, который будет сопровождать эту сделку, но через час-полтора я освобожусь.

– Нет, я не скучаю, но мне хочется провести время с большей пользой.

– Намереваешься пройтись по магазинам?

Смотрю на первый пункт из списка. Я точно знаю, что один из бизнесов Руссо – часовой бутик. Его партнер Генрих был у нас на свадьбе и в ближайшее время нам предстоит встретиться с ним и его женой за ужином. Мы в Швейцарии и было бы глупо не воспользоваться случаем. Я тру подбородок и морщу нос.

– Нет, я хочу посетить часовой музей, мне нужен русскоговорящий гид. Хочу все узнать о швейцарских часах.

Брови Руссо взлетают вверх.

– О! Я могу вам с этим помочь! – восклицает Артур. – Одна моя знакомая проводит там для русских покупателей экскурсии.

Вернулась я в ресторан через два часа. Настроение было боевое. Впервые я чувствовала, что делаю что-то полезное для своего будущего. Жаль, что подобного ощущения не возникало во время учебы в Академии. Неля, подруга Артура, проведя потрясающую экскурсию, попрощалась со мной перед входом в ресторан. В холле уже стоял Руссо с брокером и еще одним приземистым мужчиной с большим носом. Он напомнил мне ресторанного критика из мультфильма «Рататуй». Они громко смеялись. Я сразу поняла, что Руссо выпил. У него покраснели уши и голос подскочил на октаву. Как же он сядет за руль?

Увидев меня, он махнул рукой, и я ускорила шаг.

– Детка, познакомься, это Натан, мой адвокат.

Я протянула руку и смутилась, когда коротышка ее галантно поцеловал.

– Мадам Романова, приятно познакомиться. Жаль, что вы всего на пару дней, я уже сказал Аристарху, в следующую поездку жду вас к себе на ужин.

– Ох, так меня еще никто не называл, – я густо покраснела.

– Вы же теперь Романова!

– Всего один день, пока не привыкла, – смеюсь я.

Натан переводит взгляд на Руссо и восклицает:

– Она прелестна, Аристарх! Просто прелестна! Пора и мне прощаться с холостой жизнью и ехать в Россию за невестой. Надеюсь, подскажешь, где искать.

– Конечно, – Руссо подмигивает, – непременно еврейку?

– Хватаешь на лету!

Он хлопнул Руссо по руке и закатился задыхающимся смехом. Казалось еще минута, и он замертво упадет. Да уж, жених хоть куда! И ведь найдутся же желающие. Жених-то заморский, из самой Швейцарии. Я представила его в постели с красивой женщиной и сморщилась. Футы-нуты.

Прощавшись, Руссо сгреб меня в охапку и вывел на улицу.

– Ты сядешь за руль? – со страхом спрашиваю я.

– Нет, – усмехается Руссо, – я же не самоубийца.

Мы подходим к машине, я обнаруживаю за рулем мужчину в серой униформе. Опля! Руссо уже успел вызвать водителя.

Пока мы ехали в отель, муж не сводил с меня глаз.

– Что? – смутилась я, и начала поправлять выбившиеся из прически пряди.

– Мадам Романова. Так теперь и буду тебя называть.

Я вспомнила песню про мадам Брошкину и воскликнула:

– Ни за что! Ужас какой! Мне не нравится!

Он притянул меня к себе, и мы долго целовались.

– Как ты себя чувствуешь?

Его пальцы проворно справились с тремя пуговицами на жилете и скользнули к моей груди. Я охнула и запрокинула голову. Почему-то в этот раз меня совершенно не смущало присутствие постороннего. Это рука моего мужа и пошли все к черту.

– Готова к следующему раунду?

Честно говоря, сегодня я бы взяла тайм аут, но мы ведь скоро расстанемся на две недели и я не задумываясь, отвечаю:

– Готова!

– Ненасытная Ходячая Дерзость!

Я улыбаюсь и прикусываю его за подбородок.

– Аристарх?

Почему-то после свадьбы, когда мы находились вдвоем, я уже не могла его называть Руссо.

– М-м-м...

– На этот раз я действительно хочу нежно. Очень нежно.

– Я тоже, детка.

Его губы припадают к моему уху, он начинает нашептывать мне сальности. Ох! Обожаю эти словечки. Он покусывает и посасывает мочку уха. Вторая рука ложиться на мою ногу и медленно движется к бедрам.

– Приедем в отель, займемся сексом. Потом пройдемся по округе. Исследуем гору и долину. Как тебе такая идея?

– Не отвлекайся, милый, продолжай то, что делал. Болтать будешь потом.

Машину заполнил его залиvistый смех. В этот момент я подумала, как же я счастлива, здесь, сейчас, с ним...

Глава вторая

Аристарх

Полет в Москву прошел в почти полном молчании Влада и его аристократической женушки. Они что-то не поделили на юбилее ее папаша, и я еще раз поблагодарил свою чуйку, которая кричала мне, что связываться с этим мероприятием ни за что не стоит. В последнюю ночь мы с Вероной, наконец-то, выспались и весь полет, обнявшись, тихо болтали о будущем. При этом я никак не мог оторваться от ее губ и шеи, постоянно тискал и прижимал ее к себе. Пробирка с Голубой Кровью бросала на нас ненавистные завистливые взгляды. Слава богу, моя жена на них никак не реагировала.

Когда такси остановилось перед коттеджем, я заметил байк Оборотня и напрягся. Что он тут делает? В памяти еще свежа наша стычка в клубе. Тогда я сдержался, не хотел устраивать потасовку на собственной свадьбе, но если этот увалень будет и дальше вести себя так же, врежу по его смазливой мордахе, не задумываясь. Верона выпорхнула из такси и побежала к входной двери, я ее одернул и показал на байк.

– Здесь Оборотень!

– Что? – Верона побледнела.

Черт! Не хватало, чтобы моя жена боялась этого засранца!

– Подожди меня.

Выгрузив чемоданы из такси, я рассчитался с водителем и чертыхнулся.

– Уезжали налегке, возвращаемся с двумя огромными чемоданами.

– Между прочим, большинство вещей – твои, пижон.

– А по попе? За пижона...

Я сверкнул глазами и сделал вид, что замахваюсь, Верона с визгом рванула в коттедж. Сказал же, не ходи без меня! Вот бабы! Ей богу! Свист в голове!

Завернув за угол, вхожу в коттедж и охреневаю! Анна лежит с Оборотнем в обнимку на диване! На нас никакого внимания. Проклятье! Вот уж не ожидал! Верона встала как изваяние и от шока открыла рот. Я прямо слышу весь ее мыслительный процесс.

– Всем привет! – нарочито громко кричу я и подталкиваю Верону к лестнице. – Пойдем, детка. Надо принять душ.

Софию распирает от злости. Здоровается сквозь зубы и плетется за нами, видок, как у старухи Изергиль. Мы поднимаемся на второй этаж. Зайдя в нашу спальню, Верона машет руками перед лицом как веером и верещит:

– Какого черта тут происходит?!

Софа хмыкает и закрывает за мной дверь.

– Пока вас не было тут был дурдом! Мы с Куртом не спали две ночи, – она плюхается на нашу кровать. – Начнем с того, что после свадьбы Анна пропала! Как только вы уехали в аэропорт, она сказала, что у нее от спиртного разболелась голова и упорхнула. Через час мы тоже решили свалить. Приезжаем домой, ее нет. Я звоню, она не отвечает. Включается голосовая почта. Понятное дело, мы на дыбы. Звоним Габриелю, он тоже понятия не имеет где она. Если бы она меня предупредила, что так мол и так, хочу разлечься, я бы ему не звонила. Но она-то молчком уехала. Ночь не спим. Ищем ее. Обзвонили все больницы, морги. Габриель на связи. Утром не выдержал, как метро открылось, сразу к нам. Мы и так не спали, а тут еще он. Ноет и ноет. Курт даже прикрикнул на него, типа не каркай, может у подруг зависла, а телефон сел.

Моя малышка вся скукоживается. Притягиваю Верону к себе и начинаю массировать ее напряженные плечи. Под моими руками она медленно расслабляется.

– В обед Анька заявляется, как ни в чем не бывало с Оборотнем в обнимку, а тут Габриель.

– Ох! – выдает Верона, небось, сцену уже в красках представила.

– Драка, крик, разбитая мебель. Курт их разнимает. Если бы не он, они бы поубивали тут друг друга. В итоге Анька заявляет Габриелю, что она теперь с Оборотнем. Снимает с пальца кольцо и возвращает.

– Твою ж мать! – выпалил я.

Оборотень как всегда в своем репертуаре. От плана не отступает ни на шаг. Но в этот раз он перешел черту. Влез в мой курятник. Анна – подруга Вероны, а значит, под моей опекой.

– Анька тащит Оборотня в свою комнату, и они зависают там до утра. Всю ночь она носила ему как падишаху еду, пиво и десерты. Утром он уехал, а она места себе не находила. Я пыталась с ней поговорить, но она как невменяемая. Твердит о нем, как о божестве, – София кривит лицо и передразнивает Анну: – Он секси! Он супер! Он романтичный, веселый, лихой. Он мечта моей жизни.

– Пыф-ф! – фырчит Верона.

– Он приезжает в обед, Анька крутится вокруг него. Татуировщик сожрал все, что приготовила Верона. Нахваливал, не ожидал, что она такая кулинарка. Анька начала языком трепать, я показываю ей знаком рот закрой, тут что-то не так.

– Ты о чем? – я напрягся.

– Уж слишком настойчиво он про вас расспрашивал. Где познакомились, как время проводите. А Верона у него постоянно на языке: где выросла, в какой институт поступила. Жужжит и жужжит. Достал уже. Я-то его отбрываю, а Анька как заколдованная, ей богу.

Раздается стук в дверь, Анна заглядывает в комнату.

– Пойдемте вниз, Оборотень за пивом сгонял. Расскажите, где были.

Девчонки молчат, я прихожу на помощь. Оборотня я отлично знаю и все его игры для меня не новость.

– Сейчас закончим с делами и спустимся.

– Что-то случилось? У вас лица такие, будто кто-то умер.

– Нет, мы обсуждаем финансовые дела. Скажи Оборотню, сейчас спустимся.

Анна улыбается и закрывает дверь. Это дурочка даже не представляет, во что ввязалась.

– Нельзя его прогнать? – спрашивает меня Верона. – Он жуткий. Не хочу с ним еще и пиво пить.

Софа смотрит на меня в упор.

– Курт сказал, что он твой партнер. Что у вас тату-салон.

Я киваю.

– Ладно, так и быть, я скажу, что он за крендель, только рот на замке, – обвожу девчонок поочередно взглядом, те с готовностью кивают. – Он художник, причем очень одаренный. Ему что граффити, что портрет маслом, что тату – все осилит. Однажды он высыпал сахар на барную стойку и изобразил портрет девчонки, с которой только что замутил.

– Вчера он рисовал Аньку, – вставила София и закатила глаза.

– Познакомились мы в мотоклубе. Я его частенько вытаскивал из передряг, занимал прайсы. Как-то раз он предложил оплатить его учебу в Штатах у какого-то крутого чувака, а потом открыть салон. Стукнули по рукам. Он отучился, вернулся и начал работать. У меня к нему претензий нет. Не скажу, что дело супер прибыльное, но если надо сделать тату, наша братва идет к нему. За два года салон разросся. Он взял учеников. Дело идет. Но...

Девчонки не сводят с меня глаз.

– Есть у него один пунктик – роман на три дня.

– Ох, – Верона прикрывает рот рукой.

– Надо признать он знаток женской психологии, умеет подкатить к любой. Чиксы из клуба с ним не якшаются, давно раскусили. Поэтому он себе добычу цепляет на вольных хлебах. Находит жертву, обхаживает ее. Уж не знаю, что он им там говорит и делает, но чердак у телок сносит. Я видел это не один раз – взгляд у всех одинаковый, вот как у Анны сейчас. Пока он с ними, они в

недостигаемости ни для кого. Через три дня он исчезает, как тени в полдень. Поэтому его и прозвали Оборотень.

– Какой ужас! – Верона плюхается на кровать и хватается за голову.

– А что будет, если Анька ему позвонит через три дня? – Софа вскакивает и упирает руки в бока.

– Он будет с ней обращаться как с пустым местом. Унижать, если не поймет сразу, а потом обматерит и прогонит.

– Анька вляпалась по полной!

– Неужели мы ничего не можем сделать? – в глазах Вероны страх.

– Пока он с ней – нет, – я нюхаю свой свитер. – Ладно, Погремушки, я в душ. А вы успокойтесь. Сейчас не наша партия. Сейчас солирует Оборотень. Ваша задача затащить ее в четверг в самолет, – смотрю на Софию. – Ты готова?

– Да я-то готова, – отмахивается София, – а вот Анька...

Вера

– Расслабься, детка. При мне он борзеть не будет, – шепчет мне Руссо, когда мы спускаемся по лестнице. – Старайся одна с ним в комнате не оставаться.

Вот успокоил! Я и так на нервах. Меня от этого Оборотня прямо трясет. Не зря я дала ему кличку Исчадие Ада.

Заходим на кухню. Анна достает пивные кружки. Оборотень здоровается за руку с Руссо. Спрашивает, не посрамил ли он мужскую честь, выполнил ли супружеский долг, а когда я сворачиваю к холодильнику, преграждает мне путь.

– Что это? – он тянется к моей шее, я отмахиваюсь, но он тут же тянет другую руку и нежно гладит. Еле касаясь, проводит по ключице. Слишком нежно! – Засосы? Вы что школьники?

Он раздражается диким смехом, открывает бутылку пива, протягивает ее Руссо, открывает вторую и делает большой глоток.

– Руссо, ты мужлан! Она же хрупкая как Дюймовочка. С ней надо нежно.

– Неплохое пиво, – Руссо вытирает пену со рта. – Где надыбал?

Руссо уводит разговор на другую тему, а меня всю трясет. Со мной оказывается надо нежно. Не так уж хорошо он разбирается в женской психологии.

– Один клиент-толстосум заценил новую татуху и притащил в салон два ящика. Немецкое. Мне понравилось.

Спрашивать Руссо, голодный ли он, напрасная трата времени, он всегда голодный. Поэтому после осмотра холодильника, в котором было шаром покати, я встаю у плиты и колдую над теми продуктами что нашла в шкафах. Да, Софа не преувеличила, Оборотень уплел все. Если бы я знала, кто будет главным поглотителем пищи, то ни за что бы ни тратила свое время.

Я разморозила и обмазала соусом две курицы, нашпиговала чесноком и специями. Отправила в духовку, включила таймер и принялась за гарнир. Куда я ни пошла, чтобы ни делала, глаза Оборотня пристально за мной следят. На Анну он даже не смотрит и похоже ее это уже начало волновать. После рассказа Руссо, я понимаю, что в ближайшие часы в коттедже разразится катастрофа. Если мы вмешаемся сейчас, а Оборотень собирается ее бросить, Анна скажет, что это мы его вынудили, поэтому я решаю сделать вид, что ничего не происходит.

Анна предлагает свою помощь, я прошу сделать салат. Она посматривает на Исчадие Ада, но тот либо говорит с Руссо, либо смотрит на меня.

– Оборотень сделал мне вчера татушку, – говорит мне Анна и спускает футболку с плеча. Это одуванчик. С пушистого шара летят «парашютики» и превращаются в птиц. Надо признать тату красивая, изящная и нежная. – Тебе нравится?

– Очень. А почему одуванчик?

– Так меня называет Оборотень.

– Вот как? – я украдкой бросаю на него взгляд, но так как моя персона у него под пристальным вниманием, скрытый маневр не удался, я разоблачена.

Он подмигивает мне и улыбается так, словно мы давнишние друзья.

– А еще я сделала интимный пирсинг, – шепчет мне подруга. – На клиторе.

– Боже мой! Анна! – я краснею. – Зачем такие подробности? Достаточно было сказать интимный.

Софа закатывает глаза, видимо, с ней Анна уже поделилась этой «потрясающей» новостью.

– Чтобы добить тебя окончательно, скажу еще одну новость: я вставила клыки! – смеется Анна.

Руссо замирает, смотрит на мою реакцию. Я понимаю, что он не хочет, чтобы я ее осуждала, но сделать это невероятно трудно. Слава богу, Софа приходит на помощь.

– Интересно, что на это скажут твои преподаватели.

– Они съемные, – хохочет Анна, демонстрирует клыки, вид беззаботный.

Надо признать честно, такой счастливой я ее никогда не видела.

– Клыки мне не нравятся, – осторожно говорю я. – Мне кажется, это не твое. А с тату так вообще в разных темах. Но мне нравится, что ты вся светишься и что это доставило тебе огромное удовольствие.

Опять Анна живет не своей жизнью. Сначала она подстраивалась под Габриеля и стала готом, теперь окунулась в вампирскую тему. Когда же она задумается над тем, а что ей нужно самой?

– О-о! Еще какое удовольствие! – Анна жметя к Оборотню.

Его рука ложится на ее шею. Он припадает к уху и что-то ей шептывает. Ох, как это похоже на Руссо. Интересно, кто у кого перенял эту привычку? Оборотень поднимает на меня свои красные глаза и пригвозждает взглядом. Его магнетический взгляд вводит меня в ступор, я как под гипнозом. Меня будто лишили всякой воли. Руссо тут же встает между нами и выводит меня из транса. Я встряхиваю головой и припадаю к его груди.

– Пожалуйста, – говорю я ему одними губами. Он кивает.

– Бро, помоги мне в гараже, – говорит Руссо и прихватывает пару бутылок пива. – Ворота заклинивают, давно хотел подправить, да все руки не доходили.

Как только мужчины покинули дом, подруги облепили меня со всех сторон и завалили вопросами. Я рассказала им все кроме посещения банка и суммы брокерской сделки.

Когда ужин был готов приехал Саня. Как говорит мой брат Леха, у Сани будто барометр в попе – всегда приходит к обеду. После крепких объятий и короткого обмена новостями, все рассаживаются за стол. На этот раз Оборотень ухаживает за Анной и на меня почти не смотрит. То ли Руссо ему что-то сказал, то ли он сам почувствовал, что перегибает палку. Впервые за столом было весело. Три счастливые пары. Жаль, что уже завтра Анна будет плакать.

Мы вспоминали регистрацию в Загсе, банкет, наши с Руссо тосты. Анна рассказывает Обратню про виолончелистку с пятым размером груди, что гордо восседала во главе квинтета. Руссо показывает видео с регистрации, оказывается, нас снимали, но я была в таком шоке, что даже не помню оператора.

– Детка, у тебя лучше, – шепчет мне Руссо и целует в шею. – Ты мой огонь. Жду не дождусь, когда ты снова меня опалишь.

Ох! От таких слов я млею и смотрю на него замороженным взглядом.

После непродолжительного спора с Галиной Сергеевной по телефону мне не хотелось накалять атмосферу ни с ней, ни с мамой, они обе настоятельно не советовали бросать институт, поэтому я решила пока подать заявление в деканат о двухнедельном отпуске по семейным обстоятельствам. Новоиспеченная свекровь поведала мне, что в ближайшее время мне предстоит смена всех документов на новую фамилию. На протяжении всего телефонного разговора Руссо не сводил с меня взгляда и улавливал как радар малейшие колебания моего настроения. Под таким давлением думать я не могла, тем более после прошлой ночи, когда Руссо устроил новый марафон под названием «Секс молодых людей перед разлукой». Поэтому я воздержалась от комментариев, просто кивала и поддакивала.

Во вторник утром Руссо сам подвез меня к Академии на такси. Его телефон к тому моменту перегрелся от звонков, но он отключил звук и мы еще раз обсудили мою готовность учиться в Миланской школе фэшн-дизайна. Оказывается, Руссо уже звонил в школу и записал меня в группу. Учеба начиналась в середине февраля. Мы решили, что до этого момента я буду заниматься живописью и подготовкой к собеседованию в школе, которое, по его словам, было приравнено к вступительному экзамену. Претендент на обучение должен представить свои эскизы, наброски коллекций, т.е. показать, что у него есть к этому талант и тяга.

– Тогда зачем мне писать заявление на двухнедельных пропуск занятий? – вслух рассуждала я.

Руссо пожал плечами.

– Ты мне скажи. Я был удивлен, что ты так рьяно поддакивала матери. Снять бронь в школе проще простого, я еще не внес оплату, так что определяйся скорее. Если мода, то тебе уже сейчас нужно садиться за подготовку к школе. А если банковское дело, то ты можешь оставить моду как хобби и заниматься этим в свободное время, для себя, семьи и друзей.

Я поджала губы и задумалась. Что мне делать? С одной стороны не хочется тратить несколько лет своей жизни на то, чем я не хочу заниматься, с другой, а вдруг у меня ничего не получится в моде? Вдруг я переоцениваю свои возможности, а на самом деле я бездарная и завалю даже собеседование. Смотрю на мужа. Его решительный вид всегда стабилизирует мое вечно где-то летающее сознание. Руссо никогда не теряет время зря, каждое решение принимает быстро, взвешенно. Но он тоже осторожен. Во всем! Даже тогда, когда со стороны кажется, что он прет как таран и ни о чем не думает. На самом деле, это не так, он уже принял решение после длительного размышления, поэтому и прет.

– На какие курсы ты меня записал? Там есть годовые и полугодовые.

– Детка, год без тебя я не выдержу, – насторожено, но почти угрожающе произносит Руссо и тут же отводит взгляд на экран телефона.

По этому жесту я понимаю, что он уже опаздывает и выхожу из машины. Он вопросительно смотрит на меня, как бы подталкивая к принятию решения.

– Оплачивай полугодовые курсы, – выдаю я и тут же добавляю: – Но институт я пока не брошу. Сначала нужно поступить в школу и отучиться хотя бы месяц. Вдруг я переоцениваю свои возможности.

Руссо кивает, но недовольно кривиться. Ему не нравятся мои сомнения. Я уже слышу, как он мысленно кричит, что с таким настроением лучше вообще ничего не начинать.

О том, что я вышла замуж за сына декана не знали только дворники. Это я поняла, как только вошла в вестибюль. Завистливые и косые взгляды, фырканья, шушуканья за спиной – я получила полный набор!

– Вот она! Та самая...

На меня смотрели как на ведьму, что колдовскими заговорами приворожила наивного несмышленного парня и заставила на себе жениться. Сложилось такое впечатление, что я перебежала дорогу всей женской части

студентов, хотя точно знаю, что Руссо Академию даже редкими посещениями не жаловал. Как он сам говорит, у нас все произошло так быстро, что не каждый это переварит, господа, да мы сами до сих пор еще не свыклись с этой мыслью.

Я хотела проведать группу, но после такого «теплого» приема решила сразу идти в деканат. Надеюсь, что сейчас смогу все объяснить Галине Сергеевне и, возможно, она даст мне совет, как поступить в данных обстоятельствах с учебой в институте. Мысленно настроившись на подробное изложение своей точки зрения, я шагнула в приемную деканата, которая на мое удивление оказалась пустой. Секретарей не было, я постучала и быстро нырнула в кабинет.

Ох! Лучше бы я дождалась разрешения! От увиденного у меня перехватило дыхание, а сердце застучало так, будто я прыгнула без парашюта с высоты тысячи метров и уже мысленно прощалась с жизнью.

Галина Сергеевна оказалась в кабинете не одна и занималась совсем не рабочими вопросами. Я увидела мужчину в черных брюках и белой рубашке с закатанными по локоть рукавами. Он что-то втолковывал ей вполголоса, а она смотрела на него обожающим взглядом. Мужчина обладал стройным натренированным телом и приятным с хрипотцой голосом. Если бы я не знала, что Руссо только что отъехал от Академии, то вполне могла предположить, что это он сейчас обнимал и успокаивал мать. Но седина на висках и руки, что сжимали лицо свекрови, красноречиво говорили, что мужчине не меньше пятидесяти лет.

Заметив меня, Галина Сергеевна вздрогнула, оттолкнула от себя мужчину и одернула юбку.

– Вера! – почти истеричным голосом провозгласила она и двинулась в мою сторону, явно намереваясь вывести меня из кабинета. – Не ожидала, что ты сегодня приедешь. А где Аристарх?

– Он уехал по делам.

– Приедет за тобой?

– Нет, я поеду в коттедж с Софией.

Услышав ее нервное щебетание, мужчина резко повернулся и впялил в меня изучающий взгляд. Я тоже постаралась рассмотреть таинственного посетителя, из-за которого мать Руссо вела себя совершенно неподобающе и даже

не пыталась все объяснить. Я поздоровалась с незнакомцем. Он ответил кивком и, сделав пару шагов в нашу сторону, оказался в освещенной части кабинета. Один взгляд и меня поразило как молнией. На меня смотрели зелено-изумрудные глаза Руссо!

– Аля, – тихо позвал он, как бы напоминая о своем присутствии. А когда свекровь не отреагировала, потер лицо руками. Прямо как Руссо! – К сожалению этого уже не избежать.

Я стояла как вкопанная и тарасилась на двойника Руссо с разницей в возрасте в двадцать пять лет. Он явно о чем-то сожалел, был взволнован и растерян. Но настрой такой же решительный как у моего мужа, всем своим видом он показывал, что отступить не собирается. Он уже открыл рот и вобрал в легкие воздух, намереваясь что-то мне сказать, но Галина Сергеевна зыркнула на него испепеляющим взглядом.

– Оставайся здесь, Яша, – приказала свекровь и, вцепившись в мою руку, потащила меня в приемную.

– Я хотела поговорить с вами о дальнейшей учебе, – неуверенно залепетала я в приемной, пытаюсь собраться с мыслями, но у меня это плохо получалось.

Мужчина остался в кабинете, от чего Галина Сергеевна вздохнула с облегчением и тоже старалась выстроить наш диалог.

– Я все понимаю, Вера, Аристарх мне объяснил. У него неприятности и он хочет, чтобы ты была в безопасности. Как прилетишь в Верону, напиши мне, чтобы мы с Платоном Ивановичем тоже знали, где ты и все ли у тебя в порядке.

Она стояла прямо передо мной, теперь я разглядела детали, которые ранее остались незамеченными. Остатки губной помады размазаны по подбородку. Щеки и уши пунцового оттенка. На запястьях красные следы от пальцев. Верхняя пуговица на блузке оторвана. Что происходило в кабинете, когда я вошла? Что я видела? Он пытался ею овладеть? Я не заметила, чтобы она сопротивлялась. Я явно застала их за прелюдией и странно то, что обычно чопорная, не улыбкавая Галина Сергеевна распалилась и искрилась от прикосновений этого Яши. Ее даже не смущало, что все это происходило в ее кабинете в рабочее время. С ума сойти!

– Я хотела поговорить не об этом, но вижу, вы заняты... поговорим в другой раз, может после моего возвращения...

– Конечно, передавай привет маме. Скажи, что мы всегда ждем ее в гости.

Попрощавшись, я вышла из приемной и прижалась спиной к двери. В голове крутился только один вопрос: говорить мне об этом инциденте Руссо или нет? Но чем я дольше думала, тем больше на меня наваливались сомнения. А что если это только мои домыслы?

Мои размышления были прерваны перебранкой за дверью. Голоса Галины Сергеевны и ее гостя были слышны даже в пустынном коридоре.

– Аля, если не я, так его жена скажет. Ты видела, как она на меня смотрела? Она уже сложила дважды два и поняла кто я!

– Не выдумывай! Не все такие параноики как ты! Ничего она не скажет. Да и что ей говорить?

В конце коридора показались смеющиеся и что-то живо обсуждающие секретари нашего деканата, и я была вынуждена уйти от двери. Но как же мне хотелось остаться и дослушать спор!

Вечером я все же рассказала Руссо о необычной ситуации. Сказала это как бы вскользь, чтобы не заострять внимание на внешнем сходстве. Руссо был сосредоточен на своих делах и слушал вполуха. Муж рассказал мне об инциденте во время нашей свадьбы. Я помню, что после разговора на стоянке Галина Сергеевна была сама не своя. Она плакала, а Платон Иванович даже не подошел к ней и выглядел очень расстроенным. Больше Руссо в тот день на эту тему не говорил, но по его лицу я поняла, что он намерен потребовать разъяснения у матери и, скорее всего, сделает это сразу после моего отъезда.

Аристарх

В среду за день до вылета Вероны я был на ногах с самого утра. Короткий отпуск закончен и пора приступать к делам. Курт одолжил мне свой байк, хотя со скрипом в сердце. Я смотался на две точки и забрал свой навар за последний месяц. Заскочил в квартиру, поболтал с Марией, которую интересовало, не изменится ли ее круг обязанностей. Я сказал, что этот вопрос согласую с Вероной и перезвоню. Пора Вероне взваливать на себя часть моих забот, особенно тех, что

касаются домашних закупок и общения с обслуживанием. Но поговорю я с ней об этом после ее возвращения. Сейчас от этого разговора толку не будет.

В обед я вернулся в коттедж. К тому времени Курт пригнал мой новый прокаченный джип. Мы пообедали, и я повез Верону на новой тачке к риэлтору. Пришел момент обозначить ей нашу позицию. Пока Верона будет в Италии, мы удаленно обсудим предложенные варианты. В офисе риэлтора мы пересмотрели кучу домов и квартир, но никак не могли определиться. Я сам немного буксовал. Чтобы понять, какой тебе нужен дом, в голове должно быть четкое понимание как ты будешь жить дальше.

Риэлтор, надо отдать ей должное, пыталась нам помочь и начала со стандартных вопросов:

– Сколько квадратных метров вам бы хотелось?

Квартира моя была примерно сто тридцать квадратов, и я ответил:

– Метров триста, не меньше.

Риэлтор кивнула, записала и задала следующий вопрос:

– Этажность?

– Думаю, два, – ответил я и закинул ногу на ногу.

Верона кивнула. Дальше пошли вопросы о стиле, материалах и технической составляющей. И тут Верона говорит:

– Нам нужен большой участок.

– Зачем? – удивляюсь я. – Бассейн я не хочу. С ним мороки будет много. Чисти его, переоблицовывай. А для остального и шести соток хватит.

– Милый, а как же дети?

– А что дети?

– Я хочу минимум двоих, а лучше троих. Нам нужна будет детская площадка для качелей, тренажеров и горки, а все это занимает много места.

Я отпрянул, захлопал опухшими глазами. Дети? Вот об этом я точно не думал. Сейчас я все испортил! Началась переключка опухших глаз. Она хлопает, я хлопаю. Черт! Как это остановить? Задергался глаз. Это тик что ли? Она это видит. Проклятье! На хрена я ее сюда привез! Надо было это обсудить дома.

– Давайте так, – приходит мне на помощь риэлтор, – я вам вышлю список вопросов, а вы все хорошенько обдумаете, и мы назначим новую встречу.

Сухоляда в мужеподобном костюме спасла мне жизнь. Я кивнул, схватил куртку и выскочил из кабинета.

Лажа! Уф, какая лажа! Дети! Я не хочу детей! Сопли, ор по ночам, вонь от подгузников. Еще ни одна семейная пара среди моих знакомых не выдержала такого натиска. Я точно знаю, что все мои друзья начали ходить налево именно в такие периоды, когда от детей уже спасу нет. Жены похожи не на привлекательных женщин, на которых они женились, а на вымотанных мочалок. Представляю Верону, окруженную орущими детьми. Нет! Нет! И нет!

Я не последователь всяких там течений типа «Чайлд-фри», которые открыто заявляют, что намерены прожить жизнь без детей. Что они сковывают их свободу, финансы и благополучие. Но я не хочу иметь детей. Никогда! Я не страдаю комплексом наследования, мне не нужно передавать все заработанное кровью и потом. Не млею от детских улыбок и не держусь за живот от их шуточек.

Скверно, конечно, что мы не обсудили этот вопрос с Вероной перед свадьбой. Мне это просто в голову не пришло. Но ведь она видела, как я отношусь к детям Севы и могла уже сделать из этого вывод. Я не брал их на руки, не справлялся об их здоровье, даже не смотрел в их сторону. Черт! Я попусту их игнорировал! И что теперь? Что мне сказать жене? Как объяснить свою позицию? Это же Верона! Она сама из многодетной семьи и мои аргументы покажутся ей эгоистичными и незрелыми.

В машину Верона вернулась бледная как поганка с заплаканными глазами. Ну вот! Надо же было перед самым ее отъездом наступить на больную мозоль. Всю дорогу домой она молчала, а я не знал, как к ней подступиться.

– Верона, посмотри на меня, – останавливаю джип у обочины и поворачиваюсь к ней вполоборота.

Она поднимает на меня глаза.

– Ты плакала?

– Почему ты не сказал, что не хочешь детей? – задает она мне вопрос и уже не скрывает слез.

– А почему ты решила, что я не хочу?

Проклятье! Надо как-то выпутываться!

– Ты бы видел свое лицо! Я будто тебе предложила сделать харакири!

– Признаю, я немного растерялся...

– Немного?

– Верона, пока ты учишься, ни о каких детях речь идти не может.

Правильно чувак! Надо выторговать хотя бы год-два, а там посмотрим.

– А дом мы покупаем как раз на ближайšie пять лет.

Но Верона меня не слушала.

– Почему я раньше не придавала этому значения? Ведь все было прямо передо мной.

– О чем ты?

– Об отношении к детям. Ты ведь их терпеть не можешь. Кривишься от безразличности даже от собственных племянников. Ты хоть знаешь, как их зовут?

Ба-бах! Точное попадание! Подловила, так подловила. У меня снова глаз дергается! Она сложила дважды два, но уже после свадьбы и теперь она мне этого не простит.

– Да, я их не люблю, – признаю я, а чего шифроваться, весь ужас на моем лице. – Но к своим так относиться не буду. Хотя не надейся, что я буду менять им памперсы или сажать на горшок, – делаю глубокий вдох и уже смело иду в атаку. – Верона, сейчас я детей точно не хочу! У меня большие планы, иногда нам придется срываться посреди ночи с места и улетать по делам в другую страну. С детьми это будет нереально!

После этого Верона замкнулась, и весь оставшийся день прятала от меня лицо. К вечеру я не выдержал и психанул. Сел в джип и уехал в фитнес-центр к Годзилле, а когда вернулся, она уже спала.

К утру с женой произошла трансформация. Лицо больше она не прятала, но и не улыбалась, не желала доброго утра. Я схватил ее руку и положил на готового к подвигам Сэма.

– Ох! – ее глаза распахиваются.

– Детка, я хочу тебя.

Верона была не против. Слава богу! Хоть тут единение!

После утреннего секса мы приняли вместе душ, спустились на кухню и тут нас ждал первый сюрприз: Анна снова пропала. Черт! Весело мы живем! Через три часа надо быть в аэропорту, а этой дурочке сорвало башню.

– Небось, поехала к Оборотню в салон, – предположил я, вспоминая, как Анна себе вчера места не находила от отсутствия звонков и смс. – А где Курт?

– Уехал на работу, – с мрачным видом отвечает София. – В обед вернется и поедет к матери.

Я поворачиваюсь к жене, та кивает.

– Вчера я отдала ему подарки для братьев. У них завтра день рождения, но раз мне приходится уезжать, должен быть хотя бы Саня.

Черт! Про день рождения двойняшек я забыл.

– Что ты им купила?

– Айфоны, – Верона отмахивается и закатывает глаза. – Поверь, это для них самый лучший подарок.

– Не сомневаюсь, – усмехнулся я.

Вера

Ожидая Анну перед стойкой регистрации в аэропорту, мы чуть не опоздали на рейс. Все наши сообщения и звонки оставались без ответа. В последние сутки она вела себя как безумная, словно ее подменили. Дикий затравленный взгляд, в котором читался только один вопрос: «Увижу ли я еще Оборотню?». Меня это все ужасно раздражало, а ее слепое обожание Исчадие Ада с маниакальными замашками просто пугала. Как такая разумная, осторожная и славная девушка могла безоговорочно подчиниться незнакомцу и прилепиться к нему как к магниту? Она бросила Габриеля, сделала татуировку, интимный пирсинг, вставила искусственные клыки и это еще не весь перечень ее безумств за трехдневный роман.

Наше напряженное ожидание прервал звонок мобильного телефона Софы, это был Саня. Он сообщил, что Анна пять минут назад приехала в коттедж на такси в полном раздراиве. Лицо заплаканное, колготки порваны. Объяснить свое поведение отказалась, но заявила, что хочет побыть одна и с нами никуда не

полетит. Мы сразу поняли, что прогноз Руссо воплотился в жизнь и Оборотень отказался с ней общаться. Ну что за дуреха? К вечеру мы бы втроем гуляли по улочкам Вероны, наслаждались атмосферой, архитектурой и кулинарными изысками, а теперь она будет страдать, закрывшись в своей комнате в одиночестве.

Прощание с Руссо вышло скомканным, неуклюжим, будто мы едва знакомы и нам неловко проявлять чувства на людях. Нам обоим не хотелось расставаться, мы прятали друг от друга глаза, чтобы окончательно не расклеиться. Руссо пыхтел, забывал дышать, на лбу вздулись вены. Он не скрывал своего беспокойства и натянутым, как струна голосом напутствовал:

– Детка, как прилетишь, сразу напиши, – дрожащими руками он обхватил меня за талию и привлек к себе, но не так как раньше по-хозяйски, а робко, словно делает это впервые. – И вообще пиши чаще, как разместились, как гостиница, как курсы. Поняла?

Я кивнула и прижалась к нему всем телом. Зарывшись лицом в его футболку, я с жадностью вдыхала его запах, мне хотелось насытиться им перед разлукой. В какой-то момент наши взгляды встретились, и мне захотелось на все плюнуть и остаться. Пусть кричит, пусть свирепеет, не потащит же он меня насильно в самолет. Руссо словно почувствовал мое настроение и сказал:

– Нет, Верона. Ты должна лететь. Так надо.

– А если ты за две недели не решишь свои проблемы?

– Решу, – уверенно ответил Руссо и поцеловал меня в лоб.

– Я люблю тебя, милый, – я встала на цыпочки и потянулась к его губам.

– Я тоже тебя люблю, Пушочек, – с надрывом в голосе отозвался Руссо и припал к моим губам.

Наш поцелуй прервала Софа, подгоняя нетерпеливым ворчанием. Мы неохотно расцепились, кидая друг на друга тоскливый прощальный взгляд, после чего Руссо исчез в толпе. Подруга схватила меня за руку и поволокла в таможенную зону.

Как только мы прошли паспортный контроль и сели в зоне ожидания, я дала волю слезам. На этот раз Софа не истерила, не подкалывала, не ворчала. Просто взяла меня за руку и поглядывала на информационное табло в ожидании

объявления рейса. Я знала, что ей самой сейчас тяжело. Из-за меня она уезжает от Сани на три дня раньше. И хоть она говорит, что перед смертью не надышишься, по себе знаю, что лишний день с любимым иногда многое решает.

О брате я себе приказала не думать, если начну развивать эту тему, то сердце на куски разорвется. Никто так и не сумел его убедить в том, что он совершает огромную ошибку. Упрямец стоял на своем и пропускал мимо ушей все аргументы.

После расставания с Руссо не прошло и часа, а я уже по нему скучаю. Мысленно представляю, как он сейчас едет за рулем новой машины. В салоне играет рок. Его мозг соединяет невидимыми нитями, казалось бы, на первый взгляд совершенно разных людей, события и денежные потоки. Я представляю, как плотно сомкнуты его губы. Взгляд сосредоточен. Телефон уже накалился от поступающих сообщений и звонков. Движения резкие, вид решительный, голос командный. Мой муж. Моя любовь. Моя жизнь. Не представляю, как я проведу без него две недели. Они мне уже кажутся адом.

Объявляют посадку на рейс. Я вытираю слезы и с неохотой поднимаюсь. С этого момента каждый шаг будет отдалять меня от Руссо. Мы с Софией тянемся к ручной клади и идем на посадку, настроение ниже плинтуса.

– Сядем в самолет и напьемся, – выдает Софа, толкая меня в плечо.

Я вымучила улыбку. Не знаю, как это поможет...

Мы летим бизнес классом, на этом настоял Руссо, а после поездки в Швейцарию я перестала ворчать по поводу расточительства. До сих пор образ Руссо никак не сопоставляется в моем сознании с той цифрой, что значилась на остатке банковского счета.

Самолет взлетает и набирает высоту. Стюардесса приносит нам с Софой по бокалу шампанского. Напряжение нас немного отпускает.

– Верона, раз у нас не было девичника, предлагаю закатиться в Милан и прошвырнуться по клубам.

– Ой, – я вытаращилась на подругу. – Руссо это не понравится.

– А мы ему не скажем. Он и так отчебучил по полной. Пусть там своими разборками занимается, а мы будем развлекаться.

Видимо, на моем лице отразился страх, и Софа закатила глаза:

– Да ладно, Верона. Мы всего лишь потанцуем и выпьем. У тебя такой вид, будто я тебе предлагаю ему изменить.

На мое плечо ложится мужская рука и знакомый голос спрашивает:

– Вера? Это ты? Не могу поверить своим глазам.

Поднимаю голову и тихо обалдеваю. Адам! Вот это да!

Аристарх

Сажу в машине и тупо таращусь на руль. Не могу дышать, грудь сжало в тиски. Ноги ватные. Я сам настаивал на отъезде Вероны, а когда проводил ее, во мне что-то оборвалось. Будто от меня отрезали кусок самой чувствительной плоти и разорвали сердце пополам. Черт! Как же мне муторно!

Не помню, как дошел до джипа, как сел за руль. Вроде только что стоял рядом с женой и кайфовал от того как крепко она ко мне прижималась, а потом сразу перед глазами логотип «Лексуса» на руле, а под пятой точкой обитое кожей сиденье. Пока сжимал ее в объятиях, чуть не спятил. Представил, что сейчас сяду в тачку без нее и мне до жути стало одиноко. Только когда София оттащила от меня Верону, я понял, что идея отправить жену в Италию была паршивой. Мне хотелось приезжать домой и видеть ее улыбчивое лицо. Подмечать в ее светящихся глазах обожание и безграничную любовь.

Эту ночь я почти не спал. Пялился на жену так, что чуть глазенки наружу не вылезли. Фотографировал ее спящую. На ее теле все еще виднелись следы нашей первой ночи «в законе» и от их вида в паху разливалось тепло. Я гладил ее волосы и лицо, от чего она морщилась и тихо звала меня во сне. Дрожал от страха, как суслик в пустыне. Мне казалось, что вот-вот что-то непременно случится, и я ее потеряю. Что наше счастье будет недолгим. А ведь мать права, я действительно счастлив с Вероной.

Уф! Я со стоном выдохнул и уронил голову на руль. Мне не хотелось двигаться, хотелось погрузиться в сон. В мозгу жужжала навязчивая мысль, что нужно поскорее убраться с платной стоянки и двинуться в квартиру, где я мог поспать хоть пару часов, чтобы оклематься, а ближе к вечеру поехать в фитнес-центр. Сегодня пробная трансляция и мне кровь из носа надо вытащить Кувалду

на разговор. Но тело с мозгом сегодня не в связке. Каждый поет свое соло и мне сносит башку.

Из омота гиблых мыслей меня вырвал звонок мобилы. Номер незнакомый, городской. Что за хрен? В последнее время такие номера не предвещают ничего хорошего.

– Руссо! – кричит возбужденно Дракон. – Сотри мой старый номер. Как активирую новую симку – отпишусь. А этот с квартиры на съемной хате.

– Салют, бро! Где пропадал?

– Пришлось залечь после тотальной слежки. Обложили по полной.

– Давай пересечемся, все перетрем.

– Не время сейчас. Смогу не раньше следующей недели.

– Следующая неделя будет жаркой.

– Да я уже понял по движухе в клубе, – гогочет Дракон так, будто скипидара нанюхался.

Он что на нервяке? Дракон никогда не смеется.

– Все в порядке? – в моем голосе напряг.

Если он под колпаком, то даст сейчас сигнал, но Дракон перескакивает на другую тему.

– Руссо, я что звоню... Ландау что-то резко зашевелился. У него было совещание и плотный график до восьми вечера, как вдруг ему позвонили и он сорвался в аэропорт. И вот что странно, он не полетел на своем самолете, а сел на рейсовый до Вероны.

Во рту резко пересохло, в ушах зазвенело. Я выронил мобилу и впилился в руль. Логотип «Лексуса» расплылся перед глазами. Проклятье! Я как последний идиот собственноручно вручил Ландау свою малышку. Не просто вручил, а упаковал в красивые шмотки, нацепил цацки и повязал красной ленточкой. Дебил!

Адам Ландау! Таракан под дихлофосом! Я уже стал успокаиваться на его счет, думал, что моя ревность дошла до паранойи, но нет. Как всегда сработала чуйка, и надо было ее слушать.

Черт! Черт! Черт!

Подо мной будто земля разверзлась и я провалился по самое ядро! Представил наивный взгляд Вероны, принимающий его гнилую трескату за чистую монету. Как он смотрит в ее огромные глазищи, от которых Ландау писается кипятком. Он сам мне об этом сказал.

Как, черт возьми, он отследил ее передвижения? Как узнал, что она сегодня улетает? Интересно, он знает о нашей свадьбе? Конечно, знает, но его это почему-то не остановило. Проклятье!

Перезванивает Дракон.

– Да! – рявкаю я, внутри уже все горит синем пламенем.

– Связь отключилась, – бурчит кореш. – Что будем делать?

– Копай под него так глубоко как сможешь! Я этого мудилу из-под земли должен достать.

– Руссо? Что происходит?

– Он сел в самолет, потому что там моя жена!

– Кто? Жена? – Дракон поперхнулся и откашлялся.

Черт! Он же ничего не знает! Ни Кобра, ни я до него так и не дозвонились.

– Бро, ты пропал, я искал тебя. Хотел пригласить в клуб на банкет. В воскресенье я женился.

– На этой большеглазой девчонке?

– Да, бро!

– Поздравляю! Ты меня удивил, конечно! Черт! Не просто удивил, это разрыв шаблона! Вы ведь вроде только недавно замутили! Но пусть у тебя с ней будет все путем.

– Как тут будет все путем, если этот Ландау – подстилка триперного кролика – вцепился в нее мертвой хваткой?

– Так вот в чем дело! – до Дракона, наконец-то, дошло. – Вот черепахла настырная! Я думал у вас просто терки, типа не поделили что-то. Думал, он тебя киданул.

Под конец разговора я уже ору в трубку, будто хочу докричаться до самолета летящего прочь от Москвы.

– Если бы! И ты глянь, его ничто не останавливает! Даже то, что она теперь замужем! Я бы голыми руками его придушил!

– Не думаю, что он знает о вашей свадьбе, Руссо. Его не было в стране всю прошлую неделю вплоть до вчерашнего утра.

Дракон велит мне остыть и шевелить мозгами. Что я и пытаюсь сделать, но злоба и сарказм побеждают.

– Он, скорее всего, отследил ее по билету, – выдвинул свою версию Дракон. – Как только ее имя мелькнуло в базе, ему видать сообщили. Она же еще паспорт не меняла?

– Нет! Когда бы она успела?

В самолете Ландау будет тише воды, ниже травы. Ему не нужны свидетели. Он будет вежлив, обходителен. Улыбочка шире Гудзонова залива. Нацепит на противозачаточное тельце свой лучший костюмчик. Включит обаяние в стиле Хью Гранта. Какой-то хохмач, решив над ним поглумиться, сказал этому уроду, что он похож на этого актера. Ландау даже держит фотку Гранта на рабочем столе и заставляет всех подтверждать «очевидную схожесть». Как по мне так они схожи только дыркой от ануса. Нафталиновый дрыщ! Урою падлу!

Черт! А что, если бы я не узнал? Он бы орудовал в моем курятнике, как хитрый лис, а я сидел бы тут в Москве ни сном, ни духом. Вот бы он повеселился! Меня прямо выворачивает наизнанку.

– Не кипятись, бро, у меня есть друган в Риме, занимается сопровождением грузов по Европе, он позаботится о твоей жене. Я ему кое-какую работу сделал, он мне должен.

– Дракон! Когда дело касается моей жены, чердак напрочь сносит. Скажи своему корешу, что я башляю. Пусть продумает, как опустить этого засранца ниже городской канализации и что б он на метр не приближался к моей жене!

– Позвоню ему и отпишусь!

Вспомнив про запись из офиса Ландау, про которую мне талдычил Дракон до налета на бар, я спросил, о чем там все-таки речь. Кореш сказал, что об этом по телефону говорить не станет и вообще эта запись ему карман жжет. В свете новых событий ждать следующей недели я не мог, и мы сошлись на том, что я подъеду к нему завтра утром.

Закончив разговор, я жму на газ, рву с места и чуть не сбиваю шлагбаум. Давай! Давай! Поднимайся гребанный лентяй! От нетерпения бью по рулю и рыча. О! Наконец-то!

Набираю скорость и лечу в фитнес-центр. Надо признать, что такие упыри как Ландау тоже миру нужны. Сидел бы я сейчас в тачке и жевал сопли по уехавшей жене, а так взбодрился, лечу к Годзилле. Мозги кипят. В крови плещется адреналин. Готовый к бою, как Салах ад-Дин, изгоняющий крестоносцев. Какой там спать! На таком драйве я еще двое суток продержусь. Спасибо тебе, мудило Ландау, что не даешь мне расслабиться! Отдохнем и поплачем на том свете!

Вера

– Адам? – с болью сглатываю, от потрясения у меня першит в горле.

– Не могу поверить... – Адам улыбается, от этих непривычных для его лица движений мышц, он кажется добродушным и приятно удивленным. – Только вчера думал о тебе...

Мне хочется сказать, а я о вас точно не думала, но сдерживаюсь и натянуто улыбаюсь. Подношу фужер к губам и делаю большой глоток. Знаю, надо быть более дружелюбной, все-таки Адам друг Кати, но как представлю, какое будет у Руссо выражение на лице, когда он узнает, с кем я встретила в самолете, меня всю лихорадит.

– Какая неожиданная встреча, – только и смогла выдавить из себя.

Софа впилила в Адама изучающий взгляд. Она, как и я, тоже уже опьянела и вела себя немного нагло. Присутствие Адама на борту самолета она восприняла как вызов. Ведь всем нашим близким известно, что из-за настойчивого ухаживания Адама у нас с Руссо были скандалы.

– Ты уволилась из бутика и ничего мне не сказала.

Софа фыркнула, давая понять, что он переходит все границы.

– А должна была? Согласитесь, что не принято оповещать об увольнении всех клиентов компании, на которую и месяца не проработала.

Улыбка сошла с лица, Адам нахмурился.

– У нас был план по переделке... хм... и я думал, что мы уже зашли за грань рабочих отношений.

– Ее муж тоже так подумал и решил, что ей не нужно там работать, – вклинилась едким замечанием в разговор Софа.

Адам дернулся, перевел на подругу взгляд, теперь он, как и прежде источал арктический холод.

– Муж? – он прочистил горло и потянулся к бутылке с водой, которую тут же услужливо передал ему помощник.

Я подняла глаза и увидела за спиной Адама Константина. Он поздоровался и протянул мне руку. Ответив на рукопожатие, я пожелала джентльменам приятного полета.

– Ты вышла замуж? – Адам все еще не верит.

– Да, – киваю и показываю на обручальное кольцо, – в воскресенье.

– Что ж, искренне желаю тебе счастья, – искренности в его голосе точно не было, скорее горечь и обида.

Он даже не спрашивает за кого я вышла замуж.

– Как поживает Мэй?

– Отлично, она в Нью-Йорке.

По его ответу я понимаю, что состояние его здоровья ухудшилось, хотя внешне этого не скажешь и задаю следующий вопрос:

– А как ваше дело в Швейцарии?

Он понял, о чем я и кивком это подтвердил. Дураку понятно, что Адам не захочет при посторонних обсуждать свое здоровье.

– Не так как я планировал, придется ускорить свой отъезд.

В памяти всплыл его рассказ о том, что будет, если состояние ухудшиться и курс химиотерапии не поможет. Видимо, поэтому он отправил Мэй в Штаты, а сам уже собирается на острова.

– Мне жаль, – я потупила взгляд и закусила губу, агрессия схлынула, и я уже упрекнула себя за холодное приветствие.

Подруга тут же это заметила и снова вставила шпильку.

– Не будем вас задерживать, приятного полета.

Но Адам снова проигнорировал ее посыл.

– Надолго в Италию?

– На две недели, – отозвалась поспешно я и тут же получила удар по лодыжке сапогом подруги.

Я сморщилась от боли и зыркнула на Софу испепеляющим взглядом.

– Чем собираешься заняться?

– Семейными делами, – снова вклинилась в разговор подруга и улыбнулась Адаму самой обворожительной улыбкой, но глаза при этом прожгли его так, что даже я от нее отпрянула.

Это немного остудило натиск Адама, он сказал, что мы еще поговорим, и вернулся в свое кресло через ряд позади от нас. Болтать по соседству с Адамом мы уже не могли, поэтому перешли на шепот.

– Какого черта, Верона? Зачем ему знать, куда и на какое время ты летишь? Вышла замуж – всем до свидания, конец разговора, – Софа ненадолго перевела дыхание и продолжила с еще большим напором: – Теперь я понимаю Руссо. Этот Адам реальный прилипала. Бьюсь об заклад, что мы в Италии на него не раз нарвемся. Я даже не удивлюсь, если он поселится в нашу гостиницу.

От такой перспективы я выпучила глаза.

– Да, Синеглазка, это твоя реальная проблема и не смей скрывать ее от мужа. Не нужно щадить его чувства. Будет еще хуже, если он узнает об этом из других источников.

Я не собиралась ничего скрывать, не такие у нас с Руссо отношения. За время, проведенное с ним, я поняла, что пусть лучше он прокричится сразу и выплеснет ярость наружу, чем что-то будет копить и мучить себя догадками. Потом разборки будут жестче, в выражениях он уже не будет стесняться и одарит такими эпитетами, от которых уши в трубочку свернутся.

– Мало ему проблем, Софа? Еще одну подкину, – ворчу я, скорее из вредности, чем не соглашаясь.

– Мое дело предупредить... – бурчит Софа и отворачивается.

– Да, скажу я, скажу. Прямо сейчас возьму и напишу смс.

Тянусь к телефону и отправляю мужу сообщение:

Не поверишь, кого я встретила в самолете! Адама!

Пояснять я не стала и этого хватит, чтобы буквально взорвать мозг Руссо. Он ненавидит Адама лютой ненавистью, из-за него начался наш последний скандал, который впоследствии привел к разрыву отношений. Три дня мы оба провели в невесомости и чуть с ума не сошли. Так что мое теперь отношение к Адаму примерно на той же волне, что у Руссо и моих друзей.

– Мы не выйдем из самолета, пока он не свалит, – шипит Софа.

Мое настроение из настороженного переходит в паническое. Я выпучиваю глаза, а Софа поясняет:

– Ты не понимаешь, что происходит? Да?

Мотаю головой.

– Такие как Ландау летают только частными рейсами. Он здесь из-за тебя. Он тебя преследует. Он твой сталкер.

– Что? – я холодею, к горлу подкатывает ком и перекрывает дыхание.

Час от часу не легче! Будто Сальникова мне было мало!

– Сталкера я за версту чую. Поверь мне. Личный опыт. По твоим рассказам я так не думала, но поняла, увидев его собственными глазами. Взгляд у них и манера общения примерно одинаковые. Как только ты в грубой форме даешь понять, чтобы он отвалил, поведение его резко меняется. Но пока есть надежда, что можно подчинить себе жертву без насилия, он будет любезно улыбаться и шутить, а потом подсядет в гостинице за завтраком и опять сделает вид, что это случайная встреча. Поташит на дружеский ланч или предложит опрокинуть пару стаканчиков в ближайшем баре, и ты уже не понимаешь, как оказалась в его квартире, на входной двери которой пять замков. Окна заколочены. На стенах звукоизолирующие панели. А ты сама привязана к кровати.

– Какой ужас, – прошептала я, – ты прошла через такое?

– Прошла. Но мне, слава богу, повезло, чудом избежала насилия. Пока мой преследователь отлучался в аптеку – даже думать не хочу, что он там покупал – мне удалось привлечь внимание соседей, и они вызвали полицию. Моя мать даже не знает, я позвонила отчиму... это было примерно за год до его гибели. Мы ей решили не говорить. Она бы с ума сошла.

Предостережения Софы я восприняла всерьез. Вспоминаю слова Руссо о том, что я притягиваю всякий сброд. Тогда я на него обиделась, сейчас же

закусываю губу и чуть не плачу. Софа реально меня напугала, после приземления я намерена подробно рассказать мужу о разговоре с Адамом.

– Сталкеры превратно истолковывают любую вежливость и услужливость своей жертвы. Они считают, что им дают зеленый свет. Ваши примерки и ужин в его апартаментах были для него нечто большим, чем он показывал. Хороший тебе урок, Верона. Ты только представь, что будет с Руссо, если Адам до тебя доберется.

– О чем ты? – испугано вопрошаю я.

– Если ты подвергнешься насилию, он непременно отомстит обидчику, добьется, так сказать, справедливости. Поможет тебе морально, найдет врачей для реабилитации. Но ваши отношения уже никогда не будут прежними. Между вами навсегда останется этот Адам. Вслух Руссо не скажет, но всегда будет думать, что не уберег тебя, а это для мужчины смерти подобно, тем более для такого как Руссо, которому все нужно контролировать.

Мое лицо полыхало как после сауны. Даже если подруга меня просто поугала, я ей за это была благодарна. В вопросах безопасности я совершенно беспечна, могла довериться первому встречному и выложить любую информацию на блюдечке. Сейчас же моя жизнь изменилась. Я не просто вышла замуж, я стала женой богатого мужчины. Пусть он не афиширует своим капиталом, риск от этого не уменьшается. В любой момент я могу подвергнуться опасности и мне нужно быть настороже.

– Если попросит, не отходи с ним в сторону и не шушуйся. Пусть говорит при мне. На людях он не будет действовать агрессивно.

Меня бросало то в жар, то в холод. Почему я не слушала Руссо? Посчитала его ревнивцем, да еще и собиралась продолжать переделку гардероба Адама. Какая же я наивная, а еще Анну осуждаю, сама же от нее нисколько не отличаюсь. Мы с ней – два сапога пара.

После приземления, мы с Софой решили не торопиться и не выходить из самолета, пока его не покинет Адам. Он это понял и тут же предложил подвезти нас в гостиницу. Софа встала в проходе между креслами, тем самым отрезая ко

мне путь Мистеру Сюрприз. Сказала, что нас встретят, беспокоиться ему не нужно и еще раз холодно попрощалась. Рядом стоял стюард, наверное, поэтому Адам не стал настаивать, выразил надежду на новую встречу и нехотя направился к выходу. Когда он покинул самолет, я повернулась к подруге и с усмешкой спросила:

– Будем сидеть здесь, пока самолет в ангар не оттащат?

Ответить Софа не успела. На мой телефон пришло сообщение от Руссо.

Детка! Ты в порядке? Где ты?

Я ответила:

Сидим в самолете, ждем, когда Адам подальше уберется.

Достает?

Не то слово. Вежлив до приторности. Не придерешься. Софа говорит, что он типичный сталкер. Нанюгала меня до жути. Теперь я трясусь от страха.

В зоне ожидания вас будут встречать телохранители.

Я чуть не подпрыгнула от такой новости. Софа тут же спросила в чем дело, и я показала ей переписку с мужем. В тому времени Руссо прислал изображение логотипа агентства и нашивки, которая будет на униформе охраны.

– Пошли! Теперь нам этот Ландау не страшен, – хватая свою брендовую сумку, Софа чуть не заехала мне ею по лицу, хорошо, что я успела отклонить голову.

Мы прошли паспортный контроль, получили багаж и вышли в зону прилета. Я тут же увидела двух крепких парней с эмблемой на лацкане пиджаков «Logistic Construction» и с табличкой в руках «Vera Romanova». Один из телохранителей был родом из Белоруссии, поэтому языкового барьера у меня не возникло. После стандартных приветствий, нам предложили немедленно покинуть аэропорт, и мы направились к выходу, где, по словам охраны, нас ждал транспорт. Мы вышли из здания и уже подходили к серебристой «Инфинити», когда меня кто-то окликнул. Я повернулась и увидела помощника Адама, он помахал мне рукой и показал на черный «Мерседес». Видимо, Адам все еще питал надежду отвести нас с Софой в гостиницу. Жестом я дала понять, что меня встречают, и села в машину следом за подругой.

Затрещали рации. Послышалась английская и итальянская речь. Из разговора я поняла, что машина, стоящая за нами – сопровождение и сжалась в комок. Видимо, у Руссо не было никаких сомнений в намерениях Адама. Мне протянули айпад, на котором я увидела фотографию своего преследователя, и попросили подтвердить личность. Я кивнула и похолодела. Да, это было фото Адама. На нем он был с Мэй на какой-то вечеринке.

Взгляд подруги означал «А что я тебе говорила».

– Хорошо, что Руссо не такой наивняк как ты, – проворчала Софа.

Мы отъехали от здания аэропорта. «Мерседес» Адама все еще был припаркован поодаль от входа. Сам он стоял у машины и неторопливо снимал пиджак. Лицо хмурое. Я одарила своего преследователя злобным взглядом, хотя знала, что через затемненные окна меня не видно.

– А эту женщину вы встречали? – неожиданно спросил Андрей – парень из Белоруссии.

Я кивнула.

– Это Мэй, его девушка.

– Где и когда вы ее видели?

Я назвала примерное число и этаж в башне «Меркурий Сити», где располагались апартаменты Адама.

– Это Файлин, пропавший в Бангкоке год назад инструктор по спортивному питанию. Господин Ландау нанял ее для консультации и по неподтвержденным данным обманом увез в Россию.

Я ахнула и сжала руку Софы. Она тут же похлопала меня по плечу, давая понять, что мы все уладим. Как только я отошла от шока, в памяти возник облик Мэй.

– Она не была похожа на пленницу. Обнимала его, ухаживала... – я нахмурилась. – Она даже уходила одна на встречу с подругой.

– Плен бывает разным, например, как в этом случае психологическим. Он мог подчинить девушку. Угрожать расправой над ее родными. Да что угодно.

– Мне показалось, что она в него влюблена. Он же, наоборот, был с ней немного холоден.

Андрей повернулся и одарил меня таким взглядом, что я замолчала.

– До переезда в Италию я работал следователем, так что с таким сталкиваюсь не в первой. Скорее всего, он вас специально ей показал. Своеобразная пытка, дал ей понять, что если она не будет покладистой, то он заменит ее на вас. Если вы ее увидели, значит, он уже в ней не заинтересован.

Его взгляд кричал: «Он нашел себе другую жертву и ведет за ней охоту». Руки похолодели, я нервно сглотнула и покосилась на подругу. Взгляд с прищуром, челюсти плотно сомкнуты. Ох! Софа – Руссо в женском облиции. Если эти двое разведут деятельность, то она будет вселенских масштабов.

– Он сказал, что отправил ее в Нью-Йорк, – вспомнила я наш разговор в самолете.

Не удосужившись прокомментировать мою реплику, Андрей хмыкнул и отвернулся. Софа отреагировала молниеносно.

– Эй! Мы ждем ответа!

Парень тут же обернулся и деловито заговорил:

– Файлин разыскивается компанией, на которую работала. Она из бедной семьи, очевидно, что у родных нет денег на частное расследование. Девушка все еще числится во всех базах без вести пропавших, а это значит, что она ни разу не дала о себе знать после похищения.

– Откуда эта фотография? – спросила Софа.

– Она сделана в Бангкоке год назад за две недели до ее исчезновения. Насколько я понимаю, это не первый случай, в котором замешан Ландау.

– Похищения и насильственное удержание. Ландау – хищник, способный на агрессивные действия, – Софа отвернулась к окну. С минуту она, нахмурившись, что-то обдумывала, а потом спросила: – Вы ведь отчитываетесь перед нанимателем?

Такой деловитой и собранной свою подругу я видела впервые. Андрей кивнул. А вот я не сразу поняла, что речь идет о моем муже.

– Предоставьте ему всю информацию о пропавшей девушке. Куда вы нас сейчас везете?

Андрей назвал гостиницу. Софа потребовала разъяснить, какие меры предпримет агентство по нашей безопасности, и он начал вкратце излагать план действий. Дальнейший разговор я помню размыто. После информации о Мэй,

вернее о Файлин, я уже не могла адекватно мыслить и готова была развернуть кортеж обратно в аэропорт. Софа постукивала меня по руке, как бы успокаивая, но я видела, что она что-то судорожно обдумывает. Вся эта ситуация ее тоже пугала и в этот момент я подумала, как хорошо, что со мной именно она, а не Анна, что бы мы с ней делали тут в Италии? Две курицы-наседки, у которых эмоций больше, чем мозговых клеток. Софа совершенно другая. Среди нашей троицы она командир и предводитель. Рядом с ней мне не так страшно. Я примерно знаю, какие связи были у ее отчима и если надо она поднимет половину земного шара, но навсегда отведит от меня этого Ландау.

Аристарх

Пока плелся в фитнес-центр по пробкам и проклинал себя за то, что не пересел на байк, трепался с Драконом на громкой связи. Он заверил меня, что Верону встретят и отвезут в отель. Я потребовал постоянного присутствия минимум троих телохов и дал четкие инструкции по сопровождению. Главное было донести до кореша мысль, что Ландау хитрый лис и даже его отъезд в Россию не будет означать, что моя малышка в безопасности. В дороге перекинул аванс по реквизитам, которые выслал Дракон и дело завертелось.

– А что там с телефоном Бизона? Ты пробил его последнее местонахождение?

– Да! Забыл тебе сказать. Последняя точка приема была между Щёкинским водохранилищем и городом Советск Тульской области.

– Бизон в такую бы даль не попер, – уверяю я кореша. – Кто-то потащил туда его телефон. А когда связь пропала?

– За сутки до того как мы начали его искать.

Я потер подбородок и задумался. Если учесть что Бизон был с наркотой и искал рынок сбыта то, скорее всего, он сбывал бы ее в Москве, где цена выше, а потребителей больше. На кой хрен он помчался в Тульскую область? Чем больше отсутствовал Бизон, тем мрачнее у меня были предчувствия.

Ледоруб на свадьбе сказал, что он говорил с Бизоном перед самым его исчезновением, примерно тогда же, когда Колян и вся охрана видели его в

последний раз. Бизон был на нервяке, но причину не назвал, сослался на занятость и сказал, что перезвонит позже. Дракон и Годзилла проверили ни к ментам, ни к братве он не попадал. Так где же он?

– Я просмотрел приметы неопознанных, среди мертвяков его тоже нет. Проверил даже ближайшие области.

– Придется тащить людей в этот Советск и осматриваться. Это единственная ниточка. Можешь организовать поиск?

– Люди не проблема, но вот Демон денег на поиск не даст, ты же знаешь.

Перед глазами всплывает лицо Алены. Бизон часть семьи и никуда мне от этого не деться. Дело не в дележке прайсов и доли, это уже вопрос жизни и смерти. Мать Бизона бьется в истерике. Видать, тоже чувствует беду.

– Да плевать я хотел на Демона! Я сам забашляю.

– Заметано. Сегодня же кину клич, может даже кто-то из клубных подтянется.

– Хорошо бы... Ты спроси у Коляна в какой одежде и обуви был Бизон в день исчезновения.

– Лады. Так ты завтра нарисуешься?

Не нравится мне его тон. Меня обдаёт холодом. Что-то не то. Не пойму что. Дракона я знаю сто лет, ему незачем меня подставлять. Тогда почему срabатывает чуйка?

– Да, позвоню утром, как глаза продеру, договоримся о времени и месте, – я уже точно знаю, что возьму с собой Курта для страховки.

Только я закончил разговор с Драконом, как на мобилу приходит первый отчет от итальяшек. Читаю и чувствую, как по телу пробегает мерзопакостная дрожь. Твою ж мать! Адам Ландау обвиняется в похищении тайской девушки! Мне уже не до разборок в клубе, не до поиска Бизона и не до терок с Кувалдой. Моя жена находится в реальной опасности, а я от нее за три тысячи километров!

Первая мысль мелькнула о том, что нужно все послать на хрен и лететь в Италию. Но потом я немного остыл и рассудил, что даст мой приезд? Ландау сменит тактику и может нанести удар с другой стороны. Я до сих пор не выплатил ему прайсы за побитые тачки. У его юристов есть протокол и видео-подтверждение того, что это сделал я. При желании он может найти кучу других

способов меня достать. Его ресурсы с моими рядом не стояли. Только основной его бизнес по оценкам экспертов сейчас на рынке оценивается в сотню миллионов баксов. Если он задастся целью меня сделать, особых проблем на пути не встретит и обдерет как липку. Открытую войну мне не выиграть. Тут нужно действовать по-другому.

Чем больше я думал о Ландау, тем больше понимал, что нормальный мужик, так вести себя не будет. У него явные проблемы с психикой. Верона как-то мне сказала, что у него боязнь прикосновений. Я думаю, что гаптофобия у него возникла в подростковом возрасте, а причин может быть множество, от насилия до боязни и стеснения собственной эрекции в период полового созревания.

На подъезде к фитнес-центру я стал получать от Софии сообщения. Она выслала мне список мест, которые планировала посетить с Вероной и я его одобрил. С каждым днем София нравилась мне все больше, а Анна все меньше. Я рад, что у Курта такая смышленная девчонка и мысль что она сейчас с моей женой грела мне мотор. Что не заметит Верона, София просечет на раз-два. Я видел, как она вела себя в баре и на свадьбе, и не раз дал понять корешу, что ему нельзя ее упускать, но это он уже и без меня понял.

Курт прислал мне сообщение, что приедет на онлайн-трансляцию, а потом предложил вместе выпить в коттедже, а заодно присмотреть за Анной. Как и ожидалось, Оборотень ее отшил и больше не выходил на связь. С одной стороны мне по кайфу, что этот мозгокрут не будет ошиваться в коттедже около моей жены, а с другой я напрягаюсь, поведение Оборотня на свадьбе было, скорее, атипичным. Он потрепал нервы Вероне, а этого я просто так оставить не могу. Я намерен заехать к нему завтра и перетереть ситуацию. Мне нужно убедиться, что он не потянет к ней руки, когда меня не будет рядом.

Паркуюсь на стоянке, но не успеваю выйти как снова звонок. Смотрю на определившийся номер, это моя мать. В памяти мгновенно всплывает разговор с Вероной. Накануне она мне пыталась втолковать, что у матери появился любовник. Я, конечно, не поверил, мысленно усмехнулся, но Верона так ярко описала состояние матери, что придумать такое трудно, да и зачем ей.

– Ма, как дела? – мой голос спокойный, не хочу давать ей повода для нервяка, у нее и так недавно был сердечный приступ, а потом еще мне пришлось

объяснять, по какой причине я отправляю Верону срочно в Италию. Все это не добавило матери спокойствия, и я предполагаю, что мне сейчас предстоит выслушать лекцию под названием «Будь осторожен».

– Сынок, можешь сегодня подъехать ко мне на работу?

На моем фэйсе отражается гримаса недоумения. Не припомню, чтобы мать хоть раз просила меня подъехать к ней на работу. Однажды я сам заявился с Вероной в Академию, чтобы уладить ее траблы с общежитием, чем вызвал переполох среди ее сослуживцев, пожалуй, это был единственный случай.

– Во сколько? – уточняю я, но уже понимаю, что не поеду.

– Чем раньше, тем лучше.

– Что-то срочное?

– Да. Поэтому и звоню.

Ее тон мне не нравится, такое впечатление, что она не одна в кабинете, говорит скованно, даже с опаской. Обычно она трещит минут пять о новостях из жизни брата и отца, а тут сразу вопрос в лоб.

Что ж такое сегодня происходит? День засад или у меня уже паранойя?

– Сейчас у меня неотложное дело, как освобожусь, сразу наберу. Ты до какого времени будешь в Академии?

– Дождусь тебя, только потом поеду домой.

Я замер. Чего? То есть разговор такой серьезный, что она, не поговорив со мной, не поедет домой?

– Ма, что случилось?

– Давай не по телефону...

– Ма! Намекни хотя бы! – она знает, что я не отстану.

– Много лет назад я приняла неверное решение и теперь придется за это расплачиваться.

– Дело семейное? – уточняю я и, не дождавшись ее ответа, с облегчением вздыхаю. Главное, что все здоровы, с остальным как-то справимся.

– Сугубо семейное, – подтверждает мать уже дрожащим голосом.

– Лады, ма, я постараюсь вырваться к тебе через пару часов. Ты не нервничай. Разберемся. Лекарства пьешь?

– Пью, – еле слышно отзывается мать, и я понимаю, что она уже плачет.

Что ж там такое? У меня в мозгу взрываются петарды. Ни о чем другом я уже думать не могу. Еще раз подтверждаю свой приезд и нехотя разрываю связь.

Годзилла встречает меня у входа в боксерский зал. По его мрачному виду понимаю, что у него есть новости и они меня не обрадуют. Внутренне я уже был готов, что у нас возникнут проблемы с Кувалдой и его конвоирами. Пока я не знал, как к этой проблеме подступиться, но сегодня многое должно проясниться и я намерен по ходу принимать решения. Это значит, что мне нужно быть собранным и сосредоточенным, а из-за Ландау и матери я весь дерганый и ворвался в зал в полном раздраиве.

Увидев мое состояние, кореш хмурится.

– Думал только у меня сегодня адов день, но гляжу, тебя прицепом задело, – ехидничает он и протягивает свою лапищу.

У первого боксерского ринга вижу Кобру, киваю ей, мне с ней еще предстоит перетереть дела. Отвожу кореша в сторону. Пока тут все не завертелось, спрашиваю:

– Проверили крышу ночного клуба?

– Да, – Годзилла кивает и чешет затылок, – нашли технический люк рядом с вентиляционной шахтой. Использовался инженерными службами. Колян сказал, что через крышу уводили тех, кто хотел уйти из клуба незамеченным.

– Короче, о люке знали все, кроме нас, – делаю вывод я.

– Типа того.

– Ну? – я оглядываюсь кругом и кивком показываю на рабочих, устанавливающих оборудование для съемки. – Что тут у нас?

– Пробную онлайн-трансляцию назначили на шесть часов.

Смотрю на часы, если так, то я успею смотаться к матери.

– Отправил жену? – как бы, между прочим, интересуется Годзилла.

Я киваю.

– Что со слежкой? Смогли отследить базу конвоиров Кувалды?

Годзилла дает знак, мы выходим из здания. Он идет к моей тачке. Я отключаю сигнализацию. С кряхтением, будто старик он усаживается на пассажирское сиденье и тяжело вздыхает. Да, начало меня уже не торкает. Сажусь в тачку и включаю кондиционер.

– Полевые солдатики привели нас к генералу, – загадочно начинает Годзилла и усаживается ко мне вполоборота. – Помнишь Авакумова Генку?

Кореш говорит об опальном бизнесмене, что свалил два года назад за кордон. Мы покупали с Годзиллой у него инвентарь, когда он все распродал и готовился к отъезду. Хитрый и изворотливый. Хотел нас кинуть, но мы вовремя прочухали и подключили крышу. Братва вытрясла с него все деньги и в качестве компенсации кое-что даже прихватила.

– Ну?

– Кавалерия ему докладывает.

Я таращусь на кореша и не пойму, куда нас это может завести. Почему Годзилла такой мрачный? Нам этот Авакумов до лампочки. И тут до меня доходит!

– А Авакумов кому долю относит?

Годзилла называет фамилию, от которой я каменею. Теперь мне понятен весь расклад. Это правительственный чиновник, контролирующий игорный бизнес. Онлайн-гемблинг его компетенция. Тягаться с таким челом – смерть для бизнеса, и я тяжело вздыхаю.

– Вот и я о том же... – бурчит Годзилла.

После минутной паузы я тру лицо и выдаю.

– Теперь мы точно знаем, что в бои они не полезут.

– Полезут, – Годзилла бросает на меня обреченный взгляд, и я понимаю, что это еще не все новости. – Ты просил узнать, кто метит на мое место?

– Ну? – я напрягся.

– Есть один бродяга. Ираклий какой-то там швили-замили, – Годзилла кривится, изображая ненависть к конкуренту, но я уже вижу в его глазах панику. – Раньше работал на федерацию бокса. Потом ушел частным тренером. Толстосумов гонял по рингу. Тогда видать, пристрелялся к нашей идее. Я попросил своих пацанов пробить, не связан ли он с этой шушерой, что за Генкой стоит. Так и есть...

Черт! Я просил Годзиллу не вмешивать пока блатных, но он не послушал, Видать, как только понял, с кем имеем дело, из памяти стерлись все наши договоренности.

– Перед отъездом Авакумов год тренировался у этого Швили. Он, было, полез к бойцам-федералам, но его быстро отловили и дали понять, что с ним будет, если он еще раз свой шнобель сунет. А тут мы! Готовые и на блюде.

– Ты так и не выяснил, на чем Кувалда прокололся?

– Покер, – выплюнул пренебрежительно кореш.

– Твою ж мать! – я стукнул кулаком по торпедо и еще долго пялился на вмятину. – Проклятье! Ведь перетерли же с ним. Побожился, что в завязке и на тебе! Один... – я матюгнулся, – с наркотой связался, другой с покером, ну не живет братва спокойно.

– Каждый через свое дерьмо проходит, – весомо выдал Годзилла и уставился на вход в центр.

Я проследил за его взглядом, в дверях маячила Кобра. Тоже ждет своей очереди. Смотрю на часы и тороплю кореша:

– Это все? А то мне к матери надо смотаться.

Годзилла выдает пару накопившихся рабочих вопросов, я даю свои рекомендации. Он кивает и собирается выйти. И тут меня снова торкает!

– Слушай, – я аж подпрыгнул, – а не тот ли это Иракий, у которого Мангуст тренировался?

Год назад мы с Мангустом начистили друг другу фэйсы. Этот пень решил меня уму разуму поучить, и я сорвался. Признаю, был в тот день весь на взводе, только и ждал, когда кто-то под руку попадет и это оказался Мангуст. Нас разнял Курт, они давно кореша, еще с армейки. Именно Курт привел его в клуб. После этого Мангуст постоянно мне пакостит. Если он знает Авакумова и этого тренера, то общая картина мне ясна. Он мог дать всю инфу по боям. Ведь Курт часто меня подменяет, а Мангуст липнет к нему как лейкопластырь к порезу. Теперь нужно продумать, как выйти из этой ситуации с минимальными потерями, а в этом вопросе мне без Курта не обойтись. Похоже, нас с корешом ждет не вечер расслабухи, а разработка стратегии сразу по нескольким делам.

Годзилла не ответил, запыхтел и зажегся как красная звезда на кремлевской башне, а потом торпедой сиганул в центр. Кобра двинулась в мою сторону, но я жестом дал ей понять, что скоро вернусь и она нырнула в здание вслед за Годзиллой.

Глава третья

Вера

Нас разместили в гостинице «Palazzo Victoria» в самом сердце Вероны в старинном здании XIV века. Я бродила по этим местам с Руссо и от воспоминаний щемит в груди. Гостиница похожа на роскошный дворец или музей. После короткой экскурсии, администратор рассказал нам немного об истории отеля и его реконструкции. Нас с подругой поселили в одном номере. Мы с Софой сами приняли это решение, от чего охрана испытала заметное облегчение. Видимо, так им легче за нами присматривать. Трое телохранителей разместились в соседнем номере и поочередно дежурили в коридоре.

В первый же вечер Софа вызвала в номер стилиста, которая занималась нашим майкапом и прическами. Открыв ей дверь, я в недоумении перевела взгляд на подругу.

– Мы идем в оперу! Руссо одобрил. Сказал, что ты в последние дни по его вине подвергалась колоссальному стрессу и теперь он перед тобой в неоплатном долгу.

Я закатила глаза, конечно же, так он и сказал!

– Ладно, это моя версия! – сдается Софа. – Дословно он написал так: «Если с охраной, можете хоть голыми в ночном клубе отплясывать, только потом не удивляйтесь, что ваши сиськи и зады появятся на YouTube».

Вот это больше похоже на правду и по характеру сообщения я понимаю, что у Руссо и без меня проблем хватает. Он зол, но не на меня. Видимо, кто-то ему уже начистил перышки и он целый день на адреналиновом коктейле.

– Скажи ему, что его звездность никто не переплюнет, – смеюсь я, вспоминая похождения своего ненаглядного в дни нашей ссоры.

Сердце сжимается от тоски, я уже по нему скучаю. Хватаю телефон и в ожидании своей очереди на преображение просматриваю наши фотографии, которые сделала в Швейцарии. Время еще есть, и я решаю с ним пообщаться. Набираю текст:

Ты свободен? Мы собираемся в оперу. У меня есть минутка. Хотела услышать твой голос.

Но в ответ тишина. Видимо, нет. Поджимаю губы и убираю телефон в карман гостиничного халата.

Пока Софе накручивают пряди волос, она строчит кому-то как пулеметчица. Я спрашиваю, с кем это она так схлестнулась, Софа отвечает:

– С Анькой. Дура со стажем и двумя наградами от Джорджа Буша и Арнольда Шварценеггера.

У меня лицо вытягивается от удивления.

– А чем тебе Шварц не угодил?

Софа надувает щеки и пытается изобразить манеру речи Арнольда.

– Полагаю, что гей-брак – это именно то, что непременно должно быть между женщиной и мужчиной.

Я прыснула от смеха.

– Да он прикалывался, ну не может же быть он таким тупым, – пытаюсь оправдать кумира девяностых.

– Скорее всего, прикололись его спичрайтеры. Арни даже по бумажке плохо читает.

Вспоминаю, с чего начался разговор и спрашиваю про Анну, чем она титул дуры заслужила.

– Пишет, что Габ просит ее одуматься, типа они вместе год и любят друг друга, она просто оступилась и так далее... – Софа закатывает глаза. – Тот еще лох, на хрена она ему такая нужна, если бежит со свадьбы с первым встречным как Валерия Мессалина с царского ложа в закопченный дымом светильни лупанар.

Пока подруга возмущается, я вспоминаю еще об одном геморрое своей жизни – Исчадии Ада. Мать честная! Окружили со всех сторон одержимцы! Ведь он Анну неспроста выбрал, прочувствовал и рассчитал. К Софе он бы никогда не смог подкатить. Она бы его сразу отшила. Так может Софа права? Анна слишком легкомысленна и еще не готова к серьезным отношениям? Если вообще когда-нибудь будет готова.

К замужеству мама меня готовила лет с двенадцати. До шестнадцати лет не учеба, а кулинария, шитье, домашнее хозяйство и огород были моими приоритетами. Это уже два последних выпускных года мама мне нанимала репетиторов и готовила к поступлению в институт. Но вышеперечисленное не исключалось из моей жизни, а совмещалось. Если я начинала ныть, мама упирала руки в бока и говорила: «Меньше трепись с подругами и читай своего Гарри Поттера, а больше работай и учись, тогда все будешь успевать».

– Не понимаю, как можно надеть кольцо, дать согласие на брак и тут же закрутить с другим? Это ведь только подтверждает, что она еще не отошла от того что у них с Габом произошло. Злитесь на него и тут же дает согласие... Вот где она промахнулась. Габ точно не для нее. Зачем спрашивается тогда весь год с ним тусила?

Я пожимаю плечами. Софа на своей волне. Задумываюсь над ее словами. Разве разберешь, почему человек поступает так, а не иначе, пусть даже близкий... Тут в себе не можешь разобраться. Я закусываю губу и вспоминаю собственную реакцию на Оборотня. Там были не только страх и волнение, но и вожделение, хотя мне стыдно в этом признаться даже самой себе. Интересно, если бы не Руссо, смогла бы я встречаться с таким как Оборотень? И тут же себе отвечаю, что нет, с таким бы я не связалась. Это точно! Вампирская субкультура не по мне!

Аристарх

Мать встречает меня в своем кабинете вымученной и тусклой улыбкой. Всю дорогу я ломал голову, что же за решение она приняла, из-за которого теперь нужно бучу поднимать. Ну приняла и приняла. Как говорится, сделай выводы и живи дальше. Мне-то зачем знать о ее ошибках?

– Сынок, – голос дрожит, она показывает на кресло и садится рядом.

– Ма, – сжимаю ее руку, давая понять, чтобы не волновалась. – Этот разговор так обязателен?

– О! Ты не представляешь как... – она с опаской глянула на дверь.

Похоже, мать кого-то ждет. Видимо, откровения не только для меня.

– Отец тоже приедет?

Мать вздрогнула и посмотрела на меня таким ошарашенным взглядом, будто я только что ее матом обложил.

– Не знаю, – она растеряна и расстроена.

– Ладно, ма, что у тебя? – кидаю взгляд на свои «Дизели». Половина пятого, а мне еще минимум час добираться до фитнес-центра.

– Сынок, – мать заламывает руки и тяжело вздыхает, – не знаю, как начать...

Да что это с ней?!

– Ты узнала что-то о гибели Авроры? – пытаюсь прощупать почву.

Она мотает головой.

– Это касается меня, тебя и еще одного человека.

Я хмурюсь и сжимаю кулаки. Почему-то я решил, что речь пойдет о Лили и мать это сразу поняла. Она сделала вздох и выпалила на одном дыхании:

– Платон тебе не родной отец!

Меня будто бетонной плитой придавило!

– Чего? – от шока я вцепился в подлокотники кресла и вытаращился на мать неморгающим взглядом.

Проклятье! Как такое возможно?!

Минуту я буравил ее лицо, она краснела, бледнела, плакала, но так и не заговорила. За шестьдесят секунд передо мной пронеслись детские воспоминания, в которых неизменно присутствовал отец. Между нами всегда было взаимопонимание. Можно смело сказать, что стычка в больнице из-за Вероны был единственный его наезд. Отца я уважал и старался следовать его примеру. А уважать было за что. Он – человек слова, добрый, заботливый, душа компании. Дома он первый заводила. Мы с Авророй были его помощниками и сообщниками буквально во всем. Если бы мне сказали, что мой старший брат ему не родной, то я бы быстрее поверил, но я...

Прочистил горло, спрашиваю:

– А он знает?

Мать кивнула. От этого мне почему-то стало легче.

– Не поздно ли для таких признаний?

– Был бы выбор за мной, я и под страхом смерти никогда в этом не призналась, но... решаю не я...

– А кто? – я уже знал ответ.

Мать смотрела на меня с мольбой.

– Теперь ты меня будешь ненавидеть...

– Кто он? – не уходил я от темы.

– Вот на этот вопрос труднее всего ответить.

– Как это? Он что призрак? – нервно хохотнул я, но мать на меня так посмотрела, что я осекся.

– Именно в этом и кроется проблема. Долгое время он действительно был призраком.

– Рассказывай, ма, с самого начала, – это была не просьба и мать закивала.

Ее рассказ растянулся на час и прерывался то на сморкания, то на извинения, иногда она соскакивала и бежала в приемную к кулеру выпить воды. За этот час передо мной развернулась многолетняя семейная трагедия, о которой я даже не подозревал.

По словам матери, когда Севе было два года, она влюбилась в другого мужчину. Долго боролась со своими чувствами, но, в конце концов, под напором оборотистого хахаля ушла от отца. Из-за кочевого образа жизни теперь уже сожителя, а как я понял, он человек служивый, мать постоянно переезжала с квартиры на квартиру, из города в город. В таких условиях воспитывать сына было нельзя и Сева остался с отцом. А когда они наконец-таки осели, отец заартачился, не давал развод, грозился лишить мать материнских прав и родители решили пока ничего не менять. Вскоре мать забеременела мной, а за два месяца до моего рождения биологический папаша исчезает с радара как сбитый самолет. Две недели мать сходила с ума, а потом к ней подчалили два типа, предъявили корочки и разъяснили, что ее любимый будет отсутствовать в стране не менее пяти лет и ей лучше вернуться к прежней жизни. Из этой реплики я понял, что крендель, который бросил меня и мать типа секретного агента. Тьфу! Мало в моей жизни было драйва, еще одна головная боль подвалила.

Короче... мать перед родами приехала на неделю повидать Севу. Отец узнал, как обстоят дела, и уговорил ее вернуться. Сказал, что примет меня как

родного и никогда не вспомнит о случившемся, кстати, главным его условием было: биологический отец не должен претендовать на ребенка.

Прошло пять лет, объявился Джеймс Бонд и начал качать права. Но мать быстро ему объяснила что почем. Я так понял, работодатели тоже подключились и папашка отступил. Так сказать приказ есть приказ. Ему разрешили видеть меня, но не разрешили говорить кто он мне. В памяти всплывает дядя Яша, и я хмурюсь. Так вот это кто! Помню его смутно. Особо часто он появлялся в период начальной школы, а потом опять пропал. Последний раз мы виделись, когда мне было четырнадцать. Мать уговаривала меня с ним пообщаться, но я извинился, брякнул, что меня ждут друзья и был таков.

Наверное, все бы этим и закончилось, но после свадьбы пропала Аврора. Они с мужем уплыли на парусной яхте в кругосветку и исчезли где-то в районе островов Фиджи. Это было самым черным периодом нашей семьи. Мы подключали всех, кто мог помочь в поисках. Мать призналась, что позвонила папашке-Яшке и попросила о помощи. После этого он стал звонить чаще и узнавать новости из моей жизни. Периодически он пропадал, потом снова всплывал. Мать уже привыкла к такому графику общения и не делала из этого проблему.

А недавно я попал в поле зрения его следственной группы, которая следила за моим партнером. Я напрягся, партнеров у меня много, хрен его знает, где я там засветился, а мать не знала ни имен, ни деталей.

– Он сам хочет все тебе рассказать.

Мой мозг пошел в обработку данных, вспоминаю инцидент на парковке перед клубом в день свадьбы.

– Это с ним ты говорила на стоянке клуба?

Мать кивнула.

– Он хотел тебя поздравить со свадьбой, но отказался ломать дальше комедию с «дядей», сказал, что ты уже мужчина и должен знать правду. Что вам предстоит совместная работа с помощью, которой он хочет с тобой сблизиться. Он намерен общаться и отступать не собирается.

– Ясно, – я потер лицо. Похоже, мне предстоят «веселые» деньки. – Что вы от меня-то хотите?

– Он хочет поговорить...

– Это я понял, – огрызнулся я и зыркнул на мать, – прямо сейчас?

Она потянулась к телефону, отправила сообщение, через минуту пришел ответ.

– Он говорит, что найдет тебя позже сегодня или завтра с утра.

Я не в силах был продолжать этот разговор, поднялся и поплелся к двери. Меня штормило. Ноги ватные. Не понимаю как мне вести себя с новоиспеченным папашей-Яшей. Не могу даже уложить в голове это родство. А самое главное как мне вести себя с отцом? Ведь кто бы там не объявился, мой отец – Платон Иванович Романов и всегда останется таковым. Никто этого не изменит.

Я уже открыл дверь, когда мать обрушила на меня еще одну новость, от которой мне поплохело не меньше, чем от предыдущего признания.

– Сынок, я уйду от Платона.

Резко обернувшись, я прожег мать ненавистным взглядом. Да, сейчас я ее точно ненавидел. С моей точки зрения это реальное предательство. Не представляю, что чувствует сейчас отец. Он выполнил все взятые на себя обязательства, простил ее и никогда не упрекал. А когда любовничек снова замаячил перед глазами, мать в очередной раз потеряла ориентиры и кинулась ему в объятия.

С минуту я смотрел на мать, по моему лицу она поняла, что я о ней думаю и залилась слезами. Да, моя мать меня понимает без слов!

Выскакиваю из Академии и бегу к тачке. В голове полный кавардак. Сердце разрывается на куски. Не успеваю сесть за руль, на телефон приходит смс от Вероны. Она хочет поговорить, а я не могу сейчас даже рта открыть. Малышка, может позже... Тянусь к телефону, хочу набрать ей смс, но руки не слушаются. В глазах темнеет, а потом провал...

Стук по стеклу выводит меня из ступора. Поднимаю голову и вижу Курта. Оглядываюсь по сторонам. Я на парковке фитнес-центра. Как я сюда доехал? Черт его знает! Нажимаю на стеклоподъемник.

– Годзилла сказал мне о Мангусте.

Несколько секунд смотрю на кореша и пытаюсь привезти мысли в порядок. Меня мутит. Первая волна шока прошла, в сознании начался процесс укоренения

сногшибательной новости. Выпить бы сейчас, но я знаю, чем все закончиться и тут же отвергаю эту мысль.

– Черт! Бро, если бы я знал... Я звонил этому уроду, трубу не берет. Встречу – начищу фэйс, – Курт тушит окурок ботинком и смачно сплевывает.

О чем он толкует? Мозг дает запоздалый повтор. Так, кажется, мы говорим о Мангусте...

– Вставай в очередь, – брякаю я первое, что приходит в голову.

Выключаю мотор, вылезая из машины и плетусь за корешем в здание. Мне нужно срочно собраться духом и принять рабочий вид. Бреду в сторону туалетов. Споласкиваю лицо и возвращаюсь в бойцовский зал. Все вокруг гудит как улей. Персонал настраивает оборудование и осветительные приборы. Массовка вокруг ринга разминает кости. Я так понял, им предстоит поднять градус драйва.

Кувалда и его конвоиры стоят у ринга. Явно на нервяке. Все трое сверлят меня таким взглядом, будто я сейчас пойду на них врукопашную. Да, видок у меня после разборок с матерью еще тот. Подхожу, здороваюсь с партнером, перекидываемся парочкой дежурных фраз. Кувалда спрашивает, буду ли я сегодня делать ставки, я в отказ. Для себя я давно решил, что к онлайн-ставкам даже на дух не подойду. Вся троица крысится, видать Кувалда болтанул друзьям, что я ставлю по-крупному, а те и раскатали губу. Делаю вид, что происходящее меня особо не волнует, не хочу, чтобы эта троица что-то заподозрила. Пока я еще не придумал, что мы сделаем с Кувалдой, поэтому придерживаюсь своего золотого правила «Если не видна конечная цель навостри уши и сиди в засаде». Чуйка шепчет мне, что не всех действующих лиц мы видим на сцене, возможно, есть еще парочка серьезных игроков, которые сидят тихо и ждут своего часа.

Годзилла и бойцы поодаль готовятся к боям. Кореш дает каждому подопечному последние наставления. Я никогда в этот процесс не лезу – это его вотчина, поэтому нахожу Курта и жестом показываю ему в сторону раздевалок. Падаю пятой точкой на деревянную скамью, что стоит вдоль стены, и на одном дыхании рассказываю всю ту муть, что вывалила на меня мать. Мне нужно с кем-то поделиться, чтобы не сорвало крышу, а я уже чую, что еще чуть-чуть и меня понесет. Курт бледный как поганка, сопит, на меня не смотрит, наблюдает за рингом, где разминается первая пара бойцов. Со стороны можно подумать, что он

не слушает и ему пофиг, но я-то знаю кореша, он в еще большем ступоре, чем я. Помимо того, что только что влилось в его уши, послезавтра ему отчаливать на точку сбора группы. Вернется ли он с задания, знает только Господь Бог, а он, по понятным причинам, с нами не делится.

Когда я понимаю, что комментария от кореша не дождусь, поднимаюсь и шагаю в сторону ринга. Встаю рядом с Годзиллой и молча пялюсь на Пегаса – клубного рефери. Тот отсчитывает время, звучит гонг, начался бой. Я в родной стихии. Бои – мой особый драйв – дают мне заряд бодрости и энергии. С первыми ударами я почувствовал облегчение, а к концу боя меня окончательно отпустило. Пришло понимание, что я столкнулся с проблемой, которую с наскака не решить. Чую, что мать и новоиспеченный папаша-Яша выпьют у меня кровушки не один галлон. Но от одной мысли, что я не один, у меня теперь есть Верона, становится легче. Как же мне сейчас ее не хватает! Черт! Моя малышка успокаивает меня одним своим присутствием. Ей даже говорить ничего не надо, просто сидеть рядом и каким-то удивительным образом я сам прихожу в норму.

После первого боя ко мне плетется Кувалда с каким-то свертком в руке. Я замер и потерялся в догадках. Чего ему надо? За ним как бы за компанию влачиться один из конвоиров, близко не подходит, но останавливается так, чтобы слышать наш разговор.

– Руссо, на свадьбу приехать не смог, не взыщи, – Кувалда вручает мне сверток, – но подарок по случаю купил.

Сначала я опешил, Кувалда никогда и ни при каких обстоятельствах не дарит подарки, собственно как и вся остальная мотобратва. Обычно скидываются наликком, таксу никто не озвучивает, каждый кидает на кон в зависимости от близости знакомства и собственных возможностей.

– Открывай! – Кувалда светится как уличный фонарь.

Распечатываю сверток и вижу настенные часы. Тихо охреневаю. Наружу рвется едкий комментарий. Часы? Это глум такой? Но тут же даю себе команду остыть. Кувалда ведет себя странно, косится на конвоира.

– Они с кукушкой, – весомо произносит партнер, приобнимает и сжимает мое плечо.

Его загадочный вид подсказывает мне, что это иносказание, а значит, Кувалда передал мне какой-то знак, а может инструкцию к действию. При конвоирах, понятное дело, разобрать часы не могу, но руки, конечно, чешутся. Кривлюсь в деланной улыбке и благодарю за подарок. В отличие от меня на лице Годзиллы все эмоции. Хорошо, что конвоиры сейчас на него не тарашатся, всех бы спалил.

– Увидимся, – Кувалда плетется назад к своим «друзжкам», а я сую часы в спортивную сумку и закрываю ее в своем шкафчике.

Ловлю вопросительный взгляд Годзиллы и даю знак, что поговорим после боев.

– И что ты будешь делать? – слышу вопрос, оборачиваюсь и вижу Курта.

Кореш стоит все еще бледный и чешет затылок. Я понимаю, что он о новости, которую я ему поведал и отвечаю:

– Пока я не в состоянии даже уложить все это в голове.

– Да понятно все, но ты собираешься с ним хотя бы поговорить?

– Вроде он сам обещался заявиться.

Курт хмыкает, поглаживает коротко стриженные волосы. Мне не хочется развивать эту тему, и я перевожу разговор на его армейского друга.

– После боев надо перетереть с Годзиллой на счет Мангуста.

– Бро, я сам его сделаю, – Курт бьет ногой по выступу в стене.

Мотаю головой.

– Решать будем все вместе, – говорю так, чтобы понял.

Тут уже не дружеский базар, тут наезд на бизнес. Курт пытается оправдать Мангуста, типа, может его поймали, талдычит, что тот не силен в стратегии, мол, напоили и вывели у него все детали. Я кривлюсь, давая понять, что не верю в невиновность его однополчанина. Мангуст давно мне пакостит и при встрече не скрывает свою ненависть. Он даже пытался перед захватом бара приударить за Вероной, но она его проигнорировала.

Вспоминаю о баре, о таинственной смске, которую получил перед налетом и хмурюсь. Никто из бро мне ее не посылал, по крайней мере, те, у кого я спрашивал. Черт! Совсем забыл пробить номер. Сразу после этого связь с Драконом прервалась, а такой информацией снабжал меня только он.

– Ты мне нужен завтра утром на встрече с Драконом, – говорю Курту и рассказываю всю инфу, что узнал через него.

– Если бы не мой отъезд, то сам бы возглавил поиски Бизона, – Курт переминается с ноги на ногу.

Вижу, он сам не рад, что подвязался под командировку, но назад ходу не дашь, он уже пробовал, не прокатило. Сам слышал, как он пытался что-то там втюхать про отца и безопасность семьи. Ответом был отказ. Типа раньше надо было думать.

После боев все расходятся. Кувалда говорит, что нужно еще раз встречаться и все обсуждать. Мы киваем, со стороны полное взаимопонимание. Черт! Как меня достал этот цирк!

Кобра отводит меня в сторону и говорит, что завтра днем в клубе будут вскрывать сейфы Бизона. Я прошу держать меня в курсе и обещаю подскочить ближе к вечеру. К нам присоединяются Курт и Годзилла. Перетираем уже все вместе старт женских боев. Кобра хочет сама участвовать. Не знал, что у нее черный пояс по добровольному идиотизму! Вот чумичка! Завтра в клубе вставлю ей мозги.

Как только Кобра слиняла, Курт заценил мой видончик, потащил на ринг и влепил по самые помидоры. От первого же пропущенного удара я взбодрился и вскочил на привычную волну.

– Отпустило? – спрашивает меня Курт после боя, перешагивая через канаты. Корешь знает, как мне помочь!

Я киваю и плетусь в душевую. Уф! Мне реально легче.

Пока мылся, думал о Вероне. Я скучал по ней точно родившийся младенец по матери. Она стала для меня самым важным созданием, ради нее я простился с холостяцкой жизнью. До встречи с ней я был уверен, что буду рысачить бобылем лет до сорока, а сейчас, оглядываясь назад, мне удивительно, как я вообще жил без нее. Она мой воздух, мой источник жизни и вдохновения. Не представляю, что было бы, если она не выскочила на ринг и не бросилась на Волка. Мы могли никогда не встретиться. От этой мысли по телу пробегает дрожь.

Вышел из душа, обтерся полотенцем и потянулся к телефону. Еще раз прочитал ее сообщение и наконец-то написал ответ.

Малышка я сегодня плохой собеседник, но как приду в норму, сразу наберу. Скорее всего, уже завтра. Ок?

Долго ждать не пришлось. Верона тут же ответила:

Береги себя! Буду ждать звонка...

Другого я от нее и не ждал. Моя жена все понимает и старается не трепать мне нервы глупыми вопросами и мелодрамой. Она могла написать, как напугана действиями Ландау и кукситься от вынужденной разлуки, но нет... просто будет ждать.

Из встроенных динамиков в потолке раздается душещипательная песня, прислушиваюсь, нда, будто про нас с Вероной. Не знаю, что за группа и забиваю поиск в инете по фразе из припева. Копирую слова и отсылаю жене. Пишу, что присоединяюсь к каждой строчке песни, что лучше даже при желании не получится сказать. Она не отвечает, но я точно знаю, что плачет. Моя малышка сентиментальна до беспредела. Раньше меня это раздражало, а сейчас даже торкает. Она моя противоположность и своими слезами умиления частенько растапливает мое окаменевшее сердце.

Корешам я дал понять, что хрен его знает, чем натыкали зал после этой гребанной трансляции и мы решили зависнуть в коттедже. Плетемся с Годзиллой и Куртом к моей тачке. В дороге берем несколько коробок пиццы и три упаковки пива, тащимся в пробке по Рублевке. В пути замечаю «хвост» и говорю корешам. Годзилла просит его скинуть, но мы на джипе, а не на прокаченном «Мустанге». Делаю несколько обманных маневров, но «хвост» держится плотничком и не отстает.

– Люди Кувалды? – осведомляется у меня Курт.

Но я уже ни в чем не уверен. Это может быть кто угодно, от спецов Ландау, у него не просто служба безопасности, а вышколенная армия, до моего папаши-Яши, который мог заявиться в фитнес-центр и ждать подходящего момента для разговора. Я больше склоняюсь ко второму варианту, что-то мне подсказывает, что Джеймс Бонд частенько за мной приглядывает. От очередной догадки я обмер, а не он ли послал мне ту гребанную смс перед захватом бара? Ведь он мог знать о готовящейся операции и отслеживать мои передвижения.

Черт! Хочу я или нет, но мне придется с ним перетереть, и в конце встречи дать установку, чтобы впредь не путался под ногами и держался от меня подальше.

Вера

Выходя из отеля, я пребывала в полной уверенности, что мы пойдем пешком – Софа заставила меня надеть платье с длинным рукавом и взять с собой почти невесомый палантин из норки. Но у входа нас ждал все тот же эскорт, что встречал в аэропорту. Мое любопытство дошло до точки кипения, когда мы выехали из Вероны и помчались на юг. На вопросы Софа не отвечала, пожимала плечами и загадочно отшучивалась. Вот плутовка! Как и Руссо, ей нравится меня дразнить. Но по сравнению с ним она нетерпелива. В середине пути не выдержала и призналась, что мы едем в «Театро Комунале» в Болоньи на «Травиату». Мне это ничего не говорило, но по виду подруги я сделала вывод, что это какой-то знаменитый театр. Расспрашивать не стала, углубилась в телефон и прочитала историю театра и сюжет оперы. Узнаю, что в переводе с итальянского Травиата означает падшая или заблудшая. Изучаю сюжетную линию, на глаза наворачиваются слезы.

– Чего опять? – ворчит Софа и закатывает глаза. – Можно хоть один день без слез?

– Так жалко Виолетту, – тянусь к клатчу за платком и поправляю макияж.

– Кого? – Софа округляет глаза. – Опять читала форумы о несчастной любви?

Обычно этим занята Анна, но я понимаю, что Софа «перепутала» нас намеренно, чтобы меня позлить. До меня вдруг доходит, что хоть она и посещает места искусства, но не вникает в суть происходящего. Мои подозрения подтверждаются, когда я включаю арию из оперы «Тоска» и говорю, что нам предстоит ее сегодня слушать.

– Выключи эту бредятину, – ворчит подруга.

– Зачем ты потащила меня в оперу, если она тебе не нравится?

Софа морщиться, будто проглотила лимон.

– Мама ворчит, что я прожигаю жизнь и не вылезаю из клубов, хотя по сравнению с Лондоном, в Москве я живу как монашка, – подруга щиплет меня за ногу, – и все из-за тебя! Сначала приучила меня к домашним вечерам и еде, потом познакомила с братом.

Я познакомила? Меня аж передернуло! Вопиющая ложь. Она вцепилась в него мертвой хваткой, будто он последний мужчина на Земле.

– Надо приобщаться к прекрасному, – она хихикает и подмигивает мне. – Если размещу в инста фотку из оперного театра, френды все попадают!

Софа имеет в виду лондонских друзей. В Москве она общалась только со мной, Анной и Саней. Даже одноклассники не удостоились чести. Она будто замкнулась и намеренно не хотела расширять горизонты.

Через полтора часа мы были на месте. Здание театра, огромный зал и нарядная публика вызвали во мне такое волнение и восторг, что усаживаясь на свое место в ложе, я еле справлялась со своими эмоциями.

Еще до начала оперы Софа сделала несколько селфи и разместила в социальных сетях. Тут же посыпались комментарии, подруга уткнулась в телефон, то фыркала, то расплзлась в самодовольной улыбочке. Самые удачные на ее взгляд сообщения она нашептывает мне, отвлекая от происходящего на сцене. Оказывается, в один из кадров попала я, и парочка друзей тут же завалили ее вопросами: кто я и как зовут. Софа так распалась, что ее не смогли остудить даже шиканья и замечания из соседних лож. Меняхватило не более чем на полчаса, потом я выхватила из ее рук телефон и поставила условие, либо она идет в фойе судачить со своими друзьями, либо смотрит на сцену, но уже без телефона. Софа сдалась, хотя зыркала на меня с обидой почти весь оставшийся вечер. Но как только мы сели в машину, ее переписка перешла в следующую фазу и закончилась уже видео-звонками. Симпатичный парень по имени Саймон буквально выпросил у Софы пять минут разговора со мной. Я стеснялась и отворачивалась. Друг Софы с ходу завалил меня комплиментами, отмечая какие у меня сногшибательные глаза, он был так настойчив, что я уступила и перебросилась с ним парочкой фраз. За несколько секунд он прощупал почву и понял, что я нахожусь под впечатлением от оперы и начал меня расспрашивать о самых захватывающих моментах. Я послала ему ссылки на арии, и мы

обменялись впечатлениями. Как и предполагалось моего знания английского не хватало, и Софа вынуждено выступала в качестве переводчика. Разговор прервала подруга, грубо забрав телефон и сообщив англичанину, что я замужем и чтобы он не раскатывал губу. Типа отомстила, но на деле оказала мне неоценимую услугу.

– Саймон из богатой семьи и избалован вниманием подружек, – констатирует Софа, углубляясь в переписку, на этот раз уже с моим братом. – Обычно он встречается с моделями и актрисами. Постоянно тусуется в Майями и Лос-Анджелесе. Удивительно, что он проявил к тебе интерес, наверное, перебрал с бренди. Обычно он игнорирует русских девушек, считает нас голддиггершами – охотницами за богатенькими мужьями.

Я распахиваю глаза, да, кто меня не знает, может допустить, что я именно такая, ведь из всех друзей брата я выбрала самого богатого. Наверное, ни Софа, ни Саня даже не догадываются об истинном достатке Руссо.

Только я подумала о Руссо, как получаю сообщение, в котором он уведомляет, что на связь выйдет, скорее всего, только завтра. Меня это, конечно, расстроило, но Руссо меня предупреждал, что будет очень занят, поэтому я стараюсь не раскисать и пишу, что буду ждать его звонка. Думала, что он больше не напишет, но через пять минут получаю от него такой длинный текст на английском языке, что прошу помощи у Софы. Она читает, отмахивается и изрекает.

– Это песня «Unbreakable» группы «Westlife».

Я тут же нахожу перевод в интернете и начинаю лить слезы. Не могу остановиться и все. Мне наплевать на фырканья подруги, на удивленные взгляды телохранителей. Сейчас для меня существует только эта песня. Она будто написана про нас с Руссо. Слушаю ее несколько раз подряд и понимаю, что теперь она будет моей самой любимой. От Руссо я ее навряд ли услышу, голос у него сиплый, с хрипотцой, такое сладкоголосое исполнение не в его стиле, но одно то, что он провел параллель с нашей жизнью, дает мне понимание, что он думает обо мне, о нас и нашем будущем.

В отель мы вернулись уже далеко за полночь. От усталости валились с ног. После душа я сразу расстелила постель, пожелала подруге спокойной ночи и завалилась спать. Но поспать мне так и не удалось. Даже затычки для ушей,

заботливо приготовленные персоналом отеля не спасли меня от бурлящей деятельности подруги. Уже через полчаса я пожалела, что согласилась на совместное проживание. Как я могла быть такой недальновидной?! Скорее всего, это из-за страха, который нагнал на меня Адам. Слава богу, он отстал и больше не появлялся.

Софе постоянно кто-то звонил, посылал сообщения и даже музыку. И хоть она убегала на террасу, до меня периодически долетали обрывки ее разговоров. Первым позвонил Саймон и заявил, что хочет со мной пообщаться, а когда подруга сказала, что я сплю, он долго что-то насмешливо кричал в трубку. Я так поняла, что он не поверил, видимо, в его понимании, это было детское время, и подруга поднесла телефон к моему лицу. Я прищурилась от света экрана и что-то невнятно проворчала.

Она трещала целый час с матерью, а потом с какой-то Викторией. Ближе к трем часам ночи позвонил Саня, они почему-то ругались, я так и не разобрала причины. Апофеозом был звонок Анны. Она была на грани умопомешательства, рыдала и говорила, как она безумно влюбилась в Оборотня. К тому времени Софа выпила бутылку вина и обложила ее матом. Я будто горела в аду. Все тело ныло и просило отдыха. Последняя неделя была для меня такой насыщенной, что негативные эмоции били через край. Хорошо, что курсы начинаются только послезавтра и я смогу хотя бы днем выспаться. Если для этого мне нужно будет снять второй номер, я так и сделаю.

Аристарх

Телефонный звонок вырывает меня из сна. Открываю глаза и оглядываюсь по сторонам. Я в нашей с Вероной спальне в коттедже. Пытаюсь вспомнить, как сюда попал. Мы хлопнули добрую порцию пива, заели пиццей, которая встала у меня в желудке комом. Теперь меня мутит и штормит. Черт! Не могу без жрачки Вероны. Если меня не шлепнут во время этих разборок, то прикончит фаст-фут. Потом перетерли новости и выработали план дальнейших действий. Разошлись ближе к двум часам ночи. Смотрю на табло электронных часов – 2:45. Я и часу не спал.

– Алло, – отвечаю спросонья, не глядя на дисплей телефона.

– Сынок...

Слышу плач матери, заставляю себя проснуться.

– Где ты сейчас?

– В коттедже, – недовольно бурчу я. Не ожидал так скоро услышать мать, пока я не готов с ней общаться.

– Можешь приехать к нам домой?

– Зачем?

– Я не могу выйти из дома. Платон запер дверь на замок, от которого у меня нет ключа. А сам в гостевом домике... я боюсь, что он пострадает... понимаешь? Можешь приехать?

– Ушел и ушел. Остынет и придет, – голос сонный, я все еще надеюсь отмазаться и снова заснуть.

– Там крики... брань... я слышу грохот, – мать заскулила, – они там точно дерутся.

– Кто?!

Резко вскакиваю и впотьмах ищу шмотки. Меня шатает, но я чудом удерживаюсь на ногах.

– Я собрала вещи, хотела уехать. Платон не отпускал меня, а Яша заваливал сообщениями, сказал, если я не приеду к нему, то он сам за мной приедет. Вот и приехал.

Бррр... трясущей башкой. Черт! Началось! Натягиваю джинсы, ботинки и футболку. Ищу ключи от тачки, но потом отбрасываю их на тумбочку, я же выпил, придется вызывать такси.

– Сынок, у Яши пистолет и он натренирован как машина, а что Платон против него? У него больные суставы. Один удар и он не поднимется.

В голосе матери слышу беспокойство за отца и на душе немного теплеет. До меня доходит, что создавшаяся ситуация матери не в радость, что она на распутье. Вспоминаю, как она кричала на стоянке. Она не хотела, чтобы папаша-Яша со мной заговорил. Убеждала, что так будет только хуже.

– Ма, я еду. Успокойся. Разберемся.

– Ты пьян? – мать с полпинка вычисляет мое состояние.

– Выпил пива, пока доеду, буду в порядке.

– На такси?

Мать боится, что в таком состоянии я оседлаю байк. Как бы она ни была расстроена, материнский инстинкт всегда доминирует.

– Да, – брякаю раздраженно я и разъединяю связь.

Через полчаса выходим из такси у дома родителей вместе с Куртом. Как только он увидел, что я сонный и злой спускаюсь по лестницы, выдал, что в таком состоянии меня одного не отпустит и уцепился прицепом. Еще бы! Ему сваливать, а кто присмотрит за девчонками, если я буду на больничной койке или того хуже.

Открываю ворота своим ключом и натыкаюсь на брательника.

– Ты чего здесь делаешь? – здороваюсь с ним за руку и оглядываю двор.

Вроде все тихо, чего мать так подорвалась.

– Мне позвонили соседи, а потом я дозвонился до матери, – Сева смотрит на меня как на пришельца. – Что за чертовщина? Яша не брат матери?

Я понял, что мать уже успела выдать Севе новость века и кривлюсь. Обхожу его и бреду к гостевому домику. Краем глаза подмечаю, что входная дверь основного дома распахнута, а значит, мать уже выбралась наружу. Застаю ее возле окна гостиной гостевого домика. Она в панике прикрывает рот рукой и нервно переминается с ноги на ногу. Замечает меня и с облегчением вздыхает.

– Яша! Пожалуйста,пусти его! – кричит она в окно. – Аристарх приехал! Нам нужно просто всем сесть и поговорить.

Ускоряю шаг и подлетаю к домику. Оцениваю обстановку. Дверь закрыта, ключ вставлен с внутренней стороны. Единственное место, где нет решетки на окнах, это ванная комната и я направляюсь к восточной стене. Разбиваю арматурным прутом стекло и уже собираюсь влезть в окно, но слышу, что входная дверь открылась. Лечу обратно и вижу, как мать ныряет первой в гостевой дом. Сева и Курт залетают следом за мной.

Перед нами предстает картина под названием «Приплыли». Отец сидит на полу у дивана и бьется в истерике. Руки связаны за спиной его же ремнем. Штаны болтаются на бедрах. Рубаха распахнута. Пузо наружу. Волосы взлохмаченные. Лицо красное как помидор. Губа разбита. Взгляд затравленный. Мать бросается к

нему, но он рычит и отпихивает ее ногами. Не знаю, что делать, да и надо ли вмешиваться. Не каждый день моя мать пытается уйти к любовнику.

– Ты все это время общалась с ним! А мне лгала!

– Мы говорили только о сыне! – кричит мать и пытается развязать ремень, но отец снова ее отпихивает.

– Так и сказала бы, что говорите о сыне! Но ты скрывала! Значит, было что скрывать! Знаю я ваше общение! Ты сама говорила, что не можешь ему противостоять! Забыла?

Папаша-Яша сидит в кресле совершенно спокойный, будто ничего необычного в его жизни не происходит. На нем белая рубашка и черные джинсы. Кожаная куртка лежит в стороне. Он смотрит на меня, а я на него. Черт! Как же он похож на меня! Вернее я на него. Тут и генетическую экспертизу делать не надо. Рост, телосложение, а фэйс так просто копия: такие же зеленые глаза, трапециевидное лицо, прямой, заостренный к низу нос. Теперь понятно в кого у меня такой резко очерченный выступающий подбородок.

– Он мой сын! Мой! Ты позволяла ему видеть моего сына! Я же просил! Я же четко дал понять, чтобы не подходил ни к тебе, ни к сыну!

– Платоша, у меня не было выбора. Понимаешь? Либо так, либо он сказал бы ребенку правду.

– Он мой сын! Мой! – повторяет отец, вид такой, будто сейчас его Кондратий хватит. – Я его воспитывал! Ночами не спал, выхаживал больного, учил уму разуму. А где был он?

И тут подает голос Джемс Бонд.

– Ты воспитывал? Это благодаря твоему воспитанию он трижды чуть не загремел в тюрьму? Если бы не мое вмешательство, где был бы сейчас *твой* сын?

Яша говорит о моих похождениях после расставания с Лили. Трижды меня забирали в кутузку и каждый раз отпускали. Я-то думал, что меня отмазывали родаки, а выходит мать сразу звонила папаше-Яше.

– Сволочь! Какая же ты сволочь! – кричит отец не то матери, не то папаше-Яше.

– Остынь, Платон! – тон властный, почти диктаторский. – И давай без оскорблений. Ты же знаешь, за каждое слово придется ответить.

Первой реакцией было набить ему морду. Какого хрена приперся и устроил в доме бордель! Видать тут было жарко, раз соседи Севе звонили. Но глядя в глаза виновника заварушки, я мгновенно остываю. В памяти мелькают картинки из детства. Я стою в парке, передо мной на коленях папаша-Яша, он толкует мне что-то, а я плачу. Еще бы! Меня выгнали с детской площадки из-за того, что один вертлявый пройдоха украл у меня пожарную машину, а я, недолго думая, навтыкал ворюге и забрал назад свою игрушку. Драку заметила мамаша пройдохи и разоралась на весь парк. Теперь меня распирает досада и обида. Почему я должен отдавать свои игрушки?

«Закрой глаза, Арик. Направь все свое внимание внутрь. Дыши медленно. Ты должен осознавать каждый свой вдох и выдох. Наблюдай, как воздух проникает через нос, наполняет твои легкие, как медленно выходит. Вдох. Раз... два... три... четыре... пять... А теперь выдох. Раз... два... три... четыре... пять... Повторяй, пока не успокоишься».

Так вот это откуда! Папаша-Яша учил меня самообладанию, показывал, как укротить гнев. Воспоминания действуют на меня как холодный душ. Нужно всех успокоить, развести по углам и выслушать каждую сторону.

Подхожу к родителям и прошу мать отойти. Отец реагирует на мой спокойный голос и перестает истерить. Я развязываю ремень на его руках и помогаю ему подняться. Затем вдеваю ремень в петлицы его брюк... не спешу, даю всем время осознать, что я делаю и зачем. Это мой отец и в обиду я его не дам.

– Пап, иди в дом, тебе нужно привести себя в порядок.

Отец заглядывает мне в глаза, я сжимаю его плечо, давая понять, на чьей я стороне. Он кивает и с облегчением вздыхает.

– Ма, свари нам всем кофе, – мать не двигается, смотрит на любовничка, будто спрашивает его мнение, но я слегка подталкиваю ее к двери и она уходит вслед за отцом.

Перевожу взгляд на Яшу и тру лицо. Он молчит, я молчу. Мы просто палимся друг на друга... и все... больше ничего не происходит.

– Ари, мы будем на кухне, – слышу я голос брата и киваю.

Хлопок входной двери возвещает, что с этого момента я с Джеймсом Бондом остался наедине. Гляделки продолжались недолго. Не успел я расположиться напротив новоиспеченного папаши на диване, как он заговорил:

– Аля сказала, что ты слишком спокойно воспринял новость, а это означает только одно: завтра или послезавтра, когда все в твоей голове уложится по полочкам ты напьешься и начнешь куролесить. Вымотаешь нервы мне и матери, по ходу рикошетом и Платону достанется.

Еле сдержался, чтобы не врезать. Меня чуть наизнанку не вывернуло от его тона, немного надменного и убежденного в том, что он меня знает лучше, чем я сам. Еще меня взбесило то, как он назвал мать – Аля. Только сейчас я прочувствовал, что между матерью и ее любовником непростая история. Вижу, что он ее любит, а раз так, она его крепко зацепила. Это ж сколько лет прошло, а он все по ней сохнет. Повторно пытается выдернуть из семьи.

– Я спокоен потому, что меня это никак не касается. Мой отец – Романов Платон. Все! Разговор окончен. На счет матери... не маленькая, разберется в своих чувствах и примет решение. Сейчас по ночухе она с тобой никуда не поедет.

– Ты же сказал, что тебя это не касается, а сам условия выдвигаешь, – тут же упрекнул меня Яша.

– Повторю для глухих и непонятливых. Мать примет решение сама. Без постороннего давления. Тем более твоего.

– Вера тоже сама принимала решения? – опять ехидно поддел меня папаша и усмехнулся. – То-то у нее такой испуганный и затравленный вид был на свадьбе. Говорят, ты ей тоже условия выкатил, а чего же меня осуждаешь?

– Выходит, ты на мать все же давишь? – я так понимаю, что отвечать вопросом на вопрос это у нас семейное.

Впервые с момента моего появления Джеймс Бонд напрягся и подался корпусом вперед. Буравит меня пристальным взглядом. Вижу, как на шее вздулись вены. Да, внешнее спокойствие дается ему нелегко.

– Я верну себе *все*, что принадлежит мне по праву. Все, что у меня отняли.

До меня доходит, что он не только о матери говорит, но и обо мне, поэтому переспрашиваю.

– Все?

– Да!

Я фыркаю, мол, много на себя берешь, но не комментирую. Не хочу сейчас вступать с ним в бесполезные перебранки. Меня волнует только, каким образом я попал в поле зрения какой-то там следственной группы.

– Мать сказала, что ты хотел поговорить о деле.

– Хотел... – он откинулся на спинку кресла, закинул ногу на ногу, – завтра... но раз уж встретились...

Теперь его взгляд стал жестким, смотрит исподлобья, будто я украл у него тачку ручной сборки или лимон баксов.

– Каким тебя ветром занесло в долину к братьям Ждановым?

Так вот в чем дело! Ждановы! Так и знал, что их игорный бизнес рано или поздно выйдет из-под контроля. Я схлестнулся с братьями два года назад на одной закрытой вечеринке. Бизон поставлял пойло, а другой мой партнер стриптизерш. В тот период я не был особо разборчивым ни в партнерах, ни в чиксах. Ждановых знали многие, я тоже о них слышал, но увидел впервые. Когда нас представили, я порядком уже накачался и о делах говорить не хотел. Ночка была жаркой. Начали мы в их игорном клубе, а закончили в загородном коттедже младшего Жданова, к тому моменту неженатого. На моей свадьбе он был уже с женой и, судя по расплывшейся фигуре его избранницы, пара ждет своего первенца.

– На кой хрен они кому-то сдались, – окрысился я. – Большими делами не ворочают, щиплют по маленькой и крышу не обделяют. У меня доля в их боулинг-центре. Остальных их дел не знаю.

Конечно, я лгу, папаша это понимает. Партнеров я не сдам, какие бы они ни были, и трепаться про их дела не буду.

– Ты совсем не в теме? – усмехнулся Яша и сложил руки на груди.

Далее он делает расклад. По его словам, братья Ждановы имеют тесные связи с одним из ОПГ, деятельность которых не могут пресечь еще с девяностых годов. Ждановы всегда держаться в тени, на сходках особо не мелькают, но очень близки к общаку. Что-то типа серых кардиналов, которые тихо, но верно делают деньги. Это похоже на правду. Папашка называет фамилию важной прокурорской шишки и говорит, что он их крышует, не сам, конечно, связной у них его

племянник. Вот тут программа дает сбой. Я хмурюсь, что-то не похоже это на правду. Перед нашим с Вероной отлетом в Италию боулинг-центр изрядно потрясли налоговики, мне пришлось подключать спецов, чтобы разрулить ситуацию.

– Если так, почему их другие службы долбят?

– Ты про налоговую? – я киваю и папашка отмахивается. – Это мы организовали проверку. Нам нужно было пристреляться и понять, через кого дальше действовать.

Понимаю, что именно тогда я и нарисовался на их горизонте. Ведь мне пришлось улаживать конфликт и договариваться об отступных. Значит, где-то там, на пленке есть разговор о том, как я толкую с сотрудником налоговой о взятке. Кстати деньги он тогда взял. Быстро прикидываю, куда нас может завести разговор. Взятка должностному лицу. Исходя из размера оторванных от сердца прайсов срок лишения свободы от трех до пяти лет. Вот так он и поведет свой разговор.

– Чего от меня надо? – я решил идти в лоб.

– По-началу, я просто хотел, чтобы ты технично слился. Продал долю и свалил. Ты ведь уже вышел из трех проектов, это не бросилось бы в глаза.

Я тарашусь на него диким взглядом. Откуда на хрен он это знает?! Видать, он осведомлен обо всех моих делах. Только сейчас до меня доходит масштаб слежки и контроля папаши.

– Но потом ты каким-то боком влез в еще одно мое дело и я подумал, что таким образом ты даешь мне понять, что знаешь обо мне.

– В какое еще дело?

– Ландау...

Твою ж мать! Я просто припух! Как такое возможно?! У меня не было слов. Потерял дар речи и мгновенно протрезвел. Не затягивая разговор, я сразу решил расставить все точки над «i».

– Это личное...

– Теперь-то я знаю, – отмахнулся Яша и взглянул на часы, – он охотится за Верой. Но когда наш связной доложил о жучках, которые ты так топорно

поставил в кабинете Ландау, я еще этого не знал и был очень озадачен. Один раз мы могли пересечься случайно, но второй...

Если бы я сделал свою работу топорно, то служба безопасности Ландау меня вычислила в течении часа, а Дракон не смог бы даже наладить связь. Но он до сих пор слушает Ландау, благодаря чему я в курсе передвижений этого упыря.

Папаша встал и прошелся вдоль окна, потом вернулся в кресло и выпалил:

– Предлагаю сделку! Я помогу тебе решить вопрос с боями, а ты поможешь мне с Ландау и Ждановыми.

Я сморщился, давая понять, что никаких сделок заключать с ним не намерен и пока я это не объявил вслух, папаша поспешно добавил:

– Кстати, ты будешь сильно удивлен, узнав, кто на самом деле стоит за трансляцией и зачем ее вообще организовали.

Наживка была тут же мною проглочена. Я не скрывал своего любопытства. Говорю ведь не с партнером и не с корешем, у которого тоже может быть свой интерес. Передо мной папаша-Яша – биологический отец, который хочет завоевать расположение сына. Поэтому думал я недолго. Черт! Можно сказать, я вообще не думал.

– Лады, – киваю и щурюсь, тыкаю пальцем в подлокотник, – но я не буду подставлять партнеров и поясни, чем я могу помочь с Ландау.

Папаша встал, потянулся за курткой и я понял, что разговор закончен.

– Обсудим все завтра. Сейчас мне нужно твое потенциальное согласие.

– Дятлом не буду... – бурчу я и одариваю его испепеляющим взглядом.

Черт! Не знаю, как к нему относиться. Чуйка спит, никакого подвоха от него в мою сторону не веет. Вроде он мне ничего плохо не делал, а наоборот, старается помочь в делах и наладить отношения, но... сам не знаю. Меня мутит от всего этого.

Выходим из гостевого домика и идем в основной дом. На кухне все кроме матери сидят за столом. После нашего появления лица у кореша и брата вытягиваются. Я хмурюсь, но потом понимаю, это реакция на наше сходство. Да, тут уж не поспоришь. У нас даже жесты одинаковые. Сейчас, например, мы оба замерли в одинаковой стойке: ноги на ширине плеч, руки уперты в бока, взгляд исподлобья, сканируем периметр, будто врагов метим.

Сажусь рядом с отцом и хлопаю его по плечу. Он уже привел себя в порядок, но судя по запаху, принял на грудь. Лучше так, может, легче будет реагировать на происходящее. Яша шныряет глазами, не находит мать и пишет ей сообщение. Отец прожигает его ненавистным взглядом. Спокойно сидели мы недолго. Как только папаша-Яша получает ответ, стремглав бежит к лестнице. Отец за ним.

– Оставь ее в покое! – кричит отец и пытается ухватить Яшу за куртку, тот отталкивает отца и, перескакивая сразу через несколько ступеней, быстро преодолевает лестницу, несется в спальню родителей.

Меня этот цирк порядком достал, но вмешиваться не хочу. По настрою папашки-Яшки я уже понимаю, что он не отступит. По какой-то причине для него важно именно сегодня увезти мать из этого дома. Знаю по себе, если что-то в моем мозгу выстроилось в линию, пусть даже для других людей нелогичную, я буду долбиться до последнего и сделаю как мне нужно.

– Пап! – кричу я.

Отец оборачивается, на лице паника.

– Оставь их.

Он насупился и посмотрел на меня как на предателя.

– Сынок, если бы ты знал, как губительно он на нее действует, то не сидел бы сложа руки! Это из-за него у нее был сердечный приступ! Из-за него она лежала в больнице! А он к твоему сведению навещался к ней ночами. Сейчас у нее тахикардия, она выпила таблетки и легла, попросила его уехать, а ему и дела нет. Так было всегда. Для него есть только он сам и его сиюминутные желания. Разве это любовь? Это пользование!

Понимаю позицию отца, именно так можно истолковать подобные действия, но я знаю, почему папаша-Яша так себя ведет. Его переключило. Ему нужно лечь с матерью рядом, прижаться и почувствовать ее тепло и запах. Именно такое острое чувство возникает во мне, когда между нами с Вероной что-то не так или нас прижимают внешние обстоятельства.

Меня раздирает на части, с одной стороны я хочу, чтобы мать была счастлива, а я вижу, что она хочет быть с Яшей. С другой стороны мне жаль отца. При одной мысли, что мать уйдет он слетает с катушек. Один раз он ее уже

отпустил и потом с ума сходил несколько месяцев. Мать подробно рассказала, как они с отцом по-новой налаживали жизнь, как тяжело им было простить и забыть прошлое.

Топот ног по лестнице вывел меня из размышлений. Первым спускается Яша, в руках чемодан. За ним следом идет мать, бледная, испуганная. Я морщусь в преддверии очередной истерики отца.

– Ты что совсем с ума сошла?! – орет отец, лицо снова краснеет. – Куда ты намылилась? Я тебя не отпущу! Слышишь?!

– Ари! – кричит мне мать и останавливается на полпути. – Пожалуйста, уведи его. Не хочу, чтобы кто-то пострадал.

Крик матери заставил меня вскочить на ноги. Торпедой несусь к лестнице. Отец разворачивается и кричит на меня:

– Ты такой же, как он! Если что втемяшил себе в голову, не переубедишь!

Я пытаюсь его отвести на кухню, соглашаюсь со всем, что он говорит, но отец вырывается, пытается схватить мать и налетает на кулак папаши-Яши. Проклятье! Отец повалился на пол, будто от выстрела. Мать давай орать. Поднялась кутерьма. Сева летит мне на помощь. Пытается поднять отца, но тот закрывает лицо руками и начинает плакать как ребенок. Отстой! Никогда его не видел в таком состоянии. Мать закрыла глаза, плечи сотрясаются, тоже рыдает. Яша злой, как стая диких собак. Хватает мать и ведет перед собой. Она даже не сопротивляется. Глядя на нее, у меня щемит сердце.

– Ма!

Она поворачивается.

– Не уходи. Останься здесь, а завтра я тебя сам отвезу на работу с вещами.

Мать мотает головой.

– Я уеду. Так будет лучше для всех. Поверь мне. А на работе я взяла отгулы. Нам нужно выбрать и снять жилье, перевести вещи.

Прошу Севу присмотреть за отцом, а сам бреду за матерью.

– И куда вы сейчас?

– В отель, – бурчит Яша.

Понятно! Решение забрать мать было спонтанным, как и сказал отец, что втемяшилось в голову, то и сделал. Мне приходит мысль, как я смогу без особого труда контролировать эту парочку.

– Ма, не надо в отель. Там стены тонкие, матрасы неудобные, ты не выспишься. К тому же ты брезгливая и перед тем как полезть в ванную начнешь там все намывать.

Я говорю это не для нее, а для него. Пусть хоть на минуту притормозит и подумает. Он выводит ее за ворота, сажает в машину. Я следую за ними как тень. Пока Яша укладывает чемодан в тачку, а это черный «Range Rover Sport», именно такую модель я сам хотел купить перед знакомством с Вероной, но в последний момент передумал.

– Мы с Вероной пока живем в коттедже. Квартира пустует. Возьми ключи. Ты знаешь, где что у меня лежит и код домофона. Ты в курсе настроек умного дома. А как подыщите подходящий вариант переедешь. Только не спеши.

Мать понимает мой намек. Я имею в виду Яшу. Как бы ее решение ей не аукнулось. Страсть страстью, но отец ее любит и не раз доказывал свою преданность и надежность. Сую в ее руку ключи от входной двери и электронный мастер-ключ для межкомнатных дверей. Несколько секунд мать смотрит на меня в недоумении, но видя мою решимость, кивает. Яша уже за рулем, щурится, не поймет мой расчет. Ничего, как увидит камеры, утыканные в углах каждой комнаты, так сразу смекнет.

– Я напишу Марии, пусть принесет продукты и приготовит завтрак.

– Не надо, сынок, я все сделаю сама.

Черт! Вот я олух! Мария – родственница отца. Наверное, после этого она вообще откажется у нас работать. Киваю и целую мать в висок. Не хочу, чтобы она нервничала.

– Береги себя... – шепчу ей, я сам уже на пределе.

– Ты тоже, сынок, – она гладит меня по плечу.

Закрываю пассажирскую дверь и отхожу назад. Джип тут же рвет с места и уже через несколько секунд скрывается за поворотом. Стою в переулке и не могу пошевелиться. Фундамент, на котором базировалась моя жизнь только что рухнул – мои родители расстались. Теперь я уже в этом не сомневался. Если бы не

разборки, что нависли надо мной как туча жужжащей саранчи, я бы точно напился и пустился в тяжкие.

Когда я вернулся в дом, отец пребывал в ступоре. Ни на что не реагировал. Сева усадил его в гостиной на диван.

– Ари, сможешь остаться с отцом до утра?

Я киваю и смотрю на кореша. Курт тоже соглашается.

– Утром я привезу сюда жену и детей. Поживем с ним недельку-другую.

Нельзя его оставлять одного.

– Отличная идея.

Мы прощаемся, Сева уезжает. Я плетусь в родительскую спальню за одеялом и подушкой. Стягиваю с отца носки и брюки. Укладываю его на диван, накрываю одеялом и сажусь напротив.

– В холодильнике есть пиво, – подает голос Курт.

– Лучше налей вискаря, – я киваю в сторону бара, – и отцу тоже.

Даю отцу выпить, он не противится. Выпивает и отдает мне пустой стакан.

– Она тебе рассказала только то, что хотела, что б ты знал. Но это не вся правда.

Я хмыкаю.

– Естественно. Любой бы на ее месте захотел отделаться малой кровью.

Отец резко поворачивается, заглядывает мне в глаза.

– Она бы никогда ко мне не вернулась, если бы не его кураторы. Яков не знал, куда и насколько его отправляют. Думал, что это обычная командировка, а его усадили в самолет и перекинули через океан на другой континент. Вернулся только через четыре с половиной года. Сразу бросился искать Галю, а она беременная...

Я похолодел. Так вот в чем дело! Мать уже вынашивала Аврору, поэтому не вернулась к Яше.

– Но он – не я. Воспитывать чужого ребенка не захотел. Он даже не предложил ей вернуться, – отец хмыкнул, – а она надеялась... до последнего надеялась. Авроре был год, когда мы всем семейством поехали в Грецию... только после той поездки у нас все наладилось.

Я не помнил эту поездку, не помнил, чтобы когда-то родители конфликтовали. Для меня они были идеальной парой. Именно такие отношения я мечтал создать в собственной семье. У родителей не было строгого распределения обязанностей. Оба делали то, что нужно и то, что получалось лучше всего. Мать никогда не была дипломатом, поэтому отец улаживал любые конфликты с родственниками или соседями. Но мать всегда хорошо зарабатывала и вносила в семейный бюджет львиную долю. Готовили они вместе, это было их ритуалом. Кухня всегда спланивала всю семью. А еще они почти нас не били, даже голос старались не повышать. Выводил родителей из терпения только я. Подзатыльники были все мои, а пару раз даже досталось от отца ремнем.

– Пап, – он поднимает на меня глаза, – ты был, есть и будешь для меня отцом. Я всегда рядом. Ты можешь рассчитывать на любую мою поддержку. Но она моя мать. Ее я тоже люблю.

Отец кивает, уже понимает, куда я веду.

– Хочу я или нет, но мне придется общаться с тем, кого она любит, тем более, если это мой биологический отец. Как я понял из ваших рассказов, он никогда от меня не отказывался. А теперь мне еще предстоит с ним разгребать мои же дела, – я ехидно добавляю: – Которые каким-то чудеснейшим образом переплелись с его расследованием.

У отца озадаченный взгляд, и я вкратце рассказываю ему о том, что мне предстоит.

– Галя сказала, что он подал в отставку. Заканчивает текущие дела и планирует уйти в свободное плавание.

Я пожимаю плечами, давая понять, что мне по барабану жизнь папаши-Яши, лишь бы мать не обижал.

– Поспи, пап, – я поднимаюсь и выключаю свет. – Курту я постелю в гостевом доме, а сам переночую в своей комнате.

Глава четвертая

Вера

Рано утром меня разбудила кавалькада поступивших сообщений. Я застонала и потянулась к телефону. После кошмарной ночи я не планировала вставать до десяти часов. Боже, ну кому там не спиться?! Не чувствую половину лица, будто она онемела, у меня так всегда бывает от хронического недосыпа. В последний раз это было перед вступительными экзаменами в Академию.

Читаю сообщения и чуть с кровати не падаю. Это от Сани! Мой вскрик слышит Софа и с ворчанием переворачивается на другой бок – она только недавно уgomонилась. Галина Сергеевна ушла от Платона Ивановича! Саня пишет, что объявился настоящий отец Руссо и увел мать из семьи. Так значит, я не ошиблась! Ох! Не могу даже представить, что сейчас чувствует Руссо. Он очень ранимый, если дело касается семьи. До сих пор он не смирился со смертью сестры, а тут еще сразу две шокирующие новости.

Зачитываю подруге содержание сообщений, по ее реакции понимаю, что она не знала лишь то, что Галина Сергеевна ушла к Яше.

Сижу в кровати и не знаю что делать. Позвонить мужу? А вдруг он спит? В одном из сообщений брат пишет, что Руссо с отцом уgomонились только под утро, а сам он за всю ночь глаз не сомкнул. Я чувствую его волнение. Завтра он отправляется со своей группой в командировку. Меня переполняет досада. Саня все еще не навоевался. Спрашиваю у него, спит ли еще Руссо, через минуту муж сам перезванивает.

– Я не сплю, детка, – голос измученный.

Боже мой! Как я хочу его обнять!

Слышу приглушенный разговор брата с Платоном Ивановичем и металлический лязг посуды. Видимо, готовят завтрак. Голос у свекра нарочито бодрый. Я уже представляю, как он хорохорится и показывает свое мастерство заправского кулинара.

– Милый, как жаль, что я не рядом...

Думала, что такое начало разговора Руссо разозлит, он не любит сантименты, но нет, муж тяжело вздыхает и говорит, что ему тоже меня безумно не хватает. По фоновым звукам, определяю, что он вышел на патио и закрыл откатную дверь. Муж рассказывает мне о Яше, откуда он его помнит и как они

вместе проводили время, пока он не стал подростком. Оказывается, Яша как-то замешан в его делах и разборках что ему предстоит. Этот факт меня даже радует, отец Руссо произвел на меня громадное и неизгладимое впечатление. Чувствовалось, что человек он сильный, волевой, что у него сложный и властный характер. Не знаю, кто он по профессии, но по его реакции я поняла, что он не боится трудностей и не избегает неприятных разговоров. Может, он благотворно повлияет на исход дела и моему мужу не будет так тяжело?

Руссо дает мне советы как держаться с Адамом, если он снова появится на горизонте, но по его сведениям, ночь он провел в Венеции, а рано утром выдвинулся в аэропорт.

– Скорее всего, он покинул Италию, но успокаиваться рано. Будь осторожна, детка. Позавтракай в номере. Без охраны никуда не выходи.

– Хорошо, так и сделаю.

Стараюсь его успокоить, ему и без меня хватает неприятностей.

– Передай папе привет. Скажи, что как только приеду, испеку его любимые лимонные маффины.

Слышу, как Руссо возвращается на кухню и всем передает от меня привет. Не знаю, что еще сказать, мы оба на грани, еще чуть-чуть и я заплачу. Руссо это чувствует и поспешно прощается, но в последний момент отец вырывает у него мобильный телефон и кричит в трубку, будто я глухая:

– Верочка! Как долетела?! – и, не дожидаясь ответа, начинает тарыхтеть без остановки: – Пока ты в Италии обязательно посмотри Пизанскую башню, Колизей и Миланский собор!

– Пап! – одергивает его Руссо, но Платон Иванович на своей волне.

– Мне еще понравился Замок Святого Ангела и Венеция! Ты же в Вероне! Обязательно посети Венецию! Езжай прямо сейчас! Не откладывай! Это фантастика! Гондольеры! Мосты! Соборы!

Руссо забирает у отца трубку.

– Детка, я еще позвоню сегодня, а пока закажи завтрак.

Мы прощаемся. На сердце осадок. Платон Иванович был таким возбужденным. Всем своим видом он пытался показать, что хочет быть в курсе событий из жизни сына и снохи. Раньше он не проявлял такого рвения в общении.

Понятно, что это была нервная реакция на происходящие события в его простых отношениях с супругой и страх навсегда потерять сына.

Пока мы с Софией ждем завтрак, я стою на террасе с чашкой кофе и думаю о Галине Сергеевне и Якове. Ведь Яша это Яков? Вроде, да. Лицезреть их вместе я удостоилась всего несколько минут, но даже за это короткое время мне удалось прочувствовать их отношения. Она смотрела на него с таким обожанием, что я испытала шок в тысячной степени и застыла как вкопанная, пытаюсь осознать увиденное. В его глазах плескалась страсть, а настрой был такой решительный, что сомневаться не приходилось, они точно будут вместе. Он ее уже не отпустит, чтобы там не предпринимал Платон Иванович. Я удивляюсь, как он еще выжил, после столкновения с этим Яшей. В силе и проворности он не уступает Руссо.

Привезли тележку с едой. Я так поняла, София решила накормить весь отель и хотела уже возмутиться, но заглянув в красные от недосыпа глаза одного их телохранителей, что дежурил в коридоре, поняла – мы окружены голодной армией. Поэтому выгрузила наш с Софой заказ, выкатила тележку в коридор и пожелала приятного аппетита.

Удивительно, что Софа вообще подумала о еде для охраны. Среди нас троих обычно это я остро реагирую на завывания мужских желудков. Но сегодня я не в кондиции, а Софа проявляет несвойственную ей заботу.

Во время поглощения тостов с сыром подруга ворчала и корчила недовольные гримасы. Ей не нравилась идея завтрака в номере. Я решила ее отвлечь и устроила допрос о ночных звонках. Оказалось, что Софа сцепилась с Саймоном, который внезапно решил посетить Верону.

– Ежу понятно, что он едет из-за тебя.

В ее голосе помимо озабоченности я уловила зависть и ревность. Теперь я уже не сомневалась, Саймон ей самой нравится.

– Я забросала его снимками с вашей свадьбы, сказала, что ты до беспамятства влюблена в своего мужа и что он безбашенный. Думала, поостынет, вроде отстал, но под утро прислал фотку, как садиться в самолет.

– Он что... летит к нам? – я чуть омлетом со шпинатом не подавилась. Софа отмахивается, а я уточняю: – Это да или нет?

– Наверяд ли! – снова отмахивается она, но вид неуверенный. – В Майями он окружен моделями и актрисульками. Носится по ночным клубам и веселится, пока не наклюкается и не отключиться. На кой хрен ему Италия?!

Это не ответ, я хмурюсь и сверлю подругу неодобрительным взглядом.

– Да ты сама видела, какой он репейник! – взрывается Софа. – Он мне все уши о тебе прожужжал! Спать не дал. Из-за него мы с Куртом поругались!

– Как это?

– Этот дебил разместил прошлогднюю фотку из лондонского клубешника в фб и отметил всех кто там был. Курт зашел на мою страницу, типа новые посты заценить, увидел обновление и разорался: «Вот как ты за моей сестренкой присматриваешь!». Но я-то понимаю, что он ревнует. Просто в открытую сказать не может. Это же Курт! Хорошо, что у меня на фотке другая стрижка! Для убедительности я ему выслала видео, что я с тобой в номере, даже вышла из отеля, чтобы вывеска в кадр попала. Еле успокоила... У меня создалось такое впечатление, что он пытается слиться. Ему так проще. Меньше страданий. Типа я дрянь и нечего на меня время тратить, хочет со спокойной душой полететь на свое задание.

Мне бы добить тему с Саймоном, но я отвлеклась на брата и сама увела разговор.

– Глупости. Если он хотел слиться, зачем попросил полететь со мной? Саня любит тебя, Софа. Очень любит.

– Сомневаюсь...

Подруга закусывает губу и отводит взгляд. Видимо, у них с братом есть нерешенные проблемы, которые Софу очень беспокоят.

– Что-то не так?

На глаза подруги наворачиваются слезы. Боже мой! Я права! Между ними не все гладко и это не из-за его отъезда!

– Софа, – подсказываю к подруге и сажусь перед ней на колени, – скажи, что не так. Вы расстались?

– Нет, но... – она снова прячет глаза, – не думаю, что у нас что-то получится. Лучше оборвать все прямо сейчас.

Что?! Я теряю дар речи и шумно сглатываю. Интересно, Саня знает о ее настроении?

– Сидела здесь ночью и думала, за все время нашего знакомства он мне не сделал ни одного комплемента. Мне постоянно приходилось бороться за его внимание. Создается такое впечатление, что он мне нужен, а я ему нет. Секс с ним это крутой драйв, постоянно что-то новое, но в общении... как только я спрашиваю о нашем будущем, о нем, о работе, о семье, об отце... он закрывается, а потом пару дней ходит злой и угрюмый.

Софа отодвигает стул, встает и выходит на террасу, я за ней. Она смотрит вдаль, вид потерянный и обреченный. Когда она успела так упасть духом?

– Он очень агрессивен... ну понимаешь...

– В сексе? – уточняю я, ну теперь-то со мной можно говорить на эту тему! Если подруга и на этот раз увильнет, то я дико на нее обижусь.

– Не только... – Софа мнетя, но до меня уже доходит, что это из-за того, что Саня мой брат.

– Софа, сейчас я твоя подруга. Не будем касаться нашего с братом родства. Что не так? Скажи!

– Он может ударить, – Софа покраснела и отвела взгляд.

Вспоминаю случай в коттедже, когда после очередного столкновения с Лили я оставила на шее Руссо след от ремня. Софа увидела и начала на меня наезжать, брат за меня вступился, но подруга так распалилась, что не поняла, почему он так рьяно меня защищал.

– Ты говорила с ним?

– Конечно!

– И?

– Он объясняет это тем, что меня никто не воспитывал, но ежу понятно, что он нуждается в постоянном выходе агрессии, что за этим стоят его проблемы из детства.

Я слушаю рассказ подруги и мгновенно принимаю решение. Сам Саня ничего Софе не скажет. Он ее потеряет, потом будет мучиться, страдать, но не признается в том, что пережил в детстве. Не могу этого допустить. Они любят

друг друга. Брат просто с ума сойдет, если Софа его отвергнет. Только не сейчас, когда он так к ней привязался.

– Софа, я откроюсь тебе. Но ты должна мне дать честное слово, что никогда и ни при каких обстоятельствах не расскажешь, что ты в курсе нашего с братом детства. Выслушала, сделала выводы и забыла, – поднимаю на нее глаза полные слез. – Поняла?

Она кивает.

– Поклянись, что никому не скажешь!

Софа напугана моими слезами, уже не рада, что затеяла этот разговор, но назад дороги нет. Я настроилась и готова к исповеди. Подруга кивает, мы забираемся снова в кровать, с тяжелым вздохом я начинаю свой рассказ.

Аристарх

Ночка выдалась разудалой. Давненько мне так мозг не вскрывали. Да чего уж там! Под таким прессом я дебютирую! Объявился, не запылится родной папашка. Мать, еле держась на ногах и хватаясь за сердце, умахнула с ним в мою квартиру. Они точно там! Как только Джеймс Бонд перешагнул порог, все камеры вырубилась! Я почесал затылок и усмехнулся. Видать, у него при себе была какая-то система, что среагировала на мой «Умный дом» и тот, не помахав ручкой на прощанье, вырубился без шанса на реанимацию. Все это я затеял, чтобы узнать, как Яша промыл мозги матери и правильно выстроить контрзащиту.

После того как все отчалили я завалился в свою комнату и намеревался задавить массу, но не тут-то было. Отец пришел с бутылкой коньяка и затянул свои откровения из разряда «А помнишь?». Последовал длинный разговор о наших с ним и Авророй приключениях. Расклад был понятен, типа он лучший отец в мире. Я старался его успокоить и говорил, что от своих слов никогда не откажусь, он мой отец и баста, но мои заверения пролетали мимо его сознанки и застревали где-то в области затылка.

Видя его настроение, не трудно просчитать дальнейшие действия. Мириться с уходом матери он не будет, примчится к ней в офис, как только она выйдет на работу и заведет свою пластинку под названием «Что было однажды,

то будет и дважды». Будет давить на сознание матери, что Яша снова ее бросит. Меня удивило то, что ему было пофиг, что мать в эту ночь будет предаваться утехам с другим мужиком, будто это в порядке вещей. Для меня и поцелуя достаточно, чтобы поставить крест на отношениях... даже с Вероной. Черт! С ней и обнимашек достаточно! Пусть только попробует, башку снесу.

Только сейчас я понимаю, как сильно отличаюсь от отца, теперь-то понятно почему. Наверное, поэтому мы и ладили. У нас никогда не находила коса на камень. В ссорах всегда кто-то уступал. С Севой они часто скандалили, что-то вечно делили и доказывали. Я мог набедокурить, но никогда не огрызался, молча выслушивал его нарекания и уходил в свою комнату. Наверное, потому, что родители сильно напрягались, когда нужно было меня наказать или отчитать за что-то. Я это чувствовал и не накалял обстановку.

Время на моих «Дизелях» десять утра. Мы с Куртом плетемся в новой тачке по пробке в сторону тату-салона Оборотня. Нужно забрать свою долю за последний квартал и вправить ему мозги, чтобы этот увалень не маячил возле моей жены. Оборотня я знаю давно, еще тот фрукт. Наезд он не стерпит. Может вспылить и долбануть тем, что под руку попадет. Но спускать такое я не намерен и если надо потребую свою долю и выйду из совместного бизнеса.

Курт злой, как одичалый брошенный пес, весь в своих думах. Глядя на него, чую, что-то темное зреет в его башке. То ли он так завелся из-за Мангуста, то ли у него с подружкой напряг. С Мангустом мы решили пока взять тайм-аут. Дождемся развязки с Кувалдой и возвращения Курта тогда и перетрем. Но я уверен, что Курт не выдержит и все растреплет корешу, если уже этого не сделал.

Паркуюсь и выхожу из джипа. Вижу байк Оборотня, значит он на месте. Захожу в салон и не верю своим глазам. Папашка-Яшка стоит в проеме подсобки и что-то втирает моему партнеру. Я остолбенел! Какого хрена! Он что во все мои дела собрался свой нос засунуть? Оборотень выныривает из подсобки с ухмылочкой. Яша тоже весь цветет и пахнет. Они что знакомы? Замечают меня, рожи вытягиваются, общий конфуз, они нервно переглядываются. Не ожидали увидеть... оба! Обычно я говорю заранее Оборотню, что хочу заехать, но сегодня нагрянул нежданчиком, да еще в такой ранний час. Главное-то для меня сейчас не

деньги, а втереть мысль этому разукрашенному пройдохе, чтобы подальше держался от моей жены.

– Здорово! – протягиваю руку Оборотню, он стоит ко мне ближе.

– Бро, – он пожимает мою руку и смотрит на тату, которую я сделал во Владике. – Найди время, хочу подправить две буквы.

Я киваю и протягиваю руку папашке. Тот пожимает с нажимом, я ему вторю, вот с этим у меня точно будут проблемы. Твою ж мать! Уже с утра соревнуется кто сильнее. Оцениваю его видончик. Мать над ним уже поработала, сегодня он в сером костюме и белой рубашке. Из злобного одинокого волчары Яша в одночасье превратился в достойного семьянина. Рожа довольная, хоть он и пытается скрыть от меня свой настрой, но я чую утренний секс – духи матери ввелись ему под кожу. Видать, при нем у матери с сердцем все в порядке. Вспоминаю слова отца о том, что этот крендель по ночам пробирался к матери в больницу и сжимаю кулаки. Каков гусь! А?! Я там мосты налаживал, договаривался о процедурах и обследовании, а он на все забил и романтические ночи ей устраивал.

– Ты зачем здесь? – спрашиваю папашу в лоб. Вспоминаю его слова: «Два проекта – не совпадение!». Теперь понятно, как он устраивает эти пресловутые совпадения!

Тот раскрывает рот и уже готов ответить, но Оборотень его опережает:

– Постоянный клиент, можно сказать. Вот выбираем очередную татуху.

Ответ Яше не нравится, вижу, что это брехня, я вообще сомневаюсь, что на его теле есть хоть одна татуха.

– На каком месте? На внутренней стороне желудка? – ехидничаю я.

Папаша бросает на Оборотня обвинительный взгляд, качает головой, мол нафига ты такое брякнул. Тот небрежно отмахивается и уходит к рецепции. Уже оттуда меня спрашивает:

– Ты за долей?

– Угу, – выдаю я, осматриваю салон и прикидываю где лучше разобраться с нательным мазилкой.

Папашка тут же заценил мой боевой настрой. Смотрит то на меня, то на Оборотня. Да! Я сейчас ему в его смазливый бубен врежу! Заслужил!

– Очень рад, что у вас с Денисом общее дело... – начинает папашка, но Оборотень многозначительно откашливается, тот переводит на партнера взгляд и затыкается.

Черт! Что здесь происходит? Откуда Яша знает имя партнера? Документы на регистрацию поднял что ли? Во дает! Свое имя Оборотень сам бы никому не сказал, он его терпеть не может. Как-то давно, будучи под хмельком, он мне поведал, что имя ему дали в «Доме малютки», куда его определили из роддома после смерти матери.

Оборотень заглядывает в журнал заказов, подсчитывает доход и вычисляет мою долю. Плетется в подсобку, где у него сейф и закрывает дверь на замок. С техникой, кроме байка и машинки для татух Оборотень не дружит. Даже тостером не пользуется. Сколько раз говорил ему о компьютеризации учета приема заказов и установки бухгалтерской программы, он отмахивается и делает все по-старинке, будто телепортировался в наше время из тридцатых годов.

У папашки разрывается мобильник. Услышав популярный рингтон из фильма «Профессионал», я хмыкаю. Ну конечно!

– Еще увидимся... – папаша смотрит на определившийся номер и, не дожидаясь моей реакции, пулей вылетает из салона.

Ему навстречу попадает Курт. У кореша тоже глаза навывкате.

– Чего он тут делал? – выдает Курт, подходя ко мне.

– А черт его знает, – отвечаю я со злобой и шурюсь, глядя Яше вслед. – По ходу они с Оборотнем кореша. Не удивлюсь, если папаша-Яша к нему подкатил, чтобы мои дела разведать.

– На кой хрен ему это?

– Хороший вопрос, – я уже киплю как чайник.

Оборотень выходит из подсобки и вручает мне конверт с прайсами. Я пересчитываю и прячу в куртку. Хотел уже завести его в подсобку и взбучить, но на мобилу приходит смс от Годзиллы.

Ты где?

Я отвечаю:

В тату-салоне.

Нас всех собрали на базе. Ты не подкатишь?

Я хмурюсь и спрашиваю у кореша:

– Курт, тебе смска от Демона на счет стрелки не приходила?

Тот проверяет телефон и мотает башкой. Отвечаю Годзилле:

Ни меня, ни Курта не оповестили.

Годзилла выдает мат речитативом, а в конце добавляет, что прервет сходняк и всех тормознет, пока мы с Куртом не подъедем. Я соглашаюсь и показываю переписку корешу. Пока Курт читает, с прищуром смотрю на Оборотня, мы встречаемся взглядами и я киваю в сторону подсобки. Но он показывает на вход, где появляется смазливая девчонка, типа клиентка и я остываю. Ладно, я позже с ним разберусь.

Идем с Куртом к машине и оба замечаем Анну. Стоит на противоположной стороне дороги и смотрит на окна салона, где мелькает расплывшийся перед клиенткой в похотливой улыбочке Оборотень. Он помогает девушке снять плащ и подводит к столу, где разложены варианты дизайна татуировок. Поглядывает в сторону Анны. Черт! Он знает, что она там! Вот стыдник! Анна! Мне бы подойти к ней и вправить мозги, но от Годзиллы приходит подтверждение, что нас с Куртом ждут и я сажусь за руль.

Подъезжаем к ангару и видим мото-тусу. Всеобщее улюлюканье. Братва глумится над моим джипом. Типа я в воскресенье дважды потерял свободу, женился и пересел в «клетку». Несколько минут уходит на перепалку, но все мирно и чинно, короче как обычно. Заваливаемся с Куртом на базу. Оглядываю всех и понимаю, что внутри засел весь костяк. С одной стороны меня это радует – среди старлеев гниляка нет, с другой, почему никто из них, а я уже вижу парочку моих партнеров, в том числе Креста, не сказали, что Демон созвал сходку. Это меня напрягает. Годзилла не зря тормознул прения, видать, обсуждали именно меня. Вижу Дракона, сидит в стороне и старательно делает вид, что занят с кем-то перепиской. С ним мы договорились на двенадцать, он тоже словом не обмолвился, что поедет на базу. Может, ждет кого? Ладно! Нужно собраться... иначе меня сожрет изнутри паранойя.

– Что за базар-вокзал? – бурчит Курт.

Мы здороваемся со всеми за руку. Демона и его шестерок обхожу стороной. Он сидит на барном стуле, щурится и ухмыляется. Весь такой из себя важный, в себе уверенный, но я вижу, как у него шея покрывается красными пятнами – типичная его реакция на страх.

– Да вот, Демон тут нам поведал, какой у нас головняк из-за Руссо, – отзывается Крест.

– Даже так? – ехидничаю я и усаживаюсь рядом с Годзиллой.

Значит, Демон решил за моей спиной настроить на «правильный» лад мото-братву и вышвырнуть меня из клуба. Честно говоря, в членстве клуба я уже особой необходимости не видел. Последние три года байкерская жизнь спасала меня от пустоты и сжигающей меня тоски по Лили. Но Верона залечила мои раны и обиды. Я даже на последний пробег с братвой не поехал. В те дни мы с Вероной отчалили в Италию. Но уходить из клуба как шакал мне не улыбалось.

– И какой же головняк устроил Руссо? – Курт закидывает ногу на ногу и закуривает.

Несколько бро следуют его примеру и уже через минуту я в дымовой завесе. Черт! Ненавижу табачный смог.

Демон встает и начинает нести такую пургу, что Курт недослушав, заржал так, что стены из гофролиста затряслись. А вот мне было не до смеха. Почему такую чушь вообще слушают? Демон обвинил меня в стукачестве, что типа из-за меня был налет на бар. Мой брательник уже себе звезды приобщи́л и все такое. На самом деле, как я и говорил, шестерки Демона взяв на себя вину, пошли по этапу, а сам он отмазался. Сева сказал, что уголовное дело завели, все движется к суду. Про Бизона так вообще жуть. Мол, это я его грохнул, чтобы клуб прибрать к рукам, а заодно и все что плохо лежало. Демон опять сделал акцент на пропавшей наркоте. Его прихвостень Резак кидает на меня свирепый взгляд, типа у него обою черепушку руки чешутся.

– Давай, Руссо, – Крест жестом показывает, чтобы я встал и начал оправдываться, но меня такая перспектива не радовала. – Выжимай сцепление. Что за наезд в твою сторону, да еще такой бредовый.

Остальные молча на меня тарачатся. Не понимаю, почему я должен оправдываться за чье-то дерьмо!

Годзилла и Курт чувят мой настрой и набычились. Ладно, ради них я все улажу, но меня все это не торкает. По мне так свалить бы отсюда и никого больше не видеть. Половина братвы занимали у меня не хилые баблосы, кстати, многие так и не вернули долг, делая вид, что мне это приснилось, а другая половина подкатывала с бизнес идеями, все знают, кто я и из какого теста сделан. И что теперь? Все молчат! Проклятье!

Смотрю на Демона и встаю. Хочет прилюдных разборок, ну что ж...

– По большому счету мне по барабану, как говорится, насильно мил не будешь, – выпаливаю я, но тут же добавляю: – Но здесь мои кореша и партнеры, не хочу оставлять всю эту абракадабру без ответки.

Технично отметаю все наезды. Говорю, что в день налета я вообще не собирался ехать в бар, что оказался там из-за своей жены, а тогда еще девчонки. Тот, кто был в баре, кивают и улыбаются, видать вспомнили Верону. Приоткрываю завесу, что, мол, за Демоном следили уже два месяца. Его пасли и облепили прослушкой, как новогоднюю гирлянду, ждали передачи товара, чтобы взять с поличным. Покупатель приехал за товаром, увидел ОМОН и попытался удрать, но его взяли и на допросе выяснилось, что он написал Демону, что сваливает, типа пахнет паленым и у того было время, чтобы убрать наркоту из бара, но он засел с двумя чиксами и проторкал момент.

– Я никогда не скрывал, что мой брат следак и что у меня у самого есть корочка. Мне пофиг кто что думает, но это не блаж, а жизненная необходимость. По этапу из-за хрени, в которую я постоянно по пьяни вляпываюсь идти не охота. С Бизоном мы разошлись во мнении из-за управления клубом. Говорил, и говорить буду, наркота мною презирается, и я выйду из тех проектов, где она хоть рядом замаячет. Перед исчезновением Бизона я сказал ему, что выхожу из дела. С прайсами не торопил, дал понять, чтобы сам выдал график выплат, исходя из возможностей.

Краем глаза замечаю движение и поворачиваю голову, остальные следуют моему примеру. В ангар входит Комбат, в руках свернутая черная пластиковая папка. Дракон встает и двигает к нему. Так вот кого он ждал! Все повскакивали с мест. Протягивают Комбату руки, интересуются здоровьем, а он реально выглядит лучше, чем несколько дней назад на моей свадьбе. Видать, операция,

которую он ждал, прошла успешно. Демон мгновенно сникает, глазки забегали. Его шестерки тоже заартачились. Жестом Комбат дает понять, чтобы я продолжал, а сам садиться по другую сторону от Годзиллы. Они тихо о чем-то переговариваются и кореш кивает. Затем выходит и закрывает ангар. Да что тут, черт возьми, происходит?

– Бизон не выходил на связь, поэтому я приехал в клуб, – продолжаю я и вижу, как Демон пялится на папку, которая покоится на коленях Комбата. – Привлек спецов. Оценил ситуацию и финансовое положение. Клуб – банкрот и уже не первый месяц. Бизон, конечно, это скрывал. Думаю, поэтому он и связался с наркотой, чтобы хоть часть долга погасить. Кстати, кому интересно, мы нашли ее в первый же день и вернули поставщику, чтобы обезопасить клуб.

– Твою мать, – бормочет Резак.

Демон мечет в меня злобный взгляд и сжимает кулаки.

– А на счет того чтобы грохнуть... – склоняю голову на бок, – все знают я завожусь с полпинка и могу въехать в торец без разбора, просто потому что поскудное настроение, но грохнуть... тем более Бизон мне родственник, его сестра замужем за моим братом, у них трое отпрысков. Даже для меня это чересчур. А если отставить все эмоции и говорить только о прайсах, то на хрена мне его валить, если он мне должен? С кого я тогда деньги взыщу?

Братва молчит, тупо пялится на Демона и тут до меня доходит, что все это спектакль, который разыгрывается специально для него. Всему костяку до лампочки мои оправдания, они и без того знают, что я к Бизону не прикасался, а уж тем более к наркоте. Если бы Годзилла не заартачился, меня бы тут не было.

– А что там с боями? – как бы, между прочим, интересуется Монстр. – Я так понял, у вас с Кувалдой не лады.

Знаю, что этот вопрос волнует почти всех присутствующих, многие делают ставки и напряг в нашей троице, что рулит боями ни к чему. Я объясняю ситуацию с трансляцией. Вкратце говорю, почему мы с Годзиллой против. Бизнес, мол, выходит из-под контроля и уже трудно отследить, откуда пойдет утечка, а если нас хоть раз засекут менты, то отмазаться как раньше не получится. Я намеренно не говорю о ситуации целиком, пока все не прояснится, не хочу даже кидать затравку.

– Добро, – Комбат поднимается со стула, – есть вопросы к Руссо?

Все молчат. Он мне кивает, мол, сядь, и я плюхаюсь на стул. Черт! Чувствую себя как в школе перед педсоветом.

– Я только что из СИЗО, – Комбат трясет папкой.

Демон весь напрягся, поглядывает на входную дверь, вид такой, что вот вот сорвется и чухнет.

– Адвокат, которого мы назначили двум задержанным из нашего клуба, разъяснил им, что будет, если они не скажут правды, а продолжат покрывать того, чей товар был изъят при налете. Вроде до мужиков дошло, здесь у меня копия их признаний, – Комбат смотрит на Демона. – Оказывается, товар твой. Ты мозгами тронулся? Забыл устав? Мало того что отраву в бар приволок, так еще собирался ее на рынок вывалить! – у Комбата надуваются жилы на шее. – Это ж сколько народу бы полегло!

Демон прочищает горло и идет в отказ. Резак и еще несколько его подручных начинают ерзать, уже поняли, что их босс потопит всех, но сам будет до последнего выкарабкиваться.

– Ты соизмеряй, перед кем ответ держишь, – Комбат кулаком тычет в бочину Демону, тот крывается, но ответку дать боится, ведь тут весь костяк, его загасят, не успеет выйти. – Следакам можешь плести что угодно, но нам свою лабусню не гони. Это твоих людей взяли, а без твоего приказа они наркоту, да еще паленую в бар бы не притащили.

Толпа зашевелилась, загудела. Демон понес какую-то чушь, типа, он тут ни при чем, это самоуправство, его архаровцы от него прицепом получают. По лицам бро я понимаю, проблема с ним уже решена, сейчас Комбат поставит вопрос на голосование.

– Если бы все прошло гладко после облавы, то пацаны швырнули бы тебя пару раз об пол, научили уму разуму и выкинули из клуба, но дело осложнилось...

Демон облизывает губищи, втягивает шею в плечи и обводит всех оценивающим взглядом. Очкует сука! Пытается просчитать, кто с какой стороны на него попрет.

– Двоих прооперировали. Одного уже перевели в обычную палату, другой все еще в реанимации и прогноз на троечку.

Комбат поднимается и встает за спиной Демона, тот вскакивает и пятится. Монстр и Пегас хватают Демона и подсечкой ставят на колени. Комбат спокойно продолжает:

– Вот как мы поступим, Демон. С этой минуты ты больше не руководишь клубом. Сдаешь дела приемнику и отчитываешься за каждый рубль, что был потрачен клубом за те дни, пока ты им рулил. Пострадавшим выплачиваешь разовое пособие за причиненный моральный и физический ущерб. А тем, кто попал из-за тебя на операционный стол, оплатишь все медицинские счета до полного выздоровления. Если задумаешь свалить, мы найдем, даже не сомневайся, а уж потом пеняй на себя. Говорить уже с тобой никто не будет.

Демон до последнего гнет свою линию, типа его подставили, опять брызжет ядом в мою сторону. Ну не понимает этот жлоб по-хорошему. Комбат дает знак, бро объясняют ему уже на кулаках. После взбучки Демона уводят из ангара, я так понимаю, его повели в бар, где начнется передача дел. Комбат ставит вопрос о назначении нового главного и все чешут репы. Кандидатов нет.

– Руссо предлагал в прошлый раз Ледоруба! – вспоминает кто-то из бро.

Ледоруб встрепенулся и зыкнул в мою сторону.

– Почему его? – Комбат поворачивается ко мне. – Обоснуй.

– Имеет экономическое образование, – я загибаю палец, затем другой, – в прошлом финансовый директор и аудитор, а значит, сможет разобраться в доходах клуба покруче любого нанятого спеца. Одиночка. Семья отвлекать не будет. В авторитете. Предан клубу и байкерскому сообществу. Ни с кем терок не имел. В партнерстве предельно честен, надежен и не скряга. Рискует, но продуманно...

Комбат не дает мне договорить, машет рукой, мол, ставьте на голосование. Все «за»! Черт! Вот было бы так в прошлый раз, избежали бы налета. Но подумав, я беру свои слова обратно. Если бы не, сука, Демон, я никогда бы не женился на Вероне. Та ночь многое во мне пробудила, перевернула и поставила с бредовой башки на ноги. Так что все случилось так, как и должно было случиться.

Бро поздравляют Ледоруба, тот смущается как девица навывдане. Потом кивает мне, типа спасибо. Склоняю голову в ответном кивке. Чувак, ты еще не знаешь под какой геморрой я тебя подписал. Но с другой стороны... Ледоруб

заядлый холостяк, чем ему еще заниматься? Пусть поднимает клуб, а то после ухода Комбата все летит в тартарары.

Лады, тут все ясно, мне нужно свои дела решать. Смотрю на часы, ищу Дракона. Он будто ждал моего взгляда, тут же кивком показывает на выход и мы неспешно плетемся на улицу. Курт за нами. Перед ангаром люди Годзиллы выставили всех шестерок Демона и что-то им втирают.

Не успеваем отъехать от базы, как меня заваливают сообщениями итальянское агентство. Сажая Курта за руль, а сам начинаю читать. Охрана сообщает, что в отель приехали друзья Софии и разносят все в пух и прах. Звоню Вероне, не хватало еще, чтобы она тусовалась с этой компашкой. Она не отвечает. Пишу ей смс:

Где ты?

Опять тишина. Я весь на нервах. Курт тоже. Зачитываю ему отчет итальяшек про драку, про погром в номерах и вижу, как он сереет от злости. Повторно набираю Верону и снова тишина. Что за черт! Звоню уже охране, опять такая же фигня. Все телефоны недоступны. Снова пишу жене:

Верона! Если ты развлекаешься с друзьями Софии, порву на лоскуты!

Пробиваю фамилии дружков Софии и охреневаю. Все детки толстосумов, ну тогда понятно. От вседозволенности и изобилия прайсов башка гниет. В такой компашке я тусовался первый год студенческой жизни. Знаю чем дышат детки богатеньких папиков. Жизнь под лозунгом «Мир пашет на нас!». Каждый норовит перепрыгнуть кореша и обскакать на предмет лучшей тачки, лучшей телки и всего остального. Завтрак в Париже, ужин в Лондоне. Самые дорогие отели, съемные виллы и частные самолеты. Кроме прожигания жизни не происходит ровным счетом ничего. Меня хватило на год, а потом я свалил.

Мне бы остыть, но меня уже несет как по катку. Отправляю еще одну порцию желчи.

Возьми трубу, твою мать! Иначе я за себя не отвечаю!

Дракон звонит своему корешу в Рим и узнает, что был сбой в мобильной связи. Сейчас все восстановлено и скоро группа пришлет новый отчет. Так и есть.

Через десять минут бодигард сообщают, что все объекты в безопасности, правда, одна из девушек покинула отель с друзьями. Но так как на счет нее никаких инструкций не поступало, ее спокойно отпустили.

От неизвестности не нахожу себе места. Жучок в телефоне Вероны показывает, что она в отеле, но от этого мне не легче. Звоню в третий раз, теперь гудок идет, но Верона все равно не отвечает на звонок. Проклятье! Что там устроила София? У них точно с Куртом напряг. Он набрал ее номер, но она сбросила вызов, и тот чуть не раздолбал мобилу. Звоню сам этой цыпе и вправляю мозги. Она уже под хмельком, говорит на повышенных. Перевожу ее на громкую связь. От ее пьяного вопля кореша аж передернуло.

– Руссо! Не парься! Твоя Синеглазка спит в номере. Я выключила звук на ее телефоне, может, выспится и похорошеет!

На фоне ее голоса ржач, шарашит рок и слышен чей-то стон. По звукам можно сказать, что кто-то там уже так распалился, что вот-вот начнет трахаться. Какой-то мужик говорит, что соскучился по ее дынькам. Потом чмоканья. Я тарашусь на мобильник, не узнаю Софию. Ей как резьбу сорвало!

– Где ты? – рычу на нее и матюгаюсь.

– Ты кто мне? Отец? Муж? Мой бойфренд? Я свободная женщина и делаю что хочу. А за твоей женушкой приглядывает отряд церберов. Back off!

Я так и не понял, кому она сказала отвалить. Не могу смотреть на Курта, побагровел, из руля сейчас знак бесконечности сделает, меня, будто коленным железом пытаются.

– Свободная женщина? Ты рехнулась? А ну марш в отель! Живо! – ору я. Проблемы мне не нужны, а они точно возникнут, если она останется с этой компашкой. Это по любому раскладу ударит по Вероне, не хочу, чтобы моя жена бегала по всей Италии в поисках своей подруги. – Я не шучу, София, не повернешь в отель, я разберусь с тобой лично!

– Отвали! Командуй своей ненаглядной! Ей видать это нравится! А мне до лампочки все твои наезды и угрозы! Понял?!

Она разрывает соединение, а я теряю дар речи. Проклятье! Чертова баба!

Переглядываемся с Куртом, не знаю, что у него на уме, но у меня точно ничего хорошего. Даже спрашивать его не буду и так все ясно, если телка ведет

себя так в первые же месяцы знакомства, то говорить тут о будущем лишнее. Как говориться, было весело, прощай и до новых встреч в эфире!

Ползем по пробкам. Даже через час не могу успокоиться. Уже на подъезде к квартире Дракона лезу в соцсети и нахожу аккаунты Софии. Мне нужно знать продолжила она зависать или вернулась в отель. Очередная порция адреналина шарахает мне в башку. Тихо матюгаюсь. Показываю Курту фотки, но заранее прошу остановить тачку. Кореш смотрит на фотки и бледнеет как поганка.

Черт! Кажется, я перехвалил Софию!

Дракон замер на заднем сиденье и ждет развязки. Он уже не рад, что сел ко мне в тачку.

– Классная девчонка?! – орет Курт и бьет по рулю кулаком. Раздается отрывистый гудок. – Знаешь, почему тебе так повезло с Вероной, Руссо? Потому что мать нагружала ее работой, чтобы на всякую ерунду времени не оставалось. А я организовал ее безопасность так, что сестру пасли днем и ночью. Вот в чем секрет твоего семейного счастья! Ты взял ее готовую к семейной жизни, чистую и целомудренную, знающую, что такое настоящий мужик. Не надо воспитывать. Не надо жилы рвать, чтобы что-то вбить в мозги прописные истины. Верона послушна, нежна, заботлива. Умеет делать любую работу по дому. Не побрезгует твоими носками. Не скажет, чтобы не приводил друзей потому что, видите ли, они ей не нравятся. Не будет нудеть в ухо, когда решил сто грамм навернуть. Что еще нужно мужику?

Не могу представить себе ситуации, которые описал кореш. Именно Вероне, а не Марии я доверяю чистить мою мото-защиту. А это не носки в стиральную машинку закинуть. С выбором друзей вообще из области фантастики. Однажды мне пришлось оставить Годзиллу у подъезда, Верона настояла, чтобы я поднялся домой один, но и то из-за секса. Как только я перешагнул порог квартиры, чуть кони не двинул – Верона встретила меня в холле... голая!

– Я знаю, кто мои друзья! – Курт мечет в меня злобный взгляд, это уже не о его подружке, эти слова для меня. – Они не идеальны! Но они мне не раз жизнь спасали! Если надо отдам должок, не задумываясь.

Минуту мы молчим.

– Кстати, Мангуст отписался. Перед командировкой смотался к бабке в деревню. Дом совсем покосился. Черт! Мне тоже нужно поехать к матери и заняться домом. Она уже не первый год стонет.

По его словам понимаю, что на задание они с Мангустом летят вместе. Теперь понятно, кто кого подбил! Мангуст тот еще вояка, ему пострелять, как отлить сходить. Проклятье! Курт, ну на черта ты мне все карты мутишь! У меня руки чешутся об его другана.

Вспоминаю про подарочек Кувалды, я отдал ключи от шкафчика Годзилле и попросил распотрошить часы на детали. Набираю номер его мобилы и спрашиваю, что удалось найти.

– Записка! Какая-то хрень! Шифровка!

Годзилла на взводе, по звукам понимаю, что он еще на базе, и кто-то рядом с ним громко артачиться.

– Лады, приеду вечером, помозгуем.

Смотрю в зеркало заднего вида и вижу, как напрягается Дракон. А этот-то чего?! У меня опять сигналит чуйка. Хорошо, что Курта взял прицепом.

Когда немного поостыл пишу смс жене:

Прости, Пушочек! Думал ты с Софией... а ты спишь...

Черт! Не знаю, что еще написать. В извинениях я не силен.

Вера

После двухчасовой исповеди, во время которой я плакала, злилась и заново прочувствовала ту боль, что досталась мне и братьям, я вырубилась и уснула. Я рассказала подруге буквально все: про побои и травмы, про историю с любовницей и, наконец-то, про трагедию, которая произошла в нашей семье – паралич брата и как я сама вызвала милицию в дом. Да, местами мне было стыдно, а местами так обидно, что хотелось позвонить матери и высказать все, что накопилось за годы издевательств. Софа не комментировала, но иногда фыркала или округляла глаза так, что казалось, они вот-вот вылезут из орбит. К концу моего монолога она совсем сникла и я поняла, что своим рассказом сделала

только хуже. Похоже, что подруга сделала какие-то выводы, и они были не в пользу их с братом отношений.

Проснулась я, когда на улице уже стемнело. В номере тишина. Я позвала Софу, но в ответ молчание. Выглянув в коридор, обнаруживаю на посту Андрея и спрашиваю, где моя распрекрасная соседка. Он поведал мне совершенно дикую историю о том, что к ней приехали друзья на трех машинах – девушки и парни. Сначала они носились по отелю. Я смутно припоминаю, что пару раз просыпалась из-за шума в коридоре. Потом устроили дебош в вестибюле, подрались с каким-то французом, а тот оказался не из робких, и как выразился Андрей: «Англикашки огребли по полной», видимо, друзья Софии и моего телохранителя достали. Драка перепугала всех постояльцев, администрация отеля попросила шумную компанию съехать. После чего они увезли Софу на какую-то виллу. Подруга просила меня позвонить, когда проснусь.

Я хмурюсь, возвращаюсь в номер и тянусь к телефону. Софа выключила звук, поэтому я не слышала, что мне звонили и посылали сообщения на все возможные мессенджеры. Просматриваю список неотвеченных звонков и смс. Боже! Руссо звонил трижды. Потом прислал кучу гневных смс. Затем можно с натяжкой сказать, что извинился, а последняя гласила:

Что с Софией? Где она сейчас? Курт не может до нее дозвониться!

Ох, только этого нам не хватало!

Набираю номер Софы, после восьмого или девятого гудка, я уже сбилась со счета, она отвечает на звонок... пьяная! На фоне ее голоса грохочет музыка. Басы бьют мне по ушам. Я невольно отодвигаю мобильник от уха и втягиваю шею.

– Проснулась, Синеглазка?! – кричит Софа.

Обрушиваю на нее все свое негодование. Зачем она помчалась с друзьями именно сегодня, когда Саня весь на нервах перед отъездом? Не могла подождать до завтра? Софа раздражается поддельно-беззаботным хохотом.

– А еще говорят, что выспавшиеся люди становятся добренькими! Синеглазка, ты никогда ко мне не потеплеешь, да?! Всегда будешь осуждать?!

До меня доходит, что Софа после нашего разговора и бессонной ночи сорвалась и понеслась вскачь. Она же Руссо в юбке. Теперь всем достанется.

Бедный Саня! Она обязательно до него сегодня доберется и выскажет все. А вдруг она нарушит наши договоренности и сдаст меня с потрохами? Тогда Саня меня возненавидит. Ох, зачем я ей все рассказала? Не надо было мне вмешиваться, оба взрослые люди и сами бы разобрались. Меня бросает в дрожь. Кажется, я сморозила глупость.

– Знаешь, я вот подумала... вы с Куртом бомбы замедленного действия! Если не обратитесь за помощью, плохо кончите. Тебя это тоже касается, Синеглазка! После столкновения с очередной соперницей придушишь мужа собственными руками!

Вот это да! София... Я закрываю глаза и издаю мучительный стон. А чего я ждала? Хочешь, чтобы тебе сделали больно, расскажи о проблеме, которая тебя мучает. Помочь не помогут, но издевки и насмешки тебе обеспечены.

– Синеглазка! Без обид! Давай оттянемся! Девичник, помнишь? Скину адрес охране. Приезжай! Тут отменная туса! Саймон притащил каких-то циркачей. Меня зацепил тут один... пиротехник... огнем дышит, – Софа икает.

Ох! Я уже примерно понимаю, в каком она состоянии и мгновенно принимаю решение.

– Жду адрес!

Нет, я не поеду на тусовку. Я придумала кое-что другое.

Выхожу из номера и застаю Андрея, читающего в телефоне сообщение.

– Это от Софии?

– Да, пишет, чтобы мы привезли вас на виллу. Там какая-то вечеринка.

В глазах телохранителя подмечаю беспокойство. Еще бы ему не беспокоиться, он ведь должен докладывать о наших передвижениях моему мужу.

– Никуда я не поеду, – твердо выдаю я.

Андрей сразу с облегчением выдыхает. Я улыбаюсь. Показываю на соседний номер, где базируется охрана.

– А вот им двоим придется. Пусть привезут ее хоть в каком состоянии. Если встретят сопротивление, покажут это...

Открываю галерею в мобильном телефоне и нахожу ее с братом фотографию перед захватом бара. На ней Саня и Софа танцуют, он крепко прижимает ее к себе за талию и смотрит в глаза. В них столько любви и страсти,

что пробьет до мурашек любого, кто посмотрит на этот снимок. Пересылаю фото телохранителю и скрываюсь за дверью номера.

Софу привезли через три часа. Все это время я себе места не находила, металась по комнате будто меня подожгли. От машины до номера ее несли на руках, сама она уже идти не могла. По царапинам на шее телохранителя-итальянца понимаю, что сопротивление они встретили, да еще какое. Уж не знаю, что их так задержало, не стала уточнять. Наверное, носились за ней по вилле, чтобы фото показать. Раздевать Софу пришлось мне. Она ворчала, брыкалась, но я на нее прикрикнула и на мое удивление подруга сдалась. Ее телефон разрывался от звонков и сообщений. Больше всего ее доставал Саймон. Сообщения я не читала. Но отправила смс со своего телефона брату, что Софу привезли в отель и теперь она спит.

Саня тут же перезвонил. Злой. Я поняла, что они уже успели вымотать друг другу нервы и встала на защиту подруги.

– Не знаю, что между вами происходит, но Саня... тебе лучше остыть. Не наезжай на нее.

– Верона! Ты даже не знаешь, о чем говоришь! – орет в трубку брат.

– И знать не хочу! – обрываю я его. – Сами разберетесь!

– Да тут и разбираться нечего! Хочет задом вилять, вперед!

Саня отбивает соединение. Меня настораживает его тон и решимость. Похоже, подруга все же перегнула палку. Открываю в телефоне социальные сети и просматриваю обновления. О боже! Теперь понятно! Софа запостила три фотографии, после которых об отношениях с Саней уже речь не идет. На одной она целуется с Саймоном, на другой, сидит на коленях у пиротехника, на третьей танцует с каким-то парнем, если это можно назвать танцем, скорее обжиманиями. Софа не из тех, кто будет изменять или играть на два фронта. Она порвала с Саней и ушла в отрыв!

Выхожу на террасу и звоню брату. Он все еще злой и шумно дышит в динамик мобильного. Рассказываю ему все, кроме своей исповеди.

– С ее слов ты дал ей понять, что будущего между вами нет, Софа решила, что сейчас самое подходящее время для разрыва. Я ее по-женски понимаю, Саня. Ты уезжаешь, ее сердце разрывается от боли перед разлукой. К тому же ты не

говоришь с ней о своих чувствах. Что ей думать? А она не я, плакать не будет. Она – Руссо в юбке...

Саня хмыкает от такого сравнения. Я продолжаю:

– Ничего такого она натворить не успела. Софа не из тех, кто прыгает из одной постели в другую. Да ты и сам знаешь, какая она. Фотки разместила специально, чтобы тебя позлить. А может вызвать на ревность... не знаю! Мне тоже досталось, так что...

Слышу тяжелый вздох, затем стон, да такой мучительный, что сердце кровью обливается.

– Саня, – сбавляю тон, – ты не сахар. Она тоже не идеальна. Кому-то из вас нужно сделать первый шаг.

– Кому-то?! – со злостью выпаливает брат. – О-о-о! Я – идиот, как-то сразу не дотумкал, что отвязная вечеринка, на которой она ведет себя как шлюха, это попытка примирения. Хорошо, что ты разъяснила! Теперь буду знать!

– Саня...

– Не надо, Верона! Она хотела свободы, она ее получила. Конец разговора! Прости, что тебя это задело рикошетом. Больше звонить не буду. Ночью отчаливаю на аэродром. Там инструктаж и все такое. Так что некогда будет. Вылет на рассвете. Не теряй из виду мать и двойняшек.

– Береги себя... – успела сказать я.

Связь разъединилась, а у меня было такое ощущение, что я только что потеряла брата.

Аристарх

Мы приехали в промзону Подмосковья. Кругом логистические склады и компактные цеха. По обе стороны дороги бегут конкурирующие между собой собачьи стаи и брешут в унисон – переключка постовых. Навигатор сообщает, что мы прибыли в пункт назначения. Паркуюсь у здания похожего на склад. Дракон сказал, что мы едем в его арендованное жилье, округляю глаза на кореша и спрашиваю:

– Ты здесь живешь?

– Типа того... – Дракон идет к двери без вывески.

Мы за ним. По пути посылаю смс Годзилле с адресом. Пишу:

Если не выйду на связь через час, то знаешь, откуда начать искать.

А чтобы Годзилла не подумал, что это прикол, пишу, что я с Куртом и Драконом приехал разруливать дела по кренделю, который решил, что свадьба это не повод отступить от моей жены. Годзилла тут же обкладывает меня матом и невежливо интересуется, за каким чертом я помчался туда без телохов. Такие дела надо решать толпой. Я пишу, что дело деликатное и есть третья сторона, которая может помочь, но чуйка не дает мне покоя, поэтому я и закинул ему адресок. Годзилла тут же оповещает:

Через час сам тебя наберу!

У эстакады грузятся три фуры с номерами разных регионов. Внутри склада суетится народ. Вроде это контора по отгрузке и приему бытовой техники, но что-то не так... Не могу понять...

На нас никто не обращает внимания. Проходим через весь склад и поднимаемся на второй этаж по узкой металлической лестнице. Хотел по ходу проверить почту, не прислал ли Артур отчет по биржевой сделке, но обнаружил, что нет сигнала.

– Здесь глушилки, ловит только на стоянке, – поясняет Дракон и прикладывает к электронному замку ключ-карту.

Вот шифровальщик! Видать, привез нас с Куртом в свою берлогу, где весь компромат хранит.

– Раньше не мог сказать? – бурчу я и захожу за ним в длинный коридор.

Процессию замыкает Курт. Рука шарит за поясом, где у него ствол, я понимаю, что кореш тоже на измене, что-то видать засек, но при Драконе не говорит. Оглядев коридор, я сам дотумкал. Со всех сторон на нас смотрят камеры видеонаблюдения. Коридор пустынный и чистый как в операционной. На дверях таблички с названиями отделов, но судя по тому, как дверные ручки равномерно блестят от новизны, в кабинеты никто не заходит. До меня только сейчас доходит, что это муляж! Нет тут никакой конторы!

Проходим весь коридор, последняя дверь открылась, как только мы к ней подошли. Нас встречают два вооруженных до зубов амбала в черных спецовках и

пропускают внутрь. Мы будто на военной базе, а это что-то типа пропускного пункта.

– Не дергайтесь, – предупреждает стальным голосом Дракон, – делайте, что говорят.

Курта обыскивают и просят сдать оружие. Протягивают ему мини-сейф. В мою сторону даже не смотрят. Типа они уже знали, что я безоружен, а он при стволе. Бьюсь об заклад, что весь коридор утыкан магнитометрическими, инерциальными и другими всевозможными датчиками. Твою ж мать! Что это за контора?

И тут меня реально торкнуло!

Пред глазами замелькали картинки из прошлого. Дракон всегда брался только за мои дела, но никогда не помогал другим бро из клуба. Меня даже пару раз просили замолвить словечко, типа он слушает только меня. У него всегда первоклассное оборудование, которое стоит не малых прайсов, но сам Дракон небогат. Любую интересующую меня информацию он добывал в кратчайший срок. Вот я debil! Дважды два не помножил! Ведь все было передо мной как на ладони, я просто не хотел ничего замечать! Что ж, надо признать, что папашка-Яшка не дурак, да я и не сомневался в этом. Недаром моя чуйка кричит, чтобы я рядом с ним не мельтешил и не дергался. Он внедрил свои «глаза» в мото-клуб. Таким образом, он приглядывал за мной и помогал решать возникшие проблемы. Даже сегодня... с Демоном... черт, не удивлюсь, если Дракон транслировал в это здание все, что происходило на базе.

Заходя в просторную комнату, похожую на переговорную я уже знал, кого встречу. Папаша-Яша! Он явно ждал от меня агрессии или ора, но я уже дал себе обещание, что буду с ним предельно осторожен. Стоит насупившийся на фоне огромного черного экрана, на котором выведена заставка с эмблемой одного из специальных подразделений. Что-то мне подсказывает, здесь он работает не больше двух лет. По сравнению с тем, чем он занимался раньше, это для него цветочки-лепесточки, типа спокойный отход на пенсию.

– Ну что? Поговорим? – вопрошает папаша и жестом показывает на стулья.

Курт не скрывает своего удивления, зыркает, то на меня, то на Яшу, но видя мою спокойную реакцию, плетется за мной к столу.

Для начала я решил немного пощекотать нервишки папашке. Пусть не думает, что я беззубый и покладистый, хотя он, конечно, так не думает, но меня просто разрывает от мысли о слежке, а наверняка и прослушки. Мелькает мысль, что нужно проверить все места жительства и работы. В первую очередь коттедж.

– Сколько ты Дракону платишь, чтобы он за мной приглядывал?

Папаша хмыкает, но отвечать не спешит. Осматривает нас с корешем, пытается определить настрой. Дракон закопался в телефон, типа срочное дельце появилось. Ага! Как же! Ему зазрит на меня смотреть. Ангел-хранитель хренов! Курт прищурился и буравит Дракона. Еще бы! Он же в клуб внедрился, а не в мой бизнес.

– Не думал, что тебя заинтересует финансовая сторона этого аспекта, больше ожидал вопроса о сроках. Как давно?

– И?

– Три года, – выдает папаша.

Я нервно сглатываю и охреневаю! Так Дракон и по гастролям со мной помотался! Тогда этот перец многое обо мне знает, и чаша дурного там явно перевешивает.

– Знаю, что после этого разговора ты побежишь все свои точки на предмет жучков сканировать, но снимать не советую, сейчас не время, а когда будет все безопасно, Юра сам все почистит.

Дракон кивает, как бы подтверждая слова Яши. Меня бесит этот слаженный тандем, и я ворчу:

– Мы дело будем обсуждать или ты нас на чай пригласил?

– Я так понимаю, ты решил во все дела Александра посвятить? – отвечает вопросом на вопрос папаша и придирчиво осматривает кореша. – Но чем он тебе поможет? Насколько я понял, он уже ночью отчаливает за экватор.

Яша не называет страну, куда направляют группу Курта, но по виду понятно, что знает всю подноготную о моем кореше. До Курта тоже доходит масштаб осведомленности моего папашки.

– Подожду тебя в машине, – бурчит кореш, поднимается и протягивает руку, чтобы я отдал ему ключи.

Сначала я хотел пойти на принцип, типа сиди и слушай, но потом подумал, что только грузану мозг кореша предстоящими разборками, он изведется, что не сможет помочь, а толку от этого ноль.

Протягиваю ключи, Курт сваливает. Дракон перемещается в угол комнаты и строчит кому-то смс.

– Так какой будет твой ответ на счет предложенной сделки?

Папаша хмурится, видать уже заранее ожидает от меня отпора, но я принимаю решение идти до конца. Мне нужно знать, как глубоко пустил щупальца в мои дела папаша-Яша, где и когда может выплыть наше родство.

– Ответ будет «да», – киваю и складываю руки на груди, – но как я и сказал, дятлом не буду.

Яша тяжело вздыхает и обводит меня оценивающим взглядом. Он явно не ждал от меня такой реакции, чувствует, что я настороже и веду свою игру. Поэтому решает с ходу вдарить мне под дых.

– Именно братья Ждановы стоят за организацией тотализатора онлайн-боев. У них в этом деле двойной интерес. С одной стороны расширить зону влияния, с другой – пополнить истощившийся за годы гонений общак.

Я чуть со стула не шмякнулся. Ждановы стоят за трансляцией?

Моя реакция порадовала папашу и он ехидничает:

– Удивлен, что ты сам не догадался. Ведь под ними весь онлайн-покер.

Я опять тихо охреневаю. Про подпольные игорные дома я знал, но что они уже прибрали к рукам весь онлайн-покер, впервые слышу. Да как такое возможно? Ведь этот бизнес тяжело отследить. Каждый день открываются сотни онлайн-казино, и хрен ты их все охватишь. Папаша видит мои сомнения.

– Полгода назад они наняли парочку толковых хакеров и теперь отслеживают конкурентов быстрее, чем Ассоциация игорного бизнеса и Минфин.

– Ты внедрил своего чела к ним? – догадываюсь я.

Папаша кивает.

– Мы изучили структуру ОПГ, распределение функций, ролей, соподчиненность. За время двухлетнего расследования мы встретили активное сопротивление группировки на всех этапах. Они задействовали коррумпированных чиновников, в том числе в следственных органах и со всех

щелей полезла нечисть, пытающаяся прикрыть расследование под любым предлогом. Пару раз мы подбирались очень близко, но ОПГ физически устраняли свидетелей или склоняли к отказу от дачи показаний. Были прямые угрозы следователям. В двух случаях угрозы были реализованы, – Яша ерзает, я вижу, что для него это уже не просто работа, а дело чести. – Так что расследование обросло эпизодами и многие должностные лица попали под наш прицел.

Проклятье! Да у него со Ждановыми настоящая война! Теперь мне понятно, почему он прет как таран. Хочет за своих людей отомстить.

Дракон убрал телефон в куртку и стал прохаживаться вдоль безликой белой стены. Монолог папаши взбудоражил его мозг, он даже на месте усидеть не может. По его реакции я понимаю, что те, кого грохнули, были ему либо друзьями, либо близкими коллегами.

– Сейчас ближайшая задача братьев поглотить конкурирующую ОПГ и захватить их территорию. Они давно враждуют, – Яша называет группировку Годзиллы. – Твой дружок, Виктор Князев или как ты его называешь – Годзилла, благодаря тебе, – слышу обвинительные нотки, – чуть ли не один из самых главных дойных коров для верхушки ОПГ. Ждановы год за годом «помогали» закрыться многим предпринимателям, которых крышевала группировка Князева. Если забрать бои, то у них останутся крохи. Вот тогда ОПГ Ждановых и прихлопнет их как комаров.

В моей голове начинает выстраиваться вся схема. Выходит, я был прав, когда говорил Годзилле, что у нас хотят отжать бизнес.

– Значит, Авакумов повязан со Ждановыми?

– Кто? – папаша хмурится.

– Вакуум, – кидает Дракон и снова уходит вглубь комнаты, – Геннадий Авакумов. Его люди приставлены к Кувалде.

Яша кивает, типа вспомнил.

– Вакуум не у кормушки, хотя очень хочет вернуться. Ждановы используют его связи, сулят золотые горы, но кинут при первой же возможности. По понятным причинам они пока к вашей троице не приближаются. Оценивают обстановку и готовятся к перехвату бизнеса.

– Кувалда передал мне шифровку, – выдаю я и наблюдаю за реакцией, папаша уже знал, видать, Дракон ему еще из джипа эту новость закинул.

– Попроси Годзиллу выслать ее скан, мои спецы расшифруют.

Пишу Годзилле смс, тот тут же скидывает фото записки с какими-то каракулями.

– Пусть рта не раскрывает, – предупреждает папаша, – тем более блатным. Сейчас нам утечка ни к чему. Кувалда единственный кто знает сроки и всю схему захвата. Ты уже знаешь, на чем они подловили твоего дружка?

– Покер...

– Я боялся, что они подберутся к тебе, – папашка тяжело вздыхает, – но ты за последний год финансово окреп, оброс связями и партнерами. Поэтому Ждановы оставили тебя напоследок. Решили, что ты войдешь к ним в долю. Годик покормят, чтобы ты прирос и расслабился, а потом киданут.

– А Годзилла?

– Его планируют ликвидировать вместе с верхушкой ОПГ на общей сходке. Уже проработали местность и время. Его место займет подготовленный мэн. Тебе его технично подкинут, но для проформы дадут выбор. Ты должен как бы сам его одобрить. Но как понимаешь, выбор будет очевиден.

Я таращусь на Яшу и застываю. Годзилла меня не раз выручал, он мой кореш и я ему доверяю. В клубе он чуть ли не правая рука. Без него уже ни один вопрос не решается.

– Годзиллу нужно прикрыть.

– Зачем мне это? – Яша склоняет голову на бок. – Для операции он не представляет никакой ценности. Если он нужен тебе, дай мне что-то взамен, и я подумаю, что можно сделать.

– Что ты хочешь?

– Я хочу полного твоего содействия в деле Ландау. Он рыба покрупнее. Возьму его, мое подразделение расширится.

Логично было бы мне просто сказать «да» и делу конец. Ведь Ландау мне всю плешь уже проел. Но чуйка сигналист, чтобы я уточнил, хрен знает, что там папаша надумал.

– Поясни, – жестом показываю, чтобы дал расклад, – чем я могу помочь?

– Мне нужно чтобы ты через подставную компанию влез в одну его сделку и дал лучшую цену. Забрал контракт у того с кем он ведет переговоры, а после отгрузки дал ему это понять. Он захочет вернуть товар, ты выставишь нереальную цену и вызовешь его на более агрессивные действия. Позже объясню все детали.

– Что за товар?

– С виду игровая приставка.

– А на деле?

– На деле в ней есть микросхема, которая может иметь множество назначений. Ландау придумал идеальную схему сбыта. Товар расходуется как пирожки. Покупателей много, поэтому он уже расслабил булки и продает любому, кто дает хорошую цену.

– Нужна реальная сделка или я должен просто создать видимость оплаты?

– Реальная, – папаша уточняет, – реальнее некуда. Деньги должны упасть на его счет.

– Правильно ли я тебя понял? Ты хочешь, чтобы я перевел куда-то прайсы, купил игровую приставку, а потом сидел с ней в обнимку до конца жизни?

– Не до конца. В итоге товар заберут. Деньги вернут, но не сразу. Сам понимаешь, как у нас все делается. Я скажу тебе под каким названием зарегистрировать фирму. Она должна сиять от чистоты, как сборочный цех швейцарского часового завода. Когда Ландау узнает, кто завладел товаром, точно должен уразуметь, почему ты это сделал. Что это не бизнес и защита интересов государства, а личная вендетта. Только при таком раскладе он не будет подключать свою крышу и решит все уладить сам.

– Типа я так ему отомстил...

– Точно.

Яша ждет главный вопрос, и я его не разочаровываю.

– О какой сумме идет речь?

– Лям баксов.

– Что?! Ты рехнулся? – с одуревшим видом вскакиваю и нависаю над ним.

– По-твоему это равноценная сделка?

– Я даю тебе больше чем ты мне, – кривится в ухмылке Яша и сверлит меня прищуренным взглядом. – Контракт будет заключаться с российским

научным центром. Предмет договора – микросхема, которая, по словам Ландау, будет использоваться в его новых игровых приставках, а на деле груз прямым рейсом отчалит из страны для последующей перепродажи, как выражается наш командос «западным партнерам». Но использовать их будут уже далеко не для игр, как ты понимаешь...

Дракон попытался что-то вставить, но Яша жестом дает ему понять, чтобы не вмешивался.

– На данном этапе ты под следствием...

– Чего?! – меня уже лихорадит от всего, что слышу.

– Как партнер Ждановых. Если ты откажешься от сотрудничества, здесь в России твои счета и недвижимость арестуют, а самого тебя затаскают по допросам. Зарабатывать ты уже не сможешь – будешь занят, придется долго и нудно доказывать, что не при делах. Но ведь пока разберутся... – папаша кривится в гримасе. – К твоим зарубежным счетам мы подобраться не сможем, но и ты ими не воспользуешься. Будешь невыездной. А после обыска у тебя изымут все средства связи и компьютеры, найдут банк-клиент. Все это потерянное время... – Яша постукивает пальцами по столешнице стола, – и как следствие банкротство.

Я нервно сглатываю. Что-то мне подсказывает, что он сильно преувеличил, но какая-то угроза все же есть. Я это чувствую. Да и проходить по делу ОПГ в качестве обвиняемого, пусть даже недолго, мне не улыбалось. Я на рубеже заключения «сделки века», покупаю акции компании, за которой гонялся весь последний год. Мне сейчас терки с российскими правоохранительными органами совсем не в тему.

– Зачем я тебе? Ты Ландау и без меня сделать можешь?

– Мне запретили к нему приближаться, – выдавливает из себя как жало Яша. Сжал кулаки. Вижу, как натянулись жилы на шее.

Да! Ландау, это не Ждановы... и тем более не Годзилла. Видать, больших шишек прикормил. Вот папашу и прищучили.

Яша встает, засовывает руки в карманы и прохаживается вдоль экрана.

– Если поможешь с Ландау и Ждановыми, бои больше никто не тронет, – смотрит на меня и едко добавляет: – И жена будет в целости и сохранности.

Проклятье! Что б его! Папаша знает, на какие пидальки нажимать. Мало было мне проблем, еще один гений оборотистой мысли объявился!

– Подумаю... – бурчу я и иду к двери.

– Могу дать день, не больше, – громыкает за моей спиной папашкин голос.

Я рычу, со злости пинаю дверь и выскакиваю в коридор. Никто за мной не бежит, никто не окликает. Отлично!

Выскакиваю на улицу, мне бы перевести дух, погонять на байке, чтобы чердак проветрило, но я на джипе и со мной Курт. Кореш сидит на бетонном бордюре и греет кости на солнышке. Весь такой отрешенный. Увидев меня, вскакивает и хмурится. Я злой как черт. На лету ловлю ключи и сажусь за руль. Вжимаю педаль газа в пол и рву с места. Чуть не попередавил собак, что рванули за нами вдогонку.

– Чего он хотел? – осторожно осведомляется Курт.

– Прайсы! – выпаливаю я на гневливой волне. – Всем всегда нужны прайсы! Прямо какой-то прайсовый голод!

Начинаю колотить по торпеде, но успокоиться никак не могу, и Курт жестом просит остановиться. Сворачиваю к обочине и выскакиваю из тачки. Бью по колесам и матерюсь. Как же меня вывел этот поганец! Мотался где-то там по всему свету. Потом заявляется и мутит воду. До него была тишь да гладь и вот на тебе.

Минут пять стою, уперев руки в бока. Отдышался и снова за руль.

– Полегчало? Или в качалку поедем?

– Полегчало, но в качалку все равно поедем!

Мне нужно выпустить пар и подумать. А прежде чем давать ответ папашке, будь он неладен, еще и перетереть с Севой и Годзиллой.

– Чтобы взять Ландау на официальной сделке этому кренделю нужен лям баксов. Начальство ему недвусмысленно дало понять, чтобы даже не смотрел в сторону Триперного Кролика. Типа важный финт для страны.

Курт садится за руль. Я плюхаюсь рядом.

– Мне нравится Яша, – выдает кореш и заводит мотор.

Я полосую его режущим взглядом.

– Что? Крутой чувак! Пришел, забрал свою женщину, подтянул к делам сына. Растолковал что к чему. Он же тебя уже не первый год пасет. Без него гнил бы ты сейчас на нарах. Так что тебе придется вернуть должок.

Тьфу ты ну ты! Вот вляпался!

Вера

Хоть мы с Софой проспали почти до одиннадцати, пребывали в таком же хмуром настроении как погода за окном. Во время завтрака мы не перекинулись ни одним словом, а после в такой же тишине оделись и пошли за охраной к машине. Нас везут на окраину Вероны. Сегодня начинаются мои кулинарные курсы. Всю дорогу Софа с отстраненным видом смотрела в окно. Я чувствую ее напряжение. Утром слышала, как она рассказала матери о расставании с Саней и даже тихо всплакнула. Мать ее успокаивала, говорила, что она еще молода и встретит свою любовь. Если у меня и была надежда на их с братом примирение, то после разговора Софы с матерью растаяла без следа. В своем решении Софа была тверда, как камень.

Логично было бы предположить, что мое присутствие теперь будет ей в тягость, но она все еще рядом, хотя в этом нет никакой необходимости. Софа не из тех людей, кто придерживается этикета или ранее достигнутых договоренностей, несмотря на то, что ситуация изменилась. Наблюдая за ее поведением, я прихожу к выводу, что хоть с Саней они больше не вместе, Софа все еще моя подруга и на наших отношениях их расставание никак не скажется, по крайней мере, я на это надеюсь. У меня не так много близких людей и потерю подруги я бы восприняла болезненно.

Я не стала спрашивать, куда делись ее друзья, но украдкой подсмотрела их с Саймоном переписку и поняла, что они переместились на какой-то остров, и продолжают зазывать ее в свою компанию. Софа ответила, что будет в Вероне еще неделю, а потом поедет со мной по Европе. Я обомлела. Мы не говорили с ней о путешествии. Врать друзьям Софа не будет, даже для того, чтобы отделаться от назойливых приглашений, это значило только одно, в ближайшие часы она поднимет эту тему.

Витторио – мастер-шеф – лично встречает всех учеников у входа в одноэтажное здание с огромными в пол окнами, на которых крупными буквами написано название его кулинарной школы. Сегодня он одет в ярко-синий костюм и белую рубашку. В начищенных до блеска туфлях отражается облачное небо.

– А он симпатичный, – бросает на него оценивающий взгляд подруга и снова ныряет в телефон.

Понятно, что никто из желающих учиться у знаменитого шефа не приехал с таким эскортом как я. От чего я конфжусь и краснею. Софа говорит ему, что она моя подруга, что тоже хочет присоединиться к группе. Сначала Витторио пытается от нее избавиться, но Софа пускает в ход все свое обаяние и добивается не только зачисления в группу, но и свободного графика передвижений. Она заявляет, что сертификат ей не нужен, что учиться кулинарии она не собирается, просто для нее важна атмосфера и шеф соглашается.

В группе пятнадцать человек, из них примерно половина мужчины. Все из разных стран, поэтому общаемся на английском языке, хотя кто-то блещет знанием итальянского, надеясь произвести впечатление на Витторио, в основном это женская аудитория. Я не сильна в английском, но раз Софа рядом, я не нервничаю, если что придет на помощь.

Нас проводят в офис, где мы заполняем анкету, отдаем пригласительный и копию паспорта. В анкете есть один вопрос, который заставил меня задуматься. Рассматриваю ли я в будущем профессиональное обучение кулинарному искусству. Готовить я люблю, но никогда не думала о профессии повара, хотя уверена, что у меня получилось бы. Софа заметила, на каком вопросе я застопорилась, вырвала из моих рук ручку и поставила галочку в графе «Нет». Я одарила ее недовольным взглядом, на что она только хмыкнула и потащила меня в зал за всей группой.

Зал, в котором нам предстояло обучение, был огромен. По центру стоял кухонный остров буквой «П», а вокруг него пятнадцать столов. Каждому ученику выделили одинаково спроектированное рабочее место и набор утвари и посуды. Кухонная техника встроена в столы, а жаровни и грили по периметру зала. Такого первоклассного профессионального оборудования я еще не видела и с

любопытством изучаю. Начинается галдеж и металлический грохот – ученики исследуют рабочее место.

С присущей театральностью шеф начинает обучение. Я уже видела его в деле и не гогочу как Софа. Бросив на нее осторожный взгляд, понимаю, что подруга находится в стрессе и намеренно реагирует на все слишком восторженно, чтобы отвлечься от горестных мыслей.

Витторио дает нам первое задание. Сегодня это любимое блюдо семьи или местности, в которой мы родились. Шеф говорит, что семья это главное для каждого человека, мы не должны отступать от традиций, тем более кулинарных. Он хочет, чтобы мы познакомились ближе и не только приготовили, но и рассказали что-то интересное о блюде, которое выбрали.

Недолго думая, я выбираю блюдо, которое смогла бы приготовить хоть с закрытыми глазами. Это любимый мясной пирог Руссо. В нашей семье его можно назвать самым ходовым. После первой поездки в Италию я усовершенствовала рецепт и не сомневаюсь, что он всем понравится, особенно мужской половине учащихся.

Как и ожидалось, Софа начала мне мешать, но Витторио быстро ее переманил к себе. Шеф разложил продукты для блюда, которое часто готовила его бабушка. С этого начался их оживленный разговор. Он спросил, как звали ее бабушку. Софа поведала ему историю семьи, а она действительно оказалась интересной. К тому же подруга приправляет свой рассказ шутками и примерами из русских традиций, а эта сегодняшняя тема. Шеф не отрывает от нее глаз.

Через час общения, Витторио уже жить не мог без Софы и куда бы ни пошел, звал ее с собой. Она с присущей прямоотой, но без зазнайства говорит ему, как нужно что-то переделать в офисе или в зале, как усовершенствовать работу школы и даже поставить на поток. Витторио слушает и кивает. По его виду я понимаю, что он сначала был шокирован ее откровенностью и напором, но потом быстро взял себя в руки и даже стал что-то записывать. Мне понравилась ее идея о курсах для новобрачных. Это мини-пакет ходовых несложных рецептов, которые выручат любую современную особу, занятую одновременно бизнесом или учебой и домашними хлопотами. Далее она предлагает организовать онлайн-

курсы для молодых мам, где можно сделать акцент на блюдах для детей и их оригинальном оформлении.

В сторону подруги полетели ревностные взгляды двух дам, борющихся за внимание шефа, и я мысленно хмыкнула. У этих дамочек нет ни шанса. Если Софа на кого-то положила глаз, другим лучше отступить.

Надо признать честно, что сначала меня тоже охватила ревность, ведь я еще не смирилась с их расставанием с братом. Но потом я дала себе установку радоваться за подругу, ведь она пытается жить дальше, не заикливаясь на прошлом. Такой реакции мне никогда не добиться, я завидую тем людям, кто могут уже на следующий день после разрыва, пусть и с болью в сердце и с тоской в глазах, но все же расправить плечи и идти вперед, понимая, что на этом жизнь не заканчивается.

Шеф смотрит на часы и звонит в колокол, подвешенный на стене при входе. А я-то думала, зачем здесь корабельный колокол! Отведенное время закончилось. Ученики вносят в оформление блюда последние штрихи и с интересом поглядывают на соседние столы. Пытаюсь по внешнему виду и запаху понять, кто что готовил, но это оказалось непосильной задачей.

Витторио хватает огромный нож и жестом просит опуститься Софию на колени, сначала она застыла в недоумении, но глядя в его улыбающиеся и игривые глаза, приняла вызов. Он прикладывает нож к ее правому плечу и просит повторить за ним клятву. Слушая слова, вся группа начинает покатываться со смеху. Кто-то фотографирует и снимает видео. Я не все слова понимаю, но суть в том, что София должна быть беспристрастной, честной и объективной судьей. Она повторяет за ним текст короткой произвольной клятвы, тоже смеется. После чего он помогает ей встать и жестом показывает следовать за ним.

Шеф с важным видом обходит пятнадцать столов, будто полководец осматривает свои войска. Моя подруга движется за ним как тень. Пока он осматривает и принимает, ученики стараются кратко рассказать свою историю и причину, по которой они выбрали именно это блюдо. Не все блюда Витторио пробует, какие-то сразу отвергает, но не комментирует причину и не обращает внимания на обиженные лица. Я сказала, что мой пирог быстр в приготовлении. Выбрала я его потому, что это блюдо, которое попробовал мой

муж в первый день нашего знакомства. Затем я кратко описала, как мы познакомились, обходя тему коммерческих боев и ставок. Витторио вспомнил Руссо, поздравил нас с созданием семьи и метнул осторожный взгляд на стоящих поодаль телохранителей. Да, он удивлен, ведь внешне мой парень не выглядел как успешный бизнесмен.

Затем шеф выбирает пять блюд, просит всех присоединиться к дегустации и проголосовать. Они с Софой тоже пробуют выбранные блюда и шушукаются. Оглашается призёр, это женщина из Венгрии. Она приготовила «Фазелёк» – тушеные овощи по-венгерски. Насыщенный и необычный вкус блюду придает мучная пассировка и тертый картофель. Я бы никогда не дала ему первое место, были конкуренты посильнее. Выбор, скорее всего, был сделан из-за ее рассказа о рождении дочери. Я так и не поняла, причем тут рождение малышки и тушеные овощи, ведь ребенок явно еще грудной и не пробовал этого шедевра, ну да ладно. Софа морщит нос, видимо, тоже не согласна с мнением шефа. Он хоть и советовался с ней, но принял решение единолично.

Витторио вручает победительнице приз – набор посуды – вкладывает в руку мел и просит поделиться рецептом на черной стене. Но к рецепту никто, кроме самого Витторио интерес не проявляет, а вот между собой группа общается охотно. Ко мне подошли двое мужчин, представились и попросили дать рецепт пирога. Один восторженно поведал, что рецепт очень прост, времени затрачивается тоже мало. Другой, что блюдо сытное и может накормить несколько гостей, хотя форма выбрана всего диаметром двадцать один сантиметр. Не знаю, в каком количестве едят в их семьях и странах, Руссо один уплетает пирог, а потом еще вопросительно смотрит на меня, мол, что добавки не будет.

Аристарх

Сижу на патио, попиваю пивко и наблюдаю за корешем. Курт собрал манатки и перенес коробки в гараж. Просит присмотреть за вещичками, а если София начнет гундеть, то нанять машину и отправить скарб его матери. Черт! Я и без ворчания Софии это сделаю – мне тачку некуда ставить. Я уже думаю, в какой

день лучше закинуть его вещички, когда кореш подходит с бутылкой пива и спрашивает:

– Ты с недвижимостью что решил?

Пожимаю плечами, даю понять, что пока все в подвешенном состоянии. По какой причине не говорю, если кореш узнает, что я довел Верону до слез из-за детей, то с ходу по мордасу въедет, а потом еще у виска покрутит, типа, о чем раньше думал. Скажет, что всегда считал меня ушлепком и как чуял, что от меня нужно беречь сестру.

– Я чего спрашиваю... – Курт чешет затылок, – хочу хату снять где-то поблизости с вами. В случае чего, быть рядом.

– Супер...

Пока ехали в качалку Курт дал мне время отойти от разговора с папашей, а потом помог сбить спесь на ринге. Мы провели два раунда. Когда Курт нахохлившись, молотил меня по корпусу, я прикидывал, куда меня может завести сотрудничество с Яшей. Ко второму раунду я все взвесил и принял решение идти до конца, чтобы уберечь Годзиллу. Мозги мигом остыли, я перехватил инициативу и угостил кореша таким апперкотом, что он чуть зубы на ринге не растерял. Курт повалился на спину и словил звезды. Лежит красиво, греется под люминесцентными лампами.

– Ты как?! – кричу я и разматываю бинты.

Фигли продолжать, по корешу понятно, что он намерен тут прописаться.

– Круть! Улетно! Мне как-то сразу полегчало, – кореш матюгнулся, сел и застонал. – Мы – два долбака.

Теперь он ржет. Я тоже скалюсь. Ринг всегда забирает весь мусор и прочищает мозги.

– Ты, конечно, от меня не так далеко ушел, но я... – Курт ощупывает подбородок и щурится. – Маразм крепчает только в дурке. Она меня в ночь перед отлетом спросила, что я к ней чувствую. Видать, ее сильно придавило, со мной сплошные непонятки. А я лошара возьми да выдай: «Спи! Не компостируй мне мозги!». А перед самым их отъездом с Вероной сел на байк и вчухал. Ду хаст! Поминай, как звали! Верона-то что... она привыкшая, знает, что я не прощаюсь, а Мудрость меня таким взглядом окатила, что до костей пробрало.

Все понятно! До Курта стало доходить, что они с Софией разбежались и теперь он снова одинокий волк. Если раньше это нас обоих бы только обрадовало, дало лишний повод для пьянки и безудержного траха до утра, то сейчас... Когда ты встречаешь вторую половинку, то сразу это чувствуешь. Я уже с первых минут понял, что реагирую на Верону не так как на других девчонок. Не видя ее больше суток, слетал с катушек и готов был громить всех и вся.

Теперь мы в коттедже, где Курту напоминает все о Софии и он себе места не находит. Небось, когда собирал вещички, чуть не взвыл от тоски.

Курт прикладывает бутылку ледяного пива к подбородку и переступает с ноги на ногу. Хочет что-то перетереть, но не решается.

– Чего там у тебя? Мнешься уже полдня, – ворчу я и толкаю его плечом.

– Отец завтра выходит из тюрьмы, – выдает Курт, на фэйсе гримаса, будто ему предстоит сортир чистить. – А я как назло сваливаю.

– Боишься, что он до младших доберется?

Курт морщится.

– Хрен его знает, мать говорит, что он изменился. По мне так горбатого только могила исправит.

– От меня что нужно?

Теперь я повязан с семейкой Павловых, их геморрой – мой геморрой.

– Я дал на всякий случай твой телефон Лехе. Сказал, если Гоблин к нему сунется сразу тебе звонить. Годзиллу тоже предупредил. Ты, в случае чего, направь туда людей. Сам не езжай. Не хочу, чтобы ты это дерьмо видел. Верона меня живьем сожрет.

– Ты сам-то с отцом говорил? – смотрю на Курта в упор.

– Нет, – качает он головой, – но он мне маляву прислал с корешем своим, который на прошлой неделе откинулся. Пишет, что домой заедет только вещички собрать и сразу в путь. Типа чтобы я не дергался, ночевать там даже не останется.

– Это же хорошо? – я уже запутался, вроде это идеальный расклад, но кореш все равно в напряге.

– Если мать не начнет ныть, то он так и сделает, но если она заведет старую пластинку, он сорвется... – Курт сжимает кулаки, – как пить дать сорвется. Так всегда было...

Вот дела! Что у Курта, что у меня родки под старость лет с ума посходили. Не живетя им спокойно! Страсти разгораются похлеще бразильских сериалов.

Слышим звонок в воротах, оба напрягаемся. Я все же поведал Курту весь расклад. Непонятно, что со мной будет, пока Джеймса Бонда и свои дела разрулю. Так что кому-то нужно быть в курсе всего происходящего. Но вот Годзилле я решил сливать инфу выборочно. Он горяч и быстр на расправу. Помчится к Ждановым и напорется.

Курт шлепает к воротам. Запускает моего братца. В руках у него какой-то черный кейс. Вид чернее тучи. Черт! Значит, папаша-Яша не придумал, я реально под колпаком.

Кивком Сева дает знак идти за ним. Поднимаемся на второй этаж, веду его в нашу с Вероной спальню. Брат раскрывает кейс, я вижу оборудование для проверки на прослушку помещений. Достает нелинейный локатор и проверяет комнату. Все чисто.

– Уф! – вытирает он лоб от пота. – Думал тебя уже и тут утыкали.

– Что там, Сева?

– Все плохо, Ари. В ближайшую неделю тебя вызовут на допрос. Выписаны ордера на обыск квартиры, средств связи и машины. Но это не новый джип, а «Мустанг». Так что сиди в коттедже и нос свой не высовывай. Сам Яша на рожон не полезет, как я понял, он в твоей же квартире живет.

Я киваю.

– Пока я пробиваю, кто за кем стоит, но уже понятно, что в разработке твои дружки уже не первый год, а раз так, то уладить дело будет невозможно. Поэтому Ари, веди себя сдержано. Никакого сопротивления. Вызывают – идешь. Спрашивают – отвечаешь. Говоришь все как есть. Я, было, закинул удочку, что ты мой осведомитель, но на меня посмотрели как на Иуду.

– Яша сказал, что двоих следаков из следственной группы завалили.

– О-о-о... тогда все понятно, – отмахивается Сева. – Дело реально не уладить. А теперь я и сам уже не полезу.

Минуту молчим.

– Мать после моего звонка разнервничалась, так что Яше сегодня не поздоровится, – брат усмехается. – По всей видимости, он скрывал от нее реальную ситуацию.

– Правильно делал, – вставляю я, – у нее и так сейчас забот выше крыши.

– Я так и понял, поэтому не стал сильно распространяться, – Сева отводит взгляд, делает вид, что осматривает дизайн комнаты. – А тут у вас милое гнездышко...

Ага! Гнездышко! Как же! Смотрю на брата и понимаю, что он дал матери полный расклад. Гребанный екибастос! Как пить дать все растрепал! Он всегда с ней шушукался. Да и мать знает к нему подходы. Так что Яшу вечером ждет встреча под названием «Армагеддон на пороге». Уф, Сева! Но разве я сторож брату своему?

– Я думаю тебе лучше сделать, как он просит, но с условием, чтобы твоих корешей не тронули. Вот только с кандидатурами не оплошай. Как я понял, один твой дружбан в ОПГ, другой таким же отморозкам в покер проигрался. Час от часу не легче. Так что прежде чем вставать на защиту подумай, а оно тебе надо?

До Кувалды мне дела нет. Пусть свое дерьмо сам разгребает, он мне не кореш. А вот Годзилла... Черт! Вот из-за него мне придется попотеть.

– В такой ситуации тебе уже нужно определиться на чьей ты стороне.

Проклятье! Моралист хренов! Чую, что меня понесет в любую секунду, я еще пивом подкачался. Закваска что надо. Брательник это тоже понял и, показав на кейс, говорит:

– Я тебе оставляю оборудование. Проверь все комнаты. Привезешь потом в родительский дом.

– Как отец?

– Паршиво! На работе взял отгулы на неделю. Глаза постоянно на мокром месте. Думал, отправить его куда-нибудь, типа в отпуск, так нет, упирается как бодливая буренка.

Сева идет к выходу и все еще оглядывается по сторонам. Видать зацепил его коттедж. Иду за ним и думаю, а почему я никогда не рассматривал этот коттедж в качестве постоянного места жительства? Здесь есть все, что нам с Вероной нужно. Сегодня же перетру этот вопрос с женой.

С женой! Мать моя женщина! Все еще не могу привыкнуть к новому раскладу. Я окольцован и посажен в клетку!

Вера

Анна вышла на связь к семи вечера и мы смогли поболтать. Я так обрадовалась ее звонку, что минуты две улыбалась как идиотка. Но постепенно до меня стали доходить ее слова и я сникла.

Ох, Анна! Опять ее понесло не туда!

Подруга рассказала, как отбрил ее Оборотень после третьей попытки поговорить. Он был не просто груб, а кинулся на нее как маньяк. Дело происходило в его тату-салоне, куда Анна зашла с ним выяснить отношения. Она выскочила из салона со слезами и чуть не попала под байк Мангуста. Он приехал к Оборотню делать тату, но столкнувшись с Анной, тут же передумал. Из-за этого Оборотень распахивался еще сильнее и устроил скандал уже на улице. Мангуст отвез Анну к себе домой и утешал несколько часов. После этой фразы я вся скукожилась. Утешал? Как?

– Я раньше смотрела на него и не замечала, какой он хороший, – говорит мне Анна, а у меня сердце кровью обливается. – Проблемы с Габом, а потом мое короткое увлечение Оборотнем полностью завладели моим восприятием. Я никого и ничего не видела вокруг. Но теперь все встало на свои места. Все это я пережила, чтобы заметить Олега. Он необыкновенный, заботливый и умеет найти нужные слова, чтобы утешить.

Тут же вспоминаю, рассказ Руссо о том, как Мангуст «утешал» его чикс на одну ночь и тяжело вздыхаю. Из огня да в полымя! Что же с ней творится? И когда она раскроет глаза? Хотелось ей все высказать, накричать и вправить мозги, но Анна сейчас очень восприимчива к критике, обидится и больше не будет звонить.

– И чем у вас все закончилось? – в моем тоне слышится скепсис.

– Потрясным сексом и обещанием дождаться.

– Чего? – я встрепенулась. – Откуда дождаться?

– Олег же улетает с твоим братом. Ты не знала?

– Нет...

В принципе меня эта новость обрадовала, Саня будет не один, больше шансов, что вернется целым и невредимым.

– Так ты сейчас в коттедже?

– Нет, – загадочно отзывается Анна, – я у Олега. Он отдал мне ключи от квартиры.

– Ты будешь жить у него? Вы теперь вместе?

– Я сказала ему, что в квартире нужно перекрасить стены и кое-что переделать. Он оставил мне деньги, ключи и сказал, что я могу делать что хочу. – Анна визжит от счастья. – Мне понравилось, как ты оформила вашу с Руссо спальню в коттедже. Ты должна мне помочь! Я вышлю тебе фотки его квартиры, потом обсудим. Договорились?

Так вот в чем главная причина ее звонка!

На террасу выплывает Софа и оценивает мой вид.

– Договорились... – почти шепотом отвечаю я и разъединяю связь.

Рассказываю Софе новости, она отмахивается и выдает:

– А чего ты напряглась? Мангуст же друг твоего брата. Курт не будет общаться со швалью. Может у них с Анькой все закрутится.

Я еще больше округляю глаза, а мгновение назад, казалось, что больше некуда.

– Ты одобряешь ее поведение? Пять минут назад она выясняла отношения с Оборотнем, а потом запрыгнула на байк и укатила с Мангустом! Через несколько часов он отчаливает в служебную командировку и вручает ей ключи от квартиры. По-твоему, это нормально?!

– Ой, кто бы говорил! – морщится Софа. – У тебя была свадьба-сюрприз! И что-то я не припомню, чтобы ты с нее пыталась сбежать!

Ох! Похоже Софа мне в этом деле не помощник. От происходящего меня знобило. Складывалось такое ощущение, что нашей дружбе приходит конец и меня это не радовало.

– Одевайся, Синеглазка! – Софа показывает на кровать, где она уже подготовила мне наряд.

Теперь она мой личный стилист. То мной командует Руссо, то подруга.

– Куда идем?

– Витторио пригласил нас в ресторан, и он будет там не один. Попробуй, возрази мне! – тычет подруга в меня пальцем. – У меня маркетинговый план уже на мази. Пару штрихов и он готов.

Какой еще план? Зачем? Витторио сам во всем разберется, не маленький. Как-то же он до Софы существовал! Я нервно сглатываю. С кем он придет в ресторан? С другом? Ох, мне это не нравится. Но спросить боюсь, у Софы такой грозный и решительный вид, что одно мое слово и она понесется вскачь.

От отеля в ресторан шли пешком, благо всего два квартала. Я была в синем вечернем платье с вышивкой от «Ralph&Russo» – спина почти голая, а юбка, разделенная широким сиреневым поясом, выполнена из плотного шелка. Из украшений на мне только обручальное и помолвочное кольца. На плечи я накинула пальто из легкого кашемира. По ночам в Вероне уже холодно, чувствуется приближение зимы.

Зря я переживала. В ресторан Витторио пришел со своей девушкой, а ужин был сугубо деловым. В костюме-тройке он выглядел элегантно и стильно. Подруга Патриция была полной его противоположностью: ревнивая, капризная, неразговорчивая, сидела весь вечер, насупившись, и ни разу не улыбнулась, даже ради приличия. Мне она задала только один вопрос: «Вы замужем?» и уставилась на мои кольца. Думала, что после ответа она вздохнет с облегчением, все-таки я не претендую на ее принца, но нет. Она воскликнула: «Мама mia!» и что-то пробурчала себе под нос.

Из-за ее едких комментариев, которые она вставляла после всего, что предлагала София, Витторио краснел, смущался и сжимался до половины своей массы. Софа щурилась, злилась и зыркала в ее сторону. Но та как специально только подначивала Витторио новыми аргументами. Понятно, что мы обе не понимаем по-итальянски и испытываем из-за этого дискомфорт. Когда до Софы дошло, что Витторио не будет переводить возражения Патриции, она откинула салфетку с колен и попросила официанта принести счет. Витторио начал извиняться, но Софа жестом дала понять, что не нуждается в его объяснениях. Патриция ликовала. Ужин не удался, хотя еда и вино были потрясающими.

По дороге в отель я прокручивала все предложения Софии и не нашла в них ничего такого, из-за чего могла злиться Патриция. Видимо, все-таки это ревность. А может, ее напугала напористость Софии, но это зря. Насколько я поняла, она делала это бескорыстно, ничего не требуя взамен.

Софа затащила меня в какой-то продуктовый бутик, накупила вина и всяких деликатесов. В сумочку за деньгами не лезу. Теперь я знаю, как вести себя с подругой. Хочешь ей отплатить, сделай какой-нибудь равноценный сюрприз. Я как раз обдумывала, что бы ей такое устроить, когда она повернулась к телохранителю-итальянцу и спросила, какое у него любимое вино. Тот сначала сконфузился, но потом все же показал на бутылку красного вина, стоимость которого вызвала у меня красноречивое недоумение. Зачем Софа купила вино телохранителю, я узнала уже через несколько минут, когда мы добрались до отеля. Она показала на бутылку, потом включила запись разговора Витторио с его подружкой, давая понять, что готова оплатить перевод его любимым вином. Вот плутовка! Тот заулыбался и кивнул.

После перевода мы обе сникли. В выражениях подруга шефа не стеснялась. Сказала, что все русские женщины шлюхи и на уме у них только одно: прибрать к рукам мужчину побогаче и добраться до его счетов. София, по ее словам, хочет сцапать бизнес Витторио. Русские типа так и поступают. Пусти их в кухню, они завладеют всем домом. Досталось и мне. Я – малолетняя ушлая охотница за богатством. Мое кольцо на помолвку стоит не меньше ста тысяч евро. От озвученной суммы у меня ноги подкосились. С этого момента я только и думала, что расхаживать с таким состоянием на пальце мне больше не следует. В номере есть сейф, туда и отправилась синяя искрящаяся роскошь.

Чтобы поскорее избавиться от поглотивших нас обиды и возмущения – попадись нам сейчас на глаза Патриция, вырвали бы все ее волосенки – я накрываю стол на террасе и зову Софу. Есть мы не хотим, но легкая закуска к вину в самый раз.

– Меня будто грязью окатили у обочины. Хотела помочь, мне Витторио искренне понравился. Он замечательный шеф, но вот организационных качеств ему не хватает, – жалуется Софа и пробует вино. – У-у-у, супер. Обожаю Италию,

когда-нибудь я куплю домик на побережье и буду тусоваться здесь все лето с друзьями.

– Отличная идея, – тоже пробую вино и закатываю глаза от удовольствия.

– Никогда не забуду наш отдых с Руссо на Сицилии и вид из спальни.

Мы еще долго болтаем о том, что нам здесь нравится и какой каждая из нас хотела бы иметь дом. К концу разговора от Анны приходят фотографии квартиры Мангуста. Я показываю их Софе. Она тут же нажимает на кнопку «видео-звонок» и мы уже втроем обсуждаем, какие изменения необходимо сделать в первую очередь.

Нашу беседу прерывает смс от мужа. Читаю и перевожу взгляд на Софу.

– Руссо спрашивает тебя, можем ли мы купить коттедж?

– Да покупайте что хотите, – не поняла Софа.

Я поясняю и она охает. Потом набирает номер своей матери и на полчаса зависает на телефоне. После чего сообщает мне, что коттедж продается, и Руссо может сделать официальное предложение через риэлтора.

– А ты не против, если мы его купим?

– Нет, – пожимает она плечами, – не выкинете же вы меня на улицу!

– Тебя выкинешь, – подмигиваю ей и улыбаюсь.

Софа хмыкает и хватается за горло.

– Что-то меня после этого ужина мутит. Меня отравила ядовитая подружка Витторио.

Она уходит в ванную, а я звоню Руссо. Он как раз прощается с Саней и закрывает за ним ворота. Мы говорим не меньше часа. Узнаю все новости и чувствую, как на глаза накатывают слезы. У Руссо серьезные неприятности, ему грозят обыск и арест имущества, а меня нет рядом. Я прошу его разрешения приехать, но муж признается, что отправляя меня в Италию, даже не подозревал, насколько серьезно его положение. Завтра он удвоит охрану и, скорее всего, продлит срок моего «изгнания». После чего я уже не зарекаюсь о моем возвращении, но решаю свою вынужденную ссылку использовать во благо. К моменту окончания разговора я уже точно решила, что ни в какое путешествие с Софой не поеду, а буду продолжать свое самообучение по плану, который составила в Швейцарии.

Глава пятая

Аристарх

Утро добрым не бывает! Не успел продрать глаза, на мобильник пришла смска от матери. В квартире обыск! Шизец! Началось! Вскакиваю с кровати. Бегу в душ. Еще никогда я так быстро не мылся и не брился. Пулей лечу на кухню. В доме мертвецкая тишина. Курт ночью отчалил. Анна вчера так и не вернулась. Черт! Еще с ней теперь придется возиться! Вчера я ее упустил и теперь жалею, надо было посадить в тачку и катать с собой.

Включаю кофемашину, заливаю воду, вставляю капсулу и делаю себе двойной эспрессо. Подхожу к окнам, потягиваюсь и зеваю. Я еще рот не закрыл, а на глаза мне попался Дракон. Спокойненько так открыл дверь в воротах и идет прямо на меня. Охренеть!

– Ты в своем уме? Торчила! Расхаживаешь по чужому участку как у себя! – ору на него откатывая дверь в патио. – А если бы я тут голый стоял?

– Мать отправила тебе смс пятнадцать минут назад, а значит, ты уже встал, оделся и принял душ. Курт свалил в полночь. Твоя жена с подружкой-мажоркой все еще в Италии. Вторая подруга-гот зависала у Мангуста, пока тот тоже не отчалил. Сейчас, наверное, на посту – выслеживает Оборотня.

Я так и застыл с раскрытым ртом.

– Кофе нальешь или у тебя тут самообслуживание?

– Догадайся с трех раз! – брякаю я и бреду к кухонному острову.

Опрокидываю порцию кофе и со злобой зыркаю на Дракона. Непрошенный гость ведет себя так, будто всю жизнь в этом коттедже прожил. До меня вдруг доходит, что таким образом он дает мне понять, что папашка меня не только слушал, но и видел.

– Ты и тут камеры, значит, натыкал, как семян в поле!

– Без обид, Руссо, это работа, – вещает Дракон и варганит себе кофе. Садится рядом и смотрит на патио. – Отличный коттедж!

Вот и я так думаю! Вчера я сделал онлайн-предложение о покупке. Заявку подтвердили, но риэлтор пока не перезванивал.

– Ты мне зубы не заговаривай, – бурчу я и мечу в него гневный взгляд. – Такого отношения как раньше от меня не жди. Ты для меня стукачок папаши-Яши, будь он неладен. Свалился на нашу голову! Так что не расслаживайся тут! Чего вообще заявился?

– Руссо, Якова Давидовича я уважаю. Не просто так, за дело! Так что ты при мне в его сторону на пали. Ответку получишь, понял?

Твою ж мать! Раньше я бы за такой наезд с ходу в репу дал, но сейчас отключился, потому как, услышав отчество папаши-Яши, до меня доходит истина вселенского масштаба в виде моей родословной. Чувствую себя как после взрыва бомбы: меня зацепила ударная волна и со всей дури шибанула о борт реальности.

– Это ж что получается, я еврей? – у меня во рту пересохло.

Как я раньше недопетрил?! Яша, Давид! Шизец! Аристарх Романов – еврей! Вот те наше с кисточкой! Ну мамаша! Подстава круче некуда!

– У него отец еврей, а мать русская, со ставропольского края.

С какого на хрен края! Я – еврей! Все остальное меркнет как в фильме ужасов «Туман». Ё-моё! Стыдник! Меня теперь в клубе зачморят! Я уже вижу, как братва надо мной глумится, водружая на мою башку кипу. Курт как узнает, так закажет шлем со Звездой Давида. Мозг работает в этом направлении и тут меня накрывает новая волна. Так я что и обрезание теперь должен сделать?

Вскакиваю с места и бегу к бару. Мне нужно влить в себя чего-нить покрепче, иначе я пропал. Разум уже нажал на тормоз, я мало чего соображаю. Тело с мозгом, видать, совсем расконтачились. Каждый сам по себе. Руки не слушаются. Меня всего трясет. Помню, как сделал себе еще кофе, налил туда добрую порцию вискаря и все!..

Очнулся от того, что меня кто-то теребит за плечо и истерит. Поднимаю голову, это мать.

– Сынок! – лицо красное, глаза заплаканные. – Ты меня слышишь?

Я киваю, говорить чего-то не охота.

– Слава богу! Я уже думала, что ты из-за обыска впал в ступор!

Боковым зрением замечаю движение и поворачиваю голову. Яша! Вот он, виновник торжества! Вид озабоченный, между бровями залегла глубокая складка.

– Как он? Реагирует? – Яша разглядывает меня как под лупой.

– Я – еврей! – выдаю вполголоса и тру лицо руками.

Мать и Яша переглядываются. Оба в недоумении.

Где я? Почему тут Яша и мать? Оглядываюсь. Я в коттедже, сижу перед кухонным островом, передо мной почти пустая бутылка вискаря. В стороне маячит Дракон. Мать кудахчет вокруг меня, вызывая во мне отторжение. Вроде я куда-то собирался, а потом пришел Дракон...

– Ты чего приходил-то? – спрашиваю я Дракона полупьяным голосом.

Тот смотрит на меня как на дурика и нервно сглатывает.

– Так я же тебе все рассказал... ты вроде отвечал, даже налил мне, а потом застыл как монумент...

– Мы разберемся, ты иди, – встречает Яша.

Дракон хватает мобилу со стола и как говорит Курт, ду хаст!

– Вы чего тут делаете? – зыркаю в сторону родителей. – А что там с обыском?

– Всю квартиру перевернули вверх дном, даже матрас вспороли. Хорошо, что я не успела туда вещи перевести, еле мой чемодан отвоевали, – закудахтала мать, но Яша дает ей знак и та отходит от меня и суетится на кухне. – Сынок, ты завтракал?

– Нет, – бурчу я и смотрю ошалелыми глазами по сторонам.

Я что был в отключке? В упор не помню, как мать с Яшей пришли.

– Вы давно тут?

– Минут десять, не больше. Нам позвонил сотрудник Яши и сказал, что ты сидишь на кухне без движений и что-то бормочешь несвязное. Мы сразу сюда.

– А в квартире кто?

– Так закончился обыск, – мать шныряет по шкафам в поиске продуктов. – Я тебе написала, когда они уже уходили.

– Все комнаты нашли?

Мать понимает, о чем я. В моей квартире три комнаты скрыты от посторонних глаз. Спальня и гардеробная открываются электронным ключом или с помощью встроенной программы на телефоне «Умный дом». Но есть еще самая дальняя комната, выполняющая роль сейфа и кабинета, о ней даже Верона не знает. Открывается она специальным магнитным ключом, а дверь там как в

банковском хранилище, хрен откроешь. Об этой комнате знают только два человека: Мария и моя мать.

– Спальня была открыта, а гардеробную вычислили по геометрии квартиры.

Мать замолкает, и я понимаю, что кабинет не нашли. Это хорошо. Хотя даже если бы нашли, там ничего противозаконного нет. Брюлики, акции на предъявителя и налик в разных валютах на черный день. Яша чувствует, что мы что-то недоговариваем и щурится. Мать отводит взгляд и тот еле заметно кивает. Понял, что к чему, не дурак.

Еще минуту прихожу в себя, потом поворачиваюсь к Яше и спрашиваю:

– Ты ведь еврей?

Тот насупился, бросает на меня недовольный взгляд и выдает:

– По отцу.

– А я? Выходит тоже еврей?

Глупый вопрос, но мой мозг сейчас работает на уровне начальной школы. Теперь родки понимают, в чем дело и обмениваются красноречивыми взглядами.

– Я не буду обрезание делать! – в ультимативной форме заявляю я и тянусь к бутылке, надо же ее добить. – Кипу носить тоже не буду!

– Господи! Сынок! Да никто не заставляет тебя делать обрезание! – кричит мать. – Не забивай себе голову.

Яша выхватывает из моих рук бутылку, выливает остатки горячего в раковину и отправляет ее в мусорное ведро.

– Эй! Я не допил!

– Аля, сделай ему крепкий кофе, через час он должен быть как огурчик, – дает указание прародитель.

– Как ты вообще с евреем связалась? А обо мне ты подумала? Хочу ли я быть евреем? – мотаю головой.

Брр... Ой, что-то мне уже совсем не хочется тут сидеть, полежать бы. Меня клонит к полу. Там прохладно и горизонтально. Яша хватает меня под бочину и тащит к дивану. По ходу я высказываю ему все, что на душе накопилось. Мать охает и ахает, а Яше, похоже, до лампочки. Просто тупо скалится.

– Чего ты зеньки свои на меня тарачишь?! – ору я. – Папаша хренов! Уполз бы ты туда, откуда появился. Мы без тебя спокойно жили и были счастливы!

– Что-то я счастья особого ни у кого из вас не заметил, особенно у матери. Твоя жизнь только после знакомства с Верой наладилась, так что тоже не считается. Сколько твоя семейная жизнь продлится, не понятно. Как началась с наскока, так и закончится, если только Вера тебя прощать за все не будет. Но и ее терпению придет конец. Из тебя муж так себе, знаешь ли.

– Да?! Получше тебя! Я свою женщину одну не оставлю! Да еще и беременную!

– Ты уже ее оставил одну. Сейчас она в Италии, с подругой, не с тобой. Возможно, беременная. Люди Ландау могут схватить ее в любой момент. А тех троих зеленых мальчиков, что ты приставил, шлепнут за считанные секунды. К ним подобраться проще простого.

– Яша! Зачем ты его дразнишь? – кричит из кухни мать. – Будет только хуже! Он же характером весь в тебя!

– Пусть обеспечит настоящую безопасность жены.

Вцепляюсь в ворот рубахи папашки и тяну на себя. Уф, я пьяный и меня штормит.

– Тебя не безопасность моей жены волнует, ты свой отдел расширить хочешь. Двоих же ты потерял. Прощелкал! – ору ему в лицо, пусть сука знает, как больно такое слышать. – Не обеспечил им безопасность!

Он швыряет меня на диван.

– Да! Давай! Вдарь мне! Я же пьяный и сдачи не смогу дать.

– Я тебя в любом виде уделаю, – талдычит мне Яша у самого лица, – выбирай день и я преподам тебе на ринге парочку уроков, шкет в подштанниках.

– Яша! – мать уже бежит нас разнимать. – Не смей его провоцировать! Чего ты добиваешься?

– Да! – вторю я матери с ехидцей. – Чего ты, Яша, добиваешься? – поворачиваюсь к матери и выдаю: – А я тебе скажу мамуля, чего добивается твой любовничек, ему от меня прайсы нужны. Сынок вкалывал три года как проклятый, а ему теперь лям баксов подавай на блюдечке.

– Что?! – мать отпрянула и зыркнула на Яшу злющими глазками.

– Вот не надо все на деньги переводить! – теперь и Яша завелся, мать его ахиллесова пята, ей он противостоять, как мне не может.

Мать отмахивается, бежит на кухню, хватается сумку и к двери. Яша за ней.

– Аля! Дело совсем не в деньгах... – он хватается ее за руку, она одергивает и просит оставить ее в покое. – Он все передернул! Не нужны мне его деньги! Мне же как-то его зад надо прикрыть, поэтому я сказал, что он забашляет! Думаешь, я не нашел бы эту сумму без него?

– Конечно! Теперь сын виноват! Раньше были виноваты кураторы, теперь сын крайний! Ари прав! До твоего приезда у него не было неприятностей, а сегодня был обыск! Обыск, Яша! Ты знал, что он будет, но не сказал ни слова! Даже мне!

– Потому что не мог! Но ему, – папаша тычет в мою сторону, – я сказал и предложил решение, но он свалил и сказал, что подумает. Вот как он думает! Напился и валяется на диване! А мне с ним уже через час нужно быть в управлении! – он стучит по наручным часам. – А по поводу его неприятностей, нужно быть разборчивым в выборе партнеров, тогда и неприятностей не будет. Ты хоть знаешь, чем наш сын занимается?

Началось в колхозе утро! Раскудахтался! Сейчас выдаст все мои проекты, а мать затопит коттедж слезами. Уф!..

Голоса отдаляются. Слышу, как папашка кричит что-то о стриптизе и проституции. Все понятно. Вопреки моему прогнозу, мать говорит, что едет в магазин за продуктами, а Яшу просит остаться со мной.

– Нет уж, мама, забирай-таки своего хахалю и мотайте оба... – бурчу я и закрываю глаза, – и шо бы вам там счастья привалило... и лял... и зарубите себе на носу, что я не буду делать обрезание... никогда...

Еще несколько минут я слышал голос Яши сквозь сон, потом окончательно отрубился. Всем ду хаст!

Вера

На второй день курсов я проспала. Всю ночь ворочалась и не могла уснуть. Думала о муже и его неприятностях. По голосу я чувствовала, что он на грани, но изо всех сил хорохорится и делает вид, что все держит под контролем. Во мне зреет страх, что он сорвется, а что после этого будет, даже думать не хочу.

София же спала как убитая и даже похрапывала. Мне вспомнились дни, когда мы вместе жили в общежитии и как я запускала в нее подушкой после очередного ее заливистого храпка. Я еще не дочистила зубы, как подруга забарабанила мне в дверь, а ворвавшись, еле успела добежать до унитаза. Через мгновение я оказалась в холле с зубной щеткой в руках. Я подождала десять минут, но нарастающие звуки рвоты дали мне понять, что недомогание Софы пройдет не сиюминутно и... пошла в соседний номер, где парни уже оделись и пили кофе на террасе. Мое появление они встретили со смущением, будто я их застала за чем-то неприличным, да я и сама себя чувствовала не в своей тарелке. Поскорее умылась, сполоснула зубную щетку и убежала в свой номер.

Мы перекинулись с подругой парочкой фраз через дверь. Она сказала, что у нее, по всей видимости, желудочный грипп и чтобы я не ждала ее. Софа намеревалась посетить аптеку и провести остаток дня в кровати. Сначала я подумала, что она перепила накануне, но потом вспомнила, что она почти не прикасалась к вину. Пригубила в самом начале и отставила в сторону, ей уже тогда нездоровилось.

Когда я приехала в кулинарную школу, занятие было в разгаре. Вокруг острова столпились все учащиеся, а Витторио показывал, как приготовить самое любимое и распространенное блюдо в Италии – пиццу. Я присоединилась к группе, когда он говорил, что обеспечит нас всеми известными рецептами пиццы. Заметив меня, он смущенно улыбнулся и взглядом поискал Софию. Я пояснила, что подруге нездоровится, сегодня она не придет. Витторио сразу сник, бросил на меня настороженный взгляд, а затем продолжил занятие.

После того как две поджаристые и румяные пиццы были приготовлены в жаровне на дровах и съедены, Витторио еще несколько минут рассказывал, что в каждой местности Италии есть свои любимые рецепты, приводил примеры. Пояснял, почему в той или иной местности добавляют определенные специи и ингредиенты. Затем нам предложили жеребьевку, каждый вытянул карточку с

рецептом. Мне досталась пицца по-тоскански и, выбрав на складе продукты, я ушла к своему столу.

Когда я отправила пиццу в жаровню, дверь открылась и в зал гордо вошла Патриция. Витторио сразу бросился к ней и увел в офис. Но прежде чем уйти, девушка шефа оглядела все столы и сдержанно поздоровалась. Только убедившись, что Софии нет, пошла за женихом. Стенки офиса были тонкими и мы стали свидетелями ужасной сцены ревности. Мне перевели несколько фраз две дамы из Польши и я поняла, что вчерашний вечер был последней каплей терпения Витторио. Он попросил Патрицию взять тайм-аут в отношениях и все взвесить. Тот ли он мужчина, с которым она хочет провести оставшуюся жизнь? Если она не доверяет ему сейчас, то что будет после того как они поженятся?

Витторио вышел в зал разгоряченный, со включенными волосами, будто то и дело их теребил. Патриция продефилировала мимо меня, обдав ледяным взглядом. Никто из присутствующих не знал, что мы вчера обедали с шефом и ее реакция всех удивила, ведь это с Софией, а не со мной Витторио не расставался почти весь вчерашний день.

После ее ухода, шеф перед всеми извинился и вышел из здания. Через огромные окна мы наблюдали, как он с телефоном в руке ходил взад-вперед по мощеной дорожке и с кем-то переписывался. Он спотыкался, пару раз чуть не упал, но упрямо продолжал наворачивать круги.

Я села у своего стола и отправила подруге сообщение:

Тебе лучше?

Софа тут же ответила:

Нет!

Ты ходила в аптеку?

В аптеке не купишь лекарства без рецепта, а рецепт врач не выдает без полного осмотра. Пришлось искать клинику, в которой меня примут без предварительной записи.

Ок. Напиши, что скажет врач.

Софа не ответила, а я уже строчила следующее сообщение, в котором поведала подруге, что приходила Патриция и какая ссора разгорелась в офисе. На что подруга ответила:

Он завалил меня вопросами. Хочет вечером встретиться. Я высказала все, что думаю по этому поводу. И про перевод тоже, сказала, что наш телохранитель все слышал и позже рассказал о том, как его подружка проишлась по нам бульдозером.

Так вот с кем все это время переписывался Витторио!

Аристарх

Надрывается мой мобильник. Нащупываю его рукой и, не открывая глаз, сонно отвечаю:

– Говорите!

– Руссо, мы вскрыли сейфы Бизона, – слышу взволнованный голос Кобры.

– Что там? – тру висок и морщусь. Башка на разрыв.

– Тебе самому на это лучше взглянуть.

– Куча баблосов? – ехидно выдвигаю пришедшую в сонную башку версию.

– Их так много, что мне не придется по-новой вкладываться в этот отстойник?

– Не совсем...

– Кобра, я бы поиграл с тобой в «Догадайку», но меня тут со всех сторон прижали и обложили. Так что высылай мне фото содержимого сейфа и пиши подробный комментарий, где что.

– Приехать не сможешь?

Вот достала! Доходит как до утки на трети сутки!

– Нет! – ору я. – Высылай!

Откидываю телефон и оглядываюсь по сторонам. Мать сидит в столовой и изучает какие-то документы. Рядом с ней чемодан. Яши нет. Может, они разбежались, и теперь мать вернется к отцу? Было бы отлично.

Шлепаю в ванную и на ходу снимаю футболку, которая пропахла чем-то едким. Нюхаю подмышки и мгновенно трезвею. Черт! Вот это вонь! Будто неделю не мылся. Не мудрено, после отъезда Вероны я на подножном корме.

Скидываю с себя остатки одежды и встаю под ледяной душ. Ох, отлично! Теперь можно жить. Голова немного просветлела. После душа чищу зубы и плетусь на кухню. Неплохо бы чего-нибудь съесть. Мать уже суетится у плиты.

– Не хотела тебя будить, поэтому завтрак не готовила. Выпей пока кофе. Омлет с ветчиной будет через пять минут.

Я кивнул и зашагал к кофемашине. Меня накрыло дежавю. Вроде мое утро так и начиналось, пока Дракон не пришел.

– Придется переехать в отель, – мать показывает на чемодан. – Ты бы позвонил Марии, ей там неделю придется все убирать. Больше всего пострадала твоя гардеробная.

Проклятье! Что б их! Небось, все стены вскрыли. У меня ведь там много тайников, правда, они все пустовали. Это я так готовился к семейной жизни с Лили. Теперь меня тошнит от одной этой мысли. Что за жизнь бы у нас с ней была? Сплошные секреты и недомолвки.

– Яша уехал на работу. Попытается уладить дело пока без тебя. Но ты вроде ему очень нужен.

– Еще бы, – бурчу я и с чашкой ухожу на свое любимое место.

Мать поджимает губы, что-то хочет спросить, но мнетя. Видит, что настроя у меня нет и все что она скажет, будет прокомментировано с издевкой или вообще проигнорировано.

– Говори, – бурчу я и делаю большой глоток кофе.

Лезу в телефон, мне нужен отчет по сделке от Артура, но этот поганец как сквозь землю провалился. Ни на сообщения, ни на звонки не отвечает.

– Сынок, это правда, что ты был совладельцем стрип-клуба?

Киваю, на нее не смотрю. Черт! Яша уже дал ей весь расклад. Охота ему нервы матери трепать. Посылаю смс Артуру, пишу, что жду от него отчета уже третий день, типа, в чем проблема.

– И в этом стрип-клубе можно получить секс-услуги?

– Да, мам, можно...

На этом логично было бы закончить, но мать выглядит как побитая собака. Я уже примерно понимаю, что ей мог сказать Яша. Типа ни Платон, ни она не касались моей жизни, и я дошел до ручки. Не хочу, чтобы мать считала себя виноватой, она всегда старалась и делала что могла. Поэтому я говорю ей, что завел дружбу со многими нынешними партнерами после ухода Лили. Мне было так дурно и муторно, что особо к людям не приглядывался. Для меня был важен

драйв и движуха. Они заглушали душевную тоску. Впервые я рассказал матери о своих похождениях, о девчонках на одну ночь. Что из-за Лили срывал на них зло. Мать меня слушала, не прерывала, только ставила передо мной очередное блюдо, а я все ел и ел, будто только что вышел из голодовки.

– Как хорошо, что любовь к Вероне тебя изменила. Ты ее действительно любишь, сынок? Мне будет больно, если ты принял решение о женитьбе опрометчиво или как ты сказал, из-за душевной боли, которую оставила Лили.

Уф, я наелся! Отодвигаю тарелку. Да, надо признать, что моя жена готовит лучше, чем мать. В этом мне повезло.

– Я люблю ее, ма, – сжимаю руку матери, – очень люблю. Это не опрометчивое решение. Меня подгонял страх, что могу ее потерять.

Мать улыбается и треплет меня за щеку.

– Рада это слышать, сынок. Мне нравится Верона и вы очень красивая пара. Она такая женственная, нежная и немного наивная, а ты умный, опытный, крепко стоишь на ногах.

– Сегодня ее отец выходит из тюрьмы, – перевожу тему, мне неохота говорить о Вероне даже с матерью. Верона – моя жена и баста. Всем нужно принять это как свершившийся факт.

Мать говорит, что не в курсе этой ситуации. Что ей неудобно было спрашивать у Марии Алексеевны, за что сидит отец Вероны. Рассказываю ей все что знаю. Брови матери то и дело взлетают вверх. Когда я подошел к тому моменту, что Пашка сейчас в инвалидке, она уже плачет.

– Не хочу осуждать Марию Алексеевну, но, мягко говоря, я ее не понимаю.

Раньше мать называла тещу по имени, а теперь дистанцировалась, а это означало, что она резко поменяла о ней мнение.

– Ма, я тоже тебя не понимаю, но не осуждаю, – как можно мягче говорю я. – Это твоя жизнь...

– Сынок, в моей жизни все просто, – перебивает меня мать. – Я всегда делаю все ради детей. В первую очередь я – мать. Да, я полюбила и ушла от мужа. Возможно, если бы я бегала от мужа к любовнику, как делали многие мои подруги, то быстро бы поняла, что семейная жизнь не для Яши. Но я сначала ушла от мужа, а потом познала его как мужчину.

– То есть ты не изменяла отцу? – уточняю я, не знаю зачем, но для меня это типа важно.

– Нет, сынок, ты же меня знаешь. Я бы никогда не обманула Платона. Сказала о своей любви сразу, как только встретила Яшу. Кстати, он не торопился завязывать со мной отношения, хотя чувства были взаимные. Мы даже на какое-то время перестали видеться, но после очередной его командировки он позвонил и попросил о встрече. Я к тому времени вся извелась, тосковала и с ума сходила. Мне импонировал его темперамент, его харизма и неукротимая энергия. Рядом с ним я чувствовала, что живу. Но у меня был Сева. Он был маленький и ему очень нужна была мама.

По виду матери я понял, что тот период дался ей нелегко.

– Конечно, свекровь и ее сестры окружили его заботой и вниманием, но мать никто не заменит...

На мой мобильник одно за другим приходят сообщения. Я жду отчет от Артура, но это Кобра выслала мне несколько фото содержимого сейфов. Открываю и увеличиваю изображения. Рассматриваю предмет за предметом и охреневаю. Какого черта?! Целый арсенал наркоты: несколько пакетов разного цвета таблеток, трава, ампулы, порошки. Твою ж мать! Я холодею. Это что? Заначка или Бизон реально всем этим торговал? Судя по объему сейфа этим дерьмом можно несколько недель весь клуб упарывать.

Кобра шлет вторую серию фотографий, я так понимаю, это второй сейф. В нем целый арсенал оружия. Она пишет, что саперы обезвредили две ловушки. То есть, если бы чуйка не сработала и мы вскрыли сейфы в первый же день, то меня и Годзиллу в деревянной обшивке понесла бы мотобратва на кладбище. Бизон! Урод! Где же он прячется?

Далее следует подробное объяснение о содержимом папок, которые лежали на дне сейфа с наркотой. Оказывается, Бизон собирал компромат на меня и Годзиллу. Я округляю фары и тру подбородок. Ах ты ж тварь! Ну попадись он мне! Значит, по-хорошему он со мной разбегаться не хотел.

Мать все трещит про жизнь с Яшей и как она скучала по Севе, когда уехала. Я не слушаю, пишу Кобре.

Кому ты это показывала?

Она тут же отвечает:

Никому.

Держи рот на замке.

Поняла.

Вези мне доки!

Где ты?

В коттедже. Никому не говори, что едешь ко мне. Хвост не приведи!

Смотри в оба!

Что за хрень?! Ладно! Еду!

Я не сомневаюсь, что Кобра будет осторожной. Они с мужем подвергались разным наездам со стороны этнических группировок, когда открыли свой бизнес и ей пришлось хлебнуть по полной.

– Мне пора сынок, – говорит мать и тянется к чемодану. – Ты в порядке, а мне нужно ехать в отель.

Вижу, что из-за рассказов о прошлом мать сильно расстроена, а мне не охота ее отпускать. В каком-то веке мы общаемся спокойно и без напряжения открываем занавесы потаенных углов.

– Ма! Прекращай! – отодвигаю ногой ее чемодан. – Коттедж большой, на первом и втором этажах есть по одной свободной гостевой спальне. Выбирай любую.

– Сынок, вы же передеретесь с Яшей. Думаю, вам лучше пока держаться друг от друга подальше.

– Ма, ситуация такая, что мы бы рады, но... – пожимаю плечами, – короче, придется!

Мать поспешно кивает и оглядывается по сторонам.

– Тогда показывай, где тут у тебя свободные комнаты.

Вера

Вхожу в номер и вижу, что Софа спит. Тихонько, чтобы не разбудить подругу обхожу кровать и разглядываю ее. Она что плакала? На тумбочке лежит почти пустая коробка с салфетками. Лицо красное, опухшее. Что же ей сказал

врач? Она так и не написала мне, хотя я посылала ей дважды смс с вопросом. Наверное, пришла вся измотанная и уснула, а телефон выключила.

По всей видимости, ужинать мне придется в одиночестве. Я приняла душ и оделась в черное короткое платье с длинным рукавом. Выходить из отеля не хотелось, я решила воспользоваться рестораном на первом этаже. Меня сопровождают два телохранителя.

Сделала заказ и пока ждала, написала мужу о том, что Софа заболела, а я сижу в одиночестве в ресторане. Он тут же перезванивает.

– Малышка, тебе скучно? Хочешь поговорить?

По голосу определяю, что муж пьян. Вот с таким я точно говорить не хочу. Меня обдает холодом. Если он в таком состоянии поедет в бар, произойдет то, о чем он меня предупреждал в брачную ночь. Руссо никогда и никому не был верен, а в пьяном состоянии он слетает с тормозов. Для наших отношений это будет катастрофой. Я не смогу ему простить измену. Но на этом сюрпризы не заканчиваются. На фоне его голоса я слышу два женских голоса и каменею. Где он? Стараюсь держать себя в руках, муж от моих расспросов будет не в восторге, но это сделать очень трудно.

Отвечаю согласием и спрашиваю, какие у него новости. Он рассказывает, что сегодня утром был обыск. Что в квартире на тот момент были его мать и Яша. Теперь понятно, почему Руссо пьян. Затем он говорит, что его родители поживут в коттедже, пока все не уладится. К нему приехала Кобра, у нее тоже неутешительные новости, по телефону он их рассказать не может. Мать им не дает поговорить, пичкает Кобру ужином, но муж надеется, его тон при этом поднимается на октаву, что в этом году им все же удастся решить дела по клубу.

После его слов я выдыхаю с облегчением и благодарю свою выдержку. Женские голоса это Кобра и его мать. Ни ту, ни другую я не узнала, то ли связь такая, то ли я так расстроилась, услышав пьяный голос мужа, что не в состоянии адекватно мыслить.

Далее его интонация резко меняется, появляются сарказм и ехидство. По реакции я понимаю, что где-то рядом маячит Яша и разговор уже не для меня, а скорее всего, для отца, с которым у него пока напряженные отношения.

– Детка, ты не беременна?

– Нет, – удивленно выдаю я.

– А то Яша считает, что ты беременна, а я хреновый муж.

– Милый, я точно не беременна, у меня пошли месячные, а по поводу плохого мужа... – делаю паузу и судорожно ищу ответ, а потом выдаю первое, что приходит в голову: – Ты женат без году неделя, как можно по такому короткому сроку делать выводы?

Руссо замолкает и пыхтит в трубку. Я зажмуриваюсь, ему не понравился мой ответ. Наверное, ждал от меня похвалы и дифирамбов. Ох!

– А я даже по такому короткому сроку могу сказать, что мне досталась самая лучшая жена в мире...

Точно! Так и есть! Он разочарован. Затем Руссо начинает перечислять все мои сильные качества и я сдаюсь:

– Ладно-ладно! Ты меня пристыдил. Я уже красная как рак и прячу лицо в салфетку.

Он тут же меняет тему, а это значит, что я *не* прощена и меня ждет расплата.

– Верона, ты слышала анекдот: «Какой красивый и умный русский парень! Наверное, еврей!», – он смеется. – Так вот, детка, он про меня. Ты знаешь, что вышла замуж за еврея? Прикинь? Яша – еврей! Фамилия моя по родному папашке Розенберг. Выходит и я еврей. Наши дети тоже будут евреями.

Честно говоря, я чуть со стула не упала, но делаю вид, что меня не впечатляет его бравада. Прыгни я на его волну, он так распалится, что достанется Яше и его матери. После вопросов о том, чистокровный ли Яша еврей, я говорю:

– Яша наполовину еврей, ты на четверть, а наши дети будут на одну восьмую. Так что это малая толика.

– Но зато какая! Они ж, каких их... богом избранны. Надо поехать в Израиль и раскланяться у этой... как ее... у плаксивой стены...

– Стены Плача, – поправляю я его.

– Ну да, я же говорю, там плачут. Куплю себе кипу и надену на башку. Отращу пейсы! Как думаешь, мне пойдет?

По фоновым звукам понимаю, что муж поднимается по лестнице и заходит в нашу спальню. Падает на кровать. Слышу, как он скидывает туфли.

– Думаю, тебя даже пейсы не испортят, ты все равно будешь красавчиком.

– Детка, ты меня теперь разлюбишь?

Я округляю глаза. Что это с ним?

– Даже не надейся, – пытаюсь отшутиться, но тут до меня доходит, что он ушел из кухни, чтобы получить от меня порцию любви и нежности.

– Уф, Пушечек, если бы ты знала, как мне тебя не хватает. Одному в нашей спальне совсем влом спать. Среди ночи забываюсь и перекатываюсь на твою половину кровати, а тебя нет.

– Мне тоже тебя не хватает. Жду не дождусь когда вернусь домой.

Я говорю ему слова, на которые он всегда реагирует улыбкой, мне хочется поддержать его и успокоить. Чтобы отвлечь мужа от мрачных мыслей, рассказываю ему про то, как научилась печь пиццу и что нам нужно сделать жаровню на дровах, чтобы я могла продемонстрировать ему свои новые навыки. Он хмыкает, а я понимаю, что к моему приезду жаровня уже будет красоваться на патио, при условии, конечно, если мы купим этот коттедж.

Потом я рассказываю ему о своих планах отменить поездку с Софией по Европе. Муж удивлен, но хмель, который клонит его ко сну, не дает ему сформулировать четко аргументы, которые вертятся на языке. В итоге он просто выдает, что можно все совмещать и я получаю лучший совет за день.

Вернувшись в номер, я обнаруживаю Софию еще в кровати. Она точно уже не спит, но усердно пытается убедить меня в обратном. Я просто спросила, нужно ли ей что-то для лечения, она ответила, что нет, на этом наше общение закончилось. Еще пару часов я читала любовный роман, боже, больше никогда не возьму в руки подобное чтиво, а потом выключила свет и легла в кровать.

Аристарх

После разговора с женой я вырубился. Проснулся через полчаса, голова ясная, готов к войне и обороне. Схватил телефон, помчался вниз отгонять мать от Кобры. Сначала она приняла ее в штыки, а после моего намека, что Кобра получила должность управляющей клуба после того как была телохранительницей Вероны, мать уже любила ее во все места. Кобра краснела и

смущалась, но тоже просекла, что изначально родки ее приняли за мою пассию. Она ведь примахала на мотике, вся такая крутая, а я пьян в стельку, ну что еще может быть в моей башке кроме секса? Так было раньше... сейчас я о трахе даже не думаю. Сэму дал установку спать, работать будет, когда Верона вернется. Ох, что я сделаю с моей малышкой! Черт! Не сломать бы ей чего-нибудь.

Когда я проводил Кобру, было уже десять вечера. К тому моменту мы решили с ней все накопившиеся вопросы. Я вздохнул с облегчением от того что Ольге Васильевне удалось отсрочить платежи за коммуналку, благодаря чему мы смогли выплатить с текущей выручки девяносто процентов зарплаты. Как только сотрудники получили первый аванс, сразу все поутихло и больше не саботировали смены, а когда выплаты стали регулярными, выдохнули и клуб заработал в прежнем режиме. Сейчас от меня требовалось сделать прайсовое вливание, я уже не один день чердак ломаю, где их взять. Весь налик я использовал для пополнения еврового счета, чтобы скупить акции американской компании.

По словам Кобры, новички из службы безопасности работают без нареканий, а это еще раз доказывает, что Годзилла в своем деле дока и терять его мне никак нельзя. Больше наркодилеры в клуб не совались. Были случаи, когда к охране или к Кобре, как к новой управляющей подходили посетители и настойчиво просили допинг, какой типа, клуб без кайфа. Всем им дали четко понять, что за наркотой сюда приходить больше не нужно. Этому я был безмерно рад, хоть одна приятная новость за день. Мне не верилось, что мы очистили клуб от дури.

Кобра ввела много новшеств в управлении, придумала новые шоу-программы. На ближайший месяц уже три моих кореша забронировали зал как банкетный, на свадебном банкете всем понравились расстановка столиков, меню и приглашенная рок-группа. Мне нравился ее настрой. Она вся светилась энтузиазмом и движухой.

Пока мы с ней перетирали, наконец-то на связь вышел горе-брокер Артур. Он подбешивает меня уже конкретно. Ну хоть сделал все что я просил. Купил и продал по планируемой цене. Напряг тут же сошел. Пишет, что был в отъезде, и из-за катаклизма на каком-то захудалом островке не было связи. Ага! Как же!

Небось, поехал гужбанить на заработанные проценты от сделки! Катаклизм... нашел лоха. Пишу ему открытым текстом, а же под градусом. Мне пофиг! Тот ответил только через два часа... смайликом... твою ж мать. Мы типа друзья что ли? Врублю ему по первое число, как только выровняю все свои косяки. Я уже грешным делом подумал, а не получить ли мне самому лицензию брокера? На кой черт мне нужен этот Артур?

Не успел я войти в дом, как мне позвонил Влад и пригласил нас с Вероной на его день рождения. Я объяснил, что из-за одного проекта у меня сейчас напряг и что Верона в Италии, а без жены я никуда не пойду. Услышав, где моя жена Пробирка с Голубой Кровью возбудилась и засыпала меня через мужа вопросами. Отвечать я не собирался, сказал, что она знает ее телефон и пусть сама с ней говорит.

Родители сидели на патио и попивали винцо. С Яшей мы почти не общались и оба не горели желанием что-то менять. Во всех вопросах мать была нашим буфером. Краем глаза я следил за его передвижениями и каждый раз удивлялся, как же мы похожи. Он даже ложку чайную держит как я, с выкрутом, блин. То, что еще вчера мне казалось приобретенным навыком, оказалось простой генетикой.

Я уже попрощался с родаками, и хотел уйти в нашу с Вероной спальню, как мне позвонил Годзилла, сказал, что стоит перед входом. О встрече мы не договаривались, а ситуация в которую я попал, была такой непредсказуемой, что несколько секунд я стоял в раздумьях, выходить или отмазаться. Мои сомнения не остались незамеченными. Папаша-Яша возник передо мной как факир. Я аж вздрогнул. Реакция как у торпеды.

– В чем дело?

– Годзилла приехал. Мне придется фильтровать базар, а я этого терпеть не могу. Только не с ним.

– Тогда скажи как есть, но предупреди, что любая его самодеятельность повлечет за собой последствия, в первую очередь для него самого.

По любому Годзилла захочет уберечь своих корешей от расправы и раздела территории. Но Сева прав, мне пора уже выбрать какую-то сторону. Теперь в моей семье два представителя силовиков и моя деятельность на них

очень сильно отражается, как собственно и их работа на мне. Хочу я или нет, но скоро все узнают, кто мой биологический отец.

– Если ему твоих объяснений будет недостаточно, веди сюда. Я быстро ему мозги на место вправлю.

– А что там с шифровкой? – напоминаю я Яше и накидываю куртку.

– Кувалда пытается направить вас по ложному следу. Бахвалится тем, что вы сможете сделать большие деньги на ставках. Он скажет как, после вашего решения впустить новых партнеров в бизнес.

Киваю и иду к воротам. Годзилла сидит на мотике. Вид расслабленный. Значит, пока ничего не знает. Говорить на улице нам не в тему, веду его на кухню. Это было отличным решением, потому как на каждую мою последующую реплику он реагировал бурно: вскакивал, матюгался и кричал. Ждановых он готов был хоть сейчас голыми руками разорвать. Пару раз Яша вбегал в дом и делал нам замечание. К концу моего доклада Годзилла сидел, будто примятый асфальтовым катком.

– Ты должен понять, что я вынужден с ним сотрудничать, – киваю в сторону Яши, – чтобы защитить жену, бизнес и тебя. Если с женой и бизнесом все понятно, то с тобой я как в тумане.

Годзилла поднимает голову и сверлит меня пороссячьими глазками.

– Мы с тобой никогда не перетирали эту тему. Были партнерами, делали дела, каждый был при своей доле. Все в ажуре. Не цапались, дележкой не занимались. Теперь встал вопрос, кто из нас кто по жизни. И выходит, что мой брат и папашка силовики, а тебя крышует ОПГ. Я сейчас пойду к Яше, скажу, вытащи Годзиллу, а ты потом маякнешь своим и дело развалиться. Ждановы опять выйдут целехонькие, а они уже двоих следоков завалили. Возьмут их с поличным при налете на твою группировку. А значит, люди пострадают со всех сторон. Сам знаешь, что такое налет и это похлеще будет, чем в баре...

Кореш трясет башкой, подтверждает. Еще бы! В его ОПГ каждый пушку на боку греет. Начнется стрельба со всех сторон, хрен поймешь кто в кого.

– Так что ты меня рассуди сейчас, бро. Я на твоей стороне, ты мне нужен в клубе, в боях. Но как быть в этой ситуации? Ждановцы воюют с твоей группировкой. Они так и так вас сделают. Сейчас они сильнее вас раза в три?

Годзилла снова кивает, вид чернее тучи. Яша видит его состояние и напрямик чешет к нам. Вот черт! Оценил ситуацию и решил дожать кореша.

Подошел, представился, пожал руку и выдал такую речь, от которой я чуть не схватил красное знамя и с криком «Ура» не ринулся в бой! Мотиватор хренов!

– Так что, Витя, ты реши, что для тебя важнее, – заканчивает свою пропаганду папаша. – Жена, дети и будущее или кучка нахлебников, которых ты уже не первый год кормишь. А что они тебе дали взамен? Крышу? И когда они твои проблемы решали?

Годзилла поднимает на него вопросительный взгляд.

– Честный разговор. Хоть раз впряглись?

– Было дело...

Я подтверждаю.

– Сколько ты за это в итоге забашлял? Мог бы и сам все разрулить. Люди у тебя всегда есть. Бабки тоже. Так в чем проблемы? Зачем тебе нужен этот блатной шлейф.

Годзилла зыркает на папашу, хочет что-то сказать, но из последних сил сдерживается.

– Я понимаю, Витя. Когда ты откинулся, тебе дали крышу над головой, пристроили к качалке, где ты Арика встретил и закрутился бизнес. Но за все, что они для тебя сделали, ты сполна расплатился.

Папаша пошел к двери, потом резко обернулся и добавил:

– Да и... когда будешь принимать решение, не забудь, что на тебя выдали заказ, ты покойник, как и все твои дружки. Я даже знаю, кто взялся за ликвидацию и могу тебя заверить, что они никогда не промахиваются.

Яша снова идет к двери. Из груди Годзиллы наружу вырывается стон, видимо, этого папашка и добивался. Разворачивается и снова прет на кореша.

– Дай мне паспортные данные твоей жены.

– Зачем? – испуганно таращится на него Годзилла.

– Сегодня же в центральную больницу Джорджтаун поступит женщина похожая по описанию на твою жену с диагнозом острый аппендицит.

Закинул, так закинул! Так значит, семья Годзиллы на Каймановых островах и папашка это знал заранее!

– Выйдя отсюда, ты всем объявишь, что дети на попечении социальной службы, а жена на операционном столе. Возьмешь билет и улетишь. Хоть с тремя пересадками, хоть через Луну, но улетишь. Чтобы завтра к обеду тебя в стране уже не было. Понял?

– У меня нет загранпаспорта.

– Нет? Сделаем.

Годзилла кивает. Вид смущенный, кумекает, прикидывает.

– А назад когда?

– А зачем спешить? Жена ведь восстановиться должна. У нее аппендицит вырезали? Шов есть?

– Да.

– Вот и хорошо. Вышли паспортные данные Юре, он все к утру справит.

– Кому? – Годзилла пялится на меня.

– Дракону, – поясняю я, и до кореша доходит, на кого наш общий знакомый работает в реале.

Годзилла матюгается, встает, идет к двери, покачивается. Эко его штормит. Я провожаю его до мотика и закрываю ворота на ключ. Плетусь на второй этаж.

– Переведи завтра деньги, – брякает Яша с кухни.

Типа он свою часть сделки выполнил – обезопасил моего кореша сразу с трех сторон: силовиков и двух ОПГ.

Мать застывает. Боится, что я сейчас сорвусь.

– Название фирмы дай! – таким же тоном вторю я.

Вот и пристрелялись!

В семь утра меня подняла мать и сказала, что завтрак ждет на кухне. По ее тону я понял, что меня там не только хавчик ожидает, но и Яша. Так и есть. Не успел я ступить на лестницу, как увидел прародителя на моем любимом месте. Сидит с умным видом, уткнувшись в газетку. Чмокаю мать в затылок, она накрывает на стол. Счастливая, довольная. Черт! Я никогда ее такой не видел. Она даже внешне помолодела! Улыбка редко посещает ее лицо, а уж с утра так вообще нонсенс. А тут поет и даже пританцовывает под музыку из радио.

Яша прикрывается газеткой, но я-то вижу, как он лыбится, замечая мое вытянутое лицо.

Ладно! Я еще отыграюсь на нем! Поулыбается он у меня!

– Не слышал про айпады, динозавр? Там все газеты мира через одно приложение можно читать, – ехидничаю я.

– Ага. А я через любую твою навороченную технику могу смотреть все, что ты делаешь и пишешь.

– Мальчики, не ругайтесь, – одергивает мать, но сама не в силах злиться, мурлычет себе под нос и придирчиво оглядывает наши тарелки. – Дождитесь рабочего дня. Объявляю мораторий на ругань по утрам. Вышли из дома и орите сколько влезет, но дома ни-ни.

Мы оба зыркаем на нее испепеляющим взглядом, но молчим.

Годзилла шлет мне смс, что взял билет с двумя пересадками в Брюсселе и Майями. Он едет в аэропорт, вылет через три часа. Говорю папаше, тот кивает и отправляет кому-то смс. Что-то мне подсказывает, что операция началась.

После завтрака моя мобила снова оживает. Смотрю на экран, это старший Жданов. Маячу папаше, тот кивает, мол, возьми трубу. Перевожу звонок на громкую связь.

– Руссо! Пару дней не высовывайся. Посиди дома, – советует мне партнер после стандартных приветствий.

– В каком доме?! – ору я. – Вчера у меня был обыск. Нет теперь дома! Квартиру только сжечь осталось после той саранчи. Так это что, по твоим делам? Я уже чердак себе сломал, откуда ветер дует, а это из-за тебя и твоего братца?

Яша кивает, мол, правильный ход.

– А тебе ничего не сказали? Ведь в ордере же пишут.

– Позырил бы я, как ты свой ордер читать будешь! У меня в отличие от тебя нет крутого адвоката, Кирилл.

– С адвокатом нет проблем, обеспечим. Не кипятись, Руссо. Сиди тихо, ничего ты не знаешь, не ведаешь. Потаскают, промурыжат и отстанут. Ты ведь не при делах.

– Если так тогда почему они ко мне пришли? У тебя вот был обыск?

– У них на меня ничего нет.

– Ты же только сказал, что на меня тоже. Так почему с меня начали?

– Есть информация, что когда ты дела по боулинг-центру утрясал, попал под их прицел.

Так я и знал! Дача взятки!

Яша напрягся, а до меня дошло, что Ждановы неплохо осведомлены о делах и явно не через адвоката.

– К нам они это привязать не смогут.

Как же! Конечно, не смогут! Вы поможете им в этом! Типа я сам на себя инициативу взял и улаживал дела на свой риск.

– Понятно, – бурчу я.

– Если надо мы поможем, только скажи.

– Вчера подключил брательника, он налаживает мосты. Вроде все срастается, но пока в подвесе.

Яша опять кивает.

– Лады, если что звони, мы вмешаемся.

Я отбиваю связь и плюхаюсь на стул. Уф!

– Штатно, – кивнул Яша, на его языке это «сойдет» и придвинул матери пустую чашку, мол, кофе налей.

Еле сдержался, чуть по руке его не шибанул. Мать воркует возле него, а этот крендель кайфует. Смотрю на них, ну прям пара голубков. Тьфу!

Яша протягивает мне ключи от своей тачки.

– Выгоняй из гаража джип. Прокатимся до моего управления.

Я чуть по роже ему не въехал! Я что ему парковщик?! Выгоняй, загоняй!

– Возьми свой ноут.

Папаша дает мне понять, что знает, на каком носителе у меня установлен банк-клиент швейцарского счета.

– Распечатаешь в офисе подтверждение оплаты.

Через полчаса он садится за руль, на шее засос, видать мать только что припечатала. Какого хрена я позволил им остаться в коттедже?! Теперь будут доставать своими сюсюканьями. К тому же я сейчас один, без Вероны и мне видеть их чмокания ну никак не по кайфу.

Выкатываем из поселка. Мчимся по Рублево-Успенскому шоссе. Впереди пробка. Папаша сигналил, в наглуую обгоняет по встречке. Нам вслед летят ответные сигналы. Дамочка на красном «Land Cruiser Prado» еле успела затормозить, высунулась в окно и обложила нас матом. Яше все пофиг, видать по-другому ездить не умеет. Когда к нам сзади пристраивается ДПС с мигалкой, Яша достает свою, в два раза больше, лепит на крышу. Выпендрежник хренов! У них мигает, у нас мигает. Минуты две едем строем, как на параде. Потом ДПС идет на обгон, ровняется и отдает честь. До меня доходит, что они только что номер пробили, а номерок у папашки не простой, я это заметил, когда джип Его Величества за ворота выгонял.

Украдкой кидаю на папашку взгляд, меня как молнией пробивает. Вспоминаю сериал «Ликвидация». Так вот он мне кого напоминает! Давида Марковича! Не внешностью, а колоритностью и харизмой, про которую мне мать талдычила. Все! У Яши новая кликуха – Гоцман! Точняк! И как же она к нему приклеилась. Просто намертво!

– Чего скалишься? – осведомляется он и кидает на меня взгляд исподлобья. Чует, что ничего хорошего я о нем не думаю.

Ответить я не успел, его мобильник выдает саундтрек из сериала «Гвин Пикс». Я тихо охреневаю. Яша тоже. Тот на кого установлен этот рингтон ему очень хорошо знаком и говорить он сейчас точно не хочет. Чертыхается и барабанит по рулю пальцами. Несколько секунд пялится на экран, потом выводит разговор на громкую связь и говорит:

– Привет.

Тон такой, что, еще не услышав звонившего, я понимаю, что это женщина.

– Ты не в Москве? Не могу до тебя дозвониться уже третий день.

Я хмыкаю и отворачиваюсь. Сам, конечно, уши наострил, как Гоцман сейчас все разрулит?

– Нет, я в Москве, просто дел невпроворот.

– В офисе что ли ночуешь? Я проезжала мимо твоего дома, окна темные.

– Нет, не в офисе. У сына.

Пауза, а потом она задает такой вопрос, от которого я подпрыгиваю как ужаленный.

– У которого?

– У старшего.

Так у папаши-Яши есть еще сын? Вот это да! А мать знает? Наверняка! Это же Гоцман! Он от женщин ничего не скрывает. Типа правдивый до тошноты.

– Встретимся сегодня? – голос теплеет, прямо киса мурлычет.

– Нет, – его тон все еще ровный, без намека на раздражение. – Не получится. Больше вообще не получится.

– В каком смысле? – теперь она уже не киса, а ощерившаяся пантера.

По тону я понимаю, что она не просто любовница, они встречаются давно и она явно себе в мозгульках марш Мендельсона не раз пропела.

– Я женюсь.

– Повтори, что? – она уже истерит.

– *Я женюсь.* Это уже аподиктический факт. Аля ушла от мужа. Вчера сделал ей предложение. Пока мы живем у сына.

Проклятье! Они женятся! Так вот почему мать с утра заливалась соловьем! Значит, она подаст в ближайшее время на развод. Представил реакцию отца. О, черт! Как бы ему резьбу не сорвало. Вспоминаю наш последний ночной разговор. Он был уверен, что мать накувыркается и вернется. Что жить с Яшей она не сможет. А дело вон как повернулось!

Пишу быстро смс брату.

Готовь отца. Голубки собрались окольцеваться!

Сева тут же отвечает:

Вселенский потоп!

Ответ брата мне понятен. Типа отца замкнет, придется караулить не по дням, а по часам.

Разговор папаши и дамочки продолжается.

– Аля, это же мать Аристарха?

О! Она и меня знает!

– Ага, – у Гоцмана желваки танцуют хип-хоп.

– Не могу поверить, что ты так со мной поступил.

– Как? – холодно парирует он.

– Мы вместе пять лет, Яша.

– И? Я тебе разве что-то обещал? Наоборот, всегда говорил, что ты со мной время теряешь.

Разговор принимает неприятный оборот, мне уже хочется выскочить из джипа и помахать ему ручкой. Зыркаю на него, мол, мне это надо?!

Дамочка раздражается отборным нецензурным речитативом.

– Не матерись, тебя Арик слышит, он со мной в машине.

– Тогда какого черта ты включил громкую связь?

Мне так и хочется крикнуть: «Хороший вопрос!».

– У меня нет от сына секретов.

Я понимаю, что Яша заставил меня слушать это намеренно. Хочет дать понять, что рвет с прошлым ради матери. Мне-то на хрена это нужно! Разбирайтесь сами!

Он трет подбородок, ему тоже неприятен этот разговор, но ей не грубит, старается все уладить. Выдержка у папаша не чета мне. Я бы послал и не парился.

– Я ведь от тебя не скрывал, что буду налаживать связь с семьей.

– Да, но я думала это простое общение. Ты не говорил, что собираешься жить с Галей, а тем более жениться.

– Мы и так общались с ней почти каждую неделю, – напоминает ей Яша с укоризной, – ты знала это. Раз я сделал акцент на том, что собираюсь продвигаться вперед, то это уже не просто общение.

– Тогда зачем ты после этого встречался со мной? – задает она логичный вопрос.

Поворачиваюсь и вопросительно смотрю на папашку. Да! Зачем?

– Я мужчина, мне нужен секс. Ты была не против. Процесс сближения с Алей мог затянуться на годы.

Вот это да! Я охренел! Так он собирался долбить мозги матери целенаправленно и долго, пока не сломил бы оборону. Настроился на длительный срок. Тогда она ему сильно работу облегчила.

Преппирательства длятся еще несколько минут, потом дамочка сама разъединила связь. Боковым зрением я увидел, как он внес ее номер в черный список и послал какое-то сообщение. Стопудово секретарю, чтобы его с ней

больше не соединяли. Так вот какой у меня папаша! Объясняет один раз тактично, подробно, выслушивает ответку, а потом вычеркивает. Бац и нет его!

– Так у тебя есть еще сын? – еле дождался конца их разговора.

Яша кивает.

– И где он?

– Здесь, в Москве, – Яша спокоен как удав.

А я вот завожусь не по-детски. Сам не знаю, почему. Где-то рядом ходит мой родной по отцу брат, а я ни сном, ни духом.

Яша раскрыл рот, хотел что-то сказать, но потом передумал. Ну и черт с ним. Не хочет говорить и не надо! Больше я эту тему не подниму.

Вспоминаю, что мне нужно с Драконом свои дела закончить и говорю папаше про все проекты, на которых подвязан его спец.

– Арик, все как и раньше, звонишь и даешь ему указание.

Я чуть не поперхнулся.

– Типа я ему, как и раньше платить должен? А разве он у тебя не на зарплате?

– Ах, вот ты про что! А еще говоришь, что чураешься еврейской крови. Да ты больше еврей, чем я!

– Я необрезанный! – не знаю, чего я так привязался к этому обрезанию, будто меня кто-то заставляет это сделать, а я всеми силами сопротивляюсь.

– Евреем надо быть в голове, – стучит Яша по своей черепушке, – а не ниже пояса.

– Так ты тоже необрезанный! – догадываюсь я.

– Отец погиб, когда мне исполнился всего месяц, а мать с его родней с самого начала не поладила. Ясный перец, они хотели еврейку, а он не только русскую привел, так еще и бесприданницу. Они ее в два счета выжили. Мать так быстро от них убежала, что даже квартиру бросила. Так что не до обрезаний было.

– Ты с его родней вообще не общаешься?

– Если бы! – отмахивается Яша. – Когда я им нужен, меня и в Африке находят.

Я хмыкаю.

– В прямом смысле, – улыбается Яша. – Был на задании в одной из Африканских республик. Тьма тараканья. Вокруг на сто километров никакой цивилизации. Даже в управлении единицы знали, где я. Так не поверишь! Нашли!

Яша рассказывает, какие возникали смешные ситуации в общении с родней. Называет имена, кто и чем занимается, меня осеняет, что оборотистую жилку я именно от них перенял. Как пить дать.

– Представляю их лица, когда я тебя на Хануку приведу в синагогу! – восклицает Яша и заливается смехом. – Сынок весь татуированный, взглядом убить может, а уж когда разозлится, так...

Яша жестом показывает, что всем капут. Я хмыкаю. Взглядом убить... ну-ну... папашка подкат техничный делает. Завуалированный комплемент, будто я его покинутая дамочка, у которой мозгулек кот наплакал. Это ж надо пять лет ноги раздвигать и ждать, что на тебе кто-то женится.

– А мать твоя жива?

Яша кивает.

– За последний год сильно сдала, но еще сама себя обслуживает. Я ей предлагал переехать поближе ко мне, но нет, она с внуком хочет жить.

– Так она с твоим младшим сыном живет?

– Да. Они хорошо ладят.

Все мои бабушки и дедушки уже давно умерли, я еще в школу не ходил, когда их одного за другим похоронили.

– Юра не числится у меня в отделе. Я привлек его только для работы с тобой. Поставил задачу, сказал, что заработок будет только от тебя, если вотрется и получит кредит доверия. Так что все как раньше, – переводит снова на рабочую тему Гоцман. – А по поводу твоего бизнеса хотел тебе вот что сказать. Ждановых мы возьмем сегодня-завтра. Все уже на позиции. А ты подумай, кому теперь их бизнес отойдет? Ведь владельцев боулинга всего три: братья и ты.

Я отмахиваюсь.

– На этот счет у нас бумажка составлена, что в случае чего, их доля переходит наследникам. А это жены и дети.

– Бумажка заверена нотариусом?

– Конечно.

– А где-то прописаны ваши доли?

– Все есть у юриста.

– То есть ты теперь будешь иметь дело с их женами?

Я киваю и уже заранее сникаю, черт, мне совсем не хочется решать рабочие вопросы с беременной истеричкой и алчной провинциальной сукой – бывшей женой Кирилла.

– А выкупить их доли?

– Не выйдет. Они же не в морге, а в тюрьме будут. Связь с волей будет налажена уже в ближайшие часы после задержания.

– А свою долю продать?

Я бросаю на него пристальный взгляд. Чего он завелся?

– Зачем?

– После задержания пойдут проверки. Работать не дадут.

– Поздно, надо было раньше это делать.

– Ничего не поздно. Звони юристу и говори, что выставляешь свою долю на продажу. Сейчас это логично будет выглядеть. После обыска ты подумал и решил свалить. Они, конечно, начнут тебе втирать, что ты торопишься, что все наладится и все такое. А ты стой на своем. Продаю и все. Неплохо было бы донести эту информацию до Кувалды. Не хочет он купить у тебя долю? Убил бы двух зайцев одним выстрелом.

– Да он гол как сокол!

– Не скажи. Есть у него деньжата и не так много он проиграл, сколько заработал потом. Так что предложи.

Яша явно располагает информацией, о которой я ни сном не духом. Разговор прерывается. Мы подъезжаем к серому безликому зданию и проезжаем мимо КПП. Папашку все знают, отдают честь и поднимают шлагбаум. Я тут же вспоминаю про инцидент на парковке клуба и выдаю:

– Ты мне еще за шлагбаум должен!

Ответом мне раздается смачное ржание, а потом папаша-Яша с одесским выговором вещает:

– Я имею тебе кое-что сказать, швондер. Не расчесывай мне нервы за свой шлагбаум!

Смотрю на Гоцмана и охреневаю. Ему весело! Ответить я пока ничем не могу, но сегодня же засяду в интернет и закачаю в башку добрую порцию еврейских выражений и пословиц. Посмотрим кто кого!

Пока Яша начищает фэйс перед зеркалом, будто собрался на свиданку, я пишу Кувалде смс о продаже доли в боулинге. Как и сказал папаша, ответ был мгновенный и положительный. Партнер даже не спросил, почему я соскакиваю, а значит, уже знал об обыске. Пишу, что прайсы возьму только безналом и на евровый счет.

Руссо, ты свалить собрался?

Строчу ему быстро ответ, пока Ждановым не капнул:

Щас! Не дождетесь! Рублевые счета арестованы, поэтому пока пользуюсь евровым.

Ясно! Долю беру. Без базара! 50 сейчас, 50 после подписания бумаг.

Заметано!

Меня прямо ржака разрывает. Ох, Кувалда! Какой же ты жадный чел оказался. Прямо брат-близнец Демона! И все-то тебе охота заграбастать твоими погаными ручонками.

Как я понял, папаша-Яша ведет меня к начальству. Коридоры кишат снующими туда-сюда людьми в униформах. Мое участие в операции должны одобрить, но для начала хотят взглянуть в мои очаровательные моргалки. Вдруг им цвет не подойдет! Яша предупреждает, что шеф его друг, они знакомы сто лет и отношения полуофициальные. Но пользоваться этим не нужно. Инструктирует, как я должен вести себя. Зыркаю на него, мол, ты, что туда лоха ведешь.

Шеф оказался генерал-майором. Он тяжелее Яши на полста килограмм и похож на откормленного хомяка. Это сравнение не дает мне воспринимать его всерьез. С трудом подавляю предательски рвущуюся наружу ухмылку. Из-за моих потуг на лице оскал. Вес не мешает Генералиссимусу быстро передвигаться. С реакцией тоже все в порядке. Он как Юлий Цезарь делает несколько дел одновременно, еще успевает отслеживать футбольный матч, который транслируется на плазме последней модели, правда без звука.

Его адъютант – парнишка лет двадцати с узким разрезом глаз, наверное, бурят или якут, принес нам кофе, а Хомячку зеленый чай. Сидим, таращимся на плазму и причмокиваем напитки.

– Аристарх не против поучаствовать в деле Ландау, – начинает разговор папашка.

Как же! Не против! Меня прямо силком волокут, да еще и кровные баблосы отбирают.

– Через поверенного он уже зарегистрировал компанию в Швейцарии и сегодня переведет на ее счет нужную сумму.

– Отлично, помощь со стороны нам не помешает, но ты, Яша, должен понимать, что Ландау тот еще жучара. Надо создать видимость реальной компании. Перевести куда-то и малые и крупные суммы. Чтобы не было за один день оборота одной суммы на приход и расход. Такую схему он однозначно вычислит. Так что не спеши. Пусть лучше на неделю позже, но уже точно.

– Штатно, – кивает Яша.

– А как дела у супруги? – спрашивает меня Хомяк, а я тихо охреневаю.

На кой черт ему моя супруга? Смотрю на папашу, мол, расшифруй-ка, пока я не брякнул чего лишнего.

– Еще две недели планируем ее продержат в Европе.

Я поперхнулся и откашлялся. Кто? Яша планирует?

– Надеюсь, успеем все здесь подготовить, – вполголоса проговаривает Хомяк и пялится на плазму. Там как раз нашим забивают гол и Пухлик аж в кресле подпрыгивает. – Вот, козлы!

Яша к футболу равнодушен. Его совершенно не волнует, кто там кому забил, на экран смотрит только чтобы на дружка своего не пялиться. Да, приятного там мало, собственно как и на экране.

– Проблем не должно возникнуть.

– Он в курсе всей операции? – тычет в меня пальцем-сарделькой Хомяк.

Мне так и хочется крикнуть: «Эй! Я вообще-то тут сижу!».

– Нет, мы же договорились, что я сначала организую встречу.

– Да-да, договорились... – Генералиссимус впилил в меня свои стеклянные глазки. Чешет пухлой пятерней обросший белесой щетиной подбородок. Оценивает.

Меня аж до костей пробрало! Язык чесался ляпнуть по фене и послать Яшу туда, куда не зарастет народная тропа. Еле сдержался. В первую очередь из-за жены. Эти два франта точно что-то задумали и уже проворачивают, а я не в теме. И каким-то боком моя жена должна быть подальше от Москвы. Что за хрень?

На экране показывают повтор гола, Генералиссимус стонет так громко, будто ему по яйцам вдарили.

– Разъясни ему все и вводи в дело. Парень не промах, хотя какой еще может быть у тебя сын.

Яша расплывается в улыбочке, на лице гордость за отпрыска. Мне уже хочется врезать им обоим. Парень не промах! Типа лоха нашли с кого деньги содрать можно. Как же хочется вернуть Годзиллу и порешать все своим путем, но я понимаю, что на шахматной доске много игроков и все они, сука, скрыты от меня, как невидимки.

– Что дал обыск? – интересуется Хомяк.

Мне так и хотелось заорать: «Кто будет после вас все дерьмо подчищать?!».

– Из группы были трое. Юра вел их по всем комнатам через камеры. Никто о скрытом сейфе не знал, но Воронов всю гардеробную на пазлы разобрал. Будто что-то конкретное искал. Он же и вычислил эту комнату по геометрии квартиры. Стоял и пялился на пустой коридор с турником. За это время ему раза три смс приходили. Остальные связь поддерживали только с управлением.

Я охренел! Мало того, что папаша оказывается, знает о моем сейфе, так они с Хомячком обыск спецом замутили, чтобы засланного казачка Ждановых вычислить. А другого способа не было? Обязательно это нужно делать за счет моего кармана?

– Я все думал, что он ищет, пока мне сын расклад по долям не дал. У них есть бумаги, где в случае чего все прописано. Видать сейф искали, чтобы их забрать. Если убрать Арика, то Ждановы станут единоличными владельцами здания, а ты сам знаешь, как оно им нужно.

Да, фактически я совладелец здания. О чем они толкуют, я тоже догадался. Скорее всего, речь идет о подпольном игорном доме и его расширении, такие разговоры уже давно ходили. Мол, дела у Ждановых шли лучше некуда.

– Значит, опять Воронов, – Генералиссимус встал и прошелся по комнате, при этом он почти не издавал никаких звуков, будто летал по воздуху. И это с его-то комплекцией! – Его жена взяла отгулы на работе и уехала с дочерью к матери в Воронеж, говорит, заболела. Мы пробрили, здоровехонька и порхает как бабочка.

– Однозначно они до него добрались. Никто не захочет быть третьим.

– Это понятно... но ответственности не снимает. Мог прийти и попросить защиты. Мы же всех проинструктировали, предупредили.

– Саныч, когда угрожают тебе и семье расправой, а до этого уже двоих твоих сослуживцев отправили в места вечного упокоения, тут не до храбрости.

– Вот всегда ты всех выгораживаешь!

Ух ты! Хомячок, оказывается, может орать! Да еще как! Я аж подпрыгнул!

– Ладно, установим наблюдение за Вороновым.

– Не надо, – прошипел Яша. – Спугнешь. Они и так наострились.

– Нам нужны доказательства причастности Воронова к сливу засекреченной информации. Сейчас нужны! Не завтра!

– Предлагаю все оставить как есть и Воронова пока не трогать, – упрямо гнул свою линию Яша. – Когда всех повяжут, установим слежку, а пока прослушкой ограничимся. Дадим ему недельку, пусть расслабится парень. Вот тогда либо он сам, либо на него выйдут те, кто останется у Ждановых на воле и попытается восстановить прежние связи. Мы ведь так и не выяснили кто такой Батон, а он, судя по прослушке, повыше братьев будет.

Вскидываю голову и ухмыляюсь. Яша замечает мою реакцию и вопросительно смотрит.

– Батон? – я уже чуть ли не ржу, вот дурики. Да, долго бы они его искали!

– Ты знаешь кто это? – Яша уже нависает надо мной, как коршун. Глазенками буравит. – Говори!

Хотел поторговаться, типа, а что мне за это будет, но мы не одни.

– Это их отец! Они его между собой Батоном зовут.

– Чего? – Яша аж отпрянул. – Вот этот божий одуванчик?

– На счет божьего не знаю, скорее он от дьявола, – ёжусь от воспоминаний папашки Кирилла. На всю жизнь запомню ночь, проведенную в их доме. – В детстве Ждановы любили шоколадные батончики, за это их прозвали в школе Братья-Батончики, а они в свою очередь отца – Батоном.

– Шоколадные батончики... в школе... – Яша уже терял связь с землей. – Когда они двоих наших уложили, я дважды лично с этим ухорем беседовал, врача рядом держал, боялся, что он вот-вот на глазах рассыплется.

Генералиссимус навис надо мной с другой стороны.

– Да, с виду он как триперный кролик, но внутри крепкий, как камень.

– Жданов старший, твою ж мать! – Яша растер лицо ладонями. – Что ты о нем еще знаешь?

Я задумался, мы ведь с ним на всякие темы перетирали. Именно после этой ночи они мне долю предложили. Я сразу понял, что прошел некую проверку, и что только их папашка такие вопросы решал.

– Держится в тени. На людях тихий, как мышь подвальная. Только пыхтит, типа астматик. Но я-то знаю, как дышат астматики, он не болен, он под него косит. Иногда забывается, думает, никто на него не смотрит и дышит нормально. На встречах редко появляется. Я его всегда только в неформальной обстановке видел. Из дома почти не выходит. У них есть серия знаков, по которым братья определяют, что думает отец. Все дела ведет Кирилл, но крупняк только с одобрения папика.

– Где он живет? Мы не можем его уже найти третьи сутки.

– Как я понял, у дочери.

– У какой дочери?! – они уже орал в два голоса.

Отмахиваюсь, типа не орите вы, перепонки в аптеке не купишь, вид нарочито безразличный.

– От первого брака...

Уф, что там началось! Это был мой триумф! Как же я над ними потешался. Надо было видеть их лица. Сначала Яша и его Хомячок вытянулись по стойке смирно, будто кабинет только что посетило их самое высокое начальство. Потом переглянулись и в рассыпную! Яша швыряет мне ключи и кричит, чтобы я его

ждал в тачке, а сам бежит куда-то в конец коридора. Генералиссимус звонит по мобиле и кричит кому-то: «Отбой! Все в управление!».

Я взял ключи и поплелся на стоянку. Если сегодня Яша не даст мне весь расклад, больше от меня ни слова не услышит.

Вера

Завтракала я в номере в полном безмолвии. После длительного «заседания» в ванной комнате, Софа лишь выпила апельсиновый сок и вернулась в постель. Я поняла, что и сегодня поеду в кулинарную школу без нее. Не люблю лезть в душу близким, тем более, когда они всем видом дают понять, что не готовы к общению, но поведение Софы наводит меня на самые мрачные мысли. Она не купила лекарства, не говорит о диагнозе даже с матерью. А еще просидела на террасе полночи в одиночестве и даже никому не звонила. Выходит, то, что она узнала в клинике настолько потрясло ее, что она замкнулась в себе, и обдумывает дальнейшие действия. Софа очень похожа на Руссо. Пока она не примет решения, не выползет из своего защитного панциря. Но сильным людям тоже нужна поддержка и даже самые умные и опытные совершают ошибки.

Перед тем как уехать в школу, я сажусь на край кровати и поглаживаю плечо подруги. Софа напрягается.

– Верона, просто езжай на занятия. Утри там всем нос. Особенно этой Патриции, для которой все русские девчонки шлюхи.

– Конечно, я поеду, но прежде хочу сказать, что ты и Анна мои самые близкие подруги. Я вас очень люблю и хочу, чтобы мы все были счастливы. У нас у каждой свой путь, иногда он будет тернистый, иногда гладкий как шелк. Мы все разные и у каждой из нас свои приоритеты. Но я хочу, чтобы вы обе знали, что я всегда рядом. Я примчусь хоть с края земли и поддержу вас, если с вами случилась беда. Каждый из нас имеет одностороннюю позицию, иногда не видит самого главного у себя под носом. Для этого нужны друзья, да, они говорят обидные вещи прямо в глаза, но это их мнение и нужно его учитывать. Например, я всегда прислушиваюсь к твоим советам и ты не раз вправляла мне мозги, за что тебе спасибо.

Целую подругу в висок, поднимаюсь с кровати, накидываю пальто и иду к двери.

– Я тоже тебя люблю, Верона, – послышался дрожащий голос подруги, она плакала. – Но мне нужно пару дней тишины. За эти дни мне подтвердят диагноз... тогда и поговорим...

Боже! Бедная Софа! Что же там за диагноз! Меня уже всю лихорадит. Какая школа? Мне хочется остаться и утешить ее. Но переминаясь с ноги на ногу в холле, понимаю, что буду только раздражать подругу своим присутствием и навязчивой заботой. Ей действительно нужно побыть одной.

Пока ехала в школу пообщалась с мужем. Сегодня у него удачный день. Пришел ответ от риелтора, она заручилась согласием владельца дома, теперь начнется процесс согласования цены. Руссо нанял инженера для полной инвентаризации коммунальных систем. Так же он решил продать долю в боулинге и пустить эти средства на обустройство ночного клуба. За ночь он успокоился и уже не кидает в сторону Яши недовольные реплики. Я так понимаю, что сегодня они опять вместе и едут улаживать дела. С облегчением выдыхаю, Галина Сергеевна весь день в коттедже, а значит, мой муж сыт, обстиран и окружен заботой родителей. Немного поразмыслив, я прихожу к выводу, что в создавшейся ситуации мое отсутствие приносит только пользу. Мать Руссо чувствует себя хозяйкой в коттедже, ей не приходится подлаживаться под меня и подруг. Анна затеяла ремонт и не выползет из норки Мангуста еще неделю. Так что все к лучшему. Да, мы с Руссо друг по другу безумно скучаем, но каждый из нас сейчас там, где должен быть. Муж улаживает свои неприятности, а я в первую очередь не мешаю ему.

В школе сегодня день пасты. В жеребьевке мне достался рецепт «Пасты Карбонара с цукини и фрикадельками». Не люблю свинину, по условиям обучения нельзя отходить от рецептуры, но я иду на риск и добавляю в свиной фарш индюшку. Витторио сначала нахмурился, но когда распробовал, закивал и похвалил за инициативу. Сегодня он не такой нервный, как вчера, шутит, искрит позитивом и снова пускает в ход свои театральные штучки. Я так напробовалась пасты, что об ужине не может быть и речи.

Группа уже перезнакомилась между собой. Все ведут себя раскованно, атмосфера отличная от первого дня, когда все чувствовали себя как под микроскопом. Сегодня мы уже помогаем друг другу, особенно тем, кто по каким-либо причинам задерживает дегустацию. Приза за лучшую пасту удостоился Диего, стройный и симпатичный испанец. На вид ему лет двадцать пять. В подарок он получает набор очень крутых японских профессиональных ножей. Его реакция бурная, он что-то выкрикивает на испанском, подпрыгивает, машет ножами, как ниндзя и мы все смеемся. Диего просит нас сделать групповое фото, и мы с удовольствием выполняем его просьбу.

Из школы я уезжаю одной из первых, на вечер я запланировала поход по посудным бутикам. Мне нужно понять, как я могу сервировать стол, если к нам на ужин придут партнеры мужа. Возможно, что-то даже прикупить. Скоро Новый Год. Я запланировала собрать в этот день всю семью. Саня сказал, что не знает, вернется ли он к празднику, но в голове крутится навязчивая идея пригласить всех родственников. Не знаю, что там Руссо решит со своими родителями, но мои младшие братья точно будут. Я уже написала Пашке, что организую его перевозку в Москву и что Леха должен быть к тому моменту у него в интернате. Моя идея братьям понравилась, они уже планируют, как проведут каждый день в столице.

Проходя мимо бутиков и разглядывая празднично оформленные витрины, я понимаю, что неплохо было бы купить всем подарки на Новый Год, а не тратить потом драгоценное время перед самым праздником. Руссо не любит ходить по магазинам, а я не хочу трепать ему нервы. Анна на связи и помогает мне принять решение, когда я сомневаюсь в выборе. Софу не хочу дергать, хотя она бы мне дала дельные советы. К концу дня я загрузила две машины покупками, а что не уместилось, попросила доставить в отель. В бутиках я набрала множество рекламных брошюр и позже планировала все тщательно рассмотреть и сделать выбор.

По дороге в отель, когда я пребывала вся в мыслях о покупках и сервировке мне позвонила Адель и мы полчаса обменивались новостями. Я рассказала ей о школе, о подруге шефа, которая навесила на нас с Софой ярлыки легкодоступных девиц. Потом о покупках и предстоящих приемах. Адель сказала,

что прилетит в Верону через три дня и поможет с сервировкой. Пообещала познакомить меня со своей подругой, которая занимается организацией мероприятий для парижской элиты. Софа уже говорила, что планировала показать мне Париж, я решаю, что именно с этого города мы и начнем наше путешествие.

Вернувшись в пустой номер, я послала смс подруге.

Где ты?

София тут же ответила:

Гуляем с Витторио. Скоро вернусь.

Пока ждала подругу, отсортировала подарки и сложила в чемоданы. Затем завалилась в кровать и начала листать буклеты. Когда Софа вернулась, я уже остановилась на трех вариантах сервировки. Теперь осталось согласовать покупки с мужем. Судя по ценам, удовольствие не из дешевых.

Вид у Софы был намного лучше. Румянец после прогулки и блеск в глазах. Видимо, они с Витторио помирились и обсуждали предложения об улучшении работы школы, потому как, даже расставшись, продолжали перекидываться сообщениями, в которых спорили и выдвигали аргументы за и против. Софа сказала, что они уже завтра введут множество новшеств и наша группа сможет их оценить. Она сделала акцент на продвижении школы в социальных сетях и показала, как они с Витторио изменили дизайн страниц. Я заметила в последнем посте школы нашу общую фотографию и улыбнулась. Судя по комментариям, у каждого из учащегося появились свои поклонники, в том числе и у меня. Софа пояснила, что таким образом она создаст конкуренцию внутри группы и привлечет внимание к школе. Надо признать, что если подруга за что-то берется, то делает это на пять с плюсом.

Чтобы окончательно поднять ей настроение я рассказала о нации биологического отца Руссо, о его настоящей фамилии и о том, что Галина Сергеевна и Яша решили пожениться. Закончила я свой монолог тем, что решила собрать всю семью в коттедже на Новый Год.

– Блин, у кого-то два отца, а у меня ни одного, – жалуется Софа. – Я бы сейчас все отдала, чтобы мой родной отец захотел со мной общаться.

Я ахаю.

– Так он что отказался с тобой общаться?

– Да, я не верила. Думала, это все проделки отчима. Он был очень авторитарен. Когда мне исполнилось шестнадцать, мама под моим нажимом дала мне адрес отца, и я поехала к нему.

– И что? – я уже не рада, что затронула эту тему. Как известно я чемпион по щекотливым вопросам.

– Скажем так, после нашей с ним встречи я вернулась домой, и сказала маме, что мы больше никогда не будем поднимать тему отцовства.

– Все было так плохо?

– Было отвратительно. Он грубил мне. Не выслушав, решил, что я приехала клянчить деньги на обучение и заранее отказал. Сказал, что дал матери отступные, и по их договоренности она должна была меня обеспечить всем необходимым, а если потратила все деньги, то это не его проблема.

– Какой кошмар.

Аристарх

Прождал папашу в тачке не меньше двух часов. За это время успел потрепаться с женой, решить все текущие дела с партнерами, да еще и выспаться. Когда Яша вернулся, вид у него был такой взъерошенный, что хотелось подколоть, на кой черт он десять минут перед зеркалом прихорашивался.

– Выкладывай! – накатил на меня с ходу отче. – Даже то, что на первый взгляд совершенно кажется неважным!

– Ишь, какой шустряк, – процедил я сквозь зубы, – сначала ты мне поведаешь, при чем тут отъезд моей жены, а потом посмотрим.

Яша щурится, злится, но не пререкается, понимает, что Верона для меня важнее, чем сто тысяч его операций. Врубает магнитола на полную мощь, думает, я сейчас взвою. Не на того напал, я ведь привыкший, стой на сцене с мое, перепонки еще не такое выдержат. Яша бьет по газам. Выруливает со стоянки и летит к шлагбауму, который поднялся раньше, чем мы к нему приблизились. Я ухмыляюсь, видать папашка привык, что его постовые на КПП успевают поднять полосатый разделитель, поэтому и снес его на парковке у клуба.

В дороге он молчит, но явно что-то обдумывает, пальцы бьют по рулю в такт музыки. Приезжаем в коттедж, но он не выходит, тормозит у ворот, наконец-то вырубает музон и говорит:

– Создай видимость движухи на счете. Не знаю, хоть за аренду офиса и покупки канцтоваров. Через два дня приеду, поговорим на счет твоей жены и Ландау. Сейчас на очереди Ждановы.

Вот крендель! Раз по его не получается, то и по-моему не будет! Упрямый как осел! Вылетаю из тачки разъяренный, как тысяча чертей, хлопаю дверью и чешу напрямик к воротам. Мое внимание привлекает припаркованный через два коттеджа джип отца. Встаю как вкопанный. Проклятье! На кой черт он сюда приехал? Подхожу к машине, в салоне пусто. А вот это плохо. Значит, он уже внутри и ведет разборки с матерью. Яша тоже наострился, не уезжает. Вышел из джипа и понял, вокруг чьей тачки я круги наяриваю. Чертыхнулся и торпедой несется в дом. Я за ним. Нам только сейчас драки не хватало! А Яша в таком настрое, что заедет в торец без предупреждения.

Мать и отец сидят на диване в гостиной. Между ними двое детей Севы. У родаков на лицах приклеены деланные улыбки. Прямо идиллия, безупречные бабушка и дедушка. Яша тормозит, зыркает на все семейство испепеляющим взглядом, потом сворачивает в кухню и бредет к кофемашине. Вид такой, что одно брошенное в его сторону слово и он взорвется как вулкан.

Подхожу к отцу, здороваюсь за руку и интересуюсь как дела. Мать передает отцу младшего внука и бредет к Яше, чтобы успокоить. Пацану общество отца пришлось не по вкусу и он раздражается ором во всю ивановскую. Шизец! Чердак сейчас снесет. Ненавижу детский ор! Меня прямо всего выворачивает!

Мать мечется, не знает, кого первым успокаивать.

– Я сегодня не приеду, – злобно брякает Яша, когда мать заходит на кухню, – будут задержания и допросы. Но завтра постараюсь вырваться хотя бы на ужин. Так что, – он показывает кивком в сторону отца, – можешь не торопиться и наслаждаться семейными хлопотами.

В голосе обида, ну прямо ребенок, ей богу! Неужели и я такой? Мать берет его за руку и отводит на патио, что-то втолковывает. Потом целует и гладит его

по щеке. Яша немного остывает и уезжает. Как только он скрывается за воротами, из-за угла, со стороны бассейна выныривает Сева и заканчивает с кем-то разговор по мобиле.

– О! Ари... – тянет руку. – Привет. Мать сказала, что ты уехал с Яшей по текущему расследованию.

– Уже приехал, – бурчу я недовольно.

Не дом, а приют для всего семейства Романовых. Теперь еще сюда и детей притащили!

– Алена повела старшего в клинику, а мы с отцом решили навестить мать. Я его немного подготовил, так что был не вселенский потоп, а разлив реки Енисей.

– Не кричал? – я смотрю, как мать, вернувшись в гостиную, снова возится с младшим внуком.

– Было дело.

– Хорошо, что вы нас не застали, а то у Яши сегодня боевой настрой.

– Мы дождались, когда вы уехали и...

Вот шифровальщики! Хоть я и удивлен, но киваю в знак одобрения, мол, правильно сделал. Я не сомневаюсь, что именно Сева предложил такую тактику.

– Для нас главное, чтобы к концу семейных разборок все были живы.

– Покажу детям участок, – говорит Сева и идет за спиногрызами, но я-то понимаю, что он хочет, чтобы родители закончили разговор.

Ухожу на кухню, на плите в сковородке замечаю тефтели, рядом картофельное пюре. Загребаю добрую порцию «привета из детства» и усаживаюсь на свое любимое место. Краем глаза слежу за родаками. Пока вроде все мирно, хотя отец уже закипает, но изо всех сил старается, держит себя в руках.

На мобилу приходит смс от Годзиллы. Пишет, что садится в самолет и уведомляет меня, что вместо него делами будет рулить его помощник Гришаня. Я его отлично знаю, тупой как пробка, но преданный Годзилле до тошноты. Кореш просит, если что дать ему совет. Типа Гришаня финансовые и организационные вопросы не потянет. Я даю согласие. Пишу, чтобы не кипешился, все разрулим, а сам чертыхаюсь, еще одной проблемой прибавилось.

В последнее время я все чаще задумываюсь над тем, что пора мне что-то в своей жизни менять. Скоро вернется Верона, мы купим этот дом, хочу к тому времени выстроить совершенно новую жизнь. В первую очередь мне нужно до минимума сократить участие в проектах, где у меня маленькая доля и где нужно мое постоянное присутствие. Бои и качалку я оставлю по-любому, это не просто драйв, но и поддержка формы, а вот остальные проекты нужно отсекать. Даже то, к чему я ранее был так привязан, сейчас не вызывает во мне кайфа. А что будет со мной, когда Верона родит? Я что как все папаши буду впахивать от зари до зари и видеть собственных детей по выходным? Уф! Дети! Скользящая тема. От одной мысли меня мутит.

Смотрю на брательника и его отпрысков и задумываюсь, каким я буду отцом. Когда-то я же стану отцом? Пусть сейчас эта мысль вызывает во мне панику и отвращение, но с годами все изменится. Я надеюсь... Черт! Еще неделю назад я категорически не хотел детей. Верона уехала, я заскучал и уже согласен на все, лишь бы она была рядом. Невыспавшаяся, нечесаная, с оравой сопливых отпрысков и в кухонном фартуке с пятнами от соуса. Уф, пусть хоть под фартуком она будет голая. Я уже представил, как она виляет своей аппетитной попкой, а я любуюсь ею сидя за кухонным островом. Мой Пушочек! Как же мне хреново без нее. Сказал бы мне кто-то год назад, как я буду сегодня жить, поднял бы на смех.

Мои фантазии рассеиваются как дым, когда я слышу крик матери и мгновенно подрываюсь. Черт! Опять они за свое!

Родаки в гостевой спальне. Отец бросает в раскрытый чемодан вещи матери. Она стоит на пороге и плачет.

– Платон, я не вернусь, прими это достойно, как мужчина и дай мне развод.

Черт! Если бы мне так сказала жена, я бы ни секунды не держал ее в доме. Сам собрал бы ей шмотки, забрал ключи от дома и отвез к тому, на кого она меня променяла, дабы уж точно убедиться, что не вернется.

– Я не могу без тебя! – кричит отец. – Не могу! У нас дети, внуки! Я никого так не любил как тебя! Помимо любви есть еще и привязанность за тридцать лет брака! Я не мыслю жизни без тебя! У нас общие друзья, интересы, работа. Наши родители дружили! Мы оба скорбим по ушедшей дочери!

Удар ниже пояса! А вот эту карту не надо было разыгрывать!

Мать тут же садится на кровать и заливается горячими слезами. Она и так была на пределе, а тут еще он напомнил о потере, с которой до сих пор никто в семье не смирился. Лично я пока не увижу тела сестры так и буду считать ее живой, где-то дрейфующей на обломках яхты.

Отец швыряет вещи и бросается к матери, она вскакивает и высвобождается из его объятий.

– Не трогай меня, Платон! Пожалуйста! Ты даже не представляешь, что я чувствую, когда ты меня трогаешь! Неприязнь и отторжение!

Отец впадает в ступор и таращится на нее как на климатическую аномалию.

– Я вернулась к тебе ради Севы! А потом родился Ари! Ты так старался стать для него хорошим отцом, что я решила запрячь свои чувства подальше и жить ради детей. Потом родилась Аврора! Но сейчас сыновья взрослые, а дочь уже никогда к нам не вернется! – мать даже сейчас не может произнести слово «погибла». – Когда Яша сказал, что перешел в другое управление, где не будет заграничных командировок и попросил дать нам шанс, я ни на секунду не сомневалась. Хотя сказала ему, что мне нужно подумать и все взвесить, что я уже не молода и не так красива, как была, когда он меня полюбил.

С мольбой в глазах отец делает еще одну попытку подойти к матери, но она отходит на пару шагов и более жестким тоном продолжает:

– Все эти годы я любила его, Платон! А сейчас, когда мы снова вместе я так счастлива, что словами выразить не могу. Я будто расцветаю. Пробуждаюсь от многолетней спячки. Чувствую себя снова на восемнадцать. С ним мне все по плечу, я ничего не боюсь: ни скитаний, ни финансовых трудностей, ни осуждений. Я люблю его больше жизни! Теперь, когда дети выросли, я им больше не нужна! Теперь я буду думать только о себе и своем счастье! Меня никто не остановит! Никакие общие друзья и интересы! Мне все равно, что обо мне подумают! Я не вернусь! Мне!.. На все!.. Наплевать!

Последние слова мать прокричала ему в лицо, потом пролетела мимо меня и скрылась в ванной. Отец упал на кровать и схватился за голову.

– Господи... – еле слышно прошептал он.

Краем глаза я увидел движение и повернулся. У перегородки разделяющей гостиную и кухню стоял Яша, а за ним Сева с детьми. Яша постучал в дверь ванной и тихо позвал мать. Она тут же открыла ипустила его внутрь, слышалось сдавленное рыдание. Отец вышел из спальни и, не прощаясь, поплелся к выходу. Сева жестом дал понять, что они отчаливают, я кивнул и показал на мобилу, мол, звони, если что.

Уф! Кажется на этом все. После такого отец точно не заведет старую пластинку. Заранее сочувствую брату и Алене, в ближайшие дни им достанется. Но у меня тоже тут своя миссия. Смотрю, как Яша выводит мать из ванной, оба скрываются в спальне, хлопает дверь. Слышу поворот замка. Бреду к лестнице, дураку понятно, чем закончится его утешение.

Вера

Следующие три дня пролетели так быстро, что я даже опомниться не успела. В школе Софа и Витторио развернули бурную деятельность. Теперь каждое занятие профессиональный оператор снимал на видео, а Софа фотографировала участников и процесс приготовления для социальных сетей. Потом они монтировали ролики с описанием рецептов, применяли анимацию и выкладывали в сеть. Подруга сделала акцент на внешние данные Витторио, однажды даже заставила его снять рубашку и нацепила на голый торс фартук. Результат удивил даже такую пессимистку как я. Количество подписчиков резко возросло. Посыпались хвалебные комментарии и запросы на обучение. Ранее София предлагала Витторио разработать несколько разных программ и сейчас они обсуждали детали. Никогда не видела Софию такой увлеченной и счастливой. Казалось, она приняла для себя какое-то важное решение и теперь находилась в гармонии с собой и окружающим миром.

Не скрою, всем участникам было весело принимать участие в новшествах. Нас попросили записать мини-ролики, где мы рассказываем о себе, семье и страсти к кулинарии. Многие участники говорили, что это очередная ступенька к заветной должности шефа или владельца собственного ресторана. Я же сказала, что люблю готовить и делаю это с удовольствием для себя и своих близких.

По результатам опроса, который устроили на сайте школы и в социальных сетях, я была во второй пятерке участников. Вперед, конечно, вырвалась мужская часть группы. Популярными в одночасье стали Диего и Мэтью, американец лет тридцати. Женская аудитория не скупилась на едкие комментарии, посчитали меня скучной, хотя и признали симпатичной. Конечно, меня это задело, о чем я сразу сказала подруге, и она с таким же энтузиазмом принялась повышать мой рейтинг. Заставила меня выложить целую серию фотографий с мужем и Саней, все на ее взгляд удачные карандашные и акварельные наброски, в том числе и эпопею с ремнем. Всем очень понравилась фотография моего мужа на байке. Тут уж женская аудитория не поскупилась на комплементы. В принципе мне было совершенно безразлично, что говорят обо мне и моем муже. Просто на примере кулинарной школы я училась раскрутке блога, сайта и имиджа. Ведь мне скоро предстоит заняться тем же самым только в моде.

Кстати о моде... вчера после длительного затишья на моем горизонте проявился Михей. Прислал длинное письмо с шутивными комментариями о моих занятиях, видимо, просмотрел на моей страничке последние посты. Напомнил о наших идеях и загрузил новыми. Пока все это у меня просто бродит в голове. Но сегодня, возвращаясь из школы, я попросила водителя остановиться у лавки с художественными товарами и накупила себе кучу красок, карандашей и альбомов. В голове уже крутятся фасоны, пока я их не забыла, хочу поскорее сделать наброски.

К двенадцати ночи у меня готовы два отличных вечерних платья. Показываю Софии, потом отсылаю Михею. Оба выказывают восторг и я уже сижу счастливая, как ребенок с новой игрушкой. Выкладываю в интернет и читаю первые комментарии. Большинство позитивные, искренние, но есть, конечно, и те, кто находит эти фасоны либо похожими на модели других дизайнеров, либо невыразительными. Я уже понимаю, что угодить всем невозможно, нужно просто делать то, что нравится самой, но для себя отмечаю, что в каждом наряде должна быть такая деталь, которая сделает модель эксклюзивной, не похожей на работы других дизайнеров. Решаю вернуться к наброскам завтра и доделать.

Я уже улеглась в кровать, когда из ванны вышла София и обрушила на меня новость века, после которой Яша и его национальность откатились на второй план.

– Я беременна! – воскликнула подруга нарочито веселым тоном, но на глаза уже накатывались слезы.

Минуту я приходила в себя, а потом бросилась к ней и обняла.

– Поздравляю! Как я рада! У меня будет племянник или племянница!

Моя реакция подругу удивила.

– Я была уверена, что ты прочитаешь мне лекцию о вреде раннего материнства, – бормочет София, пытается высвободиться из моих объятий, но я не отпускаю, только немного отпрянула, чтобы заглянуть ей в глаза и с укоризной покачала головой.

– Раннего? Ты как раз в том самом возрасте, когда нужно рожать первого ребенка!

– Ага! Тогда чего сама не рожает? – съехидничала подруга. – Ты и сейчас на таблетках, что согласишься после свадьбы нелогично. Или вы с Руссо решили пожить для себя пару годков?

Я мгновенно холодею. Подруга напомнила мне о проблеме, которую я так тщательно задвинула в потаенные уголки своей души. Снова ложусь в кровать и накрываюсь одеялом.

– Руссо не хочет детей.

– Да брось! – Софа отмахивается, но видя, как на мои глаза нахлынули слезы, мгновенно забирается в кровать и нависает надо мной. – Подвалило, откуда совсем не ждали.

– Да, я точно этого не ожидала.

Рассказываю подруге, как мы сцепились с Руссо в офисе риэлтора, как это некрасиво выглядело со стороны.

– Он смотрел на меня так, будто я предложила ему заняться сексом втроем, и как понимаешь, третьим была бы не девушка.

Софа морщится.

– Именно такое у него было лицо. Словно я говорю не о наших будущих детях, а о чем-то неприличном, что воспринимается на уровне предательства. Я видела, как он относится к племянникам, но не придавала значения.

– Многие мужчины и женщины равнодушны к чужим детям, – заверяет меня подруга и укладывается на спину. – Не все останавливаются у коляски симпатяги малыша и сюсюкают. Я, например, такая. Но своего-то буду любить, тут уж однозначно.

– Я хочу детей, Софа, – плачу навзрыд и закрываю лицо руками. – И я рада, что ты станешь матерью.

– Вот блин! Мне не надо, а я забеременела, ты хочешь, но муж против.

Когда успокаиваюсь, вспоминаю о брате и говорю:

– Интересно, как на эту новость отреагирует Саня.

Софа кидает в меня недовольный взгляд и закатывает глаза.

– Мне совершенно на это наплевать. Не захочет видеть ребенка, его дело.

По словам подруги, я понимаю, что препятствовать общению Сани с ребенком она не будет, но и удерживать мужчину беременностью не в ее стиле.

– Ты сказала матери?

– Сегодня.

– И что она?

– Отреагировала, как и ты. Поздравила и была на седьмом небе от счастья.

Интересно, чтобы сказала моя мама, если бы я забеременела, не будучи замужем? Она бы с меня три шкуры спустила. Нет, конечно, на аборт она бы меня не потащила, для нее это грех, но нервы бы вымотала так, что я бы ходила постоянно зареванная.

– Ты продолжишь учебу, а после родов возьмешь академический отпуск?

София отводит взгляд, с минуту молчит, а потом выдает:

– Нет, Верона. Я не вернусь с тобой в Москву.

– Как это? – я вскакиваю как ужаленная.

– Мама сказала, что идея путешествия очень удачная. Она даже не против, чтобы я помогала Витторио или другим друзьям в раскрутке бизнеса, но настаивает на моем возвращении в Лондон. С первых дней она поставит меня на учет в клинику, где будут наблюдать меня и развитие плода. Там отличная

медицина, Верона, а у меня есть ряд проблем со здоровьем, которые могут повлиять на беременность. Кстати, здесь врачи мне сказали то же самое.

Я в ужасе. Не могу даже подобрать слова. София уезжает в Лондон. Я не увижу, как родится мой племянник. Подруга прочитала все по моему лицу и хлопает меня по плечу.

– Чего ты так переживаешь? Будем общаться по инету, болтать каждый вечер. Приедешь ко мне ближе к родам, будешь держать меня за руку, пока трехкилограммовое счастье прорывается в этот дерьмовый мир.

Мы болтали до рассвета, подруга задернула занавески и попросила поставить будильник на час позже. Я еще долго не могла уснуть, все думала о беременности Софии и наших с мужем разногласиях о рождении детей. После того как подруга сказала, что у нее будет ребенок, моя собственная проблема уже казалось вселенской катастрофой. Я очень хочу детей. Очень-очень... Но я не пойду против мужа и не поставлю перед фактом, как делают многие девчонки. С Руссо так нельзя. Он мне этого не простит. С учетом его характера, случись так, я останусь одна с ребенком на руках. Это не произойдет резко и демонстративно, но он это сделает... обязательно сделает...

Глава шестая

Аристарх

Только через три дня с меня сняли домашний арест. Все это время я как буйнопомешанный в дурке наяривал из угла в угол. Еще никогда я не развивал такую бурную деятельность внутри ограниченного пространства. У ворот коттеджа то и дело останавливались машины доставки и технических служб. Я осмотрел коттедж с целой комиссией инженеров вдоль и поперек. После чего накатал письмо риэлтору, что предстоит переделать при покупке дома и прилично сбил цену. Владелец коттеджа немного поторговался, но я встал в позу, либо так, либо я ищу дальше и тот выслал счет для перевода прайсов. Все! Дом наш!

Ждановы долго уговаривали меня не продавать свою долю боулинг-клуба, мол, нам нужны твои связи и все такое. Они реально подумали, что я спрыгиваю из-за обыска, что типа молодая жена мне поставила ультиматум. Я сказал, что она

на учебе и что никогда с ней не делюсь рабочими вопросами. Долю я продал за два часа до ареста братьев. Уф! Тут, конечно, надо сказать, что папашка предпринял немало усилий, чтобы дать мне возможность довести сделку до конца. Дождался от меня смс о продаже и только потом спустил с поводка своих псов. По коротким сообщениям, которыми Гоцман иногда меня жаловал, я понял, что он сам руководил операцией.

Кувалда тут же напрягся, но я ему прочитал лекцию словами старшего Жданова. Типа на них ничего нет, вот и бесятся. Поддержат и отпустят. У братьев крутой адвокат, еще не из таких передрыг вытаскивал. Все у них на мази и схвачено. Он еще долго пытался что-то выведать, весь дергался, чуял подставу. Тогда я дал понять, что следующие на очереди мото-салон и караоке-клуб. Что хочу скинуть всю мелочевку и заняться чем-то одним, но крупным. Только после того как Крест по моей просьбе подтвердил наши трехдневные переговоры Кувалда расслабил булки и снова ушел в подполье.

Яша заявился в обед на третий день злой и уставший. Успел сказать, что Ждановым после серии допросов предъявлены обвинения и на данный момент братья переправляются в СИЗО, плюхнулся на диван и вырубился раньше, чем мать приготовила ему кофе. Мы ушли в прачечную, чтобы дать ему поспать хоть пару часов. Там мать устроила постирушки, а я ходил за ней как хвостик, будто мне снова пять лет и без мамкиной юбки мне не выжить. Мать смеется и постоянно меня треплет за щеку. Все эти дни она на таком позитиве, что я невольно заряжаюсь от нее как от батарейки. Еще никогда мы не были так близки. После трехдневного непрерывного общения я начал понимать ее мотивацию и состояние души. Мы много говорили об их отношениях с Яшей. Наверное, поэтому на данный момент я практически смирился с его существованием. Мать закатилась от смеха, когда услышала, какую кличку я ему придумал и поведала, что Яша фанат легендарного сериала. Завтра она выйдет на работу, но я уже вижу по ее настрою, что особого рвения она теперь к своей должности не проявляет.

Отец больше не появлялся, подписал через Севу заявление на развод, и мать тут же запустила бракоразводный процесс. По словам брата Алена всерьез взялась за отца. Заставила его зарегистрироваться на сайтах знакомств и ходить на свидания. Сева описал реакцию отца на собственную анкету, типа его завалили

письмами одинокие женщины, после чего он понял, что один на старости лет точно не останется и перестал истерить. После первого свидания глаза его потеплели, спина выпрямилась. Отец начал ходить в спортзал и в бассейн. Второе свидание затянулось до утра, видать кто-то там очень хотел выйти с наскака замуж. А после третьего он сказал, что никогда больше не женится, но с женщинами однозначно будет встречаться. Отец женился на матери, когда ему был двадцать один год. Мать ждала его с армии, потом они еще годик походили в женихах и невестах, готовились к свадьбе, короче он явно не нагулялся и теперь наверстывал упущенное. По мне так если бы не тесная дружба их родаков, то навряд ли бы отношения дошли до брака, уж больно они разные. В принципе такой же исход ждал нас с Лили, если бы не вмешался его величество случай.

Мы сели ужинать, когда Яша продрал глаза. Мать тут же оповестила его о покупке коттеджа и выставила на стол бутылку красного вина, которую мы привезли с Вероной из Италии. Пить я с ними не стал, пригубил и отставил в сторону. На вопросительный взгляд матери сказал, что за пять дней заточения у меня накопилась уйма дел и через час я сваливаю.

Ужин внезапно переместился на патио, когда Яша и мать начали мне давать советы о переделках. Я почесал затылок, сказал, что перетру все с Вероной после ее возвращения и мать сникла.

– Ты чего, ма?

– Честно говоря, мне хочется быть к тебе ближе, но понятно, что у нас с Яшей должна быть своя жизнь и свое жилье.

Не успела она развить тему, как Яша ткнул в соседний участок, и мы втроем забравшись на бетонный выступ перед забором, начали изучать коттедж и ландшафт.

– Ни разу не слышала, чтобы там хоть звук кто-то издал, – поделилась наблюдениями мать.

Честно говоря, я тоже. Делаю запрос риэлтору, кто владелец соседнего коттеджа и получаю ответ уже через десять минут.

– Коттеджем владеет генеральская вдова, которая живет теперь у детей за кордоном, – читаю я вслух смс.

Родаки переглядываются.

– Как фамилия? – заинтересовался Яша.

Я называю, он хмыкает. По его виду понимаю, что фамилия Гоцману знакома и отсылаю ему телефон риэлтора. Все! Сдал бразды. Пусть рулит теперь сам. Если поведет разговор правильно, то к приезду Вероны родаки свалят через забор, а не хватит денег, я добавлю, лишь бы оставили меня с женой в покое.

Верона сообщила мне о беременности Софии, что она укатывает в Лондон. По мне так скатертью дорога. Не знаю, как отреагирует на эту новость Курт, но я бы дал знать через сестру, что мол, от ребенка не отказываюсь, буду помогать, но в остальном все без изменений.

Я уже в предвкушении новой жизни. София сваливает, еще бы Анну куда-нибудь сбегать. Дракон сказал, что она связалась с Мангустом, но тот на длительные отношения не способен. Хочу, чтобы с коттеджа все свалили. У нас с женой не было медового месяца, придется устраивать его прямо здесь. Хочу ходить по кухне ночью голым и трахать жену во всех мыслимых и немыслимых уголках дома. Пока трепался сегодня с матерью в прачечной, даже там заметил неплохое местечко. Уф, Вероны нет почти неделю, а ощущение такое, будто мы не виделись целый год. Не представляю, что будет, когда она уедет на полгода в Милан. От этой мысли меня потрясывает. Нет, к тому времени мне однозначно нужно разгрузить бизнес.

Вчера я как сентиментальный придурок пялился на фотки жены. Потом просмотрел ее аккаунты в социальных сетях и прочитал все комменты к постам. Нашел там парочку сук, которые ее троллили и под чужим именем вступил с ними в переписку. Дал им такого жару, что довел до истерики. Они показали свою «сучность», а этого мне и надо было. Многие участники спора меня поддержали, после чего рейтинг моей малышки взлетел на пару пунктов. Верона выкупила меня по одной фразе «Я такой!» и запретила вмешиваться в процесс. Я тут же накатал ей смс:

Я твой муж! Никогда и никому не позволю тебя оскорблять! Тем более эти завистливые сучки пишут не по теме.

Но они правы! Я скучная! Пересмотрела свои посты и видео. Все банально и неинтересно.

Малышка, ты какая угодно, только не скучная.

Друг друга мы не убедили, каждый остался при своем мнении, но я для себя отметил, что Верона не на шутку включилась в конкуренцию и мне это нравилось. Она должна понять, что нас окружает враждебная публика и ей нужно быть готовой в любой момент отразить словесную атаку.

Сегодня у Вероны последний день обучения и я уже пожелал ей удачи. По итогам голосования она не будет первой, но на это никто и не рассчитывал. Ведь Пушечек соревнуется с профессионалами. По крайней мере, первая пятерка все повара со стажем.

Час назад я оплатил учебу жены и Михея в фэшн-школе, и мне уже пришло подтверждение о зачислении их в первый поток после рождественских каникул. Михей привез прайсы налицом и, сидя на кухне, мы перетерли их планы на будущее. Верона не знает, что я совладелец пошивочного цеха, в который она сдавала вещи из бутика на переделку. Мой партнер, Славик – старший брат Бороды, правда, теперь, он безбородый и кличку надо менять. Пока болтали, я принял решение, что подарю свою долю жене, пусть они там с Михеем развернутся в полный рост. Он уже надумал сделать пристройку для их с Вероной мастерской и офиса.

Проводив Михея, закрываю ворота на ключ и бреду в дом. Яша и мать приговорили вторую бутылку вина, сидят на патио датые и смотрят на уличный камин. Я спецом его зажег, чтобы опробовать все системы. По обрывкам их разговора понимаю, что беседу ведут о будущем, да с таким воодушевлением, что у меня сердце защемило.

Никуда я уже решил не ехать, зацепил бутылку вина и хотел подняться в спальню, как ожил мой мобильник. Взглянул на экран. Номер незнакомый.

– Говорите, – недовольно бурчу. В трубке тишина, я уже ору: – Алло!

– Это Леха... – слышу я прерывистый голос, связь как с Марсом, он, то ли бежит, то ли только прибежал. – Это... как его... мне Саня сказал, если что звонить.

Я мгновенно остываю. Это младший брательник Вероны и напряги между нами не нужны.

– Что случилось?

– Да! Тут такое дело...

Он мнется, я решаю ему помочь.

– Гоблин?

– Нет! Он приезжал несколько дней назад, собрал вещи и уехал. Хотел со мной поговорить, но я отказался. Мать он тоже не тронул.

– Тогда в чем дело?

– Вот... не знаю, как сказать... а где Верона? Не могу до нее дозвониться.

– Она в Италии, звонить ей не нужно. Говори, что случилось!

Не хватало, чтобы из-за семейных проблем Верона сейчас взяла билет на первый рейс и махнула в Москву!

– Короче, мать наглоталась таблеток... я пришел от друга, а она лежит на кровати, как мертвая. На тумбочке записка. Вызвал «Скорую». Вроде ее откачали. Оставили до утра в больнице, говорят нужно обследовать. Но уже утром после прихода врачей.

Проклятье! Я жмурюсь. Мария Алексеевна! Ну что ж такое! Как она могла?! Ведь у нее еще на руках двое сыновей-подростков!

Отставляю бутылку в сторону, плюхаюсь на стул и начинаю допрашивать пацана. Тот говорит, что он сейчас в больнице, приехал с матерью в «Скорой», но в кармане пусто, как добраться до дома не знает, что делать дальше тоже не знает. Пацан в полной дезориентации и я чувствую, что надо ехать, иначе потом проблем будет больше. Хорошо, что я еще не выпил! Вот опять же, привет моей чуйке. Приказываю ему успокоиться, сесть в приемном отделении и ждать меня.

– Никаких звонков и паники. Собрался с духом, ты за старшего. Понял?

Пацан с облегчением вздохнул, проблеял, что понял и отрубил связь.

Бегу в спальню, переодеваюсь, хватаю налик и кредитки. Раз теща в больничке, значит, предстоят расходы. Это моя вотчина, я знаю где и как нужно себя подать, поэтому не переживаю что улажу дело, лишь бы теща выкарабкалась.

Звоню Игнату и пока натягиваю куртку и зашнуриваю ботинки, излагаю ему новость. Говорю, что мне нужна его помощь и кореш просит забрать его из паба, возле дома.

– Сильно пьян?

– Нет, Руссо, не дрейф, я только пришел, мне даже заказ еще не принесли.

Пока ты до меня доберешься я похрумкаю, а выпивку коллеге отдам.

– Добро!

Бегу на первый этаж, мать уже у лестницы.

– Сынок, что случилось?

Как можно мягче объясняю ей ситуацию. Она хочет ехать со мной, но я отговариваю. Когда аргументы заканчиваются, а мать не меняет решения, я выдаю:

– Ма! Ты сейчас пьяна и счастлива как мартовская кошка...

Мать краснеет, а Яша хмурится.

– А после того как вскрылась правда, Марию Алексеевну ненавидят собственные дети. Муж, из-за которого все произошло, собрал вещички и дернул к той, что любил все эти годы. Так что ты сейчас ей точно ничем не поможешь. Понимаешь? Суицидент очень тонко чувствует эмоциональное состояние тех, кто их успокаивает.

Мать кивает, кажется, поняла, протягивает мне ключи от моей тачки.

– Позвони, как все выяснится и скажи, чем мы можем ей помочь. Я могу взять еще неделю отгулов и побыть с ней.

– Если я пойму, что ее нельзя оставлять одну, то привезу сюда.

Черт! Как же мне не нравится эта идея, но что делать?

Целую мать в лоб, киваю Яше и отчаливаю.

Вера

С самого утра у меня было дурное предчувствие, будто что-то непременно сегодня случится. Я постоянно потирала область солнечного сплетения и тяжело вздыхала. Софа даже устроила мне допрос, и я поделилась с ней своими ощущениями.

– Верона, что может произойти? Адам укатил в Москву. Сальников в тюрьме. Твой муж разбирает коттедж по кусочкам, – подруга слышала, как утром свекровь вводила меня в курс происходящего. – Анька нашлась и здравствует!

– Может что-то с Саней, – я прикрыла горло ладонью.

Софа побледнела и со злостью выпалила:

– Типун тебе на язык! Не смей больше такое говорить.

Зачем я это ляпнула? Вот дуреха! Отхожу к шкафу и начинаю выбирать наряд для последнего дня учебы.

Время пребывания в Вероне подошло к концу. Честно говоря, уезжать совсем не хочется, мне жаль, что все так быстро закончилось. Я научилась готовить все традиционные блюда итальянской кухни и нашла новых друзей.

Последний день учебы был самым насыщенным на события. Из-за расставания этот день Витторио назвал самым горьким и решил подсластить его конкурсом десертов. По традиционной жеребьевке мне достались сицилийские трубочки «Канноло».

За всю неделю обучения я ни разу не выиграла конкурс. Это и понятно, в группе очень много талантливых поваров и чтобы с ними соревноваться на одном уровне нужно не один год провести на профессиональной кухне. Меня же, как любителя отличает от них то, что я все время что-то меняю в рецептуре. Не представляю, как готовить одно и то же каждый день. Кстати этот факт еще раз укрепил меня в решении не выбирать кулинарию как основную профессию.

Последний конкурс в жесткой борьбе выиграл Мэтью. Он и получил главный приз от школы – крутую жаровню от известного бренда. Она такая большая и неподъемная, что Витторио не стал заказывать доставку, а просто вручил сертификат, а Мэтью уже сам заберет подарок из магазина.

Подвели итог голосования посетителей сайта школы в социальных сетях. Первый сюрприз – меня выбрали среди всех участников как самого очаровательного повара. Достижение для меня более чем сомнительное. При чем тут кулинария? Но возражать я не посмела, ведь на меня сразу впялила пытливым взгляд Софа и так насупилась, что я поняла, если не улыбнусь в камеру, не сносить мне головы.

После поздравлений и награждения Витторио объявил, что сегодня мы идем на праздничный костюмированный ужин и раздал приглашения. Все были заинтригованы, даже София, ей он тоже ничего не сказал, лишь загадочно улыбался. Поэтому после школы мы едем в салон, где можно арендовать костюмы и зависаем в примерочной. Из вереницы костюмов мне приглянулось одно платье. Смотрю на бирку, улыбаюсь и закатываю глаза. Только я могу из огромного выбора остановиться на костюме Джульетты. Платье мне

действительно нравится, девушка-продавец, помогающая нам с Софией, сказала, что это платье точная копия наряда из исторического музея: корсет, нижняя юбка, даже подвязки нижней юбки. Я в восторге. Пока мне подбирают обувь, я быстро делаю набросок этого платья в альбоме. Не знаю зачем, в голове вертится какая-то идея и мне хочется ее уловить и придать форму.

Подруга выбрала костюм ангела, я ловлю себя на мысли, что София в нем действительно похожа на ангела. Она распланировала всю следующую неделю, но заранее отказывается раскрыть весь маршрут, говорит, это будет сюрприз. Ох уж эти сюрпризы! Не вышло бы мне боком это путешествие! Завтра утром мы вылетаем в Париж. Билеты еще не купили, но подруга считает, что с этим проблем не будет.

– Софа, может, ты завтра вылетишь в Лондон? Ты сильно рискуешь с вояжем по Европе.

Она отмахивается.

– Это всего лишь неделя, на данный момент ни мне, ни ребенку ничего не угрожает. Вопрос стоит о сохранении беременности на третьем триместре, а до него еще как до луны. К тому же это единственное что я смогу себе позволить, как только вернусь домой, мама сразу загасит на корню все мои попытки к веселью. Буду постить котиков, растущий живот, и лить слезы по любому поводу.

В последнее мне мало верится. В любом состоянии София остается сильной, независимой и решительно сметает все преграды на своем пути. Она позволила себе минутную слабость поплакать немного со мной и со своей мамой, но на этом все.

Мы как раз садились в машину, когда мой телефон выдал песню рыбы-пилы из мультика «Голубой щенок». Услышав слова песни: «Я рыба по прозвищу «Пила», пилю, что в океане попадетсЯ. И скоро ваша шхуна пополам под острою пилою распадетсЯ». София округляет глаза, смотрит на экран.

– Кто такая Адель?

– Жена партнера Руссо. Он называет ее Пробирка с Голубой Кровьюю.

– Почему?

Звучит припев песни: «Это дело я люблю, это дело я люблю, все на свете я пилю!» и я показываю жестом, что истина скрыта в этих словах.

С переднего сиденья слышится смешок Андрея, он единственный кто понял смысл.

– Привет, Адель!

Ставлю на громкую связь, а то София так сильно прильнула ко мне плечом, что поцарапает меня своими крыльями. Адель сама вежливость и деликатность. Осведомляется где я и какие у меня сегодня планы. После кодовых слов «костюмированная вечеринка» она надменно фыркнула, то потом все же согласилась поехать с нами, хотя я даже намеком ее не пригласила. Наоборот, сказала, что у нас именные приглашения.

– Та еще фифка! – закатывает глаза София, когда я заканчиваю разговор. – Никак нельзя ее сплавить?

– Да как я ее сплавлю? Вдруг мой отказ повлияет на бизнес Руссо? Она и так тяжело с людьми сходится...

София хмурится, но что делать? Едем на вечеринку.

Подъезжаем к площади Сеньоров, известной так же как площадь Данте. Это центр политической и общественной жизни города. По периметру площади расположены здания в разных архитектурных стилях, построенные еще в XIV веке и соединенные между собой арками. Телохранитель открыл дверь, в машину ворвался поток грохочущих басов. Мы здесь были с Руссо, поэтому я не оглядываю площадь с интересом как София, а смело иду туда, откуда разносится по всей округе музыка. Это крытый шатер, вокруг которого стоят уличные обогреватели. На деревянном подиуме зажигает ди-джей, на танцполе наша группа в таких разнообразных и ярких костюмах, что у меня уходит не меньше получаса, чтобы со всеми еще раз поздороваться и проникнуться их образом. Все веселятся, тащат нас с Софией танцевать, мы даже не успеваем поприветствовать Витторио. Заметив нас, он бредет на танцпол в костюме пирата и пальцем журит нас обеих, мол, почему не подошли к нему.

После часовой танцевальной встряски Витторио рассаживает всех за столы и толкает речь. Он говорит, что наша группа пятая по счету, но таких сплоченных и интересных людей среди его учеников еще не было. Две женщины из Польши даже прослезилась. Одни мы с Софией переглядываемся, обе понимаем, что он говорит это всем группам. Шеф желает ученикам всего наилучшего, чтобы у

каждого сбылись его мечты, и дарит свою книгу кулинарных рецептов с автографом и личным пожеланием каждому участнику.

Я открываю свой экземпляр и прищуриваюсь, пытаюсь прочитать неразборчивый почерк Витторио. София отбирает у меня книгу, читает и переводит:

– Э-э-э... он написал, что тебя не зря назвали Вероной. Ты сохранила в себе традиции своего народа и семьи. Познала страстную любовь и постоянно чему-то учишься. Спокойная как река Адидже, загадочная, как история города и чистая как любовь Джульетты. Вот!

– Ох, – я всплескиваю руками, на глаза наворачиваются слезы. Как говорит Руссо, чтобы поплакать, мне повод не нужен.

Машу Витторио и показываю на книгу, мол, спасибо. Тот галантно кланяется и улыбается. Никогда не встречала такого позитивного и открытого человека как шеф. Он создал уникальную атмосферу в школе. Всю неделю мы заморожено наблюдали за его мастерством. Расставаться очень не хочется. Мне будет не хватать его шуток и улыбчивого лица.

Я решила сфотографировать послание шефа и тут же разместила на своих страничках в социальных сетях. Многие последовали моему примеру. Затем все стали фотографироваться друг с другом и обмениваться контактами. Больше не было никакой конкуренции, мы были просто людьми, которых ненадолго объединила любовь к кулинарии.

Когда мы немного уgomонились, Витторио встал и сделал жест, что просит тишины. Все мгновенно смолкли. Шеф сказал, что у него есть еще два подарка, и он бы хотел их незамедлительно вручить. Первым подарком оказалось приглашение Диего в один из Римских престижных ресторанов в качестве шефа. Все загудели и захлопали. Кто-то поздравлял Диего, а кто-то щурился от зависти, на несколько минут дух конкуренции снова ворвался на наш праздник. Больше всех был удивлен Мэтью, ведь он выиграл конкурс, а его никто не пригласил. Витторио объяснил, что приглашение – это частное решение владельца ресторана и делается независимо от его предпочтений. Возможно, ему Диего ближе по духу и темпераменту.

Затем Витторио подошел к Софии и протянул ей какой-то конверт, это оказался сертификат на обучение маркетингу. София выпучила глаза, а Витторио сказал, что никакой она не юрист и не надо тратить время. Если поедет на курсы, то получит подтверждение его словам. Затем шеф во всеуслышание заявил, что София беременна. Пожелал ей счастья, здоровья, а в конце взял с нее слово, что она обязательно пригласит его на «Baby shower», при этом его не смущало, что это чисто женская вечеринка. Все наперебой начали поздравлять Софу, а та засветилась от счастья, зарделась от смущения и как маленькая девочка затеребила белое платье.

Позже к нам вышла Патриция, оказывается все это время, она была в ресторане и готовила праздничный ужин. Что-то мне подсказывало, что новость о беременности Софии прозвучала именно для нее. Но ничего в ее поведении не изменилось: София была реабилитирована, а ревность Патриции перескочила на новую кандидатуру. Бедный Витторио. Ну почему таким добродушным и заботливым мужчинам попадают такие злюки и прилипалы?!

Меня кто-то окликнул, я повернулась, увидела Адель и чуть со стула не упала.

Аристарх

Забираю Игната из паба, его провожает какая-то милашка блонди, он целует ее и так ласково прижимает к себе, что я сразу въезжаю: он не только не помирился с сеструхой, но еще и закрутил новый роман.

– Здорово, – Игнат садиться в джип и протягивает руку, – куда едем?

– В Сергиев-Посад, – я показываю на девчонку, что не сводит с кореша преданных глаз, – кто это?

– Арина – моя коллега.

Завожу мотор, выруливаю с обочины и жму на газ.

– Медсестра? – уж больно не похожа она на врача.

– Лаборантка.

Бросаю на кореша оценивающий взгляд и подмечаю, что одет он как-то необычно, слишком официозно и ведет себя иначе. Да, бабы нас меняют, это

однозначно. До Вероны я рысачил бы целыми днями на байке, был грязный как черт, свой день заканчивал бы в баре, опрокидывая пару пинт пива и снимая очередную телку. А сейчас сижу в джипе, дом обложил родаками. Подспудно мелькает мысль, а не спецом ли я это сделал? Типа при родаках же меня налево не понесет.

– Значит, с Катюхой разбежались как в море корабли?

Игнат кивает, не вижу я на его роже никаких переживаний по этому поводу. Курт рвал и метал после расставания с Софией, было видно, как он еле справлялся, чтобы не начать крушить все, что под руку попадалось, а этот сидит как хлыщ холеный.

– Так ты уже к лаборанточке под бочок перебрался? – высказываю свою догадку и попадаю в десятку.

– Да! Прикинь...

Игнат пялится на проезжую часть, на меня не смотрит, думает мне за сеструху обидно, а мне по фиг.

– Как-то все так быстро закрутилось. Мы давно в переглядки играли, но я ведь был несвободен. А тут по больничке слух прошел, что я от Катюхи свалил, Аринка подошла и сама пригласила меня на свидание.

Усмехаюсь я и толкаю кореша в бочину.

– Что за напряг? Если у тебя все складывается, я только рад.

Кореш кидает на меня осторожный взгляд. Оценивает мой настрой.

– А у тебя как?

– Ой, – я чешу репу, – с чего начать даже не знаю...

– С брачной ночи и начинай, – ехидничает Игнат и лыбится. – Где, как и сколько. И не упusti не одной детали.

Всю дорогу до больницы я ввожу кореша в курс своих новостей. Игнат знает меня с первого курса мединститута. Проводил в нашей семье практически каждый семейный праздник. Мы были не разлей вода, мать иногда смеялась, что мы даже на ночь не могли умолкнуть, постоянно о чем-то трепались и ржали, не давали родакам спать. Поэтому услышав о Яше глаза у Игната на выкате как у Джима Керри в фильме «Маска». А я тем временем добавляю жару и признаюсь в принадлежности к еврейскому народу.

– Как раз это меня не удивляет, – отмахивается кореш. – Ты всегда был предприимчивым, все оптимизировал, приспособлялся к любой ситуации и ненавидел монотонную работу.

– Поэтому я еврей? – я хмыкаю. – По таким признакам полмира еврей.

– Этот факт меня тоже совершенно не удивит!

Затем наступает деловая часть новостей, Игнат уже не смеется и не удивляется. Мое желание сократить количество проектов он встретил одобрением, но услышав, что Верона собирается заниматься модой, посоветовал помимо доли пошивочного цеха сбегать на жену и бутик Катюхи. Мол мы никогда не находили общего языка. Она только делала вид, что слушает меня, а потом все выстраивала по своей схеме. Совет пришелся мне по душе. На кой черт мне этот бутик. Пусть Верона сама им занимается, а если не поладят с сеструхой, продам долю самой Кате, пусть рулит в одиночестве.

Подкатываем к больнице. Кругом темнота, хоть глаз выколи. Навигатор привел нас к какому-то одноэтажному зданию похожему на морг. Я уже грешным делом подумал, что мы опоздали. Мысленно чертыхнулся и уже представил, как придется сейчас заказывать жене билет и звонить посреди ночи с трагической новостью. Скинул смс Лехи, типа не пойму куда заехал. Если бы он не пояснил куда свернуть и как что объехать, то фиг бы мы сориентировались.

Из разговоров понимаю, что Леха шустрый пацан, ловит все на лету и старается помочь, чем может. В приемном отделении он видит меня, срывается с места и протягивает руку. Я заценил его хватку.

За стойкой регистрации одни телки. Мне перед ними распyleтся в лом, даю знак корешу. Игнат сразу идет в атаку. Улыбается, протягивает визитку, а за ней и «подарочек» в виде купюры с Грантом, сначала одной, потом другой.

Мой мобильник оживает, я вздрагиваю, хоть бы не Верона! Смотрю на экран, мой партнер Влад. Этому-то что не спится?

– Руссо! Наши жены зажигают вместе! Может и нам объединить усилия?

Вот тебе на! Я хмурюсь, Верона об Адель мне ничего не говорила. С другой стороны, она сегодня на банкете по случаю завершения учебы и сейчас ей точно не до меня, что собственно к лучшему. Позвони она мне, я бы точно не смог скрыть волнения.

– Я сейчас не в Москве. Тут с родственницей кое-что случилось, приехал проконтролировать лечение. Буду здесь, скорее всего, до утра.

Влад выражает сочувствие, рассказывает последние аптечные новости. Несколько минут мы перетираем, а потом принимаем решения. В конце разговора он мне как бы, между прочим, говорит:

– Слушай, тут такое дело, один мой должник обанкротился и отдает мне за копейки дом отдыха в западном направлении Подмосковья. Места просто сказка! Озеро, лес, загон для диких животных. Конюшня. Короче все для отдыха. Я туда как-то раз приезжал с друзьями, мы классно оттянулись.

– И? – подгоняю его.

– Не хочешь купить? Сам я этим не буду заниматься, геморроя много.

Чуть не матюгнулся! Ему значит геморрой, а мне? Надо лесничего нанимать, зоотехника. Это все не мое. Да и животные мрут как мухи, короче, нестабильный бизнес. Объясняю, что сейчас скидываю многие мелкие проекты, потому как хочу больше внимания уделять семье, а не тратить время на бесконечную добычу прайсов.

– Руссо, ты не понимаешь, там рай для семьи. Для детей так просто раздолье. Воздух чистейший, рядом никакой химии. Продукты все свои. Считай, у тебя будет рыба, мясо и вся молочка. Там неподалеку у моего брата есть ферма. Я вас познакомлю. Спроси у него, что к чему. Сам знаешь, впихивать тебе дерьмо, мне резона нет. Короче, не руби с плеча. Подумай.

– Лады, давай я с делами разгребусь и позвоню.

На кой черт мне этот дом отдыха? Что я с ним буду делать?

Уже через час мы все втроем упакованные в белые халаты и бахилы стояли перед койкой тещи в реанимации. Смотрю на Марию Алексеевну и понимаю, что дела могли быть и хуже. Она в сопоре, но не в коме. Дыхание поверхностное, хрипящее. Кожа бледная, покрылась липким холодным потом. Судороги, слабые, но продолжительные. Наблюдается цианоз. Нет реакции зрачков на свет, хорошо, что роговичные рефлексы сохранены. Аритмия, давление пониженное. Если учесть, сколько она проглотила таблеток, чудо что она жива!

– Вовремя ты домой вернулся, Леха, – хлопаю пацана по плечу, – считай матери жизнь спас.

Леха прячет глаза, но я вижу, что пацан плачет. Черт! Курт на задании, папашка свалил, Верона в Италии, мать в реанимации, брат в интернате. Паршивый расклад. Не знаю, как в итоге будут обстоять дела с тещей, но Лехе точно помощь нужна.

Пока Игнат осматривает тещу, я читаю перечень процедур, которые уже провели врачи «Скорой помощи» в доме и здесь в больнице. Сразу по прибытию ей сделали промывание желудка, в стационаре процедуру повторяли трижды. По описанию, больная ничего не помнила и не понимала где она, не узнавала сына и своей спальни. В реанимации проведена интубация трахеи. Теща на искусственной вентиляции легких. Неоднократно была введена большая доза сорбентов.

Я морщусь, любая степень отравления может осложниться тяжелым токсичным поражением печени, а это значит, что в ближайшие часы она пожелтеет. Не хочу, чтобы пацан смотрел на мать. Он и так весь извелся. Ему сыпятся на мобилу смс и я грозно спрашиваю, не от Вероны ли.

– Это Пашка. Я же с ним говорил, когда на хату пришел. Он тоже не спит. Ждет новостей.

Глядя на него, я за считанные секунды спланировал все, что будет в ближайшие дни.

– Напиши Пашке, чтобы поспал пару часов. Утром мы приедем к нему, проведем, а потом я заберу тебя в наш с Вероной коттедж.

– Зачем? Мать ведь здесь.

– Как только придет в сознание, переправим в Москву.

– А-а-а... А мы на хату заедем? – Леха прячет глаза.

– Зачем?

– Там... короче... убрать ее постель нужно.

Я зажмурился. Черт! Видать там рвота и испражнения.

– Конечно, – выдавливаю из себя, в горле застревает ком.

Просто удивительно как в этом семействе выросли такие дети? Пацан собирается убираться в доме ночью... сам от шока еле стоит на ногах, но не хочет, чтобы спальня матери пропиталась смрадом.

Сжимаю его плечо, смотрю так, чтобы понял, что мы решим все проблемы. Леха понял. Не по годам сообразительный и шустрый. Еще бы! Будешь тут, с такими-то родителями! Ох, что-то мы с Вероной попали с родаками в мясорубку. Мои шапито устроили и ее тут же подтянулись. Прямо эпидемия разборок и разводов.

Вера

Смотрю на Адель и не узнаю. Она потрясающе выглядит. Немного поправилась и перестала походить на узницу концлагеря. На ней красное облегающее ее идеальную фигуру платье. Поверх плеч накинуто меховое манто. В руках она крутит красные рожки от костюма дьяволицы, будто это чужеродный для нее предмет и она вот-вот выкинет его в мусорную корзину. Я подскочила к ней и начала совершенно искреннее расточать комплементы, она это тоже почувствовала и приняла их с улыбкой. Затем я познакомила ее с подругой, с шефом и громко представила остальным выпускникам школы.

С первых минут Адель захватила внимание всех присутствующих мужчин. Она сама не ожидала такой реакции и сначала смутилась, но потом быстро освоилась и уже кокетничала со всеми направо и налево. Самым настойчивым поклонником оказался Диего, он буквально пожирал ее глазами. Я знаю, что Адель сейчас тридцать пять, а Диего не больше двадцати пяти. Но, похоже, что горячего испанца не смущает ни разница в возрасте, ни обручальное кольцо на безымянном пальце Адель. Сначала они играли в перестрелки страстными взглядами. Потом каким-то образом Диего оказался за нашим столиком и они начали что-то живо обсуждать. Закончилось все тем, что Диего утащил ее на танцпол и не отпускал, пока Адель, высунув язык, не взмолилась, что устала и хочет пить.

Когда мы в Швейцарии обсуждали с мужем Влада и его брак, я узнала, что у них с Адель подписан брачный контракт, по которому им разрешается иметь разовые любовные связи, но не продолжительные отношения. По словам Руссо именно Влад настоял на этом пункте. Сама же Адель никогда им не пользовалась, и ее муж был уверен, что за десять лет брака она ни разу ему не изменила. Так ли

это, я не знаю, но то, что происходило на моих глазах прямо сейчас, красноречиво говорило о том, что сегодня Адель точно будет не одна.

Вечеринка была в разгаре, когда София начала зевать и кидать в мою сторону тоскливые взгляды. Как же меняются приоритеты у женщины, когда она узнает о беременности! Еще неделю назад София была впереди планеты всей, бесилась на танцполе и зажигала, а теперь сидит и тоскливо оглядывает присутствующих. Подхожу и спрашиваю, хочет ли она в отель, и тут же получаю подтверждение.

– Прости, тебе, наверное, хочется еще потусоваться, но я выбита из сил, будто из меня всю энергию выкачали.

– Поехали, мой ангелочек! – командую я, поправляю съехавшие на бок крылья и беру ее за руку.

В сопровождении охраны мы идем к машине, на ходу прощаемся с выпускниками и желаем всем стать крутыми поварами. Адель я посылаю смс:

Мы едем в отель. Завтра утром вылетаем в Париж. Удачи тебе!

Наверное, с моей стороны это невежливо, но я еще не научилась деликатно отшивать. Да собственно у кого мне учиться, Софу деликатной уж точно не назовешь.

Не успели мы дойти до машины, получаю ответ:

Я остановилась в твоём отеле. Встретимся за завтраком. Скажу пилоту, чтобы подготовил самолет к десяти утра.

Показываю смс Софии. Она в шоке.

– У нее, что свой самолет?

Я киваю и рассказываю все, что знаю про парочку Влад-Адель.

Мы хотели с Софой в Париже побыть вдвоем: болтать, о чем вздумается, носиться по номеру в нижнем белье, драться подушками и делать друг другу клоунский макияж. А теперь с нами будет Адель, а она та еще зануда.

Приехав в отель, София приняла душ и забралась в кровать. Не успела я раздеться, как она уже сладко похрапывала. На спинке стула лежали крылья от костюма, я присела и начала их осматривать. В голове проносились мысли о Сане и их расставании. Должна ли я вмешаться и попытаться склеить их отношения? Что-то мне подсказывало, что Софию это приведет в бешенство, но ведь я как

никто другой знаю характер брата. Он будет делать вид, что его не волнует жизнь Софии, а сам с ума сойдет от тоски. После внематочной беременности Аквамарин, он признался, что его будто преследует рок. Оказывается это не первый случай, когда от него беременеет девушка, но потом по каким-то независимым от него причинам происходит либо выкидыш, либо девушка внезапно делает аборт и исчезает из его жизни. После последней командировки он отходил полгода. Пил, дрался и пару раз попадал в полицию. Новость о беременности он примет как каменное извятие: молча, без каких-либо комментариев, а потом напьется, будет дебоширить, а после похмелья погрузится в свои мрачные мысли о роке судьбы, который не дает ему шанс на отцовство.

Спать мне не хотелось, меня переполняли двойственные эмоции. С одной стороны то самое предчувствие надвигающейся беды так и не прошло, с другой, последний день учебы и вечеринка буквально взорвали мне мозг и теперь меня переполняли идеи. Схватив карандаши и альбом, я ушла на террасу и начала делать наброски всего, что приходило в голову. Потом внесла последние штрихи во все модели, которые рисовала в последние дни и выслала Михею. Он тут же перезвонил. Последующие полчаса мы обсуждали предстоящую учебу и собеседование.

– Мы с Руссо накидали бизнес-план, вышлю сейчас на почту. Нужно придумать название нашего бренда и концепцию. В каком стиле мы хотим работать.

Я округлила глаза. Михей взял старт и останавливаться не собирался. Уже привлек к своей задумке моего мужа и даже сделал расчеты.

– Ты не торопишься? – осторожно осведомляюсь я. – Может, мы сначала закончим учебу?

– Я хочу показать нашу первую коллекцию на выпуске из школы. Чтобы это был уже готовый бренд-бук, идея коллекции и название. Это хорошая возможность поработать под руководством мэтров дизайна. Конструктивная критика и поиск совместного решения. Такой возможности больше не будет. Когда приедешь, я покажу тебе свои наброски и парочку уже готовых изделий. Хочу, чтобы ты внесла в них свои поправки, может какие-то детали.

Мы говорим о будущем бренде, предстоящей работе и обустройстве цеха. Михай выдает парочку названий, но я их тут же отметаю. Узнаю, что Руссо совладелец цеха и дал добро на реконструкцию, чтобы у нас с Михеем была своя мастерская. От полученных новостей меня распирает во все стороны. Я вдруг понимаю, что вот она... моя мечта... совсем близко!..

Я уже хотела лечь спать, когда услышала с улицы знакомые голоса и привстала. Это Адель и Диего возвращались с вечеринки. Вид у них был как у влюбленной парочки. Они о чем-то оживленно говорили, держась за руки. Вернее он хватал ее за руку, а она каждый раз чудом освобождалась от его хватки. На мое удивление заходить в гостиницу Диего не стал.

Я отправила ей смс:

Диего не оправдал твоих ожиданий?

Адель написала, в каком номере остановилась и попросила зайти.

Я взяла электронный ключ, вышла в коридор и сообщила Андрею, что иду к подруге на этаж выше. Он довел меня до номера Адель и встал у двери рядом с ее телохранителем.

Номер Адель оказался намного просторнее нашего, в нем три комнаты, одна из которой полностью забита ее многочисленным гардеробом. Я зашла в роскошно обставленную гостиную и застала Адель лежащую на кушетке. У ее ног на ковре сидел симпатичный брюнет лет тридцати в черных классических брюках, босой и с голым торсом. Его руки скользили по стройным ногам Адель, задирая платье почти до бедер. От неожиданности я ахнула и хотела выскочить из номера, но Адель дала мне знак остаться, оправдала платье, что-то прошептала на ухо мужчине и тот ушел в ванную.

Проходя мимо меня, он поиграл мышцами, подмигнул и улыбнулся. Хлопнула дверь ванной комнаты, а я все стояла в коридоре, не зная, что мне делать. Зачем Адель попросила меня прийти, если она не одна? И зачем ей нужно было морочить голову Диего, если в номере ее ожидал любовник? А то, что это ее любовник сомнений нет.

– Вера, что ты там встала? Проходи, не бойся, глупенькая.

Мне было настолько неуютно, что хотелось выскочить и убежать в свой номер, лечь под бочок к подруге и забыться сном. А еще хотелось промотать

события назад, как в кино и на приглашение Адель ответить вежливым отказом. Почему-то сейчас, когда я испытала неудобство и дискомфорт, то самое чувство, что мучило меня с самого утра, нахлынуло с еще большей силой и мне уже хотелось плакать. Еле сдержалась. Адель бы такую реакцию истолковала превратно.

Прохожу в гостиную, сажусь в кресло. Вид сконфуженный, прячу от новой подруги глаза, будто это не она, а я только что была застукана с поличным и теперь боюсь разоблачения перед мужем. Как мне себя вести? Что ей говорить? Для меня Адель загадка, даже когда она выглядит расслабленной и искренней, не могу отделаться от мысли, что в ней есть хоть и маленькая, но толика притворства.

– Выпьешь чего-нибудь? – Адель показывает в сторону бара.

Хрипло выдаю: «Нет, спасибо» и прочищаю горло.

– Быстро же ты надоела своему мужу, – усмехается она и, глядя в зеркало, поправляет прическу, – сколько прошло после свадьбы? Две недели, а он уже тебя сплавил и даже не навещает?

Я потеряла дар речи и захлопала ресницами, будто мне в глаза бросили песок. Тон Адель был пропитан издевкой, но говорила она с сожалением и сочувствием, можно было подумать, что она это относит скорее к развращенности Руссо, чем к моей неопытности и неспособности удержать возле себя мужчину.

– Уверенна, что Влад уже потащил его на очередную закрытую вечеринку или Руссо его в свой стрип-клуб.

У Руссо есть стрип-клуб? Я чуть дара речи не лишилась.

– Ты не знала? – усмехается Адель, видя мою реакцию. – Ой, я про твоего мужа много чего знаю. У нас есть общий знакомый, Руссо до сих пор не догадывается, что это мой близкий друг.

Даже не знаю, как реагировать на эти слова. Меня уже пугает Адель. Хоть бы проснулась София и начала меня искать, позвонил муж или кто-то из родственников. Но мой телефон предательски молчит, а вот у телефона Адель то и дело раздается сигнал поступившего сообщения. Она читает и улыбается.

– Диего, – поясняет она, отбрасывая телефон на подушку, – пишет, что уже скучает и надеется, что ему приснятся мои глаза.

– Зачем он тебе? Ты ведь не обделена вниманием, – я кивком показываю в сторону ванной комнаты.

– Сама не знаю, – пожимает она плечами, – я так давно не чувствовала себя привлекательной.

Адель вздыхает и кусает губу.

– У вас ведь с Аристархом неравный брак?

– Чего? – я в таком шоке, что ничего не соображаю.

– Ты ведь из кромушников?

На моем лице отражается еще большее удивление. Не понимаю о чем она, но слово мне не нравится, ощущение, будто меня оскорбили.

– Семья малообеспеченная?

Ах, вот в чем дело! Я киваю, хотя нехотя и с обидой. Какое ей до меня дело? Или она решила вбить клин между мной и мужем?

– Я так и поняла, Аристарх не взял бы девушку из богатой семьи. Тем более после выходки Лили. Это дура побежала за своим «счастьем», – Адель пальцами показывает кавычки, – без тест-драйва и обкатки. Просто махнула в прорубь с головой и поминай как звали. Я с ней познакомилась в Лондоне на юбилее друга отца.

От выбранной темы меня тошнит, еще чуть-чуть и опорожню свой желудок прямо на дорогуший антикварный ковер.

– Она напилась и весь вечер твердила, как оплошала. Говорила, надо было сказать Аристарху, что, мол, поехала с друзьями развеяться, а она оставила ему колечко с помолвки и упорхнула за обещаниями мира у ее ног. Вот только каждый день с таким как Добрыня приравнивается к пятилетке на каторге. Это тебе не хирург, приходящий после дежурства домой. Ты знала, что Аристарх работал хирургом в Склифе?

Я мотаю головой. Единственное, что я знала о муже, это то, что он окончил медицинский институт, но то, что он работал по профессии в то время, когда встречался с Лили, было от меня скрыто. Не намеренно, конечно. Руссо просто до ужаса не любит говорить о том периоде своей жизни.

– Что касается работы и денег Добрыня как Сатурн с полотна Франсиско Гойи – если надо проглотит жену и собственных детей.

Снова засигналил мобильный телефон Адель, но она уже не обращает на него внимания.

Из ванной комнаты выходит ее любовник. Бедро обмотаны полотенцем, вторым меньшим по размеру он вытирает волосы. Ни слова не говоря, он прошлепал в спальню и, судя по издаваемым звукам, лег в кровать. Его появление вывело меня из оцепенения.

– Я пойду!

Вскакиваю и хочу выйти из гостиной, но Адель преграждает мне путь.

– Вера, ты мне нравишься. Я даже считаю тебя лучшей партией для Аристарха, чем эта дура Лили. Поделом ей. Признаюсь честно, после встречи с тобой я многое переосмыслила. Ты будто встряхнула меня, показала, какой я была и кем стала. Нет, я не про наивность и неосведомленность, а про состояние души и истинные ценности. Я пересмотрела свою жизнь и решила, что достойна большего. Поэтому дам тебе бесплатный совет...

Я отпрянула, от нее мне советы точно не нужны.

– ...уже сегодня думай о том дне, когда окажешься на рынке вторсырья.

Я побелела и шумно сглотнула. На каком рынке?

– Заранее продумай, как и куда спрятать свой страховочный фонд и пополняй его ежемесячно. Сейчас самый подходящий момент, ты в Европе, без него. Завтра же открой себе счет и переведи первый взнос. Договор с банком и саму кредитку держи в банковской ячейке, чтобы случайно не попалась мужу на глаза. Аристарх не из тех, кто оставит жену без средств существования, если развод будет его инициативой, а так и случится, поверь мне, верным он будет от силы месяца три, пока свежи и сильны его чувства. Потом кто-то из друзей потащит его в клуб или на мальчишник, где традиционный секс уже считается экзотикой. Сначала он начнет от тебя откупаться: подарки, извинения, обещания и заверения, потом и это делать перестанет. Так что куй железо пока горячо. Ваш брак продлится ровно столько, сколько ты будешь терпеть его измены, конечно же, за солидную компенсацию или пока он не найдет тебе замену.

– Адель, – вполголоса позвал ее любовник из спальни.

Послышалась кавалькада непонятных слов попеременно с томными стонами. Она что-то ему ответила и усмехнулась. Не пойму, на каком языке они говорят, встречаются английские слова, но в остальном какая-то абракадабра.

– Джокки решил, что я тебя пригласила для секса и предупреждает, если мы не придем прямо сейчас, то он заснет, – поясняет Адель, а я густо краснею и пядусь к двери. – О! – она отмахивается, пытается меня успокоить. – Не волнуйся, это он так шутит. Он знает, чья ты жена.

Не вижу смысла продолжать разговор и судорожно ищу повод уйти. Адель это почувствовала и пока я не убежала, продолжила меня напутствовать:

– Поверь мне, совсем скоро из-за нападков голодных девиц на твоего мужа, в надежде урвать кусок пожирнее, ты превратишься из наивной и свежей как роса принцессы в пограничника, стерегущего свою территорию. Знаешь, в такого цербера, который сидит у ног хозяина и стережет его покой. Растратишь шарм и молодость, обабишься и загубеешь. Станешь нервной, ревливой и подозрительной. На каждый его уход из дома будешь реагировать как на потенциальную измену и судорожно придумывать, как и чем удержать любимого мужа дома...

На глаза Адель выступили слезы, а я вздохнула с облегчением. Это был крик души. Она действительно переоценила свою жизнь и хочет кому-то об этом рассказать, вот только я сомневаюсь, что у такой как Адель есть подруги. Выходит, она одинока и нуждается в том, чтобы ее кто-то выслушал.

– ...а это унижительно, поверь мне, это чертовски унижительно. Это даже не держать себя в тонусе, а... – она отмахнулась, прошла к бару и долила в бокал вина. – Я чуть не довела себя до психоза. Вовремя встретила тебя в самолете. Вспомнила себя... новобрачную... исполненную надежд на счастливую жизнь. Помешали деньги, слава и власть. Эти три сестры самые большие ловушки в истории человечества. Они дают ложную иллюзию уверенности в завтрашнем дне, сулят все блага мира и возвышают тебя над серой безликой массой. Ты чувствуешь себя особенным... избранным... Вот только когда ты на них хорошенько присядешь, ловушка захлопнется и ты станешь их рабыней. Они заберут у тебя настоящие ценности и подменят их подделкой, которая на время увлечет и опьянит. Но в какой-то момент, ты прозреваешь, вот только уже поздно.

Все, что было в тебе хорошее, безвозвратно умерло. Никто не смог устоять перед этими сестрами. Не устоит и твой Аристарх. А жаль... Мне тебя искренне жаль. Ты такая чистая... как я когда-то...

Адель все заметнее пьянела, с каждым ее словом мое сердце наполнялось горечью и сожалением. Неужели она права?

– Поэтому не будь душой, прикрой свои тылы уже сейчас. Ты должна позаботиться не только о себе и своем будущем, но и о своих детях. Когда твое место займет следующая миссис Романова и начнет по-быстрому строгать детей, твои отпрыски отойдут на задний план. Содержание заметно сократится, интерес упадет так же быстро как звезда с неба. Брачный контракт нужно составлять так, чтобы муж думал, что он в шоколаде, прикрыт со всех сторон и выторговал все, что его душечке угодно. Пусть гордится им и хвастает перед друзьями: «Вот поглядите, какая моя жена идиотка, согласилась на все мои требования».

Я вспоминаю слова Руссо о брачном контракте, смотрю на Адель и понимаю, что не все так просто, как думает Влад. Прищуренные глазки моей новой приятельницы говорят мне о том, что она намеренно подписала такой договор, в нем есть лазейки, о которых он ни сном, ни духом.

– А это, конечно же, отдых без жены и содержание секс-отряда, – продолжает Адель и наливает себе уже полный бокал вина, а бокальчик такого размера, что, наверное, вместил бы в себя всю бутылку.

Я хмурюсь. Секс-отряд? Это вообще что?

– О-о-о! – Адель закатывается надменным смехом. – Вера! Только не говори, что Аристарх не включил это в контракт, никогда не поверю. Уж он-то в этом деле мастак. Муж говорит, если над контрактом работал Руссо документ нужно очень внимательно читать.

Открываю рот, чтобы ответить, но Адель издаёт смешок и опережает меня.

– Ты что, не глядя, подписала контракт?! О-о-о! Тогда я тебе советую его прочесть как можно скорее вместе со своим адвокатом... и по буквам... убедитесь, что у документа нет никаких приложений или пояснений, а все звездочки и сноски указаны в документе. На какие только ухищрения не идут новоиспеченные мужья и пройдохи-адвокаты.

– Нет у нас никакого контракта, – выпалила я и от обиды надула губы.

Адель смотрит на меня, пытаюсь оценить правдивость слов.

– Вот тут ты сплеховала, дорогая, – бурчит она и ложится на кушетку. – Не могу поверить, что Руссо не подсунул тебе его на подпись где-нибудь в Загсе или в клубе. Ах! – она театрально шлепает себя по бедру. – Ну да, как же я забыла! Основной доход у Аристарха на евровом счете. В России он гол как сокол. Поэтому и не переживает, что его кровно заработанные денежки утекут к большеглазой деревенской фройлин. Вера, подумай над тем, что я тебе сказала. Понимаю, ты сейчас воспринимаешь меня как злобную сучку, да еще неверную жену, дающие дурные советы. Мол, я не смогла создать своего счастья, а сама лезу в твою жизнь. Самая распространенная бабская глупость заключается в том, что мы считаем, что с нами уж такого никогда не случиться.

Я тяжело вздыхаю и, посмотрев на экран телефона, говорю:

– Уже три часа ночи. Пора спать, сегодня у меня был насыщенный и утомительный день.

– Конечно, – Адель машет в сторону двери, на лице обида, – иди. Извини, если была резка. Просто все достало. Спокойной ночи. Жду вас с Софией в девять утра. Отвезу в особенное место. А потом полетим в Париж. Покажу самые злачные и красивые места, – она смеется. – Но смогу побыть с вами только три дня, а потом нужно будет возвращаться в Москву.

Прощаюсь с полуулыбкой и вылетаю из номера. Бегу по коридору, лицо пылает от едких советов и откровений Адель. Андрей еле поспевает за мной. Ловлю в кабине лифта его обеспокоенный взгляд и заверяю что со мной все в порядке, просто был неприятный разговор с подругой. После чего телохранитель кивает и, отпустив шуточку о женской дружбе, ведет меня к номеру.

Аристарх

Утром мы с Игнатом встретились с заведующим реанимацией, перетерли и пришли к выводу, что в ближайшие два дня трогать Марию Алексеевну нет смысла. Она пришла в себя, но психическое состояние настолько ухудшилось, что придется держать ее на седативных. Пока она будет спать, организм выведет остаток яда. Мы согласовали курс лечения, обменялись телефонами и двинулись к

выходу. Леха ждал нас на улице. Глаза красные. Опять плакал! Еще бы! Мамаша как пришла в сознанию, так орала, что не хочет жить, что у меня чуть перепонки не лопнули. Я гаркнул на нее: «Заткнись!», а потом так пропесочил, не стесняясь в выражениях, что Леху как ветром сдуло.

Едем в интернат. Там меня ждет еще одна сцена на разрыв сердца. Братья бросаются друг к другу и режут, как белуги. Проклятье! Эта семейка Павловых пока не доведет меня до инфаркта, не успокоится. Я сто лет не курил, а тут вылетел на улицу, стрельнул сигарету у прохожего и ушел в небольшой сквер. Ходил минут пятнадцать, пока в башке не просветлело. Конечно, можно было бы не трогать Пашку, все-таки он в окружении врачей. Но я понял, что братьям нужно побыть вместе, так они быстрее справятся с шоком.

Возвращаюсь в интернат. Братья сидят на кровати и шепчутся.

– Паша, собирайся. Поедешь с нами. Одного я тебя здесь не оставлю. Верона скоро приедет. Потом заберем мать, какое-то время все побудете под одной крышей.

Дважды говорить не пришлось. Пашка завертел колесами инвалидки как одержимый. Поехал к врачу, отпросился, а потом быстро собрал вещички. Пока персонал помогал ему устроиться в машине, я прошел к главврачу и попросил выслать мне на почту копию истории болезни. При беглом осмотре понял, что у Пашки есть шанс встать на ноги, но для этого нужно сделать серию операций на позвоночнике. Решаю изучить этот вопрос в коттедже и бегу к тачке.

Выезжаем из Сергиева-Посада и едем в поселок Вероны. Лучше бы я на это не смотрел. Ей богу! Теперь я понял, почему Курт не хотел, чтобы я сюда ехал. Как только увидел барак, граничащий с кладбищенскими воротами, так чуть кони не двинул. Дорог нет, кругом развал, грязь и слякоть, короче безнадега. Люди как из подземелья только что вылезли. И вот на это каждый день смотрела моя малышка! Не могу даже представить ее среди всего этого разгрома.

Леха приказывает нам всем оставаться в машине, а сам бежит в дом. Я дождался, когда он уберет спальню матери и проветрит, но потом все же вошел и осмотрел барак. Запах сразу ударил в нос. Прикрываю нижнюю часть лица балаклавой и обследую комнату за комнатой. Кое-где сделан ремонт, но гостиная и кухня самые запущенные. Черт! Вместо того чтобы заниматься домом, отец

издевался над семьей. Захожу в комнату Вероны и исследую содержимое стеллажей и шкафов. Моя малышка фанатка Гарри Поттера! Шизец! Я ее теперь заприкалываю. Стены комнаты Вероны выкрашены в розовый цвет. Недаром я ее при первой встрече Барби назвал. Нашел ее детский альбом и сунул под мышку. Заберу его в коттедж.

В гостиной вижу на стене фотографию матери на лошади и спрашиваю:

– У вас, что лошадь есть?

По вытянувшемуся лицу Лехи понимаю, что задал тупой вопрос, но уж простите, я городской житель, хрен его знает, ездите вы тут на лошадях или нет.

– Это она на работе.

– Она что лошадьми занимается?

– Мама ветеринар.

Ага, в зверюшках значит понимает. Тру подбородок. В башке завертелись колесики.

– Отец зоотехник по образованию, но как мы сюда переехали, работы по профессии не нашел, устроился охранником в супермаркет и стал пить.

– А раньше где жили?

– В Рязанской области. Там Саня и Верона родились. Отец там другой совсем был. А тут уж как пить стал, так все и понеслось.

– А зачем переехали?

– Матери здесь должность предложили, высокую зарплату и дом. А когда они переехали, то вместо дома барак, должность уже заняли, ну и...

– Понятно, – бурчу я.

Закрываем с Лехой все окна и входную дверь. Выходим на улицу и натываемся на толпу соседей. Стоят вокруг моей тачки, разглядывают как инопланетный корабль. Все спрашивают, что с тещей, где Верона и Саня. Видончик у соседей еще тот. Из всей толпы заметил только двух бабулек с добродушными лицами, остальные как после атомной войны. Я как в рот воды набрал. Сел за руль, дважды просигналив, дал Лехе знак, чтобы надолго не зависал и много не болтал.

Едем в столицу. Я сосредоточенный, в голове мыслительная революция. Игнат по моему виду понимает, что я настроен решительно, тихо и вкрадчиво говорит:

– По любому раскладу нельзя возвращаться в этот дом.

– Кому? – не понял я, ведь только что думал о жене.

– Никому, – отрезает кореш.

Киваю. Точняк! Никому! Я уже и сам это решил.

Оставляю Игната у подъезда его дома. Благодарю за помощь и приглашаю в коттедж на ужин. Типа познакомлю с папашей-Яшей и перетрем остальные новости, которые я не успел ему рассказать. Игнат мнется, потом говорит, что без своей девчонки идти не хочет, а ее присутствие как бы в моей семье не по теме.

– Что за чушь! – выдаю я и сверкаю на него гневливыми моргалками. – Катя племянница моего отца. К матери она никакого отношения не имеет. Ты мой кореш. Раз хочешь прийти с этой... как ее...

– Ариной, – подсказывает Игнат.

– Да! Так приходи... без проблем.

На этом и порешили. Игнат воспрял духом, небось, думал, что после их расставания с Катюхой я ограничу наше общение до звонков по праздникам.

Приезжаем в коттедж. Мы с Лехой помогаем Пашке заехать в дом, который к счастью кроме входных ступеней не имеет перепадов уровня пола, пацан спокойно перемещается по первому этажу. Больше всего двойняшек впечатлили кухня и гостиная. Только сейчас я понимаю, насколько правильный выбор мы с Вероной сделали, сами того не понимая. Просторные комнаты и минимум мебели для Пашки рай.

Братья знакомятся с моей матерью. Яша уже отчалил на работу.

Пока мать кормит двойняшек, я припадаю к мобиле. Пишу спецу, который занимается для меня подбором шмоток. В интернате я видел, какие тряпки кидал в сумку Пашка и уже тогда понял, что надо все это выбросить, но говорить ему тогда не решился. Братья и так на пределе. Антон просит меня выслать размеры и рост пацанов. Я вручаю рулетку Лехе и даю команду на замер. Леха сначала измерил себя, потом тянется к брату.

– А зачем его мерить, разве у вас не одинаковая комплекция?

Братья лицами как день и ночь, Пашка копия Курт, а Леха вообще ни на кого из родственников не похож, но фигуры у них как у близнецов, по крайней мере, на фотографиях, что я видел в доме.

– Раньше мы одинаковые были, но сейчас у Пашки ноги и бедра тоньше и он на пару сантиметром ниже стал.

Пашка конфузится, а я оцениваю его мускулатуру. Черт! Курт столько бабок отваливает за это заведение, а пацан аж прозрачный. Такое ощущение, что его там держат на голодном пайке.

– Паша, до операции я найму спеца, который будет заниматься только тобой: тренировки, посещение врачей, транспортировка. Короче все, в чем будешь нуждаться. Жить, как я уже сказал, будете здесь.

– До какой операции? – Пашка напрягся и вылупился на меня.

– Я говорил с главврачом, когда мне скинут твою историю болезни, переправлю ее хирургам, которые специализируются на твоём диагнозе. Как я понял, у тебя есть шанс.

– Есть, но операция *очень* дорогостоящая и к ней готовиться нужно не один месяц, – он тяжело вздыхает.

Слышу, как свистят его легкие. Дыхалка у пацана ни к черту!

– Разберемся, о деньгах не думай.

– Почему? Я должен о них думать, ведь мне придется всю сумму отработывать, – на полном серьезе заявляет пацан.

Мы с матерью переглядываемся, она уже чуть не плачет.

– Лады, вот определимся с клиникой, тогда и поговорим.

Не хочу на него давить. Пусть хоть немного освоится. Вокруг незнакомые обстановка и люди, вот он и зажался. Леха дерзкий, немного смахивает характером на Курта, но более шустрый и сообразительный. До Курта иногда как до жирафа доходит.

Пока двойняшки осваиваются, захожу в онлайн-магазин игровых приставок и заказываю парочку карманных и одну Xbox нового поколения. Их привозят срочной доставкой, пацаны чуть ли не визжат. Сами распаковывают и подключают к плазме приставку. Потом начинается рубилровка, их смех и вопль эхом отражается от стен.

– Притормози, сынок, – взмолилась мать, она меня знает. – Не больше одной покупки в день.

– Я им шмотки заказал, это считается? – смеюсь я.

Вера

В девять утра мы сидим в машине с Софией и ждем, пока две службы безопасности согласуют между собой маршрут передвижения. В зеркало заднего вида вижу, как в сопровождении Джокки из отеля выходит Адель. Только что закончилась погрузка ее багажа, мы с Софией, чтобы не умереть со скуки считали количество мест и по мере приближения к полста, так распалились, что уже делали ставки.

– Кто этот Джокки? – спрашиваю я у Андрея, вспоминая, как в лифте он упомянул, что тренировался с ним в шесть утра в тренажерном зале отеля.

– Он из тех, кто ходит по-полковому, – усмехается Андрей, но видя мою реакцию, поясняет: – Go regimental.

– Шотландец, – бурчит Софа.

Вот оно что!

– Как я понял он ассистент и личный телохранитель вашей подруги, – добавляет Андрей уже более деловым тоном.

Я хмыкаю и прищуриваюсь. Как Адель удастся скрывать от мужа связь с телохранителем? И тут же получаю объяснения все от того же Андрея.

– Он работает на ее отца и сопровождает ее в зарубежных поездках. Специально прилетает из Швейцарии. А когда она с мужем, они пользуются другим агентством.

Так вот каким образом папочка позаботился о доченьке! Ох, Адель! Нельзя ей недооценивать своего мужа. Влад не производит впечатления доверчивого мужчины, скорее, наоборот: вьедливый, умный, расчетливый. Даже Руссо признал, что вошел в его бизнес только лишь бы быть к нему ближе, значит, тоже оценил способности партнера.

Джокки ушел обратно в отель и вернулся с термосом в руках. Я знаю, что в нем – мятно-барбарисовый чай – любимый напиток Адель. Он дает команду водителю, весь кортеж выезжает с площади.

– Мы вас сопроводим до аэропорта города Венеции, а там вы переходите под другую юрисдикцию. Для путешествия по Европе мы оказались не настолько хороши, – шутит Андрей, но потом добавляет уже серьезным тоном: – Но в принципе я согласен с вашим мужем, мы специализируемся на охране грузов, а не людей, к тому же во Франции мы как слепые кролики. Почему-то наш босс не дружит с этой страной.

Я киваю, если Руссо так решил, значит, были причины. Ловлю взгляд Андрея и еле заметно вздергиваю подбородок. На нашем с ним языке, который уже выработался за неделю пребывания в Италии, это означает, ты хочешь что-то добавить? Он пишет мне смс.

А у вас есть сестра-близнец? ☺

Я бросаю на него укоризненный взгляд и получаю тут же второе сообщение.

Просто спросил. За спрос денег не берут и шефу не жалуются.

Не собираюсь я жаловаться, но и отвечать на скрытые заигрывания не намерена, он это понял и, покраснев, отвернулся. Наверное, уже пожалел, что спросил.

Ночью я так и не сомкнула глаз, все размышляла над словами Адель. Я ничего не знаю о жизни Руссо, он не из тех мужчин, что охотно делится своими секретами. Когда он говорит, что едет по делам, мне как-то неудобно спросить, куда и с кем. Да и зачем мне это? Что мне делать с этой информацией? Тем более что он может сказать, что едет по делам, а на самом деле развлекаться с какой-нибудь девицей и я не смогу это проверить. Да и отношения у нас с Руссо не такие. Мы доверяем друг другу, по крайней мере, я так думала... до этой ночи. Адель все же зародила сомнения в моем сознании. По крайней мере, теперь у меня нет иллюзий, что мне предстоит беззаботная семейная жизнь. Адель показала мне, что скрывается за фасадом благополучия и роскоши.

Да, надо признать, что ее слова меня немного отрезвили, я даже благодарна ей за такую подробную лекцию. Но выводы для себя сделала совершенно

противоположные: никогда и ни при каких обстоятельствах я не буду стеречь своего мужа или отгонять от него назойливых девиц. Это точно не для меня. Не хочу растрачивать ни минуты своей жизни на эту чушь. Если Руссо захочет, он изменит, я об этом никогда не узнаю, уж он об этом позаботится. Если полюбит другую и решит, что хочет сделать эту женщину своей женой, я тут же дам ему развод и съеду с квартиры или дома... где мы там на тот момент будем жить. Поэтому эта ночь еще больше укрепляет меня в решении, что мне нужен свой бизнес, дело, которому я в отсутствие детей себя посвящу. Это дело должно быть прибыльным и приносить мне и моей семье приличный доход. Теперь я уже серьезнее отношусь к словам Михея и пока мы едем в аэропорт, открываю на айпаде почту, нахожу его письмо и внимательно читаю бизнес-план.

София хмурится и спрашивает:

– Что это?

Я протягиваю ей айпад.

– Михей прислал бизнес-план по раскрутке нашего с ним бренда.

– А Руссо знает про ваши планы? – осторожно осведомляется подруга.

– Конечно, они уже его обсудили.

Рассказываю про реконструкцию цеха и предстоящей учебе в фэшн-школе.

София выкатывает глаза, толкает меня в бок и чуть ли не в ухо кричит:

– Ты говоришь мне это только сейчас? Подруга называется! Я ношу в себе твоего племянника!

От одной этой мысли, я улыбаюсь. Софа тоже растягивается в улыбке, а потом погружается в бизнес-план. Челюсти задвигались ходуном, она трет подбородок. Руссо в юбке! Уже продумывает маркетинговые акции и рекламные ходы.

Указатель на аэропорт остается по правую сторону.

– Мы едем в Тревизо, – поясняет Андрей, видя мое замешательство.

Я вспоминаю про завтрак. Адель обещала отвезти нас в особенное место.

Въезжаем в город, петляем в парковой зоне и останавливаемся у кованых ворот, за которыми открывается прекрасный сад и двухэтажная вилла. Прямо райское гнездышко.

По дорожке к нам спешит тщедушного вида старичок и восторженно восклицает:

– Adele! Mia cara¹!

Адель бросается к нему и приобнимает. Она почти в два раза его выше и со стороны их приветствие выглядит как встреча жирафа и моськи.

– Вера, – Адель подводит меня к хозяину виллы, – знакомься, это Аурелио, портной моего отца и всей мужской части нашей семьи.

Старичок притягивает меня к себе и смачно чмокает в щеку. Его окружает такая потрясающая энергетика, что я сразу проникаюсь новым знакомством.

Нас с Софой проводят по изумительному благоухающему саду, затем показывают дом в традиционном итальянском стиле и мастерскую. Только тут я понимаю, почему мы сюда приехали. Адель показала мне настоящего мастера своего дела. Оказывается, Аурелио специализируется на пошиве мужской одежды и работал практически со всеми знаменитыми модными домами. Фотографии на стене подтверждают знакомство с дизайнерами, я замираю от восторга.

– Хотела сделать тебе сюрприз, поэтому не стала говорить заранее. Если ты ухватишь самую суть его техники кроя, считай любой мужской костюм тебе по плечу. Не стесняйся, спрашивай, если не понимаешь. Он любит наставничать. У него нет наследников, так что все это после его смерти будет переделано в музей мужской одежды.

Переводчиком между нами выступает Адель, по словам мэтра, он не жалуется английский, при этом лукаво улыбается и подмигивает. Мы застреваем в мастерской на два часа, я въедливо и настойчиво проникаюсь в детали кроя и рассматриваю уже готовые модели и выкройки. Что-то Аурелио разрешает фотографировать, что-то называет своим ноу-хау и сразу убирает.

– Не беспокойся, я покажу тебе отцовский гардероб, по крою костюмов ты сможешь понять все детали, – тут же успокаивает меня Адель.

Не могу скрыть своего восторга, да и не хочу. Я благодарна Адель за такое знакомство и смотрю теперь на нее совсем другими глазами.

Завтракаем мы в розарии. Еда простая, без изысков, но в этой простоте чувствуется отменное качество продуктов, а воздух такой, что, наверное, это

¹ Mia Cara (итал.) – Моя дорогая.

место может сравниться только с раем. София тоже под впечатлением, но в разговоре почти не принимает участие. Она что-то обдумывает, периодически открывает мой айпад и записывает в блокнот внезапно пришедшую идею.

Джокки следует за Адель как тень. За завтраком он сидел напротив меня и я его хорошо рассмотрела. У него мужественное лицо, сильное и жилистое тело. Он спокойный и уравновешенный, хорошо воспитан и образован. Я понимаю, чем он привлек Адель, в нем чувствуется внутренняя сила и надежность. Нежные прикосновения и то, как он поправляет ей растрепавшиеся волосы, говорят о том, что они с Адель любовники со стажем. Аурелио его хорошо знает, они обмениваются новостями. Адель с ним совершенно другая: ласковая, спокойная, даже внимательная. Рядом с мужем же она дерганная и раздраженная.

Звоню Михею, рассказываю, где я и что делаю. Тот взрывается в восторженном крике, оказывается, он заочно знает Аурелио и называет его легендой. Дает мне подробные указания, что и как нужно выпросить и умоляет дать ему трубку. Разговор длился десять минут, все это время Аурелио закатывал глаза от комплементов, которые расточал ему Михей. Затем мы по второму кругу перемещаемся в мастерскую, что, конечно, уже никого не радует. Я сконфужено извиняюсь, стараюсь не затягивать визит, и беру обещание с Аурелио принять нас вместе с партнером уже через пару месяцев.

В Париж мы прилетели, когда уже стемнело. Из аэропорта нас сопровождали другие телохранители. Теперь я понимаю, о чем говорил Андрей. Французская команда работает совершенно иначе, действия слаженные, переговоры по рации сведены к минимуму, а сами они с такими каменными лицами, что хочется подойти, потрогать и спросить: «Вы живые или роботы?».

Адель везет нас в свой особняк. Это трехэтажное здание в стиле французского классицизма на окраине города. Дом утопает в зелени. Вдоль окон цветочные арки и самшитовые кусты шарообразной формы. В отличие от сада Аурелио, где все казалось спонтанным, здесь четкие линии дорожек и строгие геометрические формы растений.

Нам с Софией отводят разные спальни. Обе комнаты нежных пастельных оттенков. Кровати с балдахинами. К каждой спальне примыкает своя ванная комната и небольшая гардеробная. Мы восторженно обмениваемся впечатлениями, я подмечаю разного рода детали и тут же их фотографирую. Затем мы с Софой обследуем этаж за этажом.

Адель мы обнаружили в круглой столовой с огромными в пол окнами. Стекланный купол и стены утопают в цветах. Мебель хоть и плетенная, но очень удобная. С прислугой Адель говорит на французском, с Аурелио общалась на итальянском, сколько она знает языков?

– Пообедаем, потом поедем на выставку «Кристиан Диор – кутюрье мечты» в музей декоративно-прикладного искусства, а потом ты с гидом отправишься в мастерскую одного из модных домов, а мы с Софией будем где-нибудь в районе Монмартра.

У меня уже кружится голова, у подружки тоже. Мы обе как послушные собачки, улыбаемся и киваем, мол, со всем согласны.

Пока мы обедали, позвонил Влад. Адель говорила с ним не больше минуты, но за это время лицо Джокки стало таким каменным, что я поняла, он ее ревнует и еще как. Здесь в особняке, Джокки ведет себя как хозяин. У него свой кабинет, в гараже выделено место под его «Ягуар». Судя по всему, после обеда он собрался на деловую встречу, и Адель вышла его проводить. Они долго целовались, сама я не видела, но Софа за ними подсматривала и смачно комментировала их действия, за что получила от меня нагоняй.

Из разговора с Адель, который состоялся в машине по дороге в музей, я поняла, что Джокки сам из обеспеченной семьи, на ее отца он работает в должности бизнес-консультанта и имеет солидный доход.

– Твой отец в курсе ваших отношений?

Я уже знаю ответ. Вот глупая! Зачем я задала этот вопрос?

– Конечно. Мы познакомились с Джокки, когда мне было двадцать четыре, а ему восемнадцать. Был бурный роман. Сама понимаешь, отец и слушать не хотел о нас как о паре, запрещал нам показываться на людях, да и Джокки тогда не хотел себя связывать серьезными отношениями. Через год я вышла замуж за

Влада и уехала в Москву, а он переехал из особняка, где мы сейчас остановились за отцом в Швейцарию.

– Так вы жили здесь в Париже?

– Да, – с горечью кивает Адель и отводит взгляд, я вижу, как она изо всех сил пытается подавить слезы. – Это были мои самые счастливые месяцы, поэтому я запретила отцу продавать этот дом.

– И что потом? – София тоже включилась в разговор.

– Лет пять между нами были только платонические отношения. Джокки встречался с разными девушками, однажды даже чуть не женился, но из-за чего-то они поругались и расторгли помолвку. К тому времени... – Адель вздыхает, – отношения между мной и мужем стали остывать, превратились в рутину. У него была целая армия любовниц, да и с первой женой он не рвал отношения.

– Ничего себе, – у Софии глаза навывкате. – И как здоровья на все хватает?!

Я делаю ей знак, чтобы не изливала желчь, подруга мечет в меня прищуренный взгляд, но в исповедь Адель больше не вклинивается.

– Если честно, меня все это порядком достало.

– А Джокки? – напоминаю я тему разговора.

– Как-то я приехала на день рождения матери без мужа и у нас с Джокки снова все закрутилось. Вернулись чувства. Мы поняли, что, расставшись, совершили чудовищную ошибку, которая обоим стоила немалых нерв и потерянных душевных сил. Но брак с Владом сильно связал меня по рукам и ногам. У них с отцом был совместный бизнес. Разрывать такие отношения слишком болезненный процесс. Поэтому мы с Джокки решили выкупить долю Влада через подставную компанию. Сделали ему очень хорошее предложение, а он недолго думая согласился. Только после покупки акций, отец дал свое согласие на мой развод с Владом и брак с Джокки.

– Вы с Владом разводитесь? – я была шокирована.

– Вера, он пока ничего не знает. Поэтому держи рот на замке. Я сама ему скажу, когда вернусь в Москву. Обещай мне!

Я киваю, отворачиваюсь к окну и смотрю на парижские улицы. В памяти всплывают те несколько часов, что мы с Руссо провели в их самолете. Просто так Влад ее не отпустит. Да, возможно, он ей изменяет, но по-своему привязан. Она

для него больше чем жена. Она – гарант его стабильности и процветания. Он советовался с ней по любому вопросу. Из их коротких реплик я сделала вывод, что она в курсе всех его дел, в некоторых принимала непосредственное участие. Она присутствовала на его деловых переговорах, знала всех партнеров и налаживала прочные связи. Адель для мужа бизнес-консультант, PR-менеджер, партнер и друг в одном лице. Руссо говорил, что у них отдельные счета и что она сама себя содержит. Он не захочет ее отпускать. Как она этого не понимает?

– Будь осторожна, – говорю я, поворачиваюсь и заглядываю ей в глаза.

Минуту мы смотрим друг на друга, похоже Адель поняла, что я имею в виду и кивает.

– Джокки хочет лететь со мной.

– Паршивая идея, – говорю я и снова отворачиваюсь к окну. – И лететь тебе никуда не нужно, Адель. Сделай так, чтобы Влад прилетел в Париж. Здесь у него нет власти. Здесь он не посмеет тебя тронуть.

Минуту в машине стояла тишина, потом Адель раскрыла сумочку, нашла телефон и отправила кому-то сообщение. А я подумала, когда дело касается, любви и отношений даже такая умная женщина как Адель не видит всей ситуации целиком. Как же важно чтобы тебя окружали настоящие друзья, которые не побоятся сказать правду в глаза и предотвратят тем самым беду.

Осмотр выставки был в разгаре, когда мне позвонила Ольга, моя одноклассница и соседка. Подругами мы никогда не были, поэтому увидев определившийся номер, я вся сжалась и вспомнила о неприятном предчувствии, которое преследовало меня больше суток.

– Привет-привет, – отзываюсь я на ее слишком громогласное приветствие.

– Верка, слушай, не знаю в курсах ты или нет...

Тон соседки развязный и я понимаю, что она подшофе. Особой скромностью Ольга никогда не отличалась. После девятого класса ушла в колледж, но с учебой не заладилось. Потом связалась с каким-то парнем, который отсидел в тюрьме, родила от него ребенка. Замуж так и не вышла, но жили они вместе. Мало того, что он не работал, так еще и приводил дружков, которых Ольге нужно было обслужить: то закуску им порежь, то за водкой сгоняй.

– Ты о чем? – подгоняю соседку и смотрю на следующую модель платья.

– Твою мамашку в больничку отвезли ночью...

– Что? Почему? – выкатываю глаза и замираю.

– Говорят, таблеток она каких-то наглotalась. Типа за забор отвалить решила. То-то она там участок новый прикупила. Ха! Продуманная такая... Записончик оставила, типа жить больше нет смысла, всем пока, считайте ворон!

– Наглotalась таблеток? Намеренно? – я все еще не могу поверить.

– Ну да! Леха ваш нашел ее и вызвал «Скорую». Вроде откачали, но пока в больничке. Когда ее выносили из дома, орала что жить не хочет. Материлась как сапожник. Отца вашего звала. А он свалил что ли? Приехал такой весь важный. Тюряга всех косит, а батяня твой огурчик, как на курорте был. Похудел только малость, но подкаченный такой. Собрал манатки и тю-тю. Даже к Витьку не зашел. Тот с обидки потом нажрался и все твоей мамаше высказал. Они типа там повздоровили.

Я леденею, в горле мгновенно пересыхает. Мама звонила мне пару раз за последнюю неделю, но все время не вовремя. То я в кулинарной школе, то мы с Софой обедали. Я говорила, что перезвоню, но когда она высказала свое мнение по поводу пропусков в институте и моего отъезда, я уже не торопилась налаживать наши отношения.

– Утром Леха прикатил на джипе, размером с танк. За рулем такой парниша крутой. Злой, но красива. Осмотрел весь дом, как пожарник, залез во все щели, правда платком нос зажал, типа воняет у вас там, – она издает звук, похожий на хрюканье. – Баба Нюра сказала, что это твой муж. Ты чё замуж, что ли вышла?

– Да, – проблеяла я, как овечка, мое сознание парализовала мысль о попытке самоубийства матери и о том, что мой муж увидел барак.

– Вот даешь, подруга! Зажала свадьбу! Как-то это не по-людски. Разве так соседи поступают? Мы ж тебе вроде как не чужие. Вот сейчас дом пустует, мы за ним приглядываем. Ты хоть бы отблагодарила что ли.

Слышу, как Ольга отхаркивается, сплевывает и затягивается сигаретой. С ней в комнате какой-то мужик, бормочет что-то, но это точно не ее тюремщик, у того голос не такой низкий.

– Или тебе теперь с нами запаadlo общаться? Мы же быдло и все такое? Твой мужик с нами даже говорить не стал. Сморщился как в сортире и бежать к тачке. Тачка у него крутая... да и он сам... Ты типа за богатенького вышла что ли? Тихушница... ты всегда была скрытной... и снега у тебя зимой не допросишься...

Не могу поверить, что муж увидел барак. Надеялась избежать этого позора, но вот, не прошло и месяца после свадьбы, я в Европе, а мой муж посетил наш поселок. Боже! Какой стыд! Что он обо мне подумает? Представляю его в окружении соседей и в доме. Меня шатает, еще мгновение и я потеряю сознание.

Как Руссо оказался в бараке? Ольга говорит, что он привез Леху. Наверное, Леха ему позвонил. Но откуда он узнал телефон мужа? Саня дал? Ох! Что же мне делать? Я оглядываюсь, Софа и Адель уже несутся ко мне как две белки-летяги.

Тем временем Ольга продолжает:

– Ты это... скажи, чем мы помочь можем. Мы поможем. Чего там. Мы же типа близкие. Да?

Только когда ко мне подлетает Софа и хватает за руку, я обретаю дар речи и отвечаю:

– Оля, раз муж приехал, значит, все уладит. Но спасибо, что спросила.

– Ну, если что мы за домом приглядываем. Приедешь, сочтемся. Может, и нам с барского плеча что перепадет, – соседка раздражается громогласным хохотом, потом минуту кашляет и снова затягивается сигаретой. – Твой двойняшек увез куда-то. Леха сказал к вам в дом. А ты где живешь-то? Напиши адресок. Я приеду, типа в гости и все такое. Можя тебе там по хозяйству помочь.

– Спасибо, Оля, но я сама справляюсь.

Пока она не разразилась очередной порцией упреков, поспешно прощаюсь, разъединяю связь и плюхаюсь на ближайшую скамью.

– Верона, что случилось? – Софа садится рядом.

– Моя мать пыталась покончить с собой.

– Черт! Это из-за Гоблина?

– Кого? – у Адель глаза на выкате.

Ох, вот при ней я зря начала этот разговор.

– Нет, – отвечаю подруге, – по словам соседки, он собрал вещи и уехал.

– А кто с матерью сейчас? Леха?

Я рассказываю подробности и тут же набираю номер мужа. Руссо отвечает после третьего гудка.

– Малышка, как ты? Уже соскучилась? – голос нарочито бодрый.

Ох, он точно был в бараке и в больнице. Слышу голоса и понимаю, что в коттедже не только Леха и Пашка, но еще какие-то люди.

– Почему ты мне не сказал о матери?

– Подожди, я поднимусь в спальню.

Пока он преодолевает ступеньку за ступенькой, я думаю о наставлениях Адель и моих сомнениях. Как же это все сейчас смешно выглядит. Мой муж по первому зову сорвался и поехал в больницу к моей матери. Наверняка уже подключил врачей, проверил назначенное лечение. Это мои братья сидят в коттедже. Это проблемы моей семьи ему приходится сейчас решать. Ох! Руссо! Меня переполняют эмоции, сердце сейчас взорвется.

Глава седьмая

Аристарх

За столом собирается целая толпа: я, родаки, Игнат с телкой и двойняшки. Яшу мать посадила во главе стола. Я был не против. Мысленно я уже настроил себя, что скоро все свалят, но сейчас такое ощущение, что коттедж – центр притяжения для наших с Вероной семейств.

Игнат как увидел Гоцмана, так и застыл с бутылкой текилы в руках. Да, знаю! Мы похожи. Анализ ДНК делать не надо. Еще большим удивлением для кореша была моя мать. Он ее тупо не узнал. Сегодня мать вырядилась в желтое облегающее платье, прическу сделала, от нее реально глаз не оторвать. Я так прикинул, сейчас ей не больше сорока можно дать. Яша тоже от нее млеет. Глаза соловьиные. То на меня, то на нее посматривает. Типа все семейство в сборе. Но как только взгляд останавливается на двойняшках, сразу хмурится. Видать, они и его зацепили.

Подружка Игната быстро вписалась в нашу тусу. Помогала матери на кухне, потом убирала со стола. Пока ели я ее нагло разглядывал. Она, то краснела, то бледнела. Если по чесноку, то эта Арина корешу больше подходит, чем моя сеструха. Спокойная, покладистая, льнет к Игнату как к меду. Видно, что она в

него втюрилась не по-детски. Он при ней как домашний кот. Да, собственно, я такой же при Вероне – сама скромность.

Верона позвонила как раз в разгар ужина. Я ответил и поднялся в спальню. Она с ходу начала рыдать, а я смачно чертыхнулся.

– Кто тебе сказал?

– Соседка, – всхлипывает жена. – Она видела тебя и двойняшек у дома. Сказала, что маму увезли на «Скорой».

Пытаюсь ее успокоить, говорю, что все не так страшно, как казалось на первый взгляд. Только час назад мне звонил заведующий реанимацией и докладывал, что показатели ее улучшаются. Что, мол, ей делают экспресс-анализы каждые два часа и корректируют лечение.

– Утром поеду в аэропорт, улечу первым же рейсом, – упрямо заявляет жена.

Не знаю, каким чудом я сдержался, ведь до этого подробно описал ситуацию и объяснил, почему удвоил охрану. Чтобы она не раскисала, перевожу тему на Пашку и на предстоящую операцию. Рассказываю ей про игровую приставку и про шмотки. Пусть думает о хорошем. В трубке молчание. По всхлипам понимаю, что моя малышка снова плачет.

– Ты там возишься с моей семьей, а я тут занимаюсь какой-то ерундой: хожу на кулинарные курсы, покупаю подарки родственникам к Новому Году, продумываю декор стола для ужина с Генрихом и его женой. Моя мать борется за жизнь, а я...

Жена громко всхлипывает, а у меня с языка чуть не сорвалось: «Да ни за что она не борется!». Еле сдержался, ей богу!

– Верона, то, что ты делаешь, это не ерунда. У каждого из нас свои обязанности, ну не продумывать же мне этот дурацкий декор! Представляю себя в этой роли, – я издал едкий смешок. – Уверяю тебя, ты еще успеешь отплатить мне ответной услугой. Папаша-Яша приготовил нам с тобой спецзадание по захвату особо опасного и хитрожопого червя.

Жена пытается ответно пошутить, но по голосу слышу, что надвигается третий приступ слезливости. Говорю, что в моей тарелке все остывает, что еще позвоню и бреду к столу.

После ужина мы с корешем вспомнили молодость и рубанулись в плестейшн. Пацаны рядом тусуются. В какой-то момент я повернул голову и увидел, как Яша говорит с Пашкой, а вид у пацана такой, что сейчас заплачет. Я рванул как торпеда.

– Все в порядке?

Тот кивает, но глаза на мокром месте. Небось, Яша спросил, как он в инвалидке оказался.

– Рули к нам, присоединяйся.

– Нет, мы тут... говорим, – сконфужено выдает он.

Вижу, что Яша ему пришелся по нраву, и они нашли общий язык. Со мной он с самого начала в напряге.

– Лады, но если что, мы ждем.

Больше я его не дергал. Пока кореш со своей девчонкой не ушел, Пашка и Яша зависали на патио. Мать буквально укутала пацана в плед, как младенца, а сама села в столовой и закопалась в каких-то бумагах.

Мы с Лехой подготовили гостевую спальню на первом этаже. Пока застилали постельное белье, чего я сам не делал со студенческих лет, он забросал меня вопросами о моем бизнесе. По дороге в Москву мне звонили несколько раз партнеры и теперь он интересуется, чем я занимаюсь, какое у меня образование. Я проявляю титаническое терпение, но подробно рассказываю, что да как. Мы еще полчаса тусуемся на кухне, я допиваю текилу, он чай и расходимся по комнатам.

Только я вышел из душа и хотел завалиться баеньки, как Яша пишет мне смс, чтобы спустился вниз для разговора.

Черт! Раньше не мог сказать, я бы не заливался текилой под завязку! Меня клонит в сон, я не спал всю предыдущую ночь, но делать нечего, наверняка, Яша хочет перетереть тему «как надрать зад Ландау».

Спускаюсь вниз, вижу прародителя на патио. Смолит сигаретку и оценивает соседний участок. Матери нет, видать, уже легла. Из комнаты двойняшек раздаются короткие смешки. Накидываю куртку и откатываю дверь.

– А завтра нельзя поговорить? – бурчу я из вредности.

Яша кивает в сторону ворот.

– Давай кое-куда прокатимся.

– Ты сказал надо перетереть... – напоминаю ему текст его же смс, и с обреченным видом плетусь за ним к воротам.

Черт! Мы же оба выпили, кто поведет?

– Заодно и перетрем.

Выходим на улицу, перед домом стоит черный «БМВ» с затемненными окнами, оба плюхаемся на заднее сиденье. За рулем сидит лопухий амбал. На переднем сиденье Дракон. Протягивает руку, здоровается и уведомляет:

– Дело приняло неожиданный оборот.

Дракон дает знак, водила заводит мотор. Тачка рвет с места, и мы летим по пустынным дорогам в Москву. Все притихли, не издают ни звука. Я напрягся. По ходу меня не просто так выдернули из коттеджа. К моему удивлению мы приезжаем в район метро «Савеловская». Проезжаем мимо нашего с Катюхой бутика и я себе чуть шею не вывернул. У входа припаркован серебристый «Бентли». Эту тачку я узнаю за версту.

– Тачка Ландау, – тычу в плечо папашке, тот кивает, мол, знаю, не кипятись.

«БМВ» едет дворами и сворачивает у погрузочной эстакады мото-салона, выключает фары и медленно ползет вдоль стены. Впереди освещенные окна кабинета сеструхи. Смотрю на свои «Дизели» – полночь. Какого хрена Катюха торчит в бутике? Судорожно вспоминаю последние присланные ею данные по прибыли и обороту. Дела вроде идут, не сказать что шибко круто, но прибыль есть.

Дракон разворачивает оборудование. Приоткрывает окно, высовывает антенну и надевает наушники.

– Что происходит? – вполголоса интересуюсь у Яши.

– Ландау приехал к твоей сестре Екатерине.

Я и сам это уже понял, поэтому спрашиваю:

– На кой черт она ему сдалась?

– Когда ты мне сказал про тайку, я подключил для сбора информации своего человека, внедренного в офис Ландау. Сегодня он вышел на связь и объяснил нам всю ситуацию.

Далее папашка рассказывает историю похищенной девушки, меня это никак не касается, слушаю вполуха. В общих чертах понимаю, что год назад в московских апартаментах Ландау появилась тайка. Охране было дано указание зорко ее стеречь. Триперный Кролик обложил ее со всех сторон и не давал шагу ступить. Поначалу девушка артачилась, но со временем присмирела. Ландау капитально присел ей на уши и промыл мозгульки. У Адама действительно был рак, но год назад наступила полная ремиссия. Лечение было достаточно агрессивным и дало кучу побочных эффектов, которые я сам частично наблюдал, когда откисал в его кабинете с отрядом телохов и белых воротничков. Пока он боролся с болезнью тайка была ему по кайфу, так как к нему и за деньги на дух никто не хотел приближаться, он даже сделал ей предложение, а как рак отступил, монетка перевернулась и Мэй стала его напрягать. Сейчас он отправил ее в Нью-Йорк, где заточил в апартаментах на Манхэттене. Девушка по-прежнему не имеет доступа к средствам связи и не может выйти за пределы золотой клетки, но он явно к ней остыл – не звонит каждый день как раньше. Она это тоже понимает и в каждом их разговоре осведомляется о своем будущем.

– Прошел слушок, что у Адама появилась новая зазноба, я подумал о Вере, – продолжает свой рассказ папашка и я тут же оживаю, – уж больно настойчиво он ее обхаживал, но вчера на сцену вышла новая кандидатура – Екатерина. Сначала мы думали, что это из другой оперы: бизнес или просто дружеские посылы. Но наш человек снова внес ясность. Твоя сестра имела с ним сексуальную связь еще пять лет назад.

Таращусь на папашку и отмахиваюсь как от чумы. Мол, на кой черт Катюхе этот Кролик? Она на голову его выше и по сравнению с ним Афродита, но потом ехидство отступает в сторону и я зависаю в раздумьях. Поди разбери баб, кого и за что они любят, как говорится, любовь зла...

Адам Ландау миллионер, лакомый кусок для любой охотницы за беззаботной жизнью. В памяти мелькают некоторые поступки сеструхи, которые я никогда не одобрял. Например, она всегда бахвалилась тем, что зарабатывает больше Игната. Так было еще год назад, но недавно подвыпив на днюхе Креста, она пожаловалась мне, как ее достало во всем себе отказывать. Бедной она никогда не была, даже до работы в бутике. У каждого свои запросы и чувство

сытости, а запросы моей сеструхи росли не по дням, а по часам. Может, кстати, это и послужило главной причиной ее отказа связать дальнейшую судьбу с моим корешем. Игнат напрягаться не будет, карьеристом его никак не назовешь. Как был хирургом, так и уйдет им на пенсию.

– Когда Екатерина поняла, что Адам заинтересовался Верой, то смекнула, что тайка отошла на задний план и свято место пусто. Он позвонил ей из Венеции и осведомился о твоей свадьбе. Она подтвердила и сказала, что тоже недавно получила предложение руки и сердца, но отказала, так как поняла, что на самом деле любит другого. Полчаса она мурыжила его разного рода намеками, и до Ландау дошло, что она говорит о нем. Он прикинул, что Вера для него потерянный актив, а с Екатериной была хоть и короткая, но любовь, так он сказал своему психологу. Собрал вещички и рванул в Москву, сейчас они там, обсуждают совместный бизнес.

– Что? Какой еще на хрен бизнес? – я уставился на окна кабинета. От злости челюсти заходили ходуном.

Дракон протягивает нам наушники.

– Она предлагает ему выкупить это здание.

Один наушник отдаю папашке, другой вставляю себе в ухо. Слушая как Ландау и Катюха трепятся о бизнесе, тихо охреневаю! Сеструха решила поглотить все торговые точки, что находятся на первом этаже бывшей фабрики, в том числе и мото-салон. Владелец здания один из постоянных наших клиентов и я знаю, что недавно она искала номер его мобильного в договорах. Она хочет выкупить у Креста бизнес, чтобы он у нее перед глазами не маячил. Вот стерва! Пригрел на груди змеюку! Крест узнает, прихлопнет ее одной левой. Катюха никогда не была мне близка по духу, конфликты между нами обычное дело. На словах она всегда на все согласна, на деле никогда не поступает, как я велю. Извратится, найдет тысячу причин, почему она сделала все по-своему, но оставит меня за бортом. В бутике она уже через три месяца правила единолично, я был нужен только для фасада. На выкуп моей доли у нее денег не хватило, иначе бы давно помахала мне ручкой. А вот в мото-салоне ей порулить не удавалось, так как Крест держал оборону крепко.

– Я уже два года сама рулю двумя салонами, – втирает Ландау сеструха. – Знаю, как поставить все на рельсы и получить максимально высокую прибыль. Это помещение можно использоваться более эффективно, если закрыть байкерскую тему и сделать акцент на мужской мультибрендовой одежде.

– Согласен. Ты делилась своими соображениями с братом? – осторожно осведомляется Ландау.

– Я что дура? Да и не брат он мне, как оказалось.

Катюха хмыкает и рассказывает о моем объявившемся папаше. Ландау ржет как задыхающаяся гиена. Меня аж всего выворачивает. Хорошо, что эта коза пока не знает, кем впахивает Яша, было бы сейчас веселье. Но это дело времени, Катюха пронира, все разведает. По выражению папашкиного фейса понимаю, что у него тоже такая мысль мелькнула.

– Ты пока выкупи здание, а я разработаю план, как избавиться от Руссо, – выдает Катюха.

Вот сука! Я зол на нее как тысяча чертей. Вспоминаю, как она на протяжении трех лет постоянно увеличивала свою долю в бизнесе. Выходит она готовилась к этому дню уже давно и делала это чисто из финансовой выгоды. В голове мгновенно зреет план расплаты, но я решаю немного все обмозговать и позже поделиться соображениями с Яшей. Все очень красиво сложится, если он откажется от своей одержимости засадить Ландау собственными руками и прислушается к моему совету.

Яша снимает наушник, вид чернее тучи.

– Их деятельность нам сейчас не в кассу.

Я даю ему знак, чтобы не развивал мысль и прошу Дракона свернуться. Тот смотрит на папашку, мол, куда дальше.

– Отвези нас назад на хату, – отвечаю я за Яшу.

Вера

Несколько раз я пыталась дозвониться до матери, но все бестолку – включался автоответчик, поэтому я набрала номер Лехи. Братишка вкратце описал произошедшее, но попросил не приезжать, заверил меня, что у моего мужа

все под контролем. Видимо, из-за страха, что я примчусь в Москву, Руссо запретил мне звонить и рассказывать о матери. Поговорив с Лехой, я немного успокаиваюсь, голос у него бодрый. О матери говорит с неохотой, больше времени уделил рассказу, что было после того как их с Пашкой забрал мой муж. Из разговора я понимаю, Руссо ему не просто понравился, он им восторгается.

После разговора с соседкой я перенесла поездку в мастерские модного дома на завтра, не смогу сейчас сосредоточиться и впитывать новые знания. Подруги поняли, что я хочу побыть одна и уехали на вечеринку, посвященную какому-то национальному празднику, а я попросила водителя отвезти меня в особняк. Теперь расхаживаю вдоль окна, пытаюсь осознать проступок матери. В памяти всплывают слова соседки, меня пробивает озноб. Моя мама купила участок на кладбище? Зачем? В голове не укладывается. На этом кладбище у нас никто не захоронен.

Почему она пыталась покончить с собой? Неужели из-за отца? Тут же отметаю эту мысль, в последнем разговоре она дала мне понять, что примирилась с ситуацией и готова его отпустить. Тогда может это из-за нашей с Саней реакции на ее слова? Но мы с братом после этого с ней общались, и хоть в наших голосах не было прежней теплоты, оба дали ей понять, что не собираемся заикливаться на ее прошлых ошибках. В этом вопросе меня убедил муж, я полностью с ним согласна, подло давить на родителей в уязвимой ситуации. Прошлое матери – это шкатулка горестных воспоминаний. Не хочу усугублять ее муки совести, она и так себя винила во всем, что произошло в семье.

У меня разболелась голова, хватаю телефон и выхожу из дома. Здесь, в Булонь-Бийанкур, совершенно другой воздух, наполненный растительными ароматами и без примеси выхлопных газов, хотя пригородная трасса проходит неподалеку. Наблюдаю, как двое садовников, закончив рабочий день, бредут с инструментами к сараю. Оба приветствуют меня и желают приятного вечера. Машина Джокки стоит у гаража, видимо, он уже вернулся со встречи. Поднимаю глаза и исследую окна. В крайнем окне на втором этаже мелькает его силуэт. Кто-то распахнул окно на кухне и до меня донеслись звуки оперной арии. Солнце клонится к горизонту. Пригородная идиллическая атмосфера успокоила меня, но... увы, ненадолго.

Звонок мобильного режет слух, я смотрю на экран, номер незнакомый. По коду понимаю, что это Рязанский регион, наверное, кто-то из прежних сослуживцев или подруг узнал о матери и хочет осведомиться о ее здоровье. Отвечаю на звонок.

– Дочка, – с вымученным выдохом пробасил отец.

От его голоса у меня подкосились ноги, смелость, приказав долго жить, скрылась в неизвестном направлении и я плюхнулась на ближайшую скамейку. К голове резко прилила кровь, я ощутила в висках сильную пульсацию. Не отвечаю, но отец и не ждет от меня любезностей, понимает, что я в шоке.

– Мне позвонил Витёк и сказал, что мать в больнице, а младшие без присмотра. Толком ничего не объяснил. Что произошло?

– Ты что в Рязани? – вдруг спрашиваю я.

– Да... живу у Бориса на даче.

Отец говорит о друге, с которым они вместе служили.

– Мама сказала, что ты будешь жить с той женщиной.

– Мне нужно побыть одному. Все обдумать. Не хочу спешить. Так что с матерью? – судя по голосу, он трезв.

Не хочет спешить? В этом весь отец: обстоятельный и неторопливый, делает все размеренно, как говорится, на века. Не собираюсь ничего скрывать, пусть знает, к чему привели в итоге их с матерью разногласия. Набираю в легкие воздух и выдаю ему все что знаю, даже про участок на кладбище, который купила мать. В трубке воцарилась мертвая тишина, я уже решила, что связь разъединилась, смотрю на экран, вроде нет.

– Алло, – тихо говорю я и тут же слышу тяжелый вздох отца.

– Говори-говори, я здесь.

– Выходит, мама готовилась к этому заранее, раз купила участок, чтобы потом нам не хлопотать; достала где-то снотворное, дождалась, когда Леха уедет с ночевкой к другу и выпила смертельную дозу.

– Кто ее нашел? – голос отца совсем сел, он прочистил горло.

– Леха. Он места себе не находил, метался из угла в угол, а потом рванул домой, даже не сказав другу. По дороге позвонил Пашке, думал с ним что-то... а оказалось мать.

– А где сейчас пацаны?

– Муж увез их в Москву. Завтра утром они собираются навестить маму в больнице.

Отец с минуту молчит, а потом выдает:

– Не надо. Я сам о ней позабочусь.

– Это плохая идея, – возражаю ему, уже более осмелевшим голосом, как представила, что между родителями начнутся прежние конфликты, так сердце бухнуло. – Тебе точно туда ехать не надо.

– Я ее муж, – забасил снова отец.

– Ты попросил развод...

– Да. Но пока я ее муж и мне принимать решения.

– Аристарх обо всем позаботился...

– Вот и хорошо. Спасибо ему, но я все равно поеду, – твердо заявляет отец, уж если он что-то вбил себе в голову, то не сдвинуть. – Не уеду из поселка, пока она не будет в порядке.

– Она уже никогда не будет в порядке, – не знаю, зачем я это сказала.

Понятно, что спорить с отцом бесполезно. Представляю, что будет, когда мама увидит его на пороге своей палаты. Начнется рев. Он будет психовать, кричать, что она, как он любит выражаться, дурканула. Мама будет его упрекать, что ему все до лампочки, думает только где водку взять и забыться, а на детей ему наплевать. В ответ он начнет швырять в нее, что под руку попадет и кричать, что она его достала до печенки хоть в петлю лезь. Ох! Чувствую, нужно что-то сказать, но от шока весь мыслительный процесс встал на станции «Тупиковая».

– У тебя мужик из деловых что ли? – выводит меня из ступора отец.

– Он друг Сани.

Вот опять, зачем я это говорю? Наверное, зря.

– Мать мне сказала. А еще сказала, что он медицинский закончил.

– Да, – я все еще никак в себя не приду.

Даже не знаю, что меня сейчас выбивает из колеи больше, звонок отца или попытка самоубийства матери.

– Когда ты возвращаешься?

– Не знаю.

– Как это?

– Я тут на учебе была в кулинарной школе, а сейчас планирую с подругами проехать по Европе.

– Добре. Пусть пока пацаны у вас побудут. Не надо им сейчас на мать смотреть... и тебе не надо.

В принципе я была с ним согласна, но меня-то в Москве нет, а с братьями придется возиться мужу.

– Я еще позвоню...

Отец никогда не прощается, вот и сейчас я сообразила, что он разъединил связь только после минутной паузы. Не помню, как дошла до своей комнаты. Меня несли ноги, передвигалась как зомби. Осознала себя сидящей перед туалетным столиком. Смотрю на свое отражение в зеркале и не узнаю. Осунулась, лицо бледное, подбородок трясется, будто сейчас разрыдаюсь в голос.

Вспоминаю разговор с отцом и подмечаю, что мама была права, он сильно изменился. Не матерится, слова подбирает тщательно, речь без тюремного жаргона. Нет резких окриков, раньше он заводился по любому поводу и говорил на повышенных тонах. Но это не изменило моего к нему отношения. Воспоминания о многолетних побоях и пьяных выходках впечатались в мою память как выжженное клеймо. Не представляю, как стоять с ним рядом, общаться, обсуждать домашние проблемы.

Хотела отправить смс мужу, но потом решила, что лучше написать братьям. Между нами ненадолго завязалась переписка. Они вышли в чат, и мы обменялись своими опасениями о поездке отца в больницу.

Двойняшки меня успокаивают:

Не дрейфь, Верона, ему нас не одолеть.

Я усмехаюсь, общение с Руссо идет им на пользу. Хорошо, что они сейчас с Галиной Сергеевной и с загадочным Яшей. Не сомневаюсь, что они позаботятся о моих братьях.

От Лехи приходит очередное смс:

Яша завтра повезет Пашку к себе в Управление. Он там большая шишка.

В какое управление? Я не знаю, где работает Яша. Муж намекнул, что он из силовых структур, но не сказал ничего конкретного.

Отлично, будет, о чем поговорить, когда я вернусь.

Громкие голоса отвлекают меня от переписки с братьями. Поднимаюсь, выглядываю в окно и не верю своим глазам. В дом заходят Адель, София и... Анна! О Боже! Откуда она здесь взялась? Накидываю на шелковую пижаму халат и бегу со всех ног к лестнице.

Аристарх

Холодный душ отогнал похмелье и остатки сна. Бреду на кухню. Яша сидит на моем месте, попивает кофе и разминает сигаретку. Хотя я и не сказал ни слова с момента как вошел в коттедж, дураку ясно, что с учетом новостей нам нужно выработать новый план. Катюха может на раз-два разведать, где несет службу новоиспеченный папаша и конец всем его потугам. Если Ландау свяжет меня с Яшей, зарубит сделку и свалит на безопасное расстояние, пока его свита будет расчищать ему горизонт.

– Предлагаю забыть про сделку и взять Ландау чужими руками, – с ходу перехожу я к делу.

Папаша щурится. Знаю, что он подумал, мол, сынок зажался и не хочет расставаться с кровными прайсами. Да, это тоже есть, но не главное.

– На мой взгляд, все складывается эталонно, – складываю пальцы в «ок», иду к кофемашине и вставляю капсулу с самым крепким кофе. Возвращаюсь и усаживаюсь напротив. – Кролик сам не знает, что собственноручно купил себе абонемент в апартаменты строгого режима.

Гоцман пока не въезжает, кривится, мол, не тяни резину.

– У Ландау в Штатах только бизнес-контакты. Крыши, которая отмажет, а заодно и прихлопнет, как комара любого кто к нему хоть на шаг приблизиться, не имеется. Нужно заманить Ландау в Нью-Йорк, он ведь там частый гость, проверяет свое триперное тельце, и выпустить на сцену Мэй. Пусть твой чел устроит ей побег и проверит, чтобы она живой дошла до полиции. Ландау скрутят в бараний рог, да еще и показательное дело устроят. Сам знаешь, как это красиво будет выглядеть для американской прессы: русский миллионер похищает девушку и подвергает ее психологическому прессингу. По всем каналам покажут

испуганную и заплаканную тайку. Научи ее что говорить, людям своим скажи проштудировать законы, чтобы все было как по маслу, без осечек. Пусть тайка вызовет Ландау на разговор и обзаведется доказательствами – видеозапись в самый раз. Заранее вывези свидетелей ее заточения из России, чтобы адвокаты и ищeyки Ландау до них не добрались до судебного процесса. Все! Дело сделано. Ландау в тюрьме на ближайшие десять лет. При этом ты к нему и на шаг не приблизился. Я сохраняю прайсы, ты свое подразделение, а Мэй после показаний в суде станет звездой телеэкрана и разбогатеет на многочисленных интервью и участии в ток-шоу.

Папашка трет подбородок. Встает и уходит на патио. Закуривает и стоит в задумчивости. Сижy, попиваю кофеек. К нему не иду, пусть поразмыслит в одиночестве.

Поглядываю в сторону спальни двойняшек, под дверью пробивается полоска света. Еще не спят. Небось, никак не отлепятcя от игрушек. Завтра Антон привезет им шмотье и можно будет вывести их в столицу.

– А что будешь делать с Екатериной? – спрашивает Яша, заходя в дом. – Уж больно она активная и алчная.

Это точно! Сама Катюха не успокоится. Но урок ей преподать надо, без понимания, что можно, а чего нельзя она попусту загубит свою жизнь. Хоть она и родственница Платона, но без показательных выступлений не обойтись.

– Есть идеяка, – усмехаюсь я, – за меня не волнуйся. Ты свои дела разруливай.

Яша кивает, желает спокойной ночи и плетется в спальню. Мой план он никак не прокомментировал, но я не в претензии. Понимаю, что он не один принимает решения.

Поднимаюсь на второй этаж и захожу в спальню. Теперь настала очередь Катюхи. Пишу смс Кресту.

Ты где? Надо дела перетереть.

Тут же получаю ответ:

В баре.

В «Дорожный патруль» мне ехать не в тему, там чиксы, а я не трахался больше недели. Сейчас я как целомудренный Иосиф – весь в семейных делах. Не

хочу искушать Сэма и пишу корешу, что разговор не для посторонних ушей, типа готов встретиться с ним у него на хате. Тот соглашается, я вызываю такси. Придется дать Кресту полный расклад по Ландау и сеструхе, иначе кореш не поймет, что я за движуху создал. Выхода у меня нет, напрямую вступать с бабой в контру не солидно. Поэтому я просто продам свою долю в бутике и в мото-салоне Кресту. Он давно зарится на соседнее помещение, заикнулся на мысли расширить модельный ряд. В этом бизнесе пока клиент своими руками мотик не пощупает и не посидит пятой точкой на тест-драйве продажи не будет. Катюхе с ним не справиться, ее доля теперь по сравнению с его будет мизерной и на общее решение никак не повлияет. Придется продавать ему свою долю и начинать все сначала. Кстати, будет справедливо. Я ее привел в этот бизнес, я и уведу. Сделать все нужно быстро и четко, поэтому я намерен предложить Кресту беспроцентную рассрочку выплаты доли. Сразу он всю сумму не осилит, я это точно знаю – бар поглощает все его заработанные прайсы.

Переодеваюсь, прихватываю пару бутылок скотча и еду к партнеру. В дороге получаю смс от брата.

Муж К завтра будет дома. Пока дело на пересмотре, он не выездной.

Я скалюсь и пишу ему ответ:

Спасибо, бро!

Я искренне рад за Кобру, надо дать этой оторве отпуск на недельку. Пишу ей новости, вдруг Сева ей не сказал. По ее ответу понимаю, что так и есть. Она тут же перезванивает и орет в трубу как резанная. Перепонок чуть не лишился. Говорю, чтобы взяла отпуск и намекаю, что будет премия. Она опять в ор, а я выпадаю из реальности от одной мысли, что не дай бог нам с Вероной в такой расклад попасть.

Приехал к Кресту, стою перед его подъездом, а самого не отпускает. Чуйка работает как одержимая. Достаяю телефон и пишу Кобре длинную смс:

Давно хотел тебе сказать, но сейчас как раз в тему. Знаю твою горячность, ты сейчас захочешь восстановить справедливость и все такое, так вот мой тебе совет: забудь! Переверни страницу и живи дальше. Прими это как испытание. Вы его с мужем прошли. Кого надо и без тебя накажут, а кого не накажут... сама знаешь, под кем все ходим. Поднимай клуб. Копи прайсы.

Держись ближе к Годзилле. Через пару годков откроешь с ним качалку, все будет у тебя в ажуре.

Вхожу в лифт, нажимаю кнопку девятого этажа и получаю от нее ответ.

Мерси тебе босс с кисточкой.

Читаю и усмехаюсь. Вот оторва!

Выхожу из лифта, давлю на звонок, дверь открывается и я охреневаю. Передо мной стоит Шер! На ней джинсовая мини-юбка и футболка, обтягивающая ее буфера так, что аж соски и ареолы просвечивают. Вот засада! Меня окатило как ушатом воды. На доли секунды нежданчик выбил меня из колеи, но на свое же удивление я быстро пришел в норму.

– Не понял, – кривлюсь в ухмылке, – ты расширила клиентуру? Только не говори, что и цены подняла. Где Крест?

Через порог не переступаю. На кой черт мне такая подстава? Раз она в его хате, значит, у них все оки-доки. Крест никогда не приволок бы чиксу в квартиру, с ними он развлекается в салоне или в баре.

Слышится звук смыва унитаза, кореш выходит из сортира, мы здороваемся за руку. Он смотрит на Шер и с издевкой выдает:

– Ты что снова в мой телефон ныряла? Я не говорил, что Руссо приедет.

– Никуда я не ныряла, – она пожимает плечами, мол, в чем проблема.

– Ага! – Крест тычет в ее юбку, которая еле прикрывает трусы – А ляхи оголила на ночь глядя просто так?!

Шер кривит рожу и скрывается в спальне.

Захожу в квартиру и оцениваю обстановку. Видать Крест решил ей проверку устроить, а может не только ей, ведь мне он тоже про нее ничего не сказал. Все это мне не по кайфу, но дело во чтобы то ни стало нужно решить, поэтому я прохожу на кухню и с ходу достаю бухло.

– Что? Все так плохо?

– Не плохо... – откупориваю бутылку, разливаю по стаканам, – особенно для тебя. А для меня... – чокаемся, я залпом выпиваю горячее, – временный эпизод, который лишний раз доказывает, что с родственниками бизнес делать нельзя.

– Это ты про Бизона? – Крест закидывается бухлом и щурится. – Хорош, зараза, – разглядывает бутылку. – Дракон поисковиков собирает. Твоя затея?

– Ага, – плюхаюсь на диван и прошу чего-нибудь закусить, – только я не про Бизона. Сегодня на повестке дня – Катюха.

– Рыжая стерва, – брякает Крест и бредет к холодильнику, потом вспоминает, что в доме есть баба и зовет ее на кухню.

Шер впархивает с наивняком на роже, знаю я это выражение. Сама скромность и покорность. Но все это актерство.

– С первого раза не понимаем? – Крест пялится на ее прикид. – Я же сказал: «Переоденься»!

– Ничего такого ты не говорил! – Шер пучит на него глаза.

– Между строк читать надо! Быстро переделась и замутила нам закусон.

Шер с фырканьем отчаливает, а я ловлю себя на мысли, что с Вероной у меня такого головняка никогда не будет. Она знает, как и с кем себя вести. Никогда оголять телеса при посторонних не будет. А про жрачку... она королева кухни, этим все сказано. Жду не дождусь, когда вернется мой Пушочек и будет откармливать меня всякими вкусностями. Представляю, как она колдует над плитой, а я наблюдаю за ней со своего любимого места.

В кухню возвращается Шер. Хоть на ней домашние трикотажные брюки, жожоба в таком движении, что Сэм не выдерживает натиска и дергается. Мне нужно чтобы эта сучка остыла, да и я заодно, поэтому показываю последние фотки жены с кулинарных курсов. Рассказываю про Швейцарию и подробности как сделал предложение. Шер уже вся красная как рак. Крест это тоже видит. Мне не в тему такие напряги и чтобы хоть как-то разрядить атмосферу, выдаю ему все свои новости: папаша-Яша, головняки в клубе Бизона, арест братьев Ждановых, обыск в моей квартире. Партнер охреневает, но радуется, что его рикошетом не зацепило.

Когда на столе появляется закусон, а Шер сваливает в спальню, я выдаю весь расклад по сеструхе. Крест чешет репу, разливает бухло.

– Руссо, – он кивком показывает в сторону спальни, – мы с Шер теперь вместе. Хочу, что б ты это усек...

Честно говоря, до меня не доходит, как эти двое сошлись, да еще и живут под одной крышей. Шер – без тормозов, никогда не сможет быть под мужиком. Ей нужно верховодить, командовать и управлять. Крест таких обламывает на раз-два. Видать, ее после моей свадьбы прижало, раз она докатилась до его хаты.

– Совет вам да любовь, – я отмахиваюсь. – Мне кроме моей жены никто не нужен.

– Только не говори, что типа верным заделался?

Все знают, что верность это не про меня. Но мне самому надо переломить ситуацию, если я в нее не поверю, кто поверит?

– Да, – спокойно, но твердо выдаю я. – По мне расклад именно такой. Иначе на кой черт вообще жениться?

– Ты знаешь, как я отношусь к Курту, но сеструха вроде у него ничего...

Из уст Креста это максимальная похвала.

После первой бутылки мы уже на одной волне. Крест рассказывает последние новости в мото-клубе, какие в баре ходят сплетни и какую Ледоруб развел деятельность. Мы так ржали, что соседи по батарее фугачить стали. Крест отмахивается, мол, пошли бы они все к бабушке пирожки жевать.

Ближе к трем часам ночи подтянулась целая вереница бро из мото-клуба и о моем уходе уже речь не шла. Несколько раз Шер бросала на меня томные и зазывные взгляды. К тому моменту Крест был в зюю, я спокойно мог зажать и отрахать ее где-нибудь в подъезде. Но я просто смотрел на нее и не понимал, как я мог с ней связаться? Понятно, что она похожа на Лили, но даже это меня не оправдывало. Что за жизнь я вел? Куда бы она меня завела, если бы не Верона?

В коттедж вернулся на такси ближе к семи утра. Принял душ, плетусь на кухню, где мать хлопчет у плиты. От меня разит за версту. Яша читает газетку. Двойняшки сидят набычившись.

– Мы тебя потеряли, – говорит мать и смотрит на меня таким взглядом, что я понимаю, потеряли меня не родоки, а родственнички жены.

Ладно, я в хорошем расположении духа – Крест принял все мои условия и даже внес парочку корректировок, после чего мой уход из бизнеса выглядит более логичным, – поэтому дам расклад.

– Зависал у Креста, – целую мать в щеку, – продал ему долю в двух бизнесах: бутике и мото-салоне.

– Почему? Что-то случилось? – мать бросает на меня встревоженный взгляд.

Она знает, что мы с Катюхой не раз ругались до хрипоты и думает, что мы снова что-то не поделили. Но я решаю развернуть тему.

– Хочу распродать всю мелочевку и заняться чем-то одним.

Двойняшки наострили уши, уже не крысятя, жуют яичницу с беконом и поглядывают в свои айфоны.

Мать придвигает мне тарелку с моей порцией и садится рядом.

– Чем хочешь заняться?

– Верона после Нового Года уедет на полгода в Милан. Поеду с ней. Иначе поседею от нервяка. Пока она там будет осваивать фэшн-индустрию, я пройду онлайн-курсы трейдеров и оформлю лицензию.

Мать округляет глаза. Она ведь не знает об этой стороне моей жизни. А вот судя по реакции папаши, он в курсах. Кивает, мол, дает добро.

– Мне нравятся биржевые торги. По энергетике они схожи с боями. За три года чуйка меня ни разу не подвела.

Мать не знает, как реагировать, сморит на Яшу. Тот все еще кивает и у нее отлегает от сердца.

– Если тебе нравится... – она пожимает плечами и ерошит мне волосы. – Я все надеялась, что ты вернешься в медицину.

– Нет, ма, – я щерюсь, уворачиваюсь от ее руки и приглаживаю шевелюру, – этого точно не будет.

Мать всю жизнь мечтала о сыне-хирурге. Сначала доставала Севу, а потом всерьез взялась за меня. К выпуску из школы я никак не мог определиться с будущей профессией и повелся на ее уговоры. Не знаю, что у нее за блажь, но больше я не намерен воплощать чужие фантазии. Это моя жизнь и только мне решать, какой деятельности я посвящу оставшиеся годы. Трейдерство тоже не конечный пункт, этим можно заниматься, пока ты молод. Да я и не собираюсь погружаться во что-то с прежним фанатизмом. Меня вполне устроят три-четыре

сделки в год, чтобы поддержать стабильный доход семьи и не тратить то, что заработал до женитьбы.

– Я спать! Телефон отключаю! Если что-то срочное, будите меня нежно, иначе будут жертвы, – угрожающе выдаю я и иду к лестнице. – Вечером придет Антон, привезет шмотки. Завтра утром поедем к Марии Алексеевне, – это я уже говорю двойняшкам и скрываюсь за дверью спальни. Ду хаст!

Вера

– Анна! – кричу я и бросаюсь в ее объятия.

– Ну вот, – ворчит Софа, – хотели тебе сделать сюрприз. Ты что нас у окна караулила?

– Что-то вроде того, – смеюсь я.

Следующий час мы трещали без остановки. Адель поняла, что нам нужно пообщаться втроем и ушла в свою спальню. Потом они куда-то уехали с Джокки и вернулись только под утро.

Подруга поведала нам, что закончила покраску стен в квартире Олега и заскучала без нас со страшной силой. Оказывается, Софа каждый день дразнила ее фотками, где мы ужинаем, отрываемся на костюмированной вечеринке и путешествуем частным самолетом. Анна не выдержала и помчалась в аэропорт. Мы рассказываем ей новости. Беременность Софии и госпитализация моей матери во главе списка. Под конец я добавляю огня и заканчиваю незапланированную пресс-конференцию рассказом об отце.

Дом сотрясается от наших возгласов, оханий и аханий. Настроение такое, что не хочется заострять внимание на плохих новостях, мы дружно бредем на кухню что-нибудь перекусить. Нас ждал приятный сюрприз – столик, накрытый на три персоны с разными яствами. Впервые пробую Эскарго – улитки, которые подаются в раковинах с чесноком и маслом. Мы хохочем, подкалываем друг друга и строим планы на ближайшие дни. Софа рассказывает, что говорила с Адель, у нее на эти дни тоже есть идеи и хотя бы из вежливости нужно согласовать с ней наши передвижения. Мы киваем.

Нам приносят потрясающее белое охлажденное вино. Софа отказывается, а мы с Анной приговариваем бутылку. Наблюдаю за ней и прихожу к выводу, что она уже начала оправляться от расставания с Оборотнем, хотя нет-нет что-то его ей напомнит, и тогда глаза подруги грустнеют и увлажняются.

– Все, девчонки, я спать, – выдает Софа, отбрасывает салфетку с колен и поочередно нас чмокает. – Сильно не галдите, я сплю чутко, а сон сейчас для меня самое важное.

Мы с Анной провожаем ее умиленными взглядами, но решаем, что в такой теплый вечер сидеть на кухне не позволительно и бредем в сад, где с наступлением темноты включили фонари.

– Ты нас заставила поволноваться, – начинаю я осторожно разговор и сжимаю ее руку.

Анна пожимает в ответ, прячет глаза, но тему не меняет.

– Сначала ситуация с Габриелем, потом с Оборотнем, я всерьез беспокоилась как это повлияет на твою психику.

– Я в порядке, – отвечает подруга заученной фразой.

– Ты не в порядке, и с учетом пережитого это нормально.

Несколько минут мы молча бродим по садовым дорожкам. Не хочу давить на подругу, я дала ей понять, что она может со мной все обсудить, но настаивать не буду. Видимо, Анне самой нужно было кому-то выговориться, а Софа сейчас на своей волне, поэтому спасательный круг пойман и Анна уже плывет мне навстречу.

– Те три дня... я была как во сне, все происходило будто не со мной. В тот момент мне казалось, что я в сказке, так мне было хорошо, но потом... – Анна закусывает губу, изо всех сил старается подавить слезы, но они прорываются и скатываются ручьем по щекам. – Он создает иллюзию, что это будет вечно. Ты не чувствуешь подвоха, было ощущение, что он полностью мой, без остатка. Когда он делал кому-то тату, периодически поднимал глаза, мы встречались взглядами, о-о-о, что это были за взгляды. Он проникает внутрь и забирает тебя без остатка. Ты больше себе не принадлежишь.

– Похоже на гипноз.

– Да, – Анна вскидывает голову, смотрит в небо, усыпанное звездным ковром. – Именно. Гипноз. Ты делаешь все, что он попросит, – Анна усмехается. – Хорошо, что его желания были в рамках традиционного секса, не представляю, смогла бы я ему сказать «нет», попроси он о каком-то извращении.

Я кидаю на подругу опасливый взгляд.

– Не осуждай меня, Верона, наверняка он и на тебе практиковал свои навыки, вот только у тебя есть защита – любовь к Руссо, а у меня ее не было.

Вспоминаю Оборотня, его магнетический взгляд красных глаз, клыки и передергиваю плечами. Что ж надо признать, что у Оборотня талант привлекать к своей персоне всеобщее внимание.

– Мне и в голову бы не пришло тебя осуждать, просто хочется уберечь.

– София мне рассказала о том, что говорил Руссо... про три дня и про то, как он потом поступает с девчонками...

Я аж спотыкнулась и еле удержалась на ногах. Ох! Руссо же просил нас не говорить ничего Анне, а Софа все же разболтала. У меня пересыхает в горле. Вспоминаю наш разговор «по секрету» о Сане и нашем с ним детстве. С учетом ее беременности и поступке моей матери, она точно ему все выскажет, и у меня будут неприятности.

– ...я не такая наивная, как кажусь, Верона, ты должна была со мной поговорить. А ты выбрала сторону мужа.

Я краснею до кончика волос. Похоже, что Анна на меня обижена.

– Ты бы бросила его, если бы я тебе все рассказала?

– Нет, но это не меняет сути. Пообещай мне, что в следующий раз ты обязательно мне скажешь все.. даже то, что мне будет неприятно.

Сжимаю ее руку и говорю, что обещаю.

– Когда мне Софа все выложила, я смекнула, что это вполне может быть правдой, с учетом того, как часто ему звонят бывшие и забрасывают смс. Непрерывный шквал. Ты бы видела. Прочитать и ответить нереально даже при желании. Поэтому он их просто игнорирует. Он меняет сим-карты, но они откуда-то узнают его новый номер и забрасывают смайликами, приглашениями, секс-селфи. Я однажды полезла из любопытства и тут же отбросила, будто заглянула бубонной чуме в глаза. Фу!

Если Анна говорит «фу», я ей верю, она очень терпелива и толерантна.

– Утром, когда мы прощались, я почувствовала, что мы больше не увидимся. Всю ночь он рисовал мой портрет и оставил его на прикроватной тумбочке, а поверх положил орхидею и записку. Написал, что ему было со мной хорошо, спасибо за три дня и три ночи, прощай, будь счастлива. Цветок он купил заранее, а значит, знал его назначение.

Анна остановилась перед центральной дорожкой, огляделась, возвращаться в дом ни мне, ни ей не хотелось и мы пошли на второй круг.

– Конечно, я обезумела. Не могла поверить, что он так со мной поступил. Но когда убедилась, что возврата не будет, решила, что не дам ему надо мной изгаляться, дам отпор... и знаешь? Это сработало.

Я поднимаю на подругу вопросительный взгляд. Что сработало? О чем она? Мысли помчались вскачь.

– Мангуст увидел меня заплаканную, я выходила из салона, где мы поругались с Оборотнем. Оценил мой видочек и предложил подвести. Оборотень ненавидит Мангуста, но когда дело касается тату, он не выбирает клиентов, делает всем, тем более, если они из клуба. Я села на мотик, Мангуст уже разворачивался, когда Оборотень выскочил из салона и начал на меня орать. Типа я из-за тебя теряю клиента, куда ты помчалась. Я показала ему средний палец и мы уехали. Через три дня он начал меня забрасывать смсками с нового номера.

Я ахнула.

– Да, представляешь... Я была поражена. Оказывается все так просто. Нужно его отвергнуть и он развернется на сто восемьдесят градусов.

– Ты вернешься к нему? – со страхом спросила я.

– Нет. Говорю же, я решила на нем отыграться. Пусть помучается, – она усмехается. – Пару раз я заметила его под окном квартиры Мангуста.

– Так вы сговорились с Олегом?

Анна смеется.

– Сначала так и было. Ты же знаешь Мангуста. Он любитель всех утешать. Оборотень это прекрасно знал. Но та ночь... до его отъезда...

Из груди вырывается стон. Я уже хотела предостеречь подругу об еще одной неудачной партии, как она внесла ясность.

– Я поняла, что достойна лучшего. Что моя любовь еще где-то там впереди и не нужно себя захламлять случайными связями. Нужно научиться быть одной. Быть с собой в гармонии. Человек должен быть самодостаточным, а я всегда боялась одиночества. Заполняла его кем-то, лишь бы не засыпать одной в постели. Кстати, в осознании этого помогла мне именно ты.

– Как это? – я округляю глаза.

– Да. Я посмотрела на твою ситуацию под другим углом. Ты была готова к встрече с Руссо. Хоть ты и злишься на мать, но она привила тебе все необходимые навыки, научила тебя быть хорошей женой. Как ни странно собственным примером. Ты смотрела и мотала на ус, что сама так никогда себя вести не будешь. Руссо совершенно свободен и регистрация брака ничего не изменила. Где он сейчас, ты знаешь?

Я мотаю головой.

– Вот и я о чем. Ты не звонишь и не контролируешь каждый его шаг, хотя уже имеешь на это полное право. Ты не перечишь ему, не скандалишь. Но заранее даешь понять, что для тебя неприемлемо. Он доверяет тебе целиком и полностью, а ведь Руссо очень избирателен и не каждого подпустит.

Задумываюсь над ее словами. В принципе все так и есть, но...

– А твоя мама не прививала нужные качества? – осторожно осведомляюсь я и заглядываю ей в глаза.

– Нет, в том-то и дело. Для этого меня и свели с тобой. Чтобы я через тебя подготовила себя к семейной жизни. Когда я буду готова, тогда и встречу свою любовь. Моя мама воспитывала меня в ореоле феминизма. Но равенство полов это утопия. Мужчина и женщина совершенно разные. Как они могут быть равны? Женщина не должна уподобляться мужчине, она должна быть самой собой. Природой в ней заложено материнство. Мужчина не может родить, он добытчик, охотник, воин. Посмотри, как в современном мире пустили корни идеи феминизма. До чего дошло общество! Целое полчище женщин делают карьеры и считают, что через финансовую независимость достигают самодостаточности. В итоге женщина при должности, возможно, имеет свой бизнес, богата и много путешествует. К тридцати пяти годам ее планка так высока, что она остается одна.

В лучшем случае рожает ребенка и сама его воспитывает. А это опять идет в разрез с природой. Ребенку нужны оба родителя.

– Ты считаешь, что женщина не должна заниматься бизнесом?

– Почему? Она может им заниматься, но не в ущерб своей природе. Вот ты замужем и собираешься открыть бизнес с Михеем. Отлично. Твой муж знает об этом и одобряет. Это не идет в разрез ваших отношений. Но вот в чем я уверена, если бизнес будет мешать тебе быть хорошей женой, ты его закроешь в два счета. Я права?

Впервые задумываюсь над этим вопросом, пока не могу ей ответить четко и просто пожимаю плечами. Может быть.

– Не представляю Руссо одного дома по вечерам, голодного, сидящего перед ящиком в тот момент, когда вы с Михеем разрабатываете очередной фасончик костюма.

С этим я сразу согласилась. Такого просто быть не может.

– Вот о чем я.

Теперь понятно. Я вздыхаю. Специально я все не планировала, просто так получилось, странно, что Анна вывела это в продуманную мною схему.

– Слава богу, сейчас есть много женщин, даже публичных, которые популяризируют идею совмещения многодетности и самореализации. На первый взгляд моя мать тоже такая, но есть различие. Она отдаст приоритет своему бизнесу, а не семье. Ровно в шесть она не пойдет домой, потому что именно в это время расходятся все сотрудники, и она может в тишине подбить итоги дня, составить план на завтра или что-то проанализировать. Поэтому отец приходит раньше, готовит ужин, кормит детей, а потом уходит куда-то... – Анна разводит руками, – я не говорю, что он ей изменяет, может, нет, но они далеки друг от друга. Нет общности.

Так я точно жить не буду.

– Но как без планирования?

– Да просто приди домой, накорми детей и мужа, выслушай, обогрей, обеспечь как мать и жена всем необходимым на завтра и когда все утомонятся и разлягутся по кроваткам, сядь и продумай свой следующий день.

Киваю, тут не поспоришь. Но не понимаю, почему Анна сегодня уделяет так много внимание семейным вопросам.

– Что с Софией будем делать? – Анна останавливается и складывает руки на груди. – Сама она не справится. Мы нужны ей, Верона.

Тяжело вздыхаю, да, ситуация сложная.

– Как Курт отреагирует на известие о беременности?

Пожимаю плечами, я действительно не знаю.

– Если бы не ее выходки...

– Ты про те три селфи на вечеринке?

Я киваю.

– Послушай, у Сани тяжелый характер, но с ним можно договориться, объяснить свои поступки, спокойно, без истерик. Он поймет, но... – я отвожу взгляд, – Софа сама способствовала разрыву. Воспользовалась его настроением перед отъездом и ушла в отрыв. Обоим на тот момент нужна была поддержка, уверенность в их будущем, да хотя бы в чувствах. Но каждый сделал шаг назад и вот итог. От ребенка он никогда не откажется, будет помогать всем, чем сможет. Но как я поняла, она будет в Лондоне, а он в Москве. Как тут все наладить?

Аристарх

Когда жена сообщила мне что ехать к теще в больницу не нужно, я вздохнул с облегчением. Что скрывать, не улыбалось мне видеть ее настрой. Двойняшки сразу напряглись, но я их посадил на кухне и втолковал, что в такой щекотливой ситуации их родителям лучше побыть одним. Пусть все выскажут друг другу и разберутся. Дескать, вы даже нехотя будете смотреть на них с укором, а они и сами с усами, не маленькие, знают что натворили. Больше всех артачился Пашка, но к моей позиции нежданчиком примкнул папаша-Яша и пацан сразу поутих, я так понял он у двойняшек авторитет.

Пока я отсыпался, приезжала мать Софии и забрала все ее вещи. Видать, незапланированная продолжательница рода Павловых в коттедж больше не вернется. Радуюсь этому факту до неприличия. Гоцман тоже не отстаёт, с утра деятельность развел: пошел по моим стопам и вместе с командой инженеров и

риэлтором два часа рысачил по генеральскому дому. Затем показал Пашке работу своего подразделения, налегая на техническую часть. Как я понял, он познакомил его с Драконом и тот даже продемонстрировал пацану несколько приемчиков по отслеживанию цели. В коттедж Паша вернулся со звездами в глазах, даже моя персона его больше не раздражала. Я сразу врубился в конечную цель этой поездки. С учетом ограниченности функций, Гоцман решил, что сделать ставку в Пашкином образовании нужно на инженерную профессию, короче готовит Дракону замену. Я не стал вмешиваться, в принципе все логично, да и Паша весь на драйве, увидел конечную цель и глаза загорелись.

Антоха приволок им шмотья на этот и следующий сезон. Хорошо, что мать была дома и помогла им разобраться, что к чему. После примерки ко мне подкатил Леха, показал на обновки и поинтересовался, сколько все это стоит. Я сморщился, так мне в не тему было это обсуждать, зыркнул на него злобным взглядом и сказал, чтобы больше он про деньги вопрос не поднимал. Теперь я им как брат и не фиг мне мозги полоскать. Типа вы же не задаете таких вопросов Курту.

Мать увела их на патио, где накрыла им с Яшей обед, а я открыл ноут и погрузился в чертову бухгалтерию. Списался с Ольгой Васильевной и дал ей указания по поводу расторжения партнерских договоров с Крестом и Катюхой, и составления графика выплат. Проверил последние цифры в других проектах и начал прикидывать дальнейший путь по расчистке. Я как раз собирался позвонить Фаре и назначить встречу, когда надо мной кто-то кашлянул. Поднимаю голову. Гоцман!

– Я бы на твоём месте все же прокатился в больницу.

Ну вот! Здрасти, приехали. Только я расслабился.

Мать маячит за его спиной. Понятно откуда ветер дует. Пошла круговая порука: двойняшки настропалили ее, она Яшу и Служитель Фемиды решил, что пора вмешаться, а то я уже два дня дела семейства Павловых не разгребал. Непорядок! Если дело пойдет такими темпами, завтра меня подымут с постели и спросят: «А как там Курт? Метко ли стреляет? Надо бы тебе смотаться за экватор и приглядеть за ним».

– Мало ли что их отец говорит. Надо убедиться, что все в норме. А вдруг Мария Алексеевна не захочет его видеть. Разнервничается.

Вздыхаю, тру подбородок. Оцениваю общий настрой. Ладно, поеду сам гляну, что там за Гоблин. Беру ключи и нехотя плетусь к тачке. Как же меня все достали! Яша за мной. Оборачиваюсь и пялюсь на него.

– Прокачусь с тобой... если ты не против.

Киваю, помощь мне не помешает. Дело семейное, да еще такое скользкое. Не представляю, что чувствует отец, по вине которого сын оказался в инвалидке. Я бы от угрызения совести либо спился, либо умом тронулся. Как-то Верона подметила, что моя ахиллесова пята это семья, полностью с ней согласен. С ходу могу решить любой вопрос, кроме семейного. Тут я как медведь в посудной лавке, больше нагажу, чем улажу.

За нами бежит Леха, но Яша на корню пресекает его инициативу, напоминает ему об их договоренности и пацан стремглав ныряет обратно в дом. Жестом спрашиваю, что это было и Яша объясняет, что двойняшки не могут сидеть без дела, и он им дал несколько поручений: разобрать в подвале комнату, заваленную строительным хламом, выкинуть весь мусор и настелить линолеум.

– Ты сказал, что тренера приставишь к Паше... А где тренировать?.. Пусть разберут подвал, туда и спортивный инвентарь привезем.

– А как он туда спускаться будет?

– Я заказал специальный подъемник для инвалидных кресел. Завтра привезут и смонтируют. Так что пусть подвал обживают. Из дальней комнаты можно им мастерскую сделать и поставить компьютеры, пусть осваивают технику. Гараж тоже надо в порядок привезти.

– Там скарб Курта.

– Я попросил Лешу его вещи в пустующую спальню на втором этаже отнести. В первые два месяца ему лучше побыть среди родни, – Яша прочищает горло, косится на меня, – сам понимаешь, адаптация не сахар.

Киваю, а у самого настрой падает, вообще-то я рассчитывал на медовый месяц, а, по словам Гоцмана, семейка Павловых будет мой дом на всех этажах обживать. Папаша видит мой кисляк и спешит успокоить:

– Завтра мы согласовываем цену на генеральский дом, так что они не все время будут у вас. Что нам одним в таком большом доме делать? Пусть среди недели у нас будут. А если захотите с женой побыть наедине, не забудь про гостевой домик на соседнем участке. Там сауна и небольшой бассейн. Да и мы всегда можем остаться у тебя, а вы с Верой можете идти к нам. Вообще разберемся.

– Между домами будем забор разбирать?

– Зачем? Не надо. По архитектуре дома совершенно разные. У тебя своя жизнь, у нас с Алей своя. Ко мне будут сослуживцы приезжать. Зачем вам с Верой на них смотреть. Снесем одну секцию забора и сделаем двустворчатую железную дверь. Выберем приличную, что бы не вам, ни нам вид не портила.

Слушая папашу, я мысленно возвращаюсь к предложению Влада. Надо мне купить этот чертов дом отдыха, переселить все семейство Павловых туда и дело с концом. Пусть разводят зверушек, принимают туристов. Тут же даю расклад по дому отдыха, папаша говорит, что знает это место, типа, был там с командой, все прилично: речка с причалом, пруд, конюшня, деревянные двухэтажные домики, столовая общая, при въезде большой дом, где жил с семьей управляющий базой.

По дороге Яша поведал мне, что его начальство на счет дела Ландау пока в раздумьях, слишком много было задействовано спецов и вот так в одно мгновение никто задний ход не даст. Нужно полностью перепрофилировать группы, да и микросхемы уйдут за кордон. На это я парировал ему, что лучше перегруппироваться, чем потом сидеть с микросхемами в обнимку и смотреть, как Ландау продолжает свои делишки проворачивать. Я четко дал ему понять, что ни в справедливость, ни в правосудие в нашей стране не верю. Привел ему примеры, чтобы не думал, будто мне это во сне приснилось. Папашка пыхтит, задумался.

– А как микросхему в стране оставить... – зыркаю не него с ухмылкой, – тебя учить не надо и прайсы для этого тебе не нужны. На твоём месте я бы с ним сам не связывался, загребай чужими руками. Слишком большой риск. Знаю, ты уже настроился, и начальство разогрелось, мысленно себе регалии навесили...

– Да причем тут регалии! – окрысился Яша.

– Твой дружок Хомячок стопудово себе звездочку на погонах мысленно прикрутил. Так что...

Дракон присылает смс:

Группа собрана. Завтра утром выдвигаемся на поиски.

Видимо, я так скривился, что папаша сразу среагировал.

– Что?

Рассказываю ему про Бизона, про его подарочки в сейфах и про родство. Что мне его надо найти либо живым, либо мертвым. Яша задумался. Через минуту строчит смс. Потом поднимает голову и поясняет:

– Дал Юре в помощь отличного поисковика.

Киваю, а сам кумекаю, лихо у меня все с Яшей закрутилось. В две ноздри дуем. Вот только Триперный Кролик между нами встал. Не знаю, что еще папашке предложить. Я все сказал, выбор за ним.

Вера

Утро выдалось тревожным, не успели мы с Анной спуститься к завтраку, как София поведала нам, что ночью ее мучили боли внизу живота. Бедняжка так перепугалась, что упросила Адель отвезти ее к врачу, а оттуда почему-то сразу уехала в аэропорт. Мы подумали, что у Софии осложнения с беременностью и набросились на Адель с расспросами. Но она сказала, что с нашей подругой все в порядке, просто София испугалась за ребенка, расставила приоритеты и решила не рисковать и уехала к матери. Она предположила, что мы будем ее отговаривать, поэтому не позвонила. Мы с Анной переглянулись и насупились. Отговаривать? Мы? Что за чушь?

Звоню ей на мобильный, она сбрасывает звонок и пишет смс.

Не могу говорить. Позвоню, как прилечу в Лондон.

– Она была одна? – спрашиваю я Адель, та отводит взгляд и у меня уже не остается сомнений. Я побледнела. Ничего не понимаю. – С кем?

– С каким-то англичанином. Молодой парень... довольно симпатичный...

– Саймон? – уточняю я.

Адель делает вид, что напрягает память.

– Вроде нет...

Мы с Анной дар речи потеряли. По виду Адель я понимаю, что она знает, с кем была София. Прищуриваюсь и буравлю свою назойливую покровительницу настойчивым взглядом.

– Адель, у Софии недавно погиб отчим, было подозрение, что к этому кто-то приложил руку, если ты не скажешь, с кем она была, я вынуждена обратиться к ее матери.

– Или мы позвоним в полицию, – угрожающе добавляет Анна.

Адель отмахивается и закатывает глаза, мол, хотела как лучше, но если вы настаиваете.

– Мать Софии только что забрала ее вещи из вашего коттеджа и вылетела в Лондон. Как я поняла, вопрос с наследством решился в их пользу, но другая сторона была от этого не в восторге, поэтому Софию еще в клинике взяли под охрану.

– Не могла сразу сказать! Напустила туману, будто мы ей чужие, – выпалила Анна и ушла в свою комнату.

Адель немного помялась, решая говорить остальное или нет, я спросила: «Что-то еще?» и она вымучила улыбку.

– Мне жаль, Верона, но по моему ощущению вы больше не увидите.

Я выпучила на нее глаза.

– Почему?

Она пожала плечами, мол, все же очевидно.

– Я же говорила, деньги меняют все.

В отрицании я помотала головой.

– Только не для Софии. Она другая.

– Вчера они с матерью обсуждали покупку нового особняка. Я слышала, как ее мать предложила после обследования поселиться в Монако. Насколько я понимаю, тебе она в свои планы не посвятила.

– Мы не обсуждаем денежные вопросы. У нас это не принято, – попыталась я оправдаться, но вышло неубедительно.

– Но мне она рассказала... даже про разрыв с твоим братом. Про Саймона, кстати, тоже. Ты знала, что она была в него влюблена в колледже? Они встречались два месяца, а потом он увлекся какой-то американской актрисулькой

и укатил за ней в Лос-Анджелес. На днях он позвонил и сказал, что это была его самая большая ошибка.

Я закусила губу. Вот это да!

Адель ушла на кухню, где в этот момент Джокки колдовал над грилем. Через приоткрытую дверь я видела, как она прильнула к его спине и обняла. Он повернул голову, чмокнул ее в висок и спросил, разделит ли она с ним завтрак. Ответ я не услышала, но по виду Адель поняла, что она сильно переживает и, конечно же, не из-за моей подруги. Завтра ей предстоит вылететь в Москву и радости ей это не прибавляло. Еще за завтраком она спросила, не хочу ли я полететь с ней. Я дала вежливый отказ, но, глядя сейчас на ее несчастный вид, уже пожалела.

Как же мне мало нужно для сочувствия!

Позже, зайдя в спальню, где спала прошлую ночь София, мы с Анной пришли к выводу, что свой отъезд она спланировала заранее: собрала все вещи, не забыла даже зарядку для телефона, которую постоянно теряла или оставляла в моих сумках. В особняке Адель мы планировали пробыть еще три дня, а потом прокатится по Югу Франции и уехать в Испанию. Уже оттуда София намеревалась вылететь в Лондон. Ни со мной, ни с Анной она не попрощалась, и это нас ранило до глубины души.

– Наверное, она не хотела расстраиваться, чтобы не усугубить свое состояние, – пытается оправдать ее Анна, но сама не верит в то, что говорит.

– Я тебя умоляю...

Осматривая комнату, а она почти такая же, как моя, я вдруг осознаю, что этот дом давит на меня своей помпезностью. Поскорее бы уехать отсюда.

«Ты ведь из кромушников?», – вспоминаю я режущий по живому вопрос Адель.

Анне про концовку разговора ничего не рассказываю, сначала поговорю с Софией и расставлю все точки над «і». Если она не захочет больше общаться, ну что ж... так тому и быть...

– Может, она услышала наш ночной разговор и поняла, что мы намеренны вмешаться в их с Саней отношения, вот и дала деру? Твоего брата осуждала, а сама поступила с нами так же – укатила не попрощавшись, – говорит Анна и,

отодвинув тяжелую портьеру, оценивает расстояние между насыпной дорожкой и окном комнаты Софии.

– Может быть.

Как же все это неприятно! Я ведь спросила Софу об отношениях с Саймоном и она ответила что они всегда были только друзьями. Зачем она мне соврала? Из-за Сани?

– Извини, что спрашиваю, а мы не можем переехать в отель? Мне эта Адель не нравится, – меняет тему Анна.

Я перевожу взгляд на подругу и киваю. Она смотрит на меня и не поймет, разделяю я ее мнение или просто принимаю его к сведению.

Да, Адель далеко непростой человек.

Впервые я задумываюсь, а какова истинная цель Адель? Почему она так ко мне великодушна? Мы с Софией не раз пытались от нее отделаться, но она прилипла к нам как банный лист. Пока Адель только давала и ничего не просила взамен. Немного подумав, я укоряю себя за подозрительность. Если ей от меня что-то нужно, она бы давно дала это понять, ведь с другими она так и выстраивает отношения, даже с Джокки. Прямолинейность – ярко выраженная черта характера моей покровительницы.

Ох! Софию я тоже считала прямолинейной, но, по-видимому, ошибалась.

Аристарх

Паркую джип у больницы. Плетемся с папашкой в отделение, куда перевели тещу. По ходу пишу смс жене, что мы все-таки приехали проверить ее мать. Что мол, семейный совет так решил и выбора мне не оставил. Она молчит, не отвечает. Может, еще спит? Ночью она сообщила, что к ним приехала Анна, наверное, гужбанили всю ночь и теперь отсыпаются.

Заходим в палату к теще и застываем у порога. Мария Алексеевна вполголоса говорит со здоровяком, оба вздрагивают от нашего появления. Пушочек говорила, что Годзилла похож на ее отца, но я не думал, что настолько. Переглядываемся с Яшей. Нда, дела, будто сам Годзилла сидит, только лицом не такая простокваша и лет на десять постарше.

Мария Алексеевна ему что-то шепчет, он поднимается, на нас надвигается гора Эверест, здороваётся и протягивает Яше руку.

– Николай.

– Яша, – отвечает ему папашка.

Тесть протягивает мне лапищу и так сжимает, что я чуть не взвыл. Manus² неделю функционировать не будет. По виду Яши можно с уверенностью сказать, он его тоже на радостях силушкой богатырской угостил. Эверест кидает пытливый взгляд на мои татухи, оценивает, видать тюремные посылы ищет. А вот нет их! Не про нас песня! Шансон не слушаем, по фене не ботаем.

– Значит, ты и есть Аристарх, – делает он вывод и садится на единственный стул.

Мы так понимаем это не вопрос, констатация факта. Ячейка памяти под названием «Зять единственной дочери» только что пополнилась новой информацией. Сидит, утрамбовывает, ноздри раздувает, на нас не смотрит.

– Как себя чувствуете? – Яша разглядывает тещу.

Она, кстати, выглядит намного лучше. А главное, лицо посветлело. Теща молчит, смотрит на меня с опаской. Да, я ей высказал по полной программе, видать, еще свежи мои интонации. Ничего, как говорит папаша-Яша: «Будет знать за все мои стороны».

– Если за ночь ухудшений не будет, то через день выпишут, – вводит нас в курс Эверест.

– Как дети? – подает голос мамаша.

Так хотелось сказать, почему ты этот вопрос не задала, перед тем как таблетки проглотить, да еще треснуть ее пару раз для профилактики. Если она такие кордебалеты выкидывала и раньше, то реакция Эвереста вполне понятна. По ходу его бабенка делает, а потом думает. Теперь ясно в кого Верона, но, слава богу, моя жена поддается воспитанию.

– Нормально, – отвечает ей Яша. – Готовят в подвале помещение под тренажерный зал.

– А Саня?

– Еще в командировке.

² Manus (лат.) – кисть руки.

В этот момент я порадовался, что папашка поехал со мной. Не представляю себя в окружении родителей Вероны. Оба не на моей волне.

– Вера?

Яша поворачивается ко мне, жестом дает понять, что у нас переход хода.

– Курсы закончились, – выдаю я и прочищаю горло. – Сейчас она с подругами во Франции.

Теща кивает. Ложится на спину и таращится в потолок. Говорю папашке, что мне нужно зайти к заведующему и ныряю в коридор. Уф! Только здесь нормально задышал.

Пока я перетирал с врачами и снабжал их стодолларовыми купюрами, Яша и отец Вероны вышли в коридор и о чем-то толковали. К этому моменту я уже адаптировался и осмелел. Захожу в палату, при моем появлении теща снова сжалась и натянула по горло одеяло.

– Мария Алексеевна, нам нужно поговорить, – я сажусь на стул и заглядываю ей в глаза.

Она издает тяжелый вздох и краснеет, видать, подумала, что у меня та же песня на рипите.

– Я видел барак...

Теща издала мучительное «ох» и еще больше вжалась в матрас.

– Он не пригоден для проживания, – знаю, глупо прозвучало, они ведь там жили и не один год.

За последний месяц я столько общался с инженерами, что натыкался всякой терминологией, а аргументов хоть отбавляй, привожу один за другим.

– Партнер предлагает мне выкупить базу отдыха.

Перечисляю, что в этой базе есть, подмечая, что сам я ее в глаза не видел. Мария Алексеевна пока не въезжает, напрягает здравый смысл, пытается понять, куда клоню.

– Сегодня еду к нему решать другие дела и если мы с вами договоримся, то я проеду с экспертом на место и оценю актив.

– Со мной? На счет чего... договоримся?

– Я хочу, чтобы вы стали управляющей.

– Я? – теща пучит на меня глаза, но с ходу не лепечет, что не справится, а это уже хорошо.

Киваю, вид пасмурный, даю понять, что я еще на нее зол.

– Я выкуплю ее, бумаги сразу оформлю на жену и вручу ей по приезду с еще одним проектом как свадебный подарок.

Беру минутную паузу, чтобы все в голове тещи уложилось, но судя по реакции с процессом освоения информации явные траблы.

– Сама Верона базой отдыха заниматься, по понятным причинам, не будет. Поэтому я предлагаю вам должность управляющей. Все финансовые вопросы мы сможем обсудить позже, когда вы немного оправитесь после... – ищу подходящее слово, – больницы...

Она прикрывает глаза и издает хриплый стон.

– Для управляющего на базе отведен отдельный дом. Первый этаж офисный, второй – частный. Территория большая. Освоена только половина. Так что работы непочатый край. Если вы согласитесь, у меня есть три условия.

– Какие? – оживилась теща.

– Во-первых, вы больше никогда и ни при каких обстоятельствах не подвергните детей такому стрессу, – я тыкаю ей в бочину, и она вздрагивает.

В палату заходят Яша и отец Вероны. Теща конфузится, но я не обращаю на них внимания, продолжаю разговор.

– Во-вторых, прекратите давить на Верону по поводу образования. Пусть занимается тем, что ей нравится. Кому стало легче от моего мединститута?

– Ты применяешь эти знания ежедневно, – робко вставляет Мария Алексеевна.

– Согласен, но вопрос в давлении. Дали совет и отойдите в сторону. Ей не десять лет, пусть сама разберется в том, чего она хочет. У нее грандиозные планы, она хочет создать с двумя партнерами бренд по выпуску одежды. Ей это нравится. Я не хочу, чтобы вы обламывали ей крылья. Не получится с бизнесом, продолжит учебу в Академии, а может, будет совмещать.

Теща кидает опасливый взгляд на мужа. Тот подбоченился, хмурится.

– И, в-третьих, не собираюсь вмешиваться в управление базой, но буду настаивать на том, чтобы всеми финансовыми делами занималась мой бухгалтер.

Естественно, что моя семья будет пользоваться базой отдыха, когда захочет. Если возникнут с ними проблемы, вы сразу ставите меня в известность, я все улажу.

Яша уже врубился, что все это я рассказываю не просто так и изучает реакцию тещи. Тем временем я продолжаю давить.

– Барак я отремонтирую и выставлю на продажу. Больше вы в поселок не вернетесь. Так что собирайте вещи и прямиком на базу, при условии, что мы сейчас обо всем договоримся. Кстати, предупреждаю вас, что Курту после возвращения будет несладко.

Тесть косится на Яшу, мол, о ком речь и теща ему поясняет, что это байкерская кличка их сына.

– Помимо адаптации после командировки его ждет сюрприз в виде пополнения в семействе Павловых.

Мамаша пучит на меня глаза.

– Да, София беременна и насколько я понял от жены, у нее проблемы со здоровьем и она уезжает в Лондон к матери, где будет под постоянным наблюдением врачей.

– Батюшки, – шепчет теща, смотрит на мужа и приподнимается на локтях.

Старший Павлов нервно расхаживает по палате.

– Так что внуки не за горами, Мария Алексеевна.

– А Вера не беременна?

– Нет, – мотаю я головой, – вопрос с детьми пока на паузе.

Знаю, что теща думала, что свадьба была скоростижной именно по этому поводу, об этом она сказала Курту сразу после того как мы с Вероной отчалили в Швейцарию. Теперь, когда я внес ясность, она еще больше озадачилась.

– И о Паше...

Родаки Вероны мгновенно встрепнулись, видать задел за живое. Теща аж села на кровати и надела тапочки, будто решила сигануть прямиком отсюда до барака.

– Я отправил в немецкую клинику его последние снимки и получил сегодня ответ. Они дают положительный прогноз, предлагают серию операций и

предупреждают, что процесс реабилитации будет долгим, не меньше года, но, по их мнению, он встанет на ноги.

Теща ахнула и вскочила с кровати.

– Сколько это стоит? – голос дрожит, на глаза накатываются слезы.

– Дорого... очень дорого... – выдаю я и складываю руки на груди. – Но я найду деньги.

Оба родителя плюхаются на кровать и неотрывно смотрят на меня.

– Если вы мне поможете отлично, нет, так справлюсь сам.

– Как? – спрашивает отец Вероны.

Теща вкратце объясняет ему ситуацию и тот незамедлительно соглашается. Смотрю на нее, должность я предложил ей, а не бывшему зэку. Она тоже кивает. Отлично, пристрелялись.

– По поводу двойняшек, – вклинивается Яша в разговор, – по общей договоренности они побудут у нас, Аля за ними сейчас приглядывает, скоро вернется Вера. Так что голодными и бездомными не будут.

Тесть прочистил горло и пробасил «Спасибо».

– Пора их уже к институту готовить. У них большие пробелы в знаниях, а мотивация к учебе полностью отсутствует.

Папаша выдал такую речь, что родаки Вероны припухли. Мол, у них талантливые дети, каждый ребенок чем-то одарен и нужно это просто разглядеть. Поведал им свои наблюдения, а в конце выдал:

– Я скину Коле список ВУЗов, нужно уже сейчас определяться. Аля берет на себя их учебу, будет заниматься с ними каждый день, но с тем условием, что вы их не будете дергать. Пацанам нужна стабильность, особенно перед поступлением.

– Что вы хотите этим сказать? – у тещи задрожал подбородок.

Я уже врубился во всю схему моих родаков и выдаю:

– То, что они до поступления будут у нас. Курт и Верона за ними присмотрят. А вам сейчас точно не до них будет.

– Мы покупаем с Алей соседний дом, так что квадратуры хоть в футбол гоняй. Как оклемаетесь, приезжайте и поговорим обо всем спокойно.

Родаки жены кивают, вижу, что в смущении, до них тоже доходит, что все их детки под мое крыло переместились. Уф! Как бы мне по фазе не двинуться!

Прощаемся, мы с Яшей бредем к тачке.

– Что скажешь о папаше? – показываю в сторону палаты.

– Мужик серьезный, обстоятельный, не мельтешит.

– Серьезный? Ты знаешь, после чего у Пашки паралич ног?

– Угу. Рассказал вчера.

– Обстоятельный, – ворчу я, чего скрывать, от родаков жены я не в восторге. – Барак был в запущении еще до его отсидки. По словам Вероны, их кормил огород, а попой кверху стояла она и мать.

– Ты говорил, что они разводятся, но у него явно другой настрой.

Даже не знаю плохо это или хорошо, поэтому пожимаю плечами, мол, война план покажет.

Вера

Внезапный отъезд Софии лег тяжелым грузом на плечи, в мастерские знаменитого на весь мир модного дома мы с Анной приехали унылые и хмурые. Нас встречает миловидная брюнетка лет сорока и проводит сначала в музей, где кратко рассказывает историю бренда, а потом показывает производство – закулисье, где происходит настоящее волшебство. Как только мы перешагнули порог помещения, похожее на стерильную лабораторию – все швеи в белых халатах, вышивальщицы в белых перчатках, волосы убраны под шапочки – настроение резко изменилось, мы повеселели и расправили плечи. Здесь нельзя было фотографировать и снимать видео, нас еще на входе заставили выключить телефоны и сдать их вместе с сумками охране, но все что я там увидела навечно впечаталось в мое сознание как выжженное клеймо. Это фантастика! Никогда не видела ничего подобного. Мой мозг в одночасье взорвался идеями и возможностями, освой я новые техники вышивки и обработки ткани передо мной откроются совершенно другие горизонты. Особенно меня поразила работа мастеров с прозрачными тканями. Да... после увиденного я еще долго буду

отходить. Теперь я понимаю, что все делаю правильно. Ничто меня не увлекает, как процесс создания одежды, обуви и аксессуаров.

На улицу мы выпорхнули уже ближе к трем часам и, обосновавшись в ближайшем кафе, занялись зарисовками идей. Мы так увлеклись, что забыли включить телефоны и очнулись только тогда, когда один из телохранителей сказал, что нам не могут дозвониться ни мой муж, ни наши подруги.

Адель присоединяется к нам уже вечером, когда мы уставшие и довольные проведенным днем откисаем на Марсовом поле, откуда открывается прекрасный вид на дворец Шайо. На Эйфелевой башне уже включилась иллюминация. Вокруг нас расположились влюбленные парочки. Мне нравится эта атмосфера романтики и умиротворения. Все страхи и недовольства уходят, я уже улыбаюсь, Анна тоже.

Мы говорим с Адель о наших планах, но она вносит свои коррективы. Оказывается, сегодня устраивается вечеринка в честь российского модного журнала. Адель говорит, что там будет вся элита и журналистская братия, я смогу завести нужные знакомства. Далее она наставляет меня по поводу открытия своего бренда и дает советы как лучше подступить к выбору темы для первой коллекции. Для меня Адель кладезь информации, она говорит о таких вещах, которые не прочтешь в учебнике и не услышишь на лекциях в институте.

Пишу Михею о своих похождениях. Как только он узнает, на какую вечеринку мы собираемся, просит сделать визитки. Я замираю. Что на ней писать? Я ведь еще не дизайнер, а только собираюсь им стать. Михей включает видео-конференцию, к нам подключается Санчес. Вместе мы судорожно обдумываем логотип бренда и название. Еще нужен сайт, электронная почта и телефоны. Каждый высказывает свои варианты, ведь мы уже не первый день обсуждаем эту тему.

У меня паника, но Михей с Санчесом обсуждают все вопросы спокойно, без эмоций и я лишний раз радуюсь, что мои будущие партнеры не такие эмоциональные, как я. Санчес говорит, что сайт он может купить, это не проблема и даже сделает первую страницу, но что дальше? Нужен контент, это дело не одного дня. А для сегодняшней вечеринки достаточно указать на визитке имя, фамилию, мобильный телефон и мою личную почту.

К тому моменту, когда мы с Анной находим конторку, где срочно можно напечатать визитки, на мою почту уже пришел макет от Санчеса. Беру в руки только что отпечатанную визитку, бумага еще теплая.

Вера Романова – Fashion Design.

Сбоку мой эскиз вечернего платья, обработанный в photoshop.

Это так волнительно! Анна поздравляет меня с началом нового витка в моей жизни. Мы обнимаемся, а я ловлю себя на мысли, что с этого момента нужно серьезней отнестись к предоставленным Аделью возможностям. Михей и Санчес надеются на меня.

Привлечь к себе внимание молодой дизайнер может оригинальным нарядом собственного производства, но такого пока нет, поэтому следующий час был потрачен на поиск вечерних платьев, туфель и аксессуаров. Адель повела нас в закрытый бутик, который специализируется как раз на подборе вечерних туалетов для «красных дорожек», им владеет ее подруга. К нашему приходу были уже подобраны варианты. Мне понравилось длинное бледно-лиловое платье от «Ralph&Russo» с открытой спиной. Я сфотографировала себя в примерочной кабинке и выслала снимок Михею. Он посоветовал не надевать к нему никаких украшений и я была с ним полностью согласна.

Оплачиваем покупки и едем в салон, где нам делают укладки и майкап. Щелкаем парочку селфи и обе выкладываем в сеть. Первым на ее фото реагирует Оборотень, шлет одну смс за другой. Анна не отвечает, но он, конечно, видит, что она просматривает сообщения.

Мы уже собирались выйти из салона, когда мобильник Анны разразился песней AC/DC «Thunderstruck». Подруга бледнеет, я невольно заглядываю ей через плечо. Это Оборотень. Чтобы Анна не говорила, ее реакция выдает с потрохами. Она его любит и никакая ночь с Олегом этого не изменит.

– Анна, – с тяжелым выдохом произносит Оборотень, слышно как он шумно сглатывает. – Нам надо встретиться.

– Зачем? Мы все предельно ясно сказали друг другу.

– Не все... есть причина, по которой я ушел.

– Даже если она есть, – в голосе Анны слышится металл, – объяснить можно все по-человечески, без оскорблений и унижений.

– Да, знаю! Прости! Я сорвался не по делу!

Анна видит, что я стою слишком близко, начинает расхаживать по салону, и какая-то часть разговора мне не слышна.

– Дэн, я верю, что ты преодолеешь все страхи из прошлого, у тебя все будет хорошо... но уже без меня...

Далее разговор длится не больше минуты, после чего она еще столько же смотрела в окно, пытаясь прийти в себя.

– Все в порядке? – спрашиваю я, когда подруга возвращается.

Она кивает, но ничего не рассказывает.

Аристарх

Садимся с папашкой в тачку и катим домой. Мой мобильник разрывается от сообщений партнеров, но Верона до сих пор молчит. Это меня напрягает. Набираю ее номер, идут длинные гудки, потом звонок сам отбивается. Хрень какая-то! Дергаю Влада. Тот тоже не может дозвониться до жены. Звоню Софии, она в аэропорту и собирается вылететь в Лондон. Из вежливости осведомляюсь о ее здоровье. Продолжательница рода Павловых уверяет меня, что все в порядке и тут же интересуется, нет ли новостей от Курта. Я объясняю, что подобная командировка общения не предполагает. После чего узнаю, что моя жена вместе с Анной уехала в какие-то мастерские, а там охрана похлеще, чем в президентском дворце.

– Скорее всего, их попросили отключить телефоны, – выдает София загробным голосом.

– У тебя точно все в порядке?

– Руссо, ты достал!

Кривлюсь от ухмылки и желаю ей мягкой посадки. Лады. Можно двигаться дальше.

– Какие планы на завтра? – осведомляется Яша, пользуясь паузой.

– Завтра встречусь с Фарой, сброшу долю в караоке-клубе, – чешу затылок, в ближайшие дни будут напряги, – потом поеду, перетру с Егором, это партнер по японскому ресторану. С ним я еще планами не делился, но накопились вопросы,

заодно и пробью почву. Останется три мелких проекта, которыми займусь сразу после Нового Года: фото-студия, часовой бутик... ну и тату-салон.

– Долю в тату-салоне я сам могу выкупить.

Я чуть не поперхнулся. Что за дела у моего папашки с Оборотнем? Зарекся не спрашивать, но к этому моменту меня так расплющило, что не выдержал и в лоб задал вопрос:

– Откуда знаешь Оборотня?

Папаша замер, забыл, как дышать. Зыркаю в его сторону, мол, что за игры в прятки. Через минуту выдает:

– Останови...

Мы только въехали в Москву, он показывает на ближайшую кафешку.

– Пойдем горячим заправимся.

Паркуюсь возле входа. Что ж там за дела такие, что прежде чем сказать, Яше допинг понадобился. Берем кофе и садимся у окна. Рядом с нами никого, зал почти пуст. Не успел я куртку снять, как папаша вываливает на меня еще одну новость века.

– Денис – мой сын.

Кто? Шизец! Выпадаю в осадок. Минута молчания. Как удачно мы в это кафе нырнули. Сидел бы сейчас за рулем точняк бы аварию сделал. Пялюсь на него как на марсианина. Папаша смотрит куда угодно только не на меня.

– Почему сразу не сказал?

– Он сам хотел, а потом у вас что-то не заладилось...

– Что-то? – я набычился. – Он на свадьбе мою жену перепугал так, что у нее поджилки тряслись, пока я ее в самолет не посадил. А когда мы уехали, он подкатил к ее подруге и устроил свое показательное выступление «Моя любовь живет три дня». Но и это еще не все. К нашему возвращению он обосновался в коттедже и как только мы нарисовались он опять прямиком к моей жене. То по лицу погладит, то пройти ей не дает. Я его вывел в гараж и прижал к стене, дал пару тычков, чтобы одумался. Но этого надолго не хватило. Когда мы с тобой пересеклись в тату-салоне, я приехал по его мордовороту пройтись, чтобы раз и навсегда усек, как к моей жене подкатывать. Щенок чертов!

Яша щурится, оценивает мой настрой. Да, я зол!

– Когда Аля написала, что ты женишься, я понял что не смогу остаться в стороне. Я и раньше предпринимал попытки сблизиться, но она всегда находила объяснение, почему это делать именно сейчас нельзя, а до конфликта я не хотел доводить. К клубу мы с Денисом подъехали вместе. Он зашел внутрь, а я остался в машине и написал Але.

– Зашел, – бурчу я и чертыхаюсь, – залез через крышу. Вход был по списку, а его не приглашали.

По ходу Яша выпал в осадок, но упорно продолжает вещать:

– Он всегда тобой восхищался, говорил, что ты унаследовал мои самые сильные качества, а он самые слабые. Я не согласен, но не суть... – папашка отмахивается, – главное, что ты был для него примером. Всегда. Если бы не ты он не прошел бы обучение в Штатах и не открыл салон.

– И как он отблагодарил?!

– Вера ему очень понравилась, – Яша все еще не теряет надежды на примирение. – Он ее заметил на сцене, когда она пела. Говорит, думал, что твоя жена будет в свадебном платье, поэтому и принял ее за гостью. Признался, что она поразила его своей нежностью и чистотой, решил за ней приударить.

– Чушь! – рычу я. – Брешет твой отпрыск как шелудивый пес! Я сам объявил ее выход на сцену. Пока она говорила тост, я сидел за столиком рядом с Куртом, а когда петь начала, я уже стоял перед сценой. Надо быть дегенератом, чтобы не понять, чтобы это моя жена. А подвалил он к нам уже после того как я ей помог со сцены спуститься, он точно знал кто она, так что пусть не заливает.

Яша тяжело вздыхает. Отодвигает пустую чашку и смотрит в окно.

– Когда я тебя увидел в салоне, сразу понял, что ты не за деньгами приехал. Спросил его, что он натворил...

– И он выдал тебе сказочку про белого бычка! Урою гниду. Хочешь мою долю перекупить? Лады. Завтра же оформим бумаги и договоримся о цене. А этому дурику скажи, чтобы держался от меня и моей жены подальше, иначе огребет по полной.

С этими словами я встал и пошел к тачке. Яша что-то хотел сказать, но я дал понять, что разговор окончен и больше обсуждать Оборотня не намерен.

Садимся в тачку, едем в коттедж, в дороге я тихо охреневаю.

Оборотень мой брат!

Верона кони двинет от этой новости. Мы оба пребывали в иллюзии, что больше не увидим в своем доме этого разрисованного мазилку и вот на тебе, бонжур от папаши-Яши... с кисточкой...

Из всех моих партнеров Оборотень был самым проблемным. Не с прайсами, с этим вопросом у него как в аптеке, а в общении. То правду замолчит, то обстановку накалит, да так, что мне потом приходилось его конфликты кулаками гасить. Я не удивлен, что он папаше историю с Вероной под своим углом подал, он и со мной такие штуки проделывал. Дважды салон менял адрес только потому, что Оборотень доводил обычные вопросы с владельцами зданий до состояния войны. Разборки с клиентами тоже для него обычное дело. Ведь не зря же я ему выписал запрет на личное общение, теперь он только своим зазнобам да клубным пацанам татухи лепит. То не так на него посмотрели, то вообще не посмотрели, короче, достал он меня выше крыши. С радостью отдам свою долю Яше, пусть теперь папашка сам провалы в воспитании подтягивает, глядишь, научит сынка уму разуму.

– Я нашел его в детдоме... в Сызране... Это было его двенадцатым переводом. Пацана помотало по всей стране. Злой был, чуть что в драку.

Мне так и хочется сказать, что ничего с тех пор не изменилось, еле сдержался, вижу, папаша расчувствовался, хочет выговориться.

Проклятье! Наши с Вероной семейки решили, что сейчас самое время вытащить на свет божий все свои скелеты. Как сговорились! Интересно, нам показали весь репертуар или что-то еще оставили про запас?

– Это мой самый большой прокол. Мать Дениса умерла в роддоме. Когда я уезжал в командировку не знал, что она была беременна. Врачи ей сказали, что ребенка она не доносит – проблемы с почками, но она все равно его оставила. На седьмом месяце почки отказали, – Яша отвернулся, вижу его лицо в отражении окна, по ходу он совсем размяк. – Сына вытаскивали фактически из мертвого тела. Никто уже не надеялся, что он жив. А он выжил... чудом...

– Сколько ему было, когда ты его нашел?

– Восемь... из дома убежал трижды. Находили его в поездах, на автостанциях и рынках. Попрошайничал и воровал. Успокоился к годам

пятнадцати... вот тогда он ее и встретил... а может, наоборот, успокоился потому, что встретил...

Папашка замолчал, я хмурюсь.

– Кого?

– Звали ее Карина, но он ее Далида называл – она все песни из репертуара этой певицы наизусть знала. Вместе они ходили в художественную школу, а потом он влачился за ней в музыкалку и ждал под окнами, пока она вокалу обучалась. Девчушка была талантливой и очень хрупкой. До сих пор помню ее голос... такой глубокий, но нежный, щебетала как птичка. Чем-то на твою жену похожа. Глазища большие, правда, черные как смола.

Папашка замолчал, я уже припарковал джип у ворот коттеджа. Прародитель сидит не шевелится, даже ремень безопасности не отстегивает. Я откинул голову на подголовник, вытянул ноги и уставился на генеральский дом.

– Ей только стукнуло восемнадцать, когда обнаружили рак.

Я мысленно чертыхнулся и тяжело вздохнул. Черт! Оборотень мне никогда этого не рассказывал.

– Родители боролись за нее до последнего, но... рак возвращался снова и снова. Денис от нее не отходил ни на шаг. Забросил учебу, стал дерганым, полностью ушел в себя. Я не мог до него достучаться. Он уже фактически жил у них. Чтобы узнать о нем, я звонил родителям Карины. Однажды он приходит, плачет, просит посодествовать в их регистрации. Оказывается это ее последняя просьба, перед смертью она хочет выйти за него замуж. Я был в шоке. Денис толком мне ничего не мог объяснить. Поехали к ее родителям, там все подтвердилось. Церемонию сделали скромную, дома... она уже не вставала. Сам понимаешь, радости ни у кого в глазах не было. Будто уже хоронили...

Я похолодел. Проклятье! Я после такого умом бы тронулся.

– После свадьбы она прожила три дня. Все это время они не расставались. Он потом сказал, что ей даже на какой-то момент стало лучше, появилась надежда, но... утром ушла... тихо так... вроде проснулись, поздоровались, он обнял ее, а через минуту... последний выдох...

Так вот откуда у Оборотня фенька про три дня!

Охренеть! Даю себе в этот момент зарок, что буду своего Пушочка раз в год по врачам таскать. Не дай бог нам в такой переплет попасть.

– Так что представь, что он почувствовал, когда увидел Веру... поющую на сцене... дежавю...

Если Гоцман хотел из меня слезу вышибить, то у него не вышло. Профессия хирурга наложила на меня свой отпечаток, тут уж ничего не поделать. Похожа моя жена на его Карину или не похожа, меня не волнует. Это не оправдывает его действий. Когда он в коттедже Верону обхаживал и кидал томные взгляды, точно понимал что делал.

Выхожу из тачки, открываю ворота. Через стеклянную стену вижу, как мать машет нам рукой, накидывает куртку и идет встречать. Загоняю джип в гараж и говорю Яше:

– Моя доля в тату-салоне пятьдесят процентов, сколько это в рублях, Оборотень точнее скажет. Как будешь готов, скажи, бухгалтер подготовит бумаги.

Яша кивает. Выходим из тачки, бредем к дому. Мать улыбается, говорит, что ужин будет готов через полчаса. Ну хоть дома все хорошо.

– Я сам поговорю с пацанами, – кивком Яша показывает на двойняшек.

– Лады, – хватаю ноутбук и бреду в спальню.

На сегодняшний вечер я назначил встречу с Владом и нашими адвокатами. Финансы от аптечного бизнеса крутятся на швейцарских счетах, поэтому этим проектом с моей стороны занимается Натан. Он уже прислал смс, что прилетел в Москву и едет в отель. До встречи еще два часа и мне нужно с ним обсудить условия расторжения партнерского контракта.

Мать постучала и приоткрыла дверь спальни.

– Сынок, уделишь минутку?

– Конечно, – выхожу их гардеробной и жестом показываю, чтобы помогла завязать галстук.

Она поднимает ворот рубашки и завязывает галстук. Движения резкие, она нервничает. Подмечаю пульсирующую венку на шее. Мать задумала неприятный

разговор! Черт! У меня важная встреча! Я еще новость о братце-беспризорнике не утрамбовал, а на меня уже надвигается следующая волна.

– У Яши юбилей через неделю, – начинает мать издаലെка, оценивает мой видок и поправляет пиджак. – Какой красивый костюм, когда ты его купил?

Ага! Какое небо голубое!

– Ма! Сейчас мне не до твоих эквивоков. Давай быстро и по-существу.

Мать кивает, садится на край кровати и смотрит таким взглядом, что меня до дрожи пробивает. Проклятье! Ну что еще?!

– Тут такое дело... – она прочищает горло и заламывает руки, – Я спросила Яшу, что ему подарить на день рождения. Сначала он отмахнулся, сказал, что теперь у него есть все, о чем он мечтал. А сегодня утром проснулся и сказал, что был неточен, одно желание до сих пор осталось неисполненным, но, к сожалению, оно не зависит ни от него, ни от меня.

Смотрю на часы, мне уже нужно выезжать, ненавижу опаздывать. Упираю руки в бока и еле сдерживаю гнев.

– Ма! Быстрее!

– Да-да... – она вскакивает и выпаливает на одном дыхании: – Он хочет, чтобы сыновья взяли его фамилию и отчество. Говорит, это было бы для него самым большим подарком.

Что?! Я каменею. Как мать может меня о таком просить? За двадцать восемь лет я сросся с паспортными данными как с кожей.

– Аристарх Розенберг? Ма! Это же смешно! И я пока опускаю тот факт, что в принципе этого никогда не сделаю.

– Мы с Яшей хотели назвать тебя Арий. Арий Розенберг. А когда я вернулась к Платону, решила выбрать имя более созвучное с тем, что хотел Яша.

Я плюхаюсь в кресло как подкошенный. Она это говорит на полном серьезе! После такого я буду выглядеть в глазах отца предателем.

Мать будто читает мои мысли и спешит утешить:

– Я говорила с Платоном. Объяснила ситуацию, он сказал, что это твое личное дело, он не будет на тебя в обиде, если ты...

– Ма! Ты хоть понимаешь, о чем просишь? – не дал я ей закончить мысль.

– Я не прошу. Это действительно твое личное дело. Мало того я пойму, если ты скажешь «нет».

– Вот и отлично, – хватаю телефон, ключи от тачки и иду к двери, – потому что именно такой ответ я тебе и дам.

Хлопаю дверь так, что стекла в окнах звенят. Нет, ну что удумали! Фамилию и отчество поменять. По ходу еще и имя.

Арий Яковлевич Розенберг! Шизец!

Прохожу через гостиную. Папаша сидит на диване задумчивый как сфинкс и делает вид, что передача «Пусть говорят» самое захватывающее, что он видел за всю свою страдальческую жизнь. Зыркаю на него как на вражеского разведчика. Ишь ты! Фамилию поменять! Так и хочется ему сказать: «Папаша, я вас уважаю, но забыл уже за что!».

– Ари, – окликает он и идет за мной.

Гребанный екибастос! Да оставьте меня в покое! Дайте мне спокойно с делами все разрулить!

Я не оборачиваюсь. Достаю пульт от гаража.

– Отзвонился мой «глаз» из охраны Ландау, сказал, что Адам завтра вылетает в Штаты, – чешет затылок Яша.

– И?

Зыркаю на папашу. Оцениваю настрой, и понимаю, если бы не эта новость фиг бы он последовал моему совету, как он сам говорил, слишком многие спецы сидят на старте и ждут, когда он зеленым флагом взмахнет. Но сейчас в его башке все выстроилось в одну логическую линию.

– Все сделки пока на паузе. Екатерина летит с ним.

– И? – я побелел от злости и так дел невпроворот, а тут он еще кота за яйца крутит.

– Начальство дало добро, хотя план так себе, – кривится папашка, конечно, ему в лом меня похвалить. – Так что... Вера может возвращаться.

За последние сутки это первая хорошая новость. Киваю и захожу в гараж. Папаша отходит в сторону, закуривает, ему явно есть что сказать, но из-за моего настроения решает отступить. Выгоняю тачку и закрываю гараж. Вижу, как Леха выныривает из дома, что-то ему говорит и тот, затушив сигарету, идет за ним в

дом. Видать, пацаны закончили настил линолеума и хотят, чтобы он принял работу.

Смотрю, как плавно отъезжают ворота. В башке закрутились колесики. Раз Катюха летит вместе с Ландау, значит, Крест уже выкатил ей красную карточку и погнал с поля, та взбрыкнула и потребовала свою долю. Подумает, что у него нет прайсов и он пойдет на попятную. Она не знает, что знаю я. Ледоруб подкатил к Кресту с идеей выкупить бар, с целью объединить несколько помещений, которые примыкают к мото-базе. А Крест этой темой уже сыт по горло. Бар еле держится на плаву. Ледоруб дал понять, что есть инвесторы, дадут нормальную цену за бар и все такое. Крест бы заартачился, но после моего визита на его хату дал согласие. Теперь у него будут прайсы от продажи бара и он сможет заткнуть ими рыжую бестию. Вот тогда на ее улице натянут транспарант с лозунгом «Отчаливай и не возвращайся!».

Зная Катюху, могу с точностью провизора предположить, что будет дальше, она со всей своей страстью запустит коготки в бизнес Ландау и начнет там «работу» налаживать. Что из этого выйдет уже понятно заранее, когда вместо мозгов голая инициатива, не подкрепленная ни опытом, ни знаниями, быть беде. Это тебе не песочек в трусики сыпать, чтобы бизнесом управлять, тем более такой машиной как у Ландау, нужны мозги, чутье и стальные яйца. Связавшись с Катюхой, Кролик сам себе приговор подписал. Для него она роковая баба. Меня это мало волнует, даже радует. Я как бы собственными руками запустил в стан врага «троянского коня». Пока Ландау просечет всю эту хрень, его империя посыплется как карточный домик. Мне ничего не нужно будет делать, просто сидеть и наблюдать.

Черт! Как-то все гладко... Меня это напрягает.

Немного остыв, я прихожу к мысли, что Ландау, хоть и наделен от природы триперным тельцем, но с мозгами у него все в порядке. Так просто он не сдастся. Он очень опасен. Пока сидел у него в кабинете, наблюдал за его реакцией на плохие новости. Он до маниакальности спокоен, уравновешен и рассудок держит при минусовой температуре. Спонтанных и резких движений делать не будет. Скорее, прощупает цель со всех сторон, потом продумает план, назначит исполнителей, ляжет на свою дизайнерскую кушетку и будет смотреть на башни

«Москва-Сити», пока со всех сторон буду поступать отчеты о проделанной работе.

Как же все у меня ладненько складывается. Все партнеры сговорчивые, как пушистые зайчата. Графики выплат подписывают, скалятся, желают удачи и новых встреч в эфире. Слишком все гладко. Так не бывает. Что я упустил? Чего не замечаю? А ощущение такое, что я чего-то не вижу. Вся эта кутерьма с родаками меня выбила из колеи. Чуйка, как поисковая собака замерла и встала в позу. Рано мне расслабляться.

Мысли метнулись к Вероне. Как же странно себя повел Ландау. Сел с ней в самолет, попытался наладить контакт, не получилось. Предложил подвести в отель, опять осечка. Верону увозит служба безопасности. Он явно был не готов к такому ходу. Преследовать не стал. Уехал в Венецию. Оттуда позвонил Катюхе. На следующий день вернулся в Москву, как сказал Дракон, уже на собственном самолете. Поехал к ней в бутик и вел какой-то совершенно дурацкий разговор. Купить здание и вышвырнуть арендаторов? Бр-р-р... Это не его уровень. Так зачем он подыгрывал? А что если он знал, что его пасут? Ведь у него одна из мощнейших служб безопасности. Что если он с самого начала знал, что я поставил ему в офисе жучки и позволил мне услышать то, что соответствовало его плану? Так же он мог поступить и с Яшей. У Яши там свои «глаза», но Ландау мог узнать об этом, как только агента внедрили и специально не трогать, чтобы сливать дезу, пока он продумывает и пускает в ход свой план.

Бью по тормозам. Разворачиваюсь и мчусь назад в коттедж. Нахожу Яшу в гостиной и жестом даю понять, чтобы шел за мной в спальню. Взлетаю по лестнице на второй этаж и жду, когда папаша с хмурым видом доплетется до двери. С ходу выдаю ему свои мысли и вижу, как у Яши звезды в глазах зажглись.

– Мне все время что-то не давало покоя. Приятно обставлять противника, но надо признать, что Ландау не из тех, кого можно взять на слабо. Он усыпил нашу бдительность, мы расслабились. Сделал вид, что остыл к Вероне и перескочил на Катюху. На кой черт ему здание? Да он ей город подарить может, если бы реально на нее запал. Она ему даром не нужна. Если у них уже были шуры-муры, то он прекрасно изучил ее и понял из какого она теста. Он аналитик

и манипулятор. Ему управлять сознанием человека ничего не стоит. Я сам наблюдал в его офисе парочку примеров. Ему нужна Верона!

– Зачем? Баб мало?

Мне так и хочется брякнуть: а ты зачем мать из семьи выдернул? Баб мало? Видать, я так на него зыркнул, что он допетрил ход моих мыслей и осекся.

– Думаю, причин много, но одна из них... – я вздыхаю и сажусь на край кровати, – у него гаптофобия – боязнь и брезгливость прикосновений. Видимо, из-за этого он не каждую к себе подпустить может. Верону явно смог, она передельывала ему гардероб: примерки, близкое общение. Именно после первой примерки он начал на нее охоту. По этой же причине он выкрал Мэй. Представь, у мужика не было секса долгие годы и вдруг он реагирует на тайку во время деловой встречи, она ведь ему программу по индивидуальному питанию составляла. Кстати, именно из-за гаптофобии я сомневаюсь, что у него с Катюхой что-то было. Скорее всего, она хотела, но он не смог. Вот это больше похоже на правду. Когда он позвонил, она смекнула, что может попробовать еще раз и снова пустила свои чары в ход.

– А он подыграл, – Яша заходил по комнате.

– У него точно какой-то план. Он не отступит, я не знаю, что делать. Ехать за Вероной или оставить все как есть?

Последний вариант для меня смерти подобен. Знать, что Пушочек в опасности и быть от нее за три тысячи километров для меня пытка раскаленным железом.

И тут меня как молния ударила!

– Он способствует распродаже моего бизнеса.

Яша остановился и замер.

– Дождется, когда я сложу прайсы в одну корзину и сделает свой ход. Главная цель – оставить меня голым. Пустить по миру. Но это не все. Ему нужна Верона. Как это сделать? Опустить меня в ее глазах. Но Верона не из тех, кто уйдет от мужа из-за отсутствия денег, он это знает. Но она... – я нервно сглотнул.

– Не простит тебе измены... – закончил за меня фразу Яша, – будь осторожен, Ари. Если все так, как ты описал, тебя ждет подстава.

Глава восьмая

Вера

Адель ждет нас у входа, сегодня она без Джокки, видимо, вняла моим советам и не стала пока афишировать их отношениями. Ведь на этом приеме могут быть их с Владом общие знакомые. Я даже не поняла в какой район Парижа мы приехали. Не успели мы выбраться из машины, как телохранители обступили нас со всех сторон и подвели к зданию с классическим фасадом. Поднимаемся по лестнице. Сразу за белоснежной колоннадой нам открывается просторный вестибюль, в который проходят строго по списку. Адель проводит нас внутрь, телохранители возвращаются в машину. Я смотрю на них с удивлением, но Адель успокаивает меня тем, что внутри мы в полной безопасности. Ох! Руссо это не понравится. Адель вторглась в зону интересов моего мужа, а это чревато последствиями. Надо ей намекнуть, что если она не хочет в ближайшие дни выслушивать от него словесный поток из смеси матов, байкерского сленга и авторских наработок, то ей лучше не вмешиваться в работу моих секьюрити.

Вечеринка только началась. Правит балом главный редактор. Адель говорит, что это ее приятельница, позже она меня с ней познакомит. Редактор представляет звездных гостей и топ-моделей, фамилии все знакомые, одна выглядит изысканнее другой. От лиц популярных актеров, певцов и спортсменов пестрит в глазах. Мы с Анной немного растерялись, еще бы, ведь с нами нет нашей предводительницы.

Адель знают буквально все. К каждому у нее свой подход, темы для разговоров и манера общения. С кем-то она сдержана, на лице дежурная улыбка, а с кем-то раскована и демонстрирует осведомленность даже в личных вопросах. Когда дело касается бизнес-контактов, она вспоминает о нас и представляет как молодых дизайнеров. В ход пошли мои визитки.

К Адель подходит знаменитый модный критик и расцеловывает ее в обе щеки. Несколько минут они обсуждают светские новости.

В разговорах я почти не принимаю участие, музыка очень громкая, а я не хочу кричать. Через час я уже так устала, что еле подавляла зевки. Адель видит мой настрой и смеется.

– Привыкай, скоро это будет неотъемлемой частью твоей работы.

А я уже думаю, пусть все эти вечеринки посещает Михей, он коммуникабельный, симпатичный, всегда одет с иголочки и готов говорить хоть часами об архитектуре, живописи, стиле и модных тенденциях.

На мобильный Адель приходит смс, она читает и выдает «Perfecto!».

– Ура! Все в сборе! – восклицает она и быстро пишет ответ. – Здесь нам больше делать нечего. Поехали, я познакомлю тебя с моими подругами.

Она хватает меня за руку и тащит к выходу, я оборачиваюсь, Анна кривится, мол, как она меня достала. Меня разрывает на части, с одной стороны я не хочу ехать к ее подругам, с другой, она весь вечер знакомила меня с нужными людьми, не могу же я просто взять и отказаться.

Почему-то я решила, что с подругами Адель меня познакомит в каком-нибудь ресторане, но приехали мы в роскошный особняк, в котором проходила частная вечеринка. Оглядываюсь по сторонам, по сравнению с этой роскошью, особняк Адель кажется деревенским домиком.

На входе нам выдают черные накидки из шелка, кружевные маски и перчатки. Мы с Анной переглядываемся, начало нам уже не нравится.

– За мной, мои овечки! – восклицает она, на ходу принимая облик таинственной незнакомки, и уверенно ведет нас через весь холл. Она явно здесь не впервые, из чего я наивно предположила, что это особняк одной из ее подруг.

Мы поднимаемся по мраморной лестнице на второй этаж и входим в круглый парадный зал. Высота помещения не меньше шести метров. Я залюбовалась росписью и позолоченной лепниной на потолке. Нас окутал аромат сигар, легкого перегара и мужского парфюма. Зал почти битком забит мужчинами в смокингах, повсюду слышится английская и французская речь. Нас провожают заинтригованными взглядами, некоторые мужчины загадочно улыбаются. Мы пересекли зал, но я так и не услышала ни одного русского слова.

Моя наставница открыла массивную позолоченную дверь, втроем мы нырнули в небольшую гостиную и увидели группу женщин в таких же черных накидках. Адель тут же растворилась в колышущейся массе черного шелка. Послышались приветственные реплики и чмокания. Несколько минут ушли на обмен новостями, затем Адель подвела нас к подругам и поименно представила.

Мы с Анной ждали, что она назовет нам имена своих подруг, но на этом процедура знакомства резко прервалась.

– Девочки, кто сегодня на телефонах? – нервозно спрашивает высоченная блондинка. – Я на грани развода, мне очень нужно...

– Я пас, у меня у самой все несладко, – вторит ей рядом стоящая брюнетка.

Поднялся галдеж, отовсюду посыпались оправдательные реплики.

– Баста! – кричит Адель, все резко смолкли и я понимаю, что в этой компании она главная. – Сегодня на телефонах Вера, она замужем и замену пока не ищет.

Мне резануло ухо слово «пока».

Все заулыбались и готовы меня на руках носить. Адель берет меня под локоть и отводит в сторону.

– Вера, времени на объяснения нет, – она смотрит на настенные часы, – мы эту вечеринку полгода ждали, так что не задавай лишних вопросов, просто выручи девчонок.

– А что я должна делать? – испугано спрашиваю я и наблюдаю, как девушки проделывают странные манипуляции с телефонами: нанизывают на верхнюю часть телефона резинки с какими-то записками и выкладывают мобильники на длинный стол. Получается разноцветная вереница.

– Мы сказали мужьям, что сегодня у нас девичник. Обычно нас никто не беспокоит, но вдруг... – она подводит меня к первому телефону и показывает на записку. – Девчонки написали пароли и как кличут своих мужчин... если поступят сообщения, отвечай коротко стандартными фразами.

– Что отвечать?

– Напиши то, что сама бы ответила... даже если будет не попад, не важно, девчонки скажут, что были пьяные и плохо соображали.

– Главное ответь! – вставляет рыжеволосая девушка.

– Мероприятие продлится почти всю ночь, – я округляю глаза, но Адель меня успокаивает. – Продержись до полуночи, потом уже никто дергать не будет.

– Адель! – прерывает мою наставницу одна из ее подруг, та оборачивается. – Она надежная? Сама понимаешь, что будет, если телефон пропадет или она в туалет отлучится.

– Мы же будем ее подменять, – напоминает Адель, это не вызывает облегчения и она добавляет: – Надежная.

В большом зале звучит гонг, девушки приходят в волнение, тянутся к косметичкам, поправляют макияж. Мы с Анной стоим как две неприкаянные монашки. Жестом Адель показывает, чтобы мы скинули конспиративные атрибуты, врученные нам на входе и я нехотя выполняю ее просьбу. Увидев меня без маски, одна из девушек тычет в меня пальцем и угрожающе говорит Адель:

– Чтобы ее духу не было в зале. Она нам всю мазу испортит.

– Я же сказала, она не заинтересована, – Адель поворачивается ко мне. – Вера, если запахнет жареным или кто-то начнет непрерывно названивать, то положи у телефона белый листок, – Адель показывает на письменные принадлежности.

Киваю, вид растерянный. Во что она меня втянула?

– Все будет хорошо, – уверяет всех Адель и натянуто улыбается. – Не сбивайтесь в кучу как в прошлый раз, Вставайте группами не больше трех.

Двухстворчатая дверь распахнулась, девушки одна за другой выпорхнули в зал. Последними выходили Адель и Анна. Я хотела жестом попросить подругу остаться, но она так была поглощена разговором, что даже не взглянула на меня.

Свет в круглом зале приглушили, музыка стала чуть громче. С минуту я стояла как вкопанная и не понимала что делать. Из оцепенения меня вывел официант, который закатил в гостиную тележку с закусками и белым вином. Он говорил на английском, я дала понять, что мой словарный запас ограничен, тот кивнул и быстро удалился.

Первые сообщения посыпались уже через полчаса. Я бегала от телефона к телефону. Сначала меня накрыла паника, сообщения носили личный характер, это были чьи-то мужья – котики, медвежата, зайконы, солнышки и лапули – они хотели знать, где и что делают их жены. С первых фраз было понятно, у кого какие отношения и как долго они продлятся. Кто-то просто спрашивал «Где ты?» и прибавлял «милая», но попадались в сообщениях и «сучка гребанная», «тупоголовая вешалка» и даже «черная дыра». Я округляла глаза и не понимала, что на такое ответить. Настроение у меня было вполне миролюбивым, я

придерживалась инструкций и старалась болезненно не реагировать. В конце концов это не мое дело, пусть разбираются сами.

Периодически девушки заглядывали в гостиную и посматривали на стол, нет ли белого стикера у их телефона и, убедившись, что я справляюсь, посылали мне воздушные поцелуи и снова скрывались за массивными дверьми.

Меня разбирало любопытство. Что это за вечеринка и почему ее ждали полгода? Кто эти мужчины и что их всех объединяет? Я уже хотела приоткрыть дверь и понаблюдать за происходящим, как залился трелью один из телефонов и я помчалась к столу. Это был телефон Адель. Когда я склонилась, чтобы посмотреть, кто звонит, то испытала шок в тысячной степени. С экрана на меня смотрело лицо Лилианны!

Аристарх

Сажусь в тачку злой как питбуль и мчусь в отель «Националь», в дороге получаю смс от Влада, меня ждут в ресторане «Белуга». Черт! Не люблю это место, как по мне, так оно не для деловых встреч. С другой стороны мы все обсудили, спорных вопросов нет, нам нужно просто завизировать расторжение партнерства и делу конец.

Влад встречает меня ухмылочкой, протягивает руку.

– Хорошеешь чертяга! Женитьба пошла тебе на пользу.

А вот он явно не в форме. Как только его женушка отчаливает за кордон, при всех его прайсах, заботиться о Владе некому. С ней он в моднячком прикиде, чупчик начесан, вышколен до блеска, что аж рожа лоснится, не удивлюсь, если она его по спа-салонам таскает.

– Начинаю новую жизнь, – с ходу заявляю я. – Распродаю весь долевого бизнес и открою что-то одно... свое...

– Устал от дележки? – Влад тянется к меню и с кисляком на роже пролистывает страницу за страницей.

– Нет, – оглядываюсь по сторонам, незаметно оцениваю видок своего адвоката. Натан напряжен, а значит, что-то уже учуял и дает мне сигнал. – Просто меняется жизнь, а я подстраиваюсь.

– М-м-м... Ты точно на меня обид не держишь? – Влад заерзал. – Ты год рвался к нам с Давидом в долю, а теперь прыгиваешь, да еще так резко.

– Спрыгиваю, чтобы никого рикошетом не задело.

Даю расклад о партнерах, что загремели под фанфары. Намекаю, что меня ждут допросы.

– Сам понимаешь, работать в таком режиме, радости нет. А вдруг прослушку врубят? Потяну за собой остальных.

– Так ты что реально все-все распродаешь?

– Да. Этапами.

Влад трет подбородок, оценивает, вот только непонятно что. Извиняется, уходит на пару минут, говорит с кем-то по мобиле и только потом начинает обсуждать расторжение контракта. Он бодался, упирался и кривился от подозрений, но в итоге все же подписал. То, что должно было занять пять минут, растянулось на час. Его адвокат все это время сидел как манекен и не издал ни одного звука, но сам Влад трещал без умолку, а таким я его никогда не видел. Причину нервозности, а точнее разочарования я узнал, когда мы прощались.

– Жаль, что ты прыгиваешь. У нас с Давидом на тебя такие планы были. Хотели дельце одно предложить, да видать тебе уже не в тему.

Влад думает, что этим посылом подсадил меня на крючок, но я напускаю на себя безразличный вид и говорю, что новых проектов пока не планирую, но на счет дома отдыха подумал и решил, что это будет неплохой подарок жене на свадьбу. Пусть сажает цветочки, плавает с лебедями и скачет на коняшках. Влад оживился, все меньше мне прайсов отдавать, видать у него с этим туго. Я прошу выслать коммерческое предложение и уведомляю, что в ближайшие дни проеду на место и осмотрю все со спецами.

Он уже уходил, но потом обернулся и спросил:

– Это точно не из-за Добрыни? Может, услышал слухи и решил, что мы запустили тебя в игнор?

Бр-р-р... Я мгновенно собрался. При чем тут муж Лили?

– Ты ведешь бизнес с Добрыней? – сжимаю челюсти, что аж зубы скрипят.

Влад говорит, что пока нет, но планирует, типа обсуждается большой проект. Сам он в успехе этой идеи неуверен, но Давид склоняет его к старту. Я

заверяю, что даже если б и знал, то это никак не повлияло бы на мое решение и мы расстаемся оба в непонятках. Он думает, что я скрываю истинные причины выхода из дела, а во мне тлеет подозрение, что проект, на который он намекал, реально может как-то задеть мои интересы.

Краем глаза вижу, что Влад цепляет какую-то смазливую блонди в вестибюле и ведет ее в номер. Так вот почему мы в отеле! Виноградов решил походу оттянуться. Перед лифтом, заметив, что я еще не ушел, он оглянулся и показал на чиксу. Серьезно? Секс втроем? Нам что по семнадцать? Я помотал башкой, резко развернулся и двинулся в ресторан.

Сажусь за столик. Хватаю меню, теперь можно расслабиться и самому что-нибудь пожевать. Натан выдыхает с облегчением и говорит:

– До твоего прихода Виноградов заявил, что партнерское соглашение расторгать не будет, пока не узнает истинной причины твоего ухода. Намекал, что у бизнеса открываются новые перспективы и ты им дозарезу нужен. Особенно учитывая тот факт, кем оказался твой биологический отец.

Что? Откуда Влад знает про Яшу? Верона растрезвонила? На нее это не похоже. Может, Пробирка шпионит, подслушивает наши с женой разговоры?

Петь песню о том, что Яша залетный элемент в моей жизни я не могу, ведь он живет в моем коттедже. Да и с Натаном у меня другие отношения. Мне его посоветовала мать, так что это не деловой контакт. На заре девяностых они были начальниками отделов в одном банке. Потом у Натана с помощью бывшей жены случились проблемы, от которых он сиганул аж до самой Швейцарии и теперь от русских клиентов бежит как от вируса Эболы. Не удивлюсь, если окажется, что я единственный его клиент с российским паспортом.

– Ты все-таки хоть одним бочком, но из нашего лагеря, а к своим у меня другое отношение, поэтому я расскажу тебе то, что должен был скрыть за солидное вознаграждение.

Таращусь на адвоката и охреневаю. Влад подмазал Натана? Этот жучара взял деньги, а теперь решил сдать моего бывшего партнера с потрохами. Ну дела!

– Нюх меня не подвел, хуцпа³ раньше тебя на три минуты приходит, – журит меня пальцем адвокат.

Я не понял о чем он и на всякий случай обиделся.

– Меня просили намекнуть, не ожидается ли проверка в сети аптек? Я сказал, что такой информацией не обладаю, но могу в разговоре с клиентом прощупать почву. Меня очень попросили это сделать, – Натан жестом изобразил шелест денежных купюр. – Когда они узнали, что недавно в твоей семье вскрылся интереснейший факт, то связали его с твоим поспешным уходом из игорного бизнеса. Ведь ты слил свою долю за час до ареста Ждановых.

Твою ж мать! Я напрягаюсь. Не пойму, откуда ветер дует.

– Кто-то из твоего окружения поссорился со здравым смыслом и поет как соловей.

Кто это мог быть? Мозг заработал на полную катушку. Перед глазами замелькали лица моих партнеров и друзей. Перетасовав мысленно разговоры, я прихожу к выводу, что про слив моей доли знали только Верона и Яша, но их я сразу отмечаю. Остается сам Кувалда. Неужели он? Но с какого бока он может знать Влада?

– У меня создалось впечатление, что лично Виноградов его не знает, но есть общие контакты.

Вспоминаю про разговор с женой, она намекала мне, что у Пробринки с Голубой Кровью есть в моем стане засланный казачок. Но зачем Адель вскрываться? Ведь тогда я обрублю все концы и заткну слив. Если только сама Адель передает мужу информацию потоком, не понимая ее ценность. Просто трещит обо всем, что знает, а Влад-жучара уже сам делает выводы.

Ни опровергнуть, ни подтвердить причастность Яши к продаже моей доли я не могу. Подставляю себя и папашку рикошетом. Поэтому закрываю тему, нам и без Яши есть о чем говорить. Достаяю телефон, куда накидал перечень текущих вопросов и на час увожу разговор в другое русло.

После плотного ужина, Натан откинул салфетку с колен и, сделав глоток скотча, уставился на меня изучающим взглядом.

³ Хуцпа (от идиш) – присущее евреям свойство характера, дерзость и своеобразная гордость, вызывающая желание действовать без опаски оказаться недостаточно подготовленным или неспособным.

– Что? – я напрягся. Так он смотрит, перед тем как выдать что-то сенсационное, а сегодня я уже исчерпал лимит новостей века.

– Смотрю на тебя и думаю... – Натан постукивает пальцами по подлокотнику стула. – Из тебя бы вышел идеальный трабл-шутер.

Я знаю, что такое траблшутинг, но в нашей стране бизнесмены ему пока не доверяют, больше сводят к криминальной стороне решения проблем. Естественно, это услуга доступна только для богатых и избранных. Если напортачил, вызываешь решалу и тот улаживает дело по-тихому. Я и сам оказывался в роли решалы не раз, но чтобы заниматься этим профессионально, нужна не только соображалка, но и связи, особенно в России.

– Ты гибок, мыслишь нестандартно, высокий IQ, свободно владеешь английским...

– Чушь это все! – выпаливаю я. – Интересовался я траблшутингом... пару лет назад один мэн хотел создать агентство и набирал толковых ребят. Я и мой кореш получили от него предложения, я отказался, кореш пошел. Через полгода контора прогорела, а тот мэн свалил за кордон. До сих пор за ним бегают парочка недовольных олигархов, пытаюсь повесить на него развал бизнеса, хотя там без очков видно, что решение проблемы запорола штатная команда менеджеров.

– Накладки случаются в любом бизнесе, тебе ли это не знать. Задача траблшутера как раз состоит в том, чтобы правильно выстроить работу. Мои клиенты испытывают острую необходимость в надежном специалисте. Хороших траблшутеров мало, цены заламывают такие, что не подступишься.

– Хотят решить проблему – пусть платят, – выпалил я неожиданно для самого себя.

Натан стукнул по столу и воскликнул:

– А я о чем! Ты идеален для этой работы!

– Ты меня не слышишь? Чушь все это! – уже закипаю я. – Рассказывали мне про одного спеца, которого пригласила обувная фирма, выпускающая кроссовки. Они построили завод в Африке, все предусмотрели и просчитали: дешевая земля и рабочая сила, удобная логистика, кроме одного... – я поднял указательный палец, – воровства. Местное население стало красть конечную

продукцию. В итоге убытки. Пригласили решалу, тот помозговал и выдал: выпускайте на одном заводе только левые кроссовки, а на другом только правые.

– Блестящее решение! – воскликнул Натан и навернул еще порцию скотча.

В зал входит Влад с блонди. Смотрю на часы, быстро он управился. Откидываюсь на спинку стула и наблюдаю за парочкой.

– Ага, для европейского интеллекта. Вот только он опять не учел, что это Африка! – я ржу. – Небось, переговоры проводили не в цехах, где эту нищету невооруженным глазом видно, а в офисе, попивая кофе.

Натан вскинул брови.

– Там такая беднота... когда рвутся резиновые шлепанцы, они проволокой их скрепляют, – отмахиваюсь, на лице сочувствие, – им что левый, что правый...

– Дай угадаю, они продолжили воровать эти чертовы кроссовки! – он заливается смехом.

– Да, и носили как есть, оба правых, а кому было невмоготу, делали дырки в местах натирания. Я эту историю знаю не понаслышке. Мой друг там уже после этого остроумного трабл-шутера камеры видеонаблюдения монтировал.

– Помогли камеры?

– Частично, но через год завод все равно обанкротился.

– Это еще раз доказывает, как сильно владельцы бизнеса нуждаются в креативном и нестандартном подходе решения своих проблем.

Влад посматривает в мою сторону, улыбается. К его столику плывет еще одна чикса, теперь уже брюнетка.

– Вы только посмотрите, какая у нее тазобедренная композиция! – выдает Натан и не сводит взгляда с ее зада.

Я вспоминаю о своем обещании, познакомить его с девушкой.

– Ты надолго в Москву?

– Вылетаю утренним рейсом, – Натан все еще сверлит брюнетку похотливым взглядом.

– Жаль, а то я тебе тут невесту подыскал, – говорю я и ухмыляюсь.

На самом деле не я, а Яша. Как-то он обмолвился, что не по делу вклинился в выбор племянницы и расстроил свадьбу, так она ему потом всю плешь проела, типа не понравился мой выбор, гони свой. Мы предоставили ей

портрет, как сказала моя жена, завидного заморского жениха и получили согласие. Но Яша меня предупредил, что фотографию племянницы не даст, типа она нефотогеничная, а по сути это означало уродина. Но Натан тоже не Аполлон, так что стоят друг друга.

Рассказываю подробности, типа кто девушка, какое приданное и все про ее семью. Натан тут же охладел к черноволосой гримзе и заметно оживился.

– Хотел пригласить тебя на обед, заодно и с папашей-Яшей познакомиться, но ты уезжаешь...

Адвокат кидает тоскливый взгляд на объект своего вожделения и тяжело вздыхает.

– Раз такое дело... могу на денек-другой остаться, но к концу недели мне нужно быть в Лондоне, так что дольше задержаться не смогу.

– Такому пройдохе как ты, достаточно и одного взгляда чтобы понять, твоя это женщина или нет.

Натан ухмыляется.

– Ты все же подумай на счет траблшутинга. Это твое, поверь мне. Я хорошо разбираюсь в людях. То, что у кого-то не вышло, не значит, что не выйдет у тебя.

Я фыркаю, вот достал!

– Клиентурой обеспечу. Не бесплатно, конечно.

– Золотые десять процентов? – я ржу, хлопаю его по плечу, от чего он скривился и на всякий случай отсел.

– Бесплатно только птички поют, – гогочет на пару адвокат. – Вот только Аристарх Романов карьеру в Европе не сделает. Нужен псевдоним.

– Новоиспеченный папаша хочет восстановить справедливость и узреть на свой юбилей мой новый паспорт с задуманными им персональными данными.

– И как звучат эти данные? – щурится Натан.

– Арий Яковлевич Розенберг.

– Мама дорогая! – хлопает в ладоши Натан. – За такую красивую картину я бы отдал все свое состояние. И ты еще не подал документы? Да у тебя не сердце, а стеклянный сосуд для переливания крови.

Нервяк на нервяке. Когда все это закончиться? Это не черная полоса, а какая-то линия электропередач.

– Зря ты все драматизируешь, Арий.

Я чуть не поперхнулся скотчем. Он уже мысленно мне паспорт поменял.

– Посмотри, как все идеально рисуется: Аристарх Романов избавляется от всего долевого бизнеса и остается в чертогах памяти всех бывший партнеров. А Арий Розенберг покупает дом в Европе, перевозит туда семью и открывает агентство по траблшутингу. Новая жизнь. Новый бизнес.

Я задумался. Да, на словах все идеально, только в жизни так не бывает.

– Вчера ко мне обратился клиент, у которого застряли пятьдесят лямов в России. Если вернешь, получишь пять лямов, а я соответственно пятьсот тысяч.

Мыслишки зашуршали. Пять лямов евро за одну сделку – неплохо.

– Насколько я помню, твоя жена хочет заниматься модой?

Киваю, он продолжает, поддавшись ко мне корпусом:

– Купи дом в Милане, но конторку открывай в оффшорной зоне.

– Естественно! – выдал я и тут же поймал себя на мысли, что этот дрыщ так ловко утрамбовал в моем мозгу свои идеи, что я уже с ними в обнимку по ресторану хожу.

– Вы не против нашей компании? – услышал я за спиной голос Влада.

Оглядываюсь, у столика стоит партнер в обнимку с двумя чиксами. Только этого мне не хватало!

– Нет, конечно! – Натан соскакивает с места и кидается к брюнетке, отодвигает для нее рядом стоящий стул.

Вот жучара! Везде поспеет.

Но брюнетка отправляет его в черный список, в наглую обходит стол и плюхается рядом со мной. Глаза осоловелые. Жметя ко мне всеми выпуклостями и томно улыбается. Сэм дергается так, что штаны трещат. Жена в отъезде. Я на голодном пайке! Засада!

Вера

Смотрю на экран и нервно переминаюсь с ноги на ногу. В памяти мгновенно всплывает рассказ Адель о том, что они с Лилианной познакомились в Лондоне на юбилее друга отца. Зачем она ей звонит? Руки сами потянулись к телефону, я нажала на кнопку «принять вызов» и услышала до боли знакомый голос:

– Аминова, куда пропала? Все идет по плану?

Я молчу, стараюсь не дышать, но ей наверняка слышна музыка, что звучит в соседнем зале.

– Алло!

Отбиваю звонок и отшвыриваю от себя телефон, будто это ядовитая змея.

Ничего не понимаю. По тону бывшей подружки Руссо можно подумать, что они с Адель очень близко знакомы. Она назвала ее фамилию... Аминова... Но вроде у Адель другая фамилия. Может, перепутала номер?

Достаю мобильник из клатча. Пишу смс мужу:

Какая у Адель фамилия?

С минуту молчание, потом приходит ответ.

У Влада Виноградов.

А ее девичью не знаешь?

Нет! Далась она тебе!

По ответам понимаю, что муж чем-то раздражен.

А можешь спросить у Влада?

Я занят! Позже!

Это срочно! Очень нужно!

Муж перезванивает, на фоне слышны мужские и женские голоса. Он действительно раздражен.

– То ли Азимова, то ли Алимова... не помню... а что?

– Может Аминова?

– Да, точно! Аминова! Почему ты спрашиваешь? Что случилось?

Не хочу его расстраивать, как только он услышит о Лилианне, слетит с катушек и конец его переговорам.

– Объясню позже, когда освободишься.

– Это точно подождет?

– Да, не беспокойся, просто мне нужно было все сложить, как ты обычно говоришь, в одну схему.

Слышу, как кто-то окликает мужа, он быстро прощается.

– Лады, созвонимся.

– Люблю тебя.

Руссо тяжело вздыхает.

– Я тебя тоже, Пушочек.

От волнения расхаживаю по комнате. В голове такой кавардак, что я сразу не могу сообразить, куда меня завела полученная информация. Лилианна знает девичью фамилию Адель, а значит, они знакомы давно, еще до замужества с Владом. Зачем она ей звонила? Спрашивала про какой-то план. К горлу подкатывает комок и не дает вздохнуть. Ненавижу эту женщину и не только потому, что она бывшая Руссо. Она манипуляторша. Бьет по самым уязвимым местам и добивается нужной реакции.

В гостиную влетели две девушки, увидели белые стикеры и помчались к своим телефонам. Двери тяжелые и закрываются медленно. Ловлю на себе чей-то взгляд. На меня пристально смотрит высокий брюнет. Волнистые волосы до плеч. На вид ему около сорока, а может чуть меньше. Приглушенный свет люстры создает на его лице причудливые тени. Перед тем как дверь закрылась, он приподнял бокал шампанского и сдержанно улыбнулся. Его нельзя назвать привлекательным, но стать, манера общения и жесты выдают в нем принадлежность к аристократии. Только недавно мы говорили с Адель о том, как жаль, что эта часть общества в России была полностью истреблена и теперь увидеть потомков русской аристократии можно во Франции, куда уехало большинство эмигрантов. Интересно, из какой он страны?

– Зарядка! У кого есть зарядка?

Я уже обратила внимание на то, что у многих телефонов садилась батарея, у моего телефона, кстати, тоже. После пятиминутных поисков выясняется, что зарядки только две и я подключаю к сети те телефоны, что вот-вот отключатся.

Девушки проверяют сообщения и как-то странно на меня смотрят.

– Я что-то не то написала?

– Нет, – отвечает все та же высоченная блондинка и, не веря своим глазам, снова перечитывает переписку. – Ты померила меня с котиком. Пишет, что крепко меня целует и идет спать.

– Ага, как же! Спать он идет, – проворчала ее подруга.

– Понятное дело, что врет, но он давно так не старался убедить меня в обратном, я уже забыла, когда он мне писал «целую, киса». Хм, – она снова поднимает на меня глаза и говорит: – Я с тобой пообщаюсь потом. А кто, говоришь, твой муж?

Я не говорила, да и сейчас не горю желанием, но потом подумала, если Лилианна знает Адель, то наверняка она знает и ее подруг. В свою очередь подруги должны знать ее бывшего. Вот сейчас и проверим.

– Аристарх Романов.

Девушки нахмурились, пытаются вспомнить.

– Не знаю такого...

– Я тоже.

– Тебя с ним Адель познакомила?

Мотаю головой, сажусь на диван и вытягиваю ноги. Девушки все еще ждут пояснений и я тяжело вздыхаю. Говорить обо всех проектах мужа не хочу и выбираю самый безопасный путь.

– Он партнер Влада в аптечном бизнесе.

– Партнер Влада – Давид, нет там никакого Аристарха, – уверено парирует мне блондинка.

Я стушеввалась. Зачем сказала? Вдруг я что-то перепутала и теперь они будут считать меня врушей.

– Аристарх владеет пятнадцатью процентами, – уточняет за моей спиной Адель.

Увидев ее, про моего мужа все сразу забывают. Девчонки наперебой рассказывают с кем познакомились, протягивают визитки. Адель дает краткие характеристики и советы как лучше выстроить общение. Одного претендента она отмечает в резкой форме, давая понять, что у него не все гладко, как кажется на первый взгляд. Когда блондинка куксится и надувает губки, владелец визитки ей очень понравился, Адель рассказывает жуткую историю про то, как он жестоко

обошелся с бывшей девушкой. Это сразу охлаждает пыл, по виду блондинки я понимаю, что она и сама была в подобной ситуации и повторений не хочет.

Пока девушки прихорашивались и обменивались впечатлениями о вечеринке, Адель украдкой спрятала визитку и пошла к своему телефону. Мое сердце заколотилось как бешенное. Сейчас она увидит, что я отвечала на звонок.

– Тебе звонила Лилианна, – выпаливаю я на одном дыхании, – я хотела отбить звонок, но рука соскользнула и я промахнулась.

Адель хмурится и сверлит меня пронизательным взглядом. Потом удостоверется, что разговор длился считанные секунды и поворачивается ко мне.

– Что она хотела?

– Она спросила все ли по плану, – пожала плечами я и вымучила улыбку.

– И что ты ответила?

– Ничего, просто прервала звонок.

По покрасневшему лицу Адель я понимаю, что их план мне не понравится. Что происходит? Что они задумали?

– Зачем ты привезла меня сюда? – я нервно сглатываю, до меня начало постепенно доходить то, что я могу быть частью этого плана.

– Давай не будем сейчас ничего обсуждать, – Адель кивком показывает на подруг. – Позже, когда все разойдутся, нам накроют завтрак в желтой столовой и мы обо всем подробно поговорим. Уверяю тебя, я действую сугубо в твоих интересах, утром ты в этом убедишься.

В гостиную заходит один из официантов и что-то шепчет Адель на ухо. Потом оба смотрят на меня. Я нервно сглатываю. Что не так?

Адель нахмурилась и идет в зал, краем глаза вижу, как она заговаривает с тем высоким брюнетом. Девушки встают рядом и с интересом наблюдают за происходящим. До нас долетают обрывки разговора. Говорят на французском.

– Это Кристиан, потомок древнего французского рода, – нашептывает мне блондинка, – он у нас в красном списке.

– Почему? – удивляюсь я, ведь мужчина очень харизматичный.

– Он встречается только с девушками из своего круга.

– Русских баб на дух не переносит, – вставляет брюнетка.

Адель пытается что-то втолковать Кристиану, но он и слышать ничего не хочет, тогда она приводит новые аргументы, но это только распаляет его интерес.

– Похоже, он хочет с тобой познакомиться, а Адель объясняет ему, что ты недавно вышла замуж.

Адель продолжает убеждать, но разговор, видимо, заходит в тупик. Она переходит на английский язык, просит прощения, говорит, что занята. Кристиан достает из внутреннего кармана пиджака визитку, что-то пишет на обороте и вручает Адель. Она кивает и идет к нам.

– Он дал ей личный номер! – удивляется брюнетка.

Блондинка тут же спрашивает:

– Ты знаешь французский?

Я мотаю головой.

– И английский так себе, – добавляю я с сожалением.

Зачем я это сказала?

Девушки спрашивают у Адель, что хотел Кристиан, она отмахивается и говорит, что это неважно. Вышло недопонимание, но сейчас вопрос исчерпан.

Уже через десять минут гостиная снова опустела. Адель уходила с озабоченным видом. На меня она не смотрела, сгребла со стола свой телефон, а визитку Кристиана отправила к собратьям, в свою дизайнерскую сумочку.

Я провожала ее сверлящим взглядом. Почему Адель забрала телефон? Боялась, что Лилианна снова позвонит?

Аристарх

Выхожу из туалета и бреду к столику. Вижу как чикса, что окручивала меня последний час, изогнулась на стуле как пантера. Пора сваливать. Я уже делал попытки, но Влад все находил темы для обсуждения. Не успел я и трех шагов пройти, как на мой телефон приходят фотки с местного номера, от которых у меня даже на руках волосы дыбом встают. На первых двух фото моя жена в длинном вечернем платье входит в какой-то замок... с подругами. Приглядываюсь, это Анна и Адель. На третьем фото они надевают плащи и маски. Не успеваю переварить информацию, как следом приходит сообщение:

Что твоя жена делает ночью в мужском элитном клубе?

Плюхаюсь на стул и с минуту таращусь на экран. Что происходит? Где Верона? Какой урод послал мне эти фото?

Примерно час назад жена спрашивала фамилию Адель. На фоне ее голоса была слышна музыка и мужские голоса, но я тогда не придавал этому значения и даже не спросил где она. Пишу ей смс.

Пушочек, у тебя все в норме? Где ты сейчас?

Ответа нет. Звоню жене. Абонент недоступен.

Набираю номер, с которого пришли фотки. Кому-то сейчас поплохее от таких приколов. Телефон не в зоне сети. Черт! Конечно!

Приказываю себе остыть, но с учетом последних событий я уже на грани. Машу Владу, мол, подойди, перетереть нужно. Тот шлепает в мою сторону с улыбочкой на довольной роже. Он уже хорошо датый и поплыл минут двадцать назад. Тычу в него телефоном и чуть ли не ору ему в ухо:

– Это что еще за хрень?! Куда твоя жена потащила Верону?

Влад достает очки, разглядывает фотки и отмахивается.

– Пусть веселятся! Им тоже нужно пар выпустить. Мы же веселимся, – он рукой показывает на чикс, что сидят за нашим столиком.

Я хватаю его за шкирку, впихиваю в сортир, толкаю его к раковине и приказываю умыться. Он явно не ожидал от меня такой агрессии и попятился к стене. Тянется к мобиле, знаю, секьюрити вызвать хочет. Выхватываю его мобилу и тычу ему кулаком в рожу.

– Умылся быстро и дал весь расклад. Что вы там с Пробиркой задумали? Зачем она потащила мою жену на закрытую вечеринку? На кой черт она вообще к ней прилепилась?

– Руссо, остынь, никому проблемы не нужны. Адель часто посещает в Европе разные мероприятия. Некоторые из них носят закрытый характер. Что тут такого?

– Что такого?! – взревел я. – Охрану к жене я не просто так приставил.

– Они в безопасности. Потанцуют, пообщаются и поедут в особняк. Уверю тебя, Адель никогда мне не изменит. Там сто процентов будет кто-то из

знакомых ее отца, а может он сам. Она на подобных вечеринках половину контактов для бизнеса мне нашла. Расслабься, Руссо.

Отталкиваю его от себя. Слышу скрип двери, мелькает рожа телохов Влада. Видать заметили, что я был очень невежлив.

– Все в порядке, – заверяет его Влад и жестом дает понять, чтобы тот убрался и отряхивает пиджак.

Склоняюсь над раковиной, споласкиваю лицо.

– Что за нервяк, Руссо? Ты как эту девчонку встретил так мозги вразлет. Баба должна помогать мужу, а не под откос пускать. Это она тебя на продажу бизнеса надоумила?

– Что ты несешь, Влад?! Моя жена от бизнеса далека как Меркурий до Нептуна. Она знать не знает, что я делаю и зачем.

– Тогда что ты за движуху развел? Зачем рубишь концы? Не понимаю! У нас такие планы, а ты спрыгиваешь.

Влад уже протрезвел, тоже умылся, обтерся и таращится на меня в ожидании, мол, говорить будем или нет.

Я смотрю на него, в голове мелькает шальная мыслишка. Почему я не учел шустрость его жены? Ведь Адель иногда одним махом могла зарубить сделку. Если Добрыня вышел на Влада, то Адель общается с Лили. Стопудово.

– От кого ты получил предложение о новом проекте?

– Ты про Добрыню?

Киваю и утыкаю кулаки в бока. Влад посматривает с опаской, телефон держит наготове. Чуйка как сигнальщик на корабле машет мне флажками, мол, дуй в том направлении, не ошибешься.

– Не помню. Какая разница?

Он что-то скрывает, но не умышленно. Если Влад и в деле, то его жена позаботилась и размазала истину как масло по бутерброду, вроде вкус есть, но его из-за обилия ингредиентов не распознать.

– Кто был инициатором? – повторяю таким тоном, что партнер бледнеет.

– Руссо, остынь, ты меня достал. Что за паранойя?

Проклятье! Уф! Выдыхаю, так я ничего не добьюсь. Если пережму, Влад вызовет охрану и уедет, а я останусь со своими мыслями, как грешник на раскаленной сковородке.

– Давай так... ты говоришь все что знаешь, я складываю и выдаю тебе конечный продукт.

Влад смотрит на меня с недоверием, но кивает.

– Проект мне предложила Адель. Недавно я продал свою долю в бизнесе ее отца. У меня на счету повисла кругленькая сумма. Деньги жгли карман, я стал осматриваться, куда бы их вложить. Адель вернулась из Лондона и сказала, что Добрыня присел на американскую вервь и ищет партнеров.

– Жену Добрыни она как-то упоминала?

– Лили? В формате сделки нет. Но они подруги.

Я напрягся.

– Насколько близкие?

– Очень близкие. В детстве они жили на одной площадке, учились вместе в музыкальной школе. Это Адель познакомила Лили с Добрыней.

Я холодею. Вот сука! Так вот кто повинен во всех моих бедах!

Даю расклад по Лили, кто она мне и как расстались. Как заявила в бутик после того как узнала, что у меня появилась Верона. Как из вредности моя благоверная оказала ей «ответную услугу», после чего Добрыня разукрасил смазливую мордашу Лили. Но даже после этого она пыталась снова со мной встретиться и заманивала под разным предлогом.

Показываю на фото и говорю:

– Мне прислали это не просто так. Хотят поссорить с женой. Если бы все это происходило на фоне обыденной жизни, я бы и глазом не повел, послал бы и делу конец, но на Верону объявил охоту один дрыщ с триперным тельцем и я не могу оставить это без внимания. Я должен знать, кто сейчас с ней рядом и не угрожает ли ей опасность.

– Охоту? Кто?

– Адам Ландау, знаешь такого?

– Пыф! Конечно! Большой убудок. Когда он приезжает к нам, я сваливаю под любым предлогом.

У меня ноги подкосились!

– Постой, так ты знаешь его лично? Откуда?

– Адам и Адель учились вместе в Оксфорде. Он был лучшим в группе и не раз выручал жену от отчисления. Первые два года учеба ей давалась с большим трудом. Поэтому я и торможу пока сделку, я этого придурка на дух не переношу, а тут еще на совещаниях встречаться.

– Что? – голос осип, я прочищаю горло. – Ландау в деле?

– Да. Он партнер Добрыни в этом проекте с самого начала.

Сползаю по стенке на пол. Шизец! У меня мозг чуть не взорвался! Я впал в ступор и не мог пошевелиться. Но прежде чем отключится, чуйка успела мне передать маленькое послание: нужно лететь в Париж и немедленно.

Минуту стояла тишина, потом Влад сел рядом и спросил:

– Так Адам втюрился в твою жену?

– Угу... еще до нашей свадьбы.

– Впервые слышу. Он никогда не говорил о ней.

– Он же не дурак, знает, что ты мой партнер.

– Нет. Откуда? Он знает только про Давида.

– Поверь мне, он знает все, а что не знал, Адель ему на блюде преподнесла.

Влад хмурится и чешет затылок.

– Мне нужно в аэропорт. Вылечу в Париж первым же рейсом.

Поднимаюсь на ноги и одергиваю пиджак.

– У меня чартер зафрактован, – поведал Влад и тоже поднялся. – Хотел за женой завтра утром вылететь, но могу и сейчас. Расходы пополам.

Выходим в зал, просим у официанта счет и после оплаты сваливаем. Влад бурчит блонди по поводу изменившихся планов и спешит за мной. Набираю Верону, но она не отвечает. Проклятье! Набиваю ей смс. Не хочу ее пугать, может просто кто-то мне нервишки решил пощекотать, та же сука Лили. Когда речь идет о Пушочке мысли в разлет, не могу даже успокоиться и оценить риски.

Бегу к тачке. Мне нужна движуха, чтобы все осмыслить. Влад кричит, что поедет следом за мной. Киваю и сажусь за руль. По пути набиваю папашке смс, вкратце излагаю новости. Он пишет, что даст мне в помощь двух спецов и чтобы я без них самолет в воздух не поднимал. Обещаю подождать, но предупреждаю

что дорога каждая минута. Потом набираю номер Дракона и прошу установить владельца телефона, с которого послали фотки.

В пути немного остыл, мозги встали на место. Вырисовываются два треугольника: Добрыня, Влад и Адам в бизнесе; Адель, Лили и Адам в тусовке. И везде этот дрыщ. Что мне это дает? Черт! Если и есть что-то, я пока не вижу. На кой черт Адаму и Добрыне Влад? Он десятикратно слабее их в бизнесе. Может, им нужен не Влад, а Адель? Адам-Адель-Добрыня. Опять мозаика рассыпается. Я-то тут при чем?

Так, ладно. Надо сконцентрироваться. Зайдем с обратной стороны. Какова цель Лили? Она хочет меня вернуть и делится своими планами с Адель. Пробирка открывает ей новость века: Адам влюблен в мою тогда еще девушку. Лили быстро смекнула, что может это использовать, она всегда была сообразительной. Тут все понятно. Дальше. Волею судьбы Пушочек оказывается в ее самолете и Адель ради Лили заводит с ней знакомство. Позже, когда узнает, что Верона в Италии она сразу вылетает следом. То есть тогда у Лили и Адель уже был план. Адель втирается к моей жене в доверие и тащит ее в особняк.

Уф, вот за это я кое-кого завтра отшлепаю по накаченной попке! Бр-р-р-р... не отвлекаться!

Какие планы у Лили и Адель? Скомпрометировать мою жену. Лили знает, как я ревнив. Знает, что я не буду разбираться и разорву отношения при первом же подозрении на измену. Но эта дура не учитывает, что Верона теперь моя жена. Брачные узы не рвутся с такой же легкостью как любовные. К тому же она не знает специфику наших с Вероной отношений. Лили вертится в другом мире, ей незнакомы истинная любовь и настоящие семейные ценности. В ее мире все имеет цену.

В первую законную ночь мы с Пушочком дали друг другу клятву: если чувства начнут остывать и нас потянет на сторону, то мы сначала разорвем отношения и только потом впустим в свою жизнь нового человека. Лично я буду неукоснительно придерживаться этого принципа и клятва данная Вероне, для меня свята. Я могу испытывать возбуждение от вида и прикосновений красивой женщины, но не Сэм руководит мною, а я им и этим все сказано.

Вера

Смотрю на настенные позолоченные часы с кукушкой. Время перевалило за полночь. Как и предсказывала Адель, поток звонков резко прекратился, и теперь я подходила к телефонам только чтобы проверить зарядку. Мой телефон отключился полчаса назад и лежал в общей очереди, в которой я не отдала себе предпочтения. Даже здесь я проявляю демократизм и не пользуюсь «служебным» положением. И смех и слезы!

Из круглого зала уже давно никто не заглядывал. Последней была рыжеволосая девушка в коротком блестящем бандажном платье от «Herve Leger». Ее супруг требовал внимания и забрасывал вопросами о детях и планах на ближайший уикенд. На такие вопросы я не могла ответить и раз пятнадцать лепила белый листок к ее телефону.

От скуки я нырнула в один из ящиков письменного стола и увидела на дне ящика фломастеры. Чтобы хоть чем-то себя занять, я начала набрасывать модели вечерних платьев. Меня вдохновили посещения музеев моды и сегодняшнее мероприятие. Весь вечер девушки порхали из зала в зал как бабочки, навевая на меня символические образы. Их я и стараюсь зафиксировать в сознании, переложить на язык силуэта и выплеснуть на бумагу.

Ближе к трем часам утра вернулась Анна и ахнула – вся гостиная была увешена эскизами.

– Верона! Я думала ты осматриваешь замок, общаешься с гостями, а ты опять за свое.

Никто не сказал, что мне можно выходить за пределы этой гостиной. Адель трижды лично провожала меня в ванную комнату и ждала снаружи, пока я не выйду, возвращалась со мной в гостиную и только потом убегала обратно в круглый зал.

Анна придирчиво осматривает модели, поворачивается ко мне и говорит:

– У тебя действительно талант. Езжай на учебу и даже не сомневайся.

– Тебе нравится? – я переминаюсь с ноги на ногу.

– Не все, но... – она еще раз осматривает эскизы, – большинство нравится.

– А что не нравится?

Подруга высказывает свое мнение, мы ненадолго углубляемся в эту тему.

– Мне столько тебе нужно рассказать, – щебечет Анна и хватает меня за руку, – пойдем, погуляем в парке. Здесь есть лабиринт, его видно с балкона.

На улице уже холодно, на мне платье с открытой спиной, а верхнюю одежду мы оставили в машине. Я отказываюсь и говорю, что мне нужно переделать те эскизы, которые вызвали у нее сомнения.

– Потом переделаешь, – Анна тянет меня к двери, но я встаю как камень.

– Нет! Переделаю сейчас... потом забуду...

Подруга вздыхает, мол, какая же ты упрямая. Пока я делаю новые наброски, Анна садится напротив, цедит вино, к которому я так и не притронулась и начинает вводить меня в курс новостей. Первой новостью было то, что София вышла на связь и объяснила свой скорый отъезд. Адель намекнула ей, что сегодня мы втроем уходим в отрыв и Софа будет явно лишней. Она сказала это так, что наша подруга подумала о вечеринке, где я забуду, что замужем, а Анна вылечит свое раненное сердце. Я уставилась на подругу и округлила глаза.

– Какая-то ахиня...

– Вот-вот. Я спросила Софу, как ты могла повестись на такую глупость, но она дала понять, что Адель была очень убедительной. Сказала, что нашла партии для меня и тебя, а если она будет рядом, то тебе будет неудобно, ведь Саня твой брат.

– У меня слов нет... партии?

– Оказывается Адель что-то вроде свахи, только элитной, но я думаю, она это делает не по доброте душевной. В деловых разговорах мелькают фразы, которые она запоминает и анализирует. Я наблюдала за ней весь вечер. Несколько раз она выходила на балкон и что-то записывала в маленький блокнот.

С Адель все понятно, у нее масштаб охватываемой деятельности шире экватора. Я показываю на дверь и спрашиваю:

– Что там за вечеринка?

– Сегодня здесь празднует столетие закрытый мужской клуб. Я так понимаю, в нем состоят сугубо европейцы и все из знатных фамилий. Просто так к ним не попадешь. Адель подсуетилась и предложила мужскую вечеринку разбавить женским обществом. Вот что я тебе скажу: здесь они вели себя не так

как там, – Анна рукой показывает в сторону круглого зала. – Как только они вышли их, будто подменили. Ведут себя как аристократки, но мы-то видели кто они. Адель заставляет их учить правила этикета, языки и всю эту чушь как завлечь и удержать внимание мужика.

Я смотрю на Анну, лицо покраснелось, глаза блестят, она вся светится.

– Ты кого-то встретила!

Анна отводит взгляд, но потом улыбается и кивает.

– Надо признать, что Адель весьма полезна, хотя очень специфична.

– Хватит мне зубы заговаривать, – жую я подругу и прищуриваюсь, она явно под впечатлением от общения, – говори кто он.

– Адель сразу предупредила меня, что самой походить нельзя. Здесь тебя выбирают, а не ты. Весь вечер она была со мной и давала советы. Ко мне подошли трое. Мне понравился грек. Очень симпатичный и приятный в общении. Остальные такие чопорные, знают себе цену. Он проще и улыбка у него на миллион. Хотя миллионы тоже есть. Как только танец закончился, он подвел меня к Адель, сунул мне визитку и попросил позвонить завтра. Адель сказала, что так он пригласил на свидание и если я откажусь, то она меня уже никуда не поведет.

– Ты пойдешь?

– Подумаю, столько впечатлений, мне нужно все это осмыслить. Адель говорит, что он владелец компании по производству и экспорту оливкового масла, но это не единственный его бизнес. Еще он страстный любитель скачек и вообще всего, что связано с лошадьми.

– Как его зовут?

– Атрей Гривас.

Расплываюсь в улыбке и говорю вполголоса:

– Анна Гривас. Звучит неплохо, – я подмигиваю. – Иди, что тебе терять?

Подруга улыбается, а я подмечаю, что в ней что-то изменилось, но не пойму что...

– Ты какая-то загадочная, – захожу я издалека.

– Верона, ты не представляешь, какая там была атмосфера. Двести мужчин разных возрастов и рода занятий. Все воспитанные, образованные, культурные, с ними приятно просто поговорить, я уже не говорю о большем. Когда они говорят

тебе комплементы, это не банальное «ты красивая» или «ты мне нравишься». Первый кавалер процитировал мне Джона Китса... и читал стихи с такой страстью и придыханием, что меня унесло на седьмое небо. Там пели птички, звучала арфа, было светло и радостно.

Анна замолчала, находясь под впечатлением встреч, а меня уже распирало от любопытства.

– А как успехи у остальных? Тут был просто шквал звонков и сообщений, – я кивком показываю на вереницу спящих телефонов. Трудно поверить, что три часа назад здесь был всемирный клуб разгневанных мужчин.

– Две девушки были на разрыв. Просто фурор. Думала, Адель расстроится, но она сказала, что это успех. Оказывается именно на них она и делала ставку. Остальных привела для репетиции, чтобы знали, что да как, – Анна бьет меня по плечу, фломастер в моей руке съезжает, я кривлюсь, ну вот, теперь нужно переделывать. – Что ко мне кто-то подойдет она вообще не ожидала.

– Ты у нас темная лошадка, – усмехаюсь я.

Глядя на Анну, я думаю, что скачѣк от Габриеля до греческого миллионера слишком резвый.

– Что будешь говорить ему про свое прошлое?

Подруга понимает, что я имею в виду. Такие парни как Оборотень и Габриель статус не повысят.

– Правду. Адель сказала, что ничего скрывать не надо. Пусть с самого начала знает все. Будет хуже, если я что-то скрою, а потом его служба безопасности откопает. Вот это будет реальный повод для расставания.

Я киваю. Правда, лучше чем ложь, даже тогда, когда кажется, что ложь будет во благо. Проходит время, ситуация меняется и ты все уже видишь под другим углом.

– А ты у нас как всегда в своем репертуаре, Верона, – смеется Анна, – сидя в другой комнате, сводишь с ума самого завидно жениха Европы.

Я краснею и подруга догадывается:

– О! Тебе уже сказали!

– Мне перевели несколько фраз из разговора Кристиана и Адель.

– Когда она ему сказала, что ты замужем и здесь только чтобы поддержать подругу, он сильно огорчился. Практически сразу уехал, вид был недовольный. Я прочитала о нем информацию в интернете, – подруга протягивает свой телефон и показывает несколько статей.

Не понимаю, зачем нам его обсуждать. Смотрю на Анну и пожимаю плечами, мол, чего ты от меня хочешь.

– Да я так... для справки, – Анна тут же убирает телефон, речь становится бессвязной, похоже, она перебрала с вином. – Лично мне... было приятно, что моя подруга... утерла нос всем этим пигалицам. Ой, что-то у меня голова кружится.

Договорить нам не дали. В гостиную впрорхнули девушки. Я выглянула в круглый зал, гостей осталось всего несколько человек. Похоже, что вечеринка закончилась. Разгоряченные бабочки полетели к столу. Вереница мобильных телефонов мгновенно растаяла. Несколько минут они проверяли сообщения, а потом подняли головы и увидели мои художества.

– Кто это нарисовал?

– Она! – восклицает Анна и показывает на меня. – Моя подруга – дизайнер! Ее уже реально штормит.

– Анна, не налегай на вино, – говорю я ей с укором.

Она кивает, но бокал решила все же допить.

– Это нереально круто! – верещит рыжеволосая, – мне нравится вот это и это! Я хочу такое! Только в красном цвете!

Ее посыл подхватывают другие и в гостиной поднимается галдеж.

Вбегает Адель, но, поняв, из-за чего поднялся шум, с облегчением выдыхает. Затем идет к эскизам и тщательно их осматривает. Она выбирает три платья.

– Вот эти сразу можно включать в первую коллекцию.

Далее Адель уведомляет подруг, что после Нового Года я еду в Милан на обучение. Вкратце рассказывает о моих планах.

– Как здорово! Среди нас будет свой дизайнер!

– А свадебные платья ты шьешь?

– А шляпку можешь сделать?

– А сумку?

Меня закидывали вопросами, я отбивалась, как могла, пока в гостиную не заглянула... ох... Заноза в Заднице собственной персоной! Шок в тысячной степени, вот что я испытала! Похоже, она так и не дождалась ответа Адель и примчалась осведомиться на счет их плана.

Аристарх

Съезжаю с МКАД на Ленинградку и еду в Шереметьево. Повалил дождь со снегом, щетки стеклоочистителей еле справляются. Ни черта не вижу. Влад где-то позади, держит со мной связь. Звонит Дракон. Отвечаю на звонок и слышу его напряженный голос:

– Руссо, номер, что ты мне дал, официально ни за кем не числится. Но я пробил по номерам, что были в разработке, пару раз он всплывал через агентство «Сириус секьюрители», когда Яша занимался Ландау. Это агентство оказывало услуги по безопасности: прослушка, слежка, сбор инфы. Как только они засветились, тут же свернулись и закрыли контору.

Мысли взлет, все рвется, не могу свести концы с концами. Ландау посылает мне фото с номера, который засек Яша. Зачем?

– А ты выяснил, кто был тот турист, что за тобой следом Москву осматривал?

– Если бы... я же говорю, обложили по полной, но ясный перец это не силовики и я слился. Поменял хату и телефоны.

В памяти опять всплыл день, когда я поставил жучки в кабинете Ландау.

– Это же произошло сразу после того как ты слушать Ландау начал?

– Да, но... черт! Думаешь, это он?

– Уверен!

– Я в тот день заказ от одной ушлой бабенки взял. Она уличить мужа хотела, а он тот еще жучила оказался. Так что... грешил на него. Я ж только оборудование развернул и пошла ответка. Нда, вот дела... – Дракон вздыхает. – Мой косяк. Руссо, скажи сколько, я верну деньги.

– На кой черт мне прайсы?! – взревел я. – Дело надо доделать.

Минуту молчим, соображаем с какой стороны подступиться.

– Значит, Ландау засек жучки.

– Однозначно.

Сворачиваю к аэропорту. Влад безнадежно отстал. Паркуюсь на платной крытой стоянке. Тарифы как за элитную недвижимость, к моему возвращению, наверное, целое состояние накапает, черт его знает, когда я вернусь.

– На записи я ничего такого не услышал, – бодается Дракон, он все еще не может смириться, что его кто-то обставил. – Не было даже проверки на прослушку.

– Вот тебе и ответ. Почему все помещения проверяют, но не кабинет Ландау? Там ведь самые важные решения принимаются.

– Да потому что наш «глаз» тоже не дремал и отметил в во всем офисе. Я тебе не говорил, но слушал я не только твой сигнал.

– А о том, что Ландау вылетел в Италию ты как узнал?

– Из разговоров его личного помощника с офисными клерками. Он сказал, что вылетает с боссом в Верону. Попросил бухгалтера оплатить какой-то счет и передал секретарю распоряжение Адама отменить все встречи.

Мой вывод о том, что Ландау не ожидал увидеть охрану рядом с Вероной, только что подтвердился.

– Ладно, у меня вопрос: зачем Триперный Кролик высылает мне фото с телефона, который приведет меня к «Сириус секьюрити»?

– Как он тебя к нему приведет? Если ты будешь пробивать по обычным каналам, то ответ будет такой же: номер ни за кем не значится.

– А если пробью через Яшу, то вскроется правда и Ландау получит подтверждение, что папаша сливает сынку инфу.

– Думаешь, что итоговая цель не твоя жена, а Яков Давидович?

Я аж подпрыгнул. Проклятье! Конечно, я так не думал, но после его вопроса все разложилось по ячейкам.

– Вот мы лохи, Дракон! – я заржал так, что аж стекла зарезонировали. – Все же было до тошноты просто.

Минуту ржу, не могу прийти в себя. От осознания истины мне полегчало. Я так заикнулся на ухаживаниях Триперного Кролика за моим Пушочком, что не видел перед собой самого главного. Уф! Шизец! Сам виноват!

– Я классический лошара, Дракон!

В трубе тишина, смотрю на экран, вроде Дракон на линии.

– Ты тут?

– Да! Говори уже! – выпалил Дракон, видать, еще не въехал.

– Яша ведь за мной давно присматривал. Так?

– Так.

– Точнее три года.

– Примерно...

– Когда Яша прижал Ландау, тот в ответ обложил его со всех сторон. На кону ведь не только бизнес, но и свобода. В какой-то момент Триперному Кролику докладывают за сильный интерес Яши к Аристарху Романову. А ведь он про меня через сеструху заочно знал. Наверняка всплывали разговоры с моей матерью и Ландау сложил дважды два.

Дракон матерится.

– Вот-вот! Кролик нащупал самое уязвимое место Яши – его сын, который до сих пор не знает, что он пешка на чужом игровом поле. А дальше все как по маслу. Ландау решает присмотреться ко мне поближе и делает вид, что проявляет интерес к бутику Катюхе. Наведывался не один раз. Я смотрел список его покупок, он рысачил туда минимум полгода. Носит только костюмы, а покупает байкерский прикид. Я ведь совсем рядом, если не в бутике, куда заглядывал нечасто, так в мото-салоне. Туда он тоже нос совал, каждый раз натываясь на Креста. Но его старания окупились, судьба подкинула такой подарочек – Верону. Я лично устраиваю ее в бутик швеей. Адам нарисовался туда уже на следующий день и придумал для нее масштабную работу: переделку его гардероба. Верона успела сделать только первую часть, а потом налет на бар, где я ее чуть не потерял. Это вправляет мне мозги, я делаю ей предложение и мы женимся. Наша свадьба ему все планы порушила. Он явно что-то задумал, но воплотить не успел. А то, что он делает сейчас, это второй раунд, но цель та же.

– Он тебя выманивает, Руссо.

– Согласен, – тру подбородок.

Черт! Что делать? Как бы мнегодились сейчас Годзилла и Курт, но ни того, ни другого нет в стране.

– Лады. Что мы имеем? – пытаюсь подытожить весь расклад. – Берет он нас тепленьких, что дальше?

– А дальше шантаж. Либо Яков Давидович отступает, либо...

– Допустим, Яша не отступает, что тогда?

– Конечно же, Яков Давидович отступит, что тут обсуждать? – завелся Дракон.

– Понятное дело, но если... Грохнет? Куча народу знает, что у меня с ним были терки.

– И что? Ну, были. Потом-то все наладилось, вы поговорили, прояснили ситуацию, в чем у него свидетелей океан и маленькое озеро. Пока будет горячо, он на виду у всех сделает себе непрошибаемое алиби.

С моей сеструхой! Вот для чего он ей подыгрывал! Для следствия Ландау без пяти минут член семьи. Как же он может навредить брату своей невесты? Вот жучара! Ты глянь! Все у него схвачено и за все заплачено.

Несмотря на риск, мне нужно лететь. Верона все еще в опасности.

– Позвони Яше. Обоснуй наши выводы и скажи, чтобы к Триперному Кролику на дух не приближался. Пусть возьмет больничный, и прыскает каметоном на свои командирские гланды.

– Руссо, не надо тебе лететь. Яков Давидович пошлет кого-нибудь за твоей женой, привезут в целости и сохранности.

Странно, что сам папаша меня не отговаривал, знал, как отреагирую.

– Я полечу, это не обсуждается.

Прощаюсь с Драконом, прошу быть на связи и держать руку на пульсе. Посылаю смс Владу, чтобы забрал меня с платной стоянки и выхожу из тачки. Подкатывает Влад. Вид чернее тучи. Сажусь рядом. Он дает мне знак при охране не говорить, я рта не раскрываю пока мы после проверки документов не заходим в самолет.

В салоне меня встречают два спеца Яши, ума не приложу, как они меня вычислили, ведь я сам не знал на какой птичке полечу. По выправке понимаю, что военные. С ходу забрали у меня мобилу и колдовали над ней пять минут. Задали вопросы: рабочее давление, на что аллергия, были ли ранения или операции, будто в реанимацию везут. Вполголоса докладывают, что моя жена в порядке, к

ней только что приставили человека, но раскрываться не стали, чтобы не вызвать подозрений, ведь она все еще с Адель, а игру этой мегеры я так и не понял. Прошу дать оценку работе секьюрити, что рядом с Вероной, мне нужно понять нанимать еще людей или нет и узнаю еще одну новость века: моя жена вообще без охраны! Я чуть кони не двинул. Что за хрень?! Как такое возможно?

Экипаж готов к взлету. Всех просят занять свои места. Спецы присоединяются к охране Влада, а мы с бывшим партнером на время взлета садимся в кресла напротив друг друга. Чуйка отбивает азбуку Морзе. Лечу, сам не знаю куда. Мне явно расставили ловушку, но пока в нее не попадусь, не пойму что делать дальше.

Как только взлетели и набрали высоту, звоню секьюрити, которых я приставил к Вероне и интересуюсь, где сейчас моя жена и сколько человек ее охраняют. Спец извинился, сказал, что работает уже на другого клиента и перевел звонок в офис. Дальше как в детективном романе. Повторяю свой вопрос, а мне мелодичный и вгоняющий в сон женский голос отвечает, что пять часов назад я сам расторгнул контракт. Сначала я орал так, что меня было слышно до самых Гималаев, потом понял, что это могут быть манипуляции Ландау и попросил выслать все контакты чела, что вел переговоры о расторжении и сам документ, чтобы взглянуть на подпись. Менеджер быстро просекла, что вышел конфуз и далее терпела все мои нападки с выдержкой Штирлица. Через каждое предложение вылетало «простите» и «у нас такое впервые».

Я только восстановил связи, как пришло на почту письмо о расторжении с указанием мобильного телефона контактного лица. Сверяю коды, номер парижский. Набираю и уже готов на всех языках мира сказать как я хочу видеть того кто скажет «Алло» и получаю еще один хук... на этот раз от Пробирки с Голубой Кровью. На двух языках – французском и английском – она вещает: «Вы дозвонились до Адель Виноградовой, сейчас я ответить на звонок не могу, оставьте сообщение, я вам перезвоню».

Влад слышит голос жены в моей мобиле, лицо вытягивается, глаза навыкат. Вскидываю с места, вытаскиваю его из кресла и швыряю на пол, врезаю промеж глаз и ору:

– Если ты, мразь, и сейчас скажешь, что ни ты и ни твоя оксфордская сучка ни при чем, твои останки разлетятся по всему Подмоскovie!

В хвосте самолета свои разборки. Охрана бросилась в нашу сторону, мои спецы преградили им путь и направили на них пукалки. Одна из стюардесс как раз шла к нам с напитками, но, увидев такой расклад, взвизгнула и пулей унеслась в кабину пилотов. Все замерли. Одно движение и начнется фейерверк!

Вера

По реакции подруг Адель я понимаю, что в комнате я не единственная кто ненавидит Лилианну. Анна никогда ее не видела, поэтому не понимает моего напряжения. Заноза в Заднице сначала обдала меня надменным взглядом, потом эскизы, которыми все еще восхищались девушки, и промаршировала как солдат к Адель. На лице растянулась фальшивая улыбка.

– Ты не отвечала и я подумала, что что-то случилось, – объяснила она свое присутствие.

– Дорогая, – Адель расцеловала ее в щеки, – ну что может со мной случиться, да еще в таком месте? Ты зря беспокоилась. Надо было дожидаться моего приезда. Где ты остановилась?

– У тебя, конечно, – возмущенно ответила Лилианна, – где ж еще... Приехала, тебя нет. Звоню, ты не отвечаешь. Джокки тоже нет и тоже не отвечает.

– Джокки нет в особняке? Странно, – похоже, эта новость озадачила Адель больше, чем внезапное появление ее подруги.

Адель уводит Лилианну на балкон, они о чем-то оживленно говорят. Я наблюдаю за ними через окно.

– Кто это? – интересуется у меня вполголоса Анна.

– Заноза в Заднице.

Это прозвище Анна очень хорошо знает и выпучивает глаза.

– Что она тут делает?

– А бес ее знает... – смотрю на Адель и добавляю: – Ее визита здесь явно не ждали.

Мое внимание резко перемещается к подругам Адель, которые, не стесняясь в выражениях, дают понять, где бы хотели видеть Лилианну и как долго.

– Заманала она меня, – отзывается симпатичная миниатюрная шатенка с родинкой над губой. – Как только Добрыня переступает порог нашего дома, она начинает названивать, – она изображает манеру речи Лилианны и кривится, будто лимон проглотила. – Послушай, кто ему звонит, спроси, куда он после вас поедет, какая у него интонация была, когда он той дамочке отвечал. Я что ей Шерлок Холмс? Своих проблем у меня мало? Раз уж замахнулась на самого... – она закатила глаза к потолку, – так будь добра соответствуй. А она вместо того, чтобы вить гнездышко и воспитывать сына следит за мужем днем и ночью.

– Говорят, она под очками две недели синяк прятала, – подала голос рыжеволосая.

– Да ладно!

– Так ей и надо.

– А теперь у нее очередной закидон. Втемяшила себе в голову, что хочет к бывшему вернуться, так что готовьтесь девочки, скоро Добрыня снова будет холостым.

– А кто ее бывший?

– Какой-то хирург из Склифа. Представьте Лили и хирурга. Да его зарплаты не хватит даже на ее телефонные разговоры.

Слышится всеобщее хихиканье.

У меня в горле пересохло. Одно дело догадываться, другое – получить доказательства, что с моей стороны это была не ревность и не страх потерять любимого, я действительно уловила ее настрой. Она хочет вернуть Руссо и об этом знают эти девицы, значит, знает и Адель. Вот мерзавка, а мне и словом не обмолвилась.

Анна хотела что-то сказать, но я сжала ее руку и та поняла мой намек. В памяти мелькнула фраза моей матери: «Доченька, вот попадешь в такую ситуацию, тогда и поймешь». Ох, мама, как ты была права. Если бы сейчас с нами была Софа, я вполне могла подбить моих подруг расправиться с этой стервой.

– Отлично, – провозгласила высоченная блондинка, – мне Добрыня всегда нравился. Так что я забиваю очередь.

– Обломится тебе. Он с ребенком не возьмет.

– Лили такая же дура как моя кошка Тара. Добрыня ее скорее убьет, чем даст развод, – подает голос с другого конца комнаты яркая брюнетка.

Не все согласились с ее мнением.

– По ее словам, она уже попросила развод, – поведала шатенка, – он сказал: «Оставляй ребенка и уматывай».

– А она что?

– Образцовой матерью ее не назовешь, но и у Снежной Королевы есть сердце.

В гостиную вернулась Адель, разговор резко прервался. Вид у нее был раздраженный и озабоченный. Она явно была чем-то обеспокоена и поглядывала на меня с опаской. Я уже хотела подойти и спросить напрямую, что происходит, как двери снова распахнулись и перед нами предстал Кристиан.

– Ladies, – он учтиво кивнул всем присутствующим.

За ним зашел русоволосый мужчина лет тридцати и тоже поздоровался.

Анна издала невнятный смешок и развязно выдала:

– Да, долго же он тут леди искать будет.

Все мгновенно смолкли и уставились на неожиданного гостя. Адель сразу вышла вперед, давая понять, что все переговоры он будет вести с ней.

Кристиан жестом дал понять, что за него будет говорить переводчик. Тот повернулся ко мне и быстро заговорил:

– Месье д'Альбре хочет поговорить с вами наедине.

– Вот как? – Адель покраснела, ее явно раздражала настойчивость французского аристократа. – Что месье д'Альбре не понял из нашего разговора? Я ведь четко и на родном ему языке сказала, что моя подруга не заинтересована в общении с ним.

Никакой реакции не последовало. Переводчик выслушал ее, снова повернулся ко мне и повторил свою просьбу.

Я была в смятении. В принципе говорить с французом мне не хотелось, но меня поразило, как Адель яростно от него отбивалась. В памяти промелькнули ее

слова про партии, которые она нам с Анной якобы приготовила. Если это правда, то Кристиан не вписывался в ее план. Поэтому чисто из вредности я согласилась и пошла за настойчивым кавалером.

Адель двинулась за нами, но переводчик бесцеремонно впихнул ее в гостиную и закрыл дверь. Только сейчас я оценила его силу и напор. Его легче представить вышибалой в клубе, чем переводчиком на деловых встречах.

В зале к нам присоединились еще три человека в такой же, как у него униформе. У меня мороз пробежал по коже. Поговорить? Скорее это похоже на похищение. В смятении я оглядываюсь и уже тысячу раз жалею, что пошла. Меня вывели на лестницу, но спускаться мы не стали, а проследовали в ближайший кабинет с такой же роскошной обстановкой. Не успела я войти, как за мной захлопнулись двери, да с таким треском, что я вздрогнула.

– Простите, что пришлось вот так вас выводить, – тут же учтиво заговорил «переводчик». – Вы Вера Романова?

– Да, – оглядываюсь по сторонам.

– У вас есть документ удостоверяющий личность?

Что-то мне подсказывало, что поговорить со мной хотят не о том, о чем я подумала. Дрожащая рука потянулась к клатчу. Протягиваю паспорт.

– По документам я еще Павлова. Брак был заключен менее месяца назад. Но есть отметка в паспорте.

Он проверил и вернул мне документ. Месье д'Альбре вздохнул с облегчением и устроился в ближайшем кресле. Он явно не собирался участвовать в разговоре, чем еще больше меня озадачил.

– Вера, нам приказано взять вас под охрану до приезда вашего мужа.

– Мой муж прилетит в Париж?

– Да. Через два часа он приземлится в аэропорту. У нас приказ не выпускать вас из вида, но не раскрываться, поэтому у меня вопрос: вы в безопасности в том окружении?

– Я не понимаю, – меня качнуло. – Что-то случилось? Почему мой муж летит в Париж? Мы говорили с ним по телефону и ничего такого...

– Мы не в курсе, нам велено вас охранять.

– Кем велено?

– Одним из членов семьи...

Ох! Кажется, я знаю, о ком он говорит.

Я плюхнулась на ближайший стул и положила руки на колени как прилежная ученица. Руссо никогда бы не полетел без причины. Раз так, значит, что-то случилось. У телохранителей спрашивать бесполезно, они действительно могут не знать.

– Вера?

Я подняла голову.

– Вы в безопасности с теми дамами?

Если бы он задал этот вопрос до приезда Лилианны, то я бы ответила, что, конечно, в безопасности. Но сейчас... я уже не уверена. Руссо летит в Париж... Мой телефон сел, иначе я бы позвонила.

– У вас есть связь с моим мужем?

Он покачал головой и повторил свой вопрос.

– Если честно, я не знаю. Все как-то странно... меня вообще здесь не должно было быть...

– Понятно, тогда будем действовать по первоначальному плану.

Он показал на француза и сказал:

– Месье д'Альбре любезно согласился нам помочь, он будет изображать вашего поклонника, не вызывая подозрений у ваших подруг.

Я кивнула. Теперь его настойчивость мне стала понятна.

– Нам сказали, что вашим подругам накрыли завтрак в желтой столовой. Идите с ними, но будьте настороже. Месье д'Альбре будет неподалеку, а вместе с ним и наши люди под видом его охраны. Если что-то случится, мы немедленно вмешаемся.

Он протянул мне тюбик, похожий на помаду.

– Это дамский электрошокер.

Далее последовал инструктаж и демонстрация. Я ахнула. Ничего себе, такой маленький.

– Ваш телефон не отвечает.

– Разрядилась батарейка.

– Мы зарядим и вернем вам.

Я протянула телефон и поймала себя на мысли, что чувствую себя сейчас беспомощной и зависимой от всех этих людей.

Меня ведут обратно. Месье д'Альбре держится впереди, как предводитель. Как он оказался замешан в таком деле? Передо мной открывают дверь, мы ненадолго прощаемся.

Ко мне кидается Адель и как только двери закрываются, она начинает тараторить:

– Вера, зря ты дала ему надежду. Он никогда не женится на русской, зачем тебе статус любовницы? Ты достойна большего, – она обнимает меня и поглаживает по спине, будто успокаивает после перенесенного стресса. – Но я рада, что ты передумала и последовала моему совету, всегда нужно иметь запасной вариант.

– Это точно, – выдает рыжеволосая и с сочувствием улыбается.

Не знаю почему, но я расплакалась. Видимо, до меня только дошло, что в Москве что-то случилось и муж летит сообщить мне ужасную новость. В голове мелькали самые страшные предположения. Маме стало хуже? Она умерла? Родители повздорили, отец опять ее ударил? А может что-то с самим Руссо? Он ведь хотел уладить дела, а сам летит. Может, после обыска выписали ордер на его арест и ему пришлось поспешно улететь? Теперь нам предстоит скитания по свету и в ближайшее время я не увижу свою семью? А может что-то случилось с Саней?

– Ничего-ничего... мы все так плакали, – успокаивает меня Адель, – сначала цветочки, а потом шипы. Я же говорила, что он не будет монахом как ты. Уже развлекаются с Владом на пару.

До меня только доходит, что она все еще говорит о неверности моего мужа. Адель видит мое замешательство и показывает фото. Я ахаю, мои пальцы как клещи сжимаю ее телефон. На фото Руссо и Влад в окружении двух девушек. Брюнетка буквально обвила моего мужа своим телом. Сомнений нет, это точно Руссо и на нем костюм, который я ему собственноручно выбрала в Милане. Сердце сжимается так сильно, что мне нечем дышать. Как же больно! Руссо!

– Когда была сделана эта фотография? – спрашиваю я сквозь слезы.

– Вечером. Он ужинал с Владом и этими подружками в ресторане отеля «Националь», затем вся компания поднялась в номер. Кувыркались до полуночи, потом вернулись в ресторан.

Кувыркались? Руссо мне изменил? Ох! Новая волна слез затопила лицо.

– Не плач, Вера, он и слезинки твоей не стоит.

– А где они сейчас?

Ответить она не успела, Анна рухнула на пол как подкошенная. Бокал, что она все это время теребила в руке, разбился на мелкие осколки. Я кинулась к ней и заверещала:

– Анна! Что с тобой? Анна! Очнись! Вызовите врача!

Аристарх

По лицу Влада стекает кровь, обезумевшие от страха глаза смотрят на мой занесенный для повторного удара кулак.

– Руссо! – заверещал он как истеричка. – Умоляю, успокойся, давай во всем разберемся. Клянусь богом, я сам не понимаю, что происходит. Еще в машине я пытался дозвониться до Адель, но она недоступна. Подумай сам, зачем ей отзывать секьюрити твоей жены? Это точно какая-то подстава.

Дверь кабины пилота медленно открывается, поворачиваю голову и вижу, как один из пилотов осторожно высовывает голову. Проклятье! Надо остыть! Даю себе зарок больше не срывать, иначе подставлю себя под пули и прощай Земля.

Сажусь в кресло. Кивком указываю Владу сесть напротив. Тот говорит, что ему нужно умыться и скрывается в туалете. Выходит оттуда злой как черт, но явно не на меня.

Пока он был в туалете, я снова набрал агентство и заявил, что пусть тот, кто расторг контракт, платит остаток долга за оказанные услуги, но меня заверили, что все оплачено и если у меня нет претензий, тема закрыта. Я уже хотел сказать этой вышколенной на корпоративных тренингах марионетке, чтобы взяла пачку бумаги и упаковку ручек и готовилась до утра записать все мои претензии, но Влад дал мне знак, мол, закругляйся.

Виноградов набирает телефон бухгалтера Адель и интересуется, какие за последние сутки его жена делала оплаты. Переводит на громкую связь. Пока бабенка с писклявым голосом перечисляет длиннющий список бабского шмотья до меня доходит, что речь идет о личном счете Пробирки. Влад жучара приплачивает бухгалтеру за слив инфы? На него это похоже. Он ведь и Натана пытался подкупить. Не все в списке Владу нравится, поначалу я даже не понял, чего он так напрягся. Но после парочки последующих звонков до меня дошло, что некто Джокки последние три дня крутился рядом с его женой. Он просит меня узнать у итальяшек, охраняющих мою жену в Вероне, с кем была Адель. Я дозвонился до пацана, который говорил по-русски и тот поведал мне, что Джокки был личным телохранителем Адель и ночевал в ее номере. Эта информация выбила Влада их колеи больше чем сломанный нос. Только после трех порций вискари и получасовых стенаний он обрел дар речи и пояснил весь расклад:

– У Адель с этим шотландцем был роман еще до того как мы познакомились. Их разлучил ее папик, а потом я нарисовался. Свадьба и все такое. По совету ее родителей я увез ее в Москву. Этот хрен все еще работал на отца и, понятное дело, никто не хотел, чтобы они продолжали видеться. А теперь он с ней...

В сознании Влада медленно таяла иллюзия верности его жены. Потом прострел, он весь выпрямился и выпучил на меня глаза.

– Какой же я идиот! – он хлопает себя по лбу. – Так вот кто стоял за сделкой по выкупу доли в бизнесе тестя. Адель! Эта сучка решила от меня свалить!

Вот это для меня было плохой новостью. Если Адель ведет свою игру, то Влад для меня скорее обуза, чем помощник.

– Так Адель не платила агентству?

– Нет, – Влад все еще в шоке. Мои дела его уже не торкают.

– Влад! Соберись! – я стукнул по столу. – Сам я в этой абракадабре не разберусь. Сначала решим мои проблемы, потом твои.

Он кивает, но по виду не здесь и не со мной.

– Если Адель действует вместе с Адамом, то они на пару найдут с какого счета оплатить за отзыв охраны.

Но Влад весь в думках. Набирает номер своего английского адвоката и просит срочно собрать всю инфу по той компашке, что выкупила у него акции тестя. Я взял тайм-аут, пусть найдет того кто помогал жене, может успокоиться и займется моими делами и уже через час был вознагражден за терпение. На сцене снова солирует Триперный Кролик! Новым акционером оказалась дочерняя фирма американо-русской корпорации, учредителями которой среди прочих оказались все те же Адам Ландау и Добрыня.

– Ты что не пробивал покупателя перед продажей? – тарашусь на бывшего партнера, на него это совсем не похоже.

– Нет, – Влад мотает головой. – Тесть сказал, что нанял целый штат людей и теперь знает о покупателе все, начиная от нейминга⁴. Мне-то какая разница, ему же с ним работать.

– Зачем ты вообще продал эти акции? – в моей памяти еще свежи деньки, когда Влад с одержимостью религиозного фанатика наращивал долю в бизнесе тестя.

– Прибыль падала со скоростью света, один прокол за другим. Мне уже эти акции были не в радость.

Я ухмыляюсь.

– Прибыль падала? Ну-ну! Адель решила развестись и привлекла Адама и Добрыню в помощники. Обработала тебя и подготовила почву для продажи. Они выкупили твои акции, потом ей перепродали, наверняка еще и наварились на этом, а взамен попросили об услуге.

Влад тарашится на меня как на ожившего идола, которому он молился всю свою жизнь, мотает башкой и приговаривает:

– Нет-нет, Адель бы на такое никогда не пошла. Она дорожит своей репутацией. У нее добрая душа, она всем помогает. Знаю, она тебе никогда не нравилась. У нее есть недостатки, но... нет. Тут что-то не так.

– Хорошо, а как тебе такой вариант? Адель решила вернуть первую любовь, но не хочет ударить папу по карману. По ее просьбе Адам выкупает у

⁴ Нейминг (от англ. to name — называть, давать имя) – процесс разработки названия бренда для компании, товара или услуг.

тебя акции, а ей их не спешит отдавать, а когда Адель ставит вопрос ребром, он говорит, что все имеет цену.

– Шантаж? – оживился Влад.

– Именно. Может Адаму самому неприятно так поступать с подругой, но свобода дороже, тут уж ничего не поделаешь. Все так эталонно, что аж тошнит. Он все думал-гадал, как убрать с дороги подсевшее на его хвост спецподразделение, а тут выясняется, что жизнь забавно перетасовала колоду. Я – сын начальника подразделения, бывший Лили и твой партнер. Ну как тут устоять?

Влад кривится, мои догадки ему не нравятся, но очень похожи на правду.

– На счет Адама я согласен. Это в его духе. Но Добрыня... нет.

– У Добрыни другая причина. Личная. Лили, я и моя жена.

Приземляемся в Париже и рассаживаемся по машинам. Здесь наши пути расходятся. У Влада свои задачи, у меня свои. Он решил навестить тестя и посмотреть в его честные глаза, заодно осведомится, знал ли он, что за выкупом акций стояла его дочура. Лично мне ответ известен заранее, но, по словам Влада, тесть не в курсе, что у зятя есть парочка козырей в рукаве. Оказывается, этот хитрец прописал в контракте, что имеет право на расторжение сделки в течении двух недель, а они еще не истекли. А так как Адель осталась без акций и прайсов, то тесть очень сильно призадумается, стоит ли ему грести против зятя. Я не понимал, по какой причине Влад вцепился мертвой хваткой в Адель, но спрашивать не стал, мне сейчас и без этой парочки траблов хватает.

Затрезвонил мой мобильник, смотрю на экран. Дракон.

– Говори!

– Руссо, Бизона нашли..

По тону я понял, что нашли мертвым.

– Где?

– Рядом с водохранилищем есть лесок. Сначала наткнулись на его тачку. Ее сожгли и разным хламом завалили. А потом... два бугорка. В одной Бизон, опознали по татухам, а в другой баба, пацаны сказали, что это его последняя чикса.

Я готовил себя к такому раскладу, но когда услышал, все равно испытал невероятное чувство горечи. Проклятье! Бизон! Не сиделось ему. Еще и бабу свою подставил.

– Пару месяцев назад в этих местах новый дилер нарисовался. Говорят, подминал под себя всех жестко. Скорее всего, Бизон ему наркоту хотел сбагрить, но не поделили что-то.

– Слушай сюда, – я поскреб подбородок, – пробей звонки Коляна из клуба. Он же у Бизона главой охраны был. Не верю я, что он не в теме. Пощупай его. Не звонил ли он кому-нибудь из этой местности. Короче, ложись на курс, а там, куда ветер подует. Я не отступлю, пока этого отморозка не прищучу.

– Понял!

Вера

Нам повезло, что один из служащих был бывший врач-реаниматолог, он и оказывал первую помощь Анне. После тщательного осмотра он стал спрашивать, что она ела и пила. Я сразу показала на бутылку вина.

– Это последнее что она пила.

При этих словах Адель побелела как молоко, схватила телефон и выскочила на балкон. Когда кто-то из моих близких подвергается опасности, я превращаюсь в львицу и выхожу на охоту. Вот и сейчас, убедившись, что Анна в надежных руках, я крадучись иду за Адель и слышу, как она на балконе с кем-то говорит по мобильному телефону.

– Адам! Это переходит все границы! Не думала, что ты на такое способен! Ты что хотел отравить Веру? Но вместо нее пострадала ни в чем неповинная девушка.

Я окаменела. С каким Адамом она говорит, случайно не с Ландау? Не поэтому ли сюда летит мой муж? Вспоминаю бутылку вина. Ее принесли мне... лично мне. Никто из девушек к сервированному столику не подходил. Наружу рвется вскрик, закрываю рот ладонью. Боже мой! Меня хотели отравить? За что?

– Как ты мог? Мы же договорились, что ты ее пальцем не тронешь. Я выполнила все твои условия. Верни акции и катись ко всем чертям. Мы больше не друзья! Понял!

Он что-то ей отвечает, отчего она с облегчением вздыхает.

– Так это просто снотворное? Господи, я подумала, что ты ее отравил. Подстраховался? Я же сказала, что сделаю это. Почему ты мне не веришь?

После паузы Адель потеплела.

– Адам, дорогой, что с тобой творится? Я тебя не узнаю. Раньше ты бы эту проблему решил играючи. Утер бы нос всем этим ищейкам. Ты их умнее в тысячу раз. Придумай что-нибудь. Не нужно опускаться до таких методов. Это ниже твоего достоинства.

Я хотела уже выйти из своего укрытия, но на балконе появилась Лилианна. Она жестом просит перевести разговор на громкую связь. Адель кивает и нажимает и выполняет ее просьбу. Адам возбужден и почти срывается на крик, но это точно Ландау. Сомнений нет.

– Я в отчаянии, понимаешь, Адель. Он вцепился в меня мертвой хваткой и не отступает. С ним говорили уже не раз... по-дружески и угрожали. Но ему все мимо кассы. Я хочу, чтобы он понял мой серьезный настрой.

– Таким способом ты его еще больше разозлишь. Да и Вера тут совершенно ни при чем.

– С Верой все будет хорошо, мало того, я позабочусь о том, чтобы у нее всегда все было хорошо.

– Адам, ты сейчас о чем?

Адель дает какой-то знак Лилианне. Похоже они обе в шоке от того что слышат.

– Ты же знаешь мою проблему, а на нее у меня нет реакции. Я сам был поражен. Сначала у меня были другие планы, но когда я так на нее среагировал... Адель, я оставляю ее себе.

– А как же Мэй?

– А что Мэй? Мне что воспитывать узкоглазых детей? В обед я вылетаю в Нью-Йорк. Мы поговорим, я дам ей отступные, лично посажу в самолет и отправлю, куда она захочет.

– Адам, что конкретно ты хочешь? Здесь со мной Лили. Мы хотим знать конечную точку.

– Ха-ха, наша банда снова в сборе, как прежние времена...

– Не хватает только Авроры, – добавляет с горечью Лилианна.

Нависает тяжелая пауза. Я ахнула. Так Адам знал не только Лилианну, но и Аврору!

– Адель, привези ее в мой особняк и мы в расчете.

– Ты вернешь акции?

– Каждый получит то, ради чего все это затевалось. Лили вернется к своему хирургу, вот только он теперь сумасбродный байкер. Хоть и обзавелся связями и кое-какими деньжатами, он все еще прежний босяк, а в голове у него полный кавардак. Добрыня получит развод и единоличную опеку. Укатит в Штаты и следующей женой наверняка у него будет американка из богатой семьи, ведь ему нужно пускать там корни. Насколько я понял, в Туманном Альбионе он разочаровался. У тебя, Адель, будет Джокки, мальчик – воспоминания о лучших днях, которые как бы ты ни старалась, никогда больше не повторятся. Папа получит свои акции, а ты развод. Сомневаюсь, что он пройдет у тебя гладко, скорее всего, Виноградик будет брыкаться, угрожать и даже пустит в ход кулаки...

При этих словах Адель прикрыла глаза рукой, она плакала. Лилианна сжала ее плечи и похлопала по спине.

– ...ему ведь без тебя кранты... и он это знает. А я... я получу свободу и гарантии неприкосновенности. Потом Вера как бы случайно погибнет, тела так и не найдут, хотя я еще об этом не думал, просто вы мне напомнили об Авроре. Муженек сильно поплачет, но Лили его утешит. Я ликвидирую бизнес и уеду туда, где меня ни одна собака не найдет. Буду попивать пина коладу, смотреть научную фантастику и растить голубоглазых детей. А главное, моя жена будет знать, что ни какая другая женщина не сможет ко мне приблизиться. Вот уж это я ей точно гарантирую.

Он разразился насмешливым смехом, от которого меня пробил озноб.

Вдалеке послышался вой сирены.

– Ладно, Адам, мы перезвоним, когда будем выезжать.

– Не мне, – осёк ее стальным тоном Адам, вот теперь он стал самим собой, – я скину тебе контакт. Дальнейшие переговоры считаю бессмысленными. Просто держи в курсе моего помощника.

Когда связь разъединилась, воцарилась минутная пауза. Обе смотрели в сторону подъезжающей «Скорой помощи».

– Как ты заманишь ее в особняк к Адаму? – спросила Лилианна, провожая взглядом врачей.

– С этим проблем не будет. Я три дня готовила почву. Она мне доверяет.

– И все же?

– Скажу, что хочу познакомить ее с легендой в модном бизнесе.

Лилианна кивает. Обе напряжены до предела. Адель отстукивает ногой чечетку, ее подруга теребит ожерелье, которое, наверное, стоит целое состояние.

– Пока Адам нас ни разу не подвел, давай и мы будем придерживаться плана.

Адель отводит взгляд и тяжело вздыхает.

– Когда нам скажут, что Аристарх подъезжает, ты под предлогом завтрака уведешь ее в столовую, а я с ним поговорю.

– Он ее любит, Лили, – осторожно произнесла Адель и с сочувствием взглянула на подругу.

– Пусть скажет мне, глядя в глаза. Этого будет достаточно. Пусть скажет, что любит ее и больше не любит меня.

– Обещай, что после этого ты уедешь.

– Клянусь.

Лилианна первой покинула балкон. За ней следом поспешила Адель, а я присоединилась к группе врачей, что пересекали холл и вошла с ними в гостиную. Незаметно от всех «переводчик» передал мне заряженный телефон. Хотя что-то... да, в следующий раз я о демократии думать не буду.

Адель всем заявила, что в вине было снотворное, что бутылку перепутали. Сказала название препарата и то, что он предназначался для нее. Врачи неуверенно, но подтвердили, что симптомы схожи, но я настояла на госпитализации, ведь когда подруга падала, сильно ударилась головой. Адель пыталась меня убедить, что ехать с Анной это лишнее и вообще ее трогать не

нужно, отоспится и дело с концом, но я в категоричной форме дала ей понять, что больше в ее советах не нуждаюсь и последовала за всей процессией к «скорой». За мной почти бесшумно шел месье д'Альбре, а за ним «переводчик» и другие телохранители. Даже с таким сопровождением я дрожала так, что зуб на зуб не попадал.

Глава девятая

Аристарх

Вместе со спецами сажусь в черный «Jeep Grand Cherokee Trackhawk», я сам выбрал эту тачку на случай, если придется уходить от погони. В разгонной динамике от нуля до сотни этот американский «монстр» сопоставим с настоящими суперкарами. Мне выдают ларингофон, вставляю в ухо и слышу первый доклад: моя жена в больнице. Анну опоили снотворным. Я чуть не опоздал! Хорошо, что Пушочек не притронулась к вину. Меня так замутило, что требуется минута, чтобы прийти в себя.

– Едем в больницу, – даю я команду.

Голова уже плавится от мыслей и догадок. То, что еще час назад выстроилось в идеально ровную линию, под натиском новой волны сомнений, снова рассыпалось на мелкие фрагменты. Складывается такое ощущение, что куда бы я ни шагнул, меня ждут сюрпризы от оксфордской парочки Адель-Адам.

Не успел я отъехать от аэропорта, как мне отзванивается Дракон.

– Нашему челу удалось поговорить с Мэй. Она готова дать показания. Сейчас прорабатываем план по ее эвакуации. Так что к моменту прибытия Ландау ордер на его арест уже будет выписан.

– А где доказательства? Ландау не дурак, скажет, что она все это придумала, чтобы с него прайсы срубить и предъявит записи с камер наблюдения, где она добровольно ему секс-услуги оказывает.

– Доказательств на сто томов хватит. Тайка собирала видео- и аудиоматериал не один месяц. Сказала, что все сделает лишь бы этот больной ублюдок в тюрьму сел. Яков Давидович попросил просмотреть данные, что она нам предоставила и дать оценку... бляха-муха, там жесть...

– В смысле?

Я подозревал только одно психическое отклонение, но по тону Дракона понял, что там целый букет.

– Он истязал ее. Вонзал в кожу сюрикены.

– Не понял. Это же звездочки ниндзя. Как она жива осталась?

– Они разные есть, Ландау использовал строжни цилиндрической формы, похожие на иголки для швейных машин.

– Шизоид!

– Не просто тыкал, а собирал в рисунок или японские иероглифы. Ждал, когда заживет и по-новой. А в промежутке искал новое изображение, еще и с ней согласовывал. Она сказала, что у него целая картотека этих изображений и они всегда у него под рукой. Либо в телефоне, либо на ноуте. Он их по несколько раз в день просматривает, освежает в памяти.

– Вот больной ублюдок!

– Так что материала выше крыши. Не переживай, Руссо, на родину Ландау уже не вернется.

Чуйка мне подсказывала, что Триперный Кролик мог даже из тюрьмы кого угодно достать. Если не лишит его доступа к деньгам, он еще многим нервы потрепит.

– Главное, чтобы в Штатах ни Яша, ни его группа не засветились.

– Все продумали. Люди будут из другого ведомства. Если надо подключат дипломатов. Адвокатов его ни на минуту без внимания не оставят. С «крышей» Ландау тоже поговорили, дали понять, если еще раз дернуться – пойдут прицепом. Начальство Якова Давидовича подключило самые верха.

– Теперь понятно, почему Ландау активизировался, земля под ногами горит. Лады, – выдыхаю я.

– Так что ты сиди тихо, пока Ландау на американскую землю не ступит.

– Когда он вылетает?

– После полудня.

Отбиваю звонок. Все это, конечно, хорошо, вот только ситуацию не разруливает. Верона все еще в опасности. Да и конечных планов Ландау мы не знаем. Он всегда мыслит масштабно, продумывает несколько вариантов исхода событий и он из тех мстительных людишек, кто даже после ареста сотрет

ухмылку на лицах своих врагов. Последнее слово будет за ним. Как от такого застраховаться?

Охо-хо, завяз я по самые не балуйся.

Закрываю глаза, дышу размеренно, как когда-то папашка учил. В памяти всплывают его слова «Когда личность не агрессивна, она непобедима». Да, когда дело касается моей семьи станция «Лёд» для моих мозгов закрыта. Но сейчас дело принимает настолько серьезный оборот, что одна ошибка и кто-то из моих близких пострадает. Делаю глубокий вдох... и выдох... еще раз и еще...

В сознании наступает покой, я открываю глаза и смотрю на мелькающий за окном пригород Парижа. Представляю Адама. Как он мыслит? Что бы он сейчас сделал? Отвлекающий маневр. Он будет там, где его не ждут. Нанесет удар по незащищенным местам. Он создал такой ажиотаж вокруг моей жены, что я бросаю все ресурсы, чтобы ее спасти... а что если цель не она... или не так... а что если цель не она одна?

После щелчка ларингофон снова ожил, я выслушиваю второй доклад. Группе удалось записать часть телефонного разговора Адель. Сначала я не поверил, попросил прокрутить запись еще раз. Потом приказал остановить машину и наяривал круги вокруг автобусной остановки как заведенный. Местные жители смотрели на меня как на дурика. Когда нервяк немного отпустил, я вернулся в джип, попросил переправить запись Яше и перезвонил ему через десять минут.

– Верона ему нужна дозарезу. Ее он не отдаст ни при каком раскладе. Будет отнекиваться и доказывать, что это не он повинен в ее исчезновении. Он уже подготовил для нее золотую клетку и вышколенный персонал, который лишних вопросов задавать не будет. Ресурсы у него есть, так что держать ее в таком режиме можно годами и эта мысль будет греть его триперное тельце даже в тюрьме. Я буду ее искать, сходить с ума, а он точно будет знать, где она. Поиграет в кошки-мышки, а когда надоест, скажет, что блефовал. Но ему нужна видимая цель, ту, что он отдаст при обмене. И это буду не я. Меня эта троица уготовила в качестве трофея Лили. Сначала я подумал, что у него есть на тебя компромат, но если так, Ландау уже пустил бы его в ход. Раз до сих пор он этого

не сделал, значит, вторая цель тоже физическая. Бери под охрану свою мать и Дениса.

– Мать со мной, Денис не выходит на связь с десяти вечера.

– Может, завис у чиксы?

– Нет, он знает, что к чему, если бы завис, то перед этим отзвонился и предупредил.

– Проклятье! Тогда он точно у Ландау! Почему мне не сказал?

– Не хотел тебя дергать. Найди Веру и вези домой. Так даже лучше. Пусть думает, что я на этом успокоюсь и расслабится. Он отдает мне сына в обмен на гарантии что ни я, ни мое подразделение к нему на дух не приблизимся, и я сдержу свое слово!

– А что он просит в качестве гарантии?

– Весь собранный материал. Продумал целую церемонию уничтожения улик, чтобы уж наверняка.

Шизец! Это годы работы! Сердце сжалось так, что аж дышать не могу. Я реально прикипел к папашке, кровь в жилах стынет от одной мысли через что ему сейчас приходится проходить.

– Будь осторожен, – на моем языке это типа я за тебя волнуюсь.

– Возвращайся скорее, мать с ума сходит.

Пошла ответка. Вот и пристрелялись!

Отбиваю звонок и охреневаю. Лили! Как она могла вступить в сговор с этим психопатом Ландау? Если она его знает не один год, то осведомлена о его странностях. Адель в разговоре упомянула Мэй, догадывается, как она ценна для Адама. Это напрямую подтверждает, что Адель и Лили имеют представление о характере психического расстройства их дружка. Меня поразило, с каким хладнокровием они решают судьбу моей жены, отдают в лапы монстру, будто она не живой человек, а какая-то кукла. В тот момент, когда Ландау будет истязать мою жену, Лили собирается утишать меня в горе. Жизнь была «щедр» и показала мне много отстоя, но такое я наблюдал впервые. Клянусь, я не поверил, если бы мне сказали об этом Дракон или Яша. Но я услышал это собственными ушами.

Поворачиваюсь к одному из спецов и прошу выслать мне фото женщины, которая называет себя Лили. Через десять минут он протягивает мне свою

мобилу. Взглянув на экран, я сжал кулаки и выматерился. Как же я надеялся, что это подстава, что ее упомянули в разговоре намеренно. Уф!

Из глаз брызнули слезы, я отвернулся и уставился в окно. Интересно, что чувствует человек, когда пересекает невидимую черту, отделяющую его от животного? В какой момент он ставит свои потребности выше других? Выше своего достоинства и человеческой морали. Кем надо быть, чтобы так рассуждать? Мне больно потому, что в памяти еще свежи наши лучшие моменты. Я будто их законсервировал, сам не знаю зачем. Но после такого... я выжгу их из себя огнем свирепой и беспощадной мести. Никогда и никому я не мстил, но для нее сделаю исключение...

Когда в башке все утрамбовалось, я понял одну вещь, если я сейчас поеду к Вероне, то не смогу довести до конца то, что задумал. Увижу ее и размякну. Стребу в охапку и помчусь в аэропорт. Нельзя! Надо мобилизовать все силы и сделать неожиданной ход... то чего от меня не ждут. Мельтешить некогда. Один точный удар, который прихлопнет всю троицу.

Пишу Дракону смс:

Мне нужны все контакты Добрыни.

Вера

К больнице мы подъехали, когда уже светало. Несмотря на заверения Адель о безопасности препарата, врачи решили подстраховаться и дважды в дороге промыли подруге желудок. Зрелище не для слабонервных. Забившись в угол, я смотрела на работу врачей и думала о матери. Наверное, ей тоже делали все эти манипуляции, только в ее случае было все гораздо страшнее.

Я дала себе установку не раскисать и держалась рядом с «переводчиком» как рыба-прилипала. Перед лицом опасности мое сознание оцепенело, тело плохо слушалось, я то и дело натыкалась на дверные косяки и спотыкалась на ровном месте. Я ждала нападения в любую секунду, в любом помещении, даже в лифте. Он подбадривал меня, отвлекал разговорами, но мы оба понимали, что расслабляться нельзя. От него я узнала, что месье д'Альбре лично знаком с моим тестем. Мне не сказали, при каких обстоятельствах они познакомились, но

намекнули, что Яша оказал французу услугу, после чего был желанным гостем в имении д'Альбре.

Адель как-то узнала, в какую именно больницу нас отвезли и влетела в вестибюль как раз тогда, когда за нами закрывались двери грузового лифта. Она искала Анну, администратор сказала ей, что девушку, о которой идет речь, после осмотра увезли в частную больницу. Адель не поверила и они с Лили еще час рыскали по всем этажам.

– Они отследили сигнал мобильного вашей подруги, – догадался «переводчик».

Мой телефон был выключен, на этом настояла охрана, как только мы покинули особняк, а вот про телефон Анны, который все это время лежал в ее сумочке, все забыли.

Пока он исправлял оплошность, я сидела рядом с подругой в операционной, где нас разместили сразу по приезду. Даже если бы туда заглянула Адель, она навряд ли бы меня узнала. Медсестры облачили меня в медицинскую форму. Шапочка скрывала волосы, а маска нижнюю часть лица. Анна периодически выплывала из сна, и каждый раз задавала одни и те же вопросы. Я перепугалась, но врачи меня успокоили, сказали, что выводы делать рано, нужно дождаться ее полного пробуждения.

То, что меня разыскивали не только Адель и Лили мы узнали через час после их отъезда. Видимо, Адель сообщила Адаму, что потеряла меня и он отправил своих людей на поиски. Сначала об Анне осведомилась в справочной службе больницы женщина, которая представилась ее родственницей. Потом персонал больницы выловил двоих лысых типов, рыскающих по палатам. Уходить они не спешили, уворачивались от охраны и зыркали злющими глазами по сторонам. Чтобы их вывести, пришлось вызывать подкрепление, только тогда они нехотя поплелись к лестнице. Когда их уводили, они выворачивали головы, стараясь рассмотреть пациентов в палатах. Третью попытку обнаружения пресекла одна из медсестер. Она заметила на незнакомке, облаченной в больничную униформу бейджик с фамилией ее подруги-медсестры, которая была в этот день выходная. Мы вызвали охрану и ее тут же выпроводили.

После этого началась истерия Адель. Она добралась до месье д'Альбре и попыталась донести до него мысль, что в создавшейся ситуации мне и Анне нужно иметь рядом старшую соратницу и подругу. Что, отгораживаясь от нее, я делаю только хуже, лишь рядом с ней я в безопасности. Месье д'Альбре сказал, что я и Анна благодарны ей за заботу, но в дальнейших ее услугах не нуждаемся. Посоветовал ей больше не беспокоиться, но предупредил, если она будет настойчивой, он вынужден будет обратиться в полицию, пусть они выяснят, с какой целью она хотела меня усыпить. Она тут же зацепилась за его слова, и сказала, что сама обратится в полицию, если он немедленно не даст мне трубку. Но месье д'Альбре ловко уходил от прямого подтверждения, что мы с Анной рядом с ним. Наоборот, давал понять, что решает все вопросы удаленно. Тогда Адель пригрозила приехать к нему в особняк, на что к моему удивлению он ответил согласием, мол, жду с нетерпением, надеюсь, что поездка принесет вам незабываемых ощущений. После чего Адель верещала так громко, что французу то и дело приходилось убирать телефон от уха. Разговор несколько раз прерывался, видимо, Адель в перерывах советовалась с Адамом и Лили. Закончилось все тем, что она пригрозила позвонить моему мужу и доложить о моем безнравственном поведении. Когда мне это перевели, я долго подавляла смех, но все же не выдержала, выбежала в коридор и несколько минут смеялась как помешанная. Когда я вернулась, то поняла, что Адель сменила тактику и больше месье д'Альбре звонить не будет.

Анна оклемалась ближе к полудню. Целый час мы трещали о новостях. Когда я поведала подруге о подслушанном разговоре, она застыла и с минуты хлопала глазами.

– Какой ужас! Не могу поверить! Я чувствовала, что за ее мнимой опекой что-то скрывается, но о таком даже подумать не могла. Каждый раз, когда мы хотели отделиться и куда-то пойти, она начинала тебя наставлять или с кем-то знакомить, перехватывая на себя внимание. Теперь понятно почему, ей нужно было держать тебя при себе на случай обмена.

Я вспомнила о фото Руссо, которое показала мне Адель и погрустнела. Анна спросила, в чем дело и я рассказала. Вникнув в суть происходящего, она решительно заступилась за моего мужа.

– Прижмись эта девица к нему в «Дорожном патруле», отлетела бы через весь зал к туалету. Но дело было в ресторане престижного отеля, напротив Красная Площадь, в зале, небось, полно иностранцев. Что он должен был делать? Отшвыривать ее от себя?

Я тоже задумалась. Действительно, что?

– Не вздумай устраивать ему сцен. Выкинь это из головы. Очевидно же, что эта троица хочет вас рассорить, не давай им насладиться победой. Руссо – твой муж, защищай свою семью всеми способами.

Анна права. Надо выкинуть все это из головы как страшный сон. Как говорится: рассказала подруге и забыла.

– А где сейчас Руссо?

Я пожимаю плечами.

– Не знаю. Он прилетел в Париж рано утром, но до больницы так и не доехал.

Анна сжимает мою руку.

– Он приедет. Разберется с делами и приедет.

– Я все вспоминаю, как Заноза в Заднице сказала: «Пусть скажет мне в глаза, что больше не любит». Она так это выпалила, будто была уверена, что он этого сделать не сможет.

– Как по мне так вся эта троица на голову сдвинутая. По их поведению можно смело сказать, что Адам наградил своих подруг вирусом шизофрении. Нет, надо же такое придумать! – Анна никак не может объять масштаб задуманного и мотает головой. – Надо отдать должное способностям Адель, как лихо она обработала Софу. А ее провести не так-то просто. Ты ей звонила?

Я мотаю головой.

– Позвоню, когда домой вернемся. Сейчас меня от всего этого штормит.

Анна похлопала по кровати рядом с собой, я скинула мокасины и устроилась рядом. Мы обнялись и сплели пальцы.

– Ты все еще любишь Оборотня? – спросила я сонным голосом и зевнула.

Бессонная ночь и нервное перенапряжение дали о себе знать. Тело отяжелело и меня стремительно уносило в сон. Возможно, Анна и ответила, но я этого уже не слышала.

Аристарх

Я дозвонился до Добрыни, когда он летел над Атлантикой. Сказал, что вышлю ему запись разговора, попросил кулаками не махать, а сначала меня выслушать. Мой звонок он принял в штыки, это было ожидаемо, типа никогда с тобой дел не имел и что-то менять не собираюсь.

– Не вопрос, Добрыня, но потом за свой интерес между ног у меня не мельтеши, не до тебя уже будет. Как говорится, лес рубят – щепки летят.

Отбил звонок. Выслал ему запись. Сижу, кофею попиваю, жду. То, что он перезвонит, у меня сомнений не было. Вопрос был только в том, стуканет он Ландау или нет. Риск, конечно, большой, но Добрыня в этом деле выпирал с двух сторон, он муж Лили и партнер Ландау, поэтому нужен мне был позарез.

Добрыня перезвонил через десять минут, видать то, что услышал, потребовало времени для обработки, а может, как и я прослушал запись не один раз.

– Что предлагаешь? – с ходу задал он вопрос. Тон уже осторожный, типа въехал, что нам хоть и на время, но нужно задружиться.

Я изложил ему свой план и несколько минут мы его утрясали. Добрыня с ходу выкатил мне условие, при котором он будет в деле. Выбора у меня не было и я его, скрипя сердцем, принял. После чего он развернул самолет и сообщил мне примерное время прибытия. В аэропорту я встречал его не один. Какой-то дрыщ, похожий на курьера всучил ему кейс и дал на подпись квитанцию с банковской печатью. Сразу после этого мы дозвонились до Влада и уточнили его местонахождение. Он был в особняке отца Адель, где по «счастливой» случайности остановились Лили и Верона. Прыгаем по тачкам и в путь. Держим связь, делимся новостями и утрясаем последние нюансы.

Приезжаем в особняк, Влад выходит нам навстречу. Вид и так был понурый, а как увидел Добрыню так чуть пятой точкой на гравий не сел.

– Добрынин! Вот уж кого-кого, а тебя я сегодня точно не ждал!

– От чего же так? – Добрыня надевает пиджак и с дежурной улыбочкой выходит из машины. – Жены наши опять вместе тусуются, почему и нам не зависнуть? Где Лили?

Протягивают друг другу руки, здороваются.

– А черт их знает, как умотали с вечера, ни той, ни другой. Адель недоступна. Отец ее тоже ищет.

Добрыня отлично ориентируется на местности, видать, не впервой здесь. Я даже в какой-то момент струхнул, а не развели ли меня как лошару, но Добрыня долго развозить не стал, как перешагнул порог гостиной, сразу взял быка за рога.

– Пока их нет, давай дело перетрем. Мне тут запись забавную переслали, ты послушай, а потом покумекаем.

Он дает мне знак и я включаю запись. С первых секунд Влад так напрягся, что его в пот прошибло. Сидит, утирается, тарачится то на меня, то на Добрыню. Запись закончилась, я убрал телефон и сел в кресло. Башка гудела на разрыв. К тому моменту я уже плохо соображал.

– Давай сначала дела решим. Адам сказал, что через наш счет пройдет транзакция Адель. Насколько я понял, это за акции.

Влад кивает.

– Деньги от Адель пришли, Адам перевел их тебе. Ты отдал ему акции. Но Адам их придержал и начал Адель руки выворачивать. Все так?

– Что там происходит между Адель и Адамом я не знаю, – платок Влада уже мокрый, он бледный как поганка, я уже грешным делом думаю, не прихватит ли его инфаркт. – Деньги я получил, акции отдал.

– О'кей. Поехали дальше, – Добрыня складывает руки в замок и щурится. – Тебе эти акции нужны?

– Акции должны остаться в семье, либо у меня, либо у тестя, – цедит Влад и скидывает пиджак. Рубашка вся в разводах от пота. – Но только не у Адама.

– Забудь про Адама. Я здесь, перед тобой. С правом подписи. Тебе лично эти акции нужны?

Влад зыркнул на Добрыню, поежился и кивнул.

– Значит, ты готов вернуть деньги?

– Сначала я хочу видеть акции.

Добрыня дал знак помощнику, принесли кейс. Он открыл, вынул пачку акций и положил на стол. У Влада шары на лоб выкатились. Он явно не ожидал такой прыти. Я слышал, как Добрыня решает дела, да и Влад наверняка, так что чего удивляться.

После проверки количества Влад берет телефон и выходит из дома. Пока его не было, в гостиной стояла звенящая тишина. Нам обсуждать было нечего, все уже и так ясно как дважды два.

– Завтра утром деньги будут на твоём счету, – говорит Влад, переступая порог.

– О'кей, – Добрыня показывает на своего помощника, – Как только мы получим подтверждение зачисления средств, этот человек привезет тебе акции. Тебя все устраивает?

Влад кивает, его все еще пробивает нервяк.

– Теперь о бизнесе, который тебе якобы предложила Адель. Никогда я с ней ничего не обсуждал, – Добрыня бьет ребром ладони по столу. – Вступить в долю не предлагал. Наоборот, дал Адаму понять, что готов распилить бизнес пополам и плыть дальше разными курсами.

Как я и предполагал, Адель втирала мужу несуществующий проект, а тот с таким же азартом и страстью передавал эстафету Давиду. Видать, ей до последнего нужно было создавать иллюзию, что Влад вот-вот вложит прайсы во что-то очень крупное и прибыльное. Как он теперь все это объяснит партнеру, ума не приложу.

– Так что если она опять поднимет эту тему, знаешь, куда ее послать, – резюмирует Добрыня.

– Все понятно, – бурчит Влад и утирает платком шею. – Что с этим делать будем? – Влад показывает на мой телефон.

– А с этим все просто, – Добрыня откидывается на спинку кресла и закидывает ногу на ногу. – Каждый решит свои проблемы сам. Объединять тут усилия незачем, интересы у всех разные.

Влад кивает. На повестке дня остался еще один вопрос. Влада он никак не касается, но раз уж Лили поселилась в этом доме, придется ему нас потерпеть. Прошу Добрыню ввести Влада в курс последнего акта нашего спектакля. Как

только Добрыня заговорил, кидаю взгляд на бывшего партнера, эта пучеглазая флюорограмма подумал, что Добрыня ему за жену предъявит, накинёт проценты за транзит перевода или еще чего-нибудь похлеще. Теперь расслабил булки и кивает на каждое слово. Да, таким сговорчивым я Виноградова еще не видел.

Добрыня дает указание отогнать его машину подальше от особняка. Я с двумя спецами поднимаюсь наверх и заглядываю в комнату жены. Открываю шкаф и тихо охреневаю! Моя жена скупила половину Парижа? Да мне для перевозки понадобится грузовик. Даю задание вызвать транспорт и доставить все покупки жены в аэропорт. Мне на помощь Влад прислал проворную девчонку, я дал ей указание заняться шмотьем Анны, а сам покидал вещи жены в чемоданы и попросил их погрузить в джип.

Пока вошкался на мобилу пришло смс от Яши.

Обмен состоялся. Дэн дома.

Я вздохнул с облегчением. Одной проблемой меньше. Значит, в разработке у Адама все-таки был Оборотень – заблудший сынок Яши. Мне он отвел роль плачущего страдальца Иеремии. Сначала я потерял сестру, теперь должен был потерять жену.

Спецы дают знак, я выглядываю в окно. К дому подъезжает черный «Мерседес». Из салона выходит Адель, оглядывается, за ней выползает Лили. При виде ее мотор забился как бешеный. Я сжал кулаки и стиснул челюсти. Удавил бы одной левой. Но... надо выполнить условие Добрыни.

Задышал глубоко, размеренно. Нужно взять себя в руки.

Спускаюсь вниз. Ни Добрыни, ни Влада, ни их охраны. Все заняли позиции. На этаже такая тишина, что слышно как две грымзы каблуками по подъездной дороге стучат. Этот стук отдается у меня в ушах. Вот он, последний акт спектакля.

Спецы продолжают грузить багаж Вероны в мой джип. Адель и Лили входят в холл и чуть не спотыкаются об чемоданы.

– Кто вам разрешил трогать эти вещи? – взбеленилась Адель.

Выхожу из кухни. Стою молча. Они пьются на меня, я на них. Мне бы не сорваться и не придушить обеих.

– Аристарх, когда ты прилетел? – Лили бросается ко мне и тянется к моим губам.

Жестом даю понять, чтобы не приближалась, зыркаю на нее со злобой.

– Стой, где стояла.

Лили надувает губы, глаза на мокром месте. Да, этот трюк мы проходили.

– Мы не можем найти Веру, – жалуется мне Адель и выдает свою версию случившегося: – Анна перепила и отключилась, мы отправили ее в больницу. Вера поехала с ней, но потом появился некий месье д'Альбре и сказал, что сам решит все вопросы. Для меня осталось загадкой, как и где они успели познакомиться. Я настаивала, чтобы он позволил мне хотя бы с ней поговорить, но ему что в лоб, что по лбу. Заладил как заведенный: «Я обо всем позабочусь».

– Кто такой месье д'Альбре? – выдавливаю из себя, на роже вереница гримас, хрен меня поймешь.

Она ныряет в телефон, ищет номер. Лили шепчет мое имя, нервно сглатывает. Проклятье! Меня точно сейчас понесет.

– Он был на вечеринке, – продолжает мне заливать Адель, уже более осмелевшим голосом и протягивает телефон. – Вот его номер...

Смотрю на экран, делаю вид, что копирую номер, затем через ее голову передаю мобильник спецу. Адель тянется за мобилой, тот ловко от нее уворачивается и впихивает обеих в гостиную. Я иду следом.

– Что вы себе позволяете? Немедленно отдайте мне телефон! Аристарх, что за плебейские выходки? Убери от меня своих головорезов!

Адель зыркает по сторонам, ничего не поймет, ее телохов как корова языком слизала. Обе уже на стреме, но пока не дотумкали, что в ловушке, думают, что я по ходу разборки просто устраиваю.

– Аристрах, нам надо поговорить, – Лили виснет у меня на руке и умоляюще заглядывает в глаза.

Как же мне хотелось с размаху ее треснуть! Еле сдержался, а каких мне это сил стоило, один бог знает.

– Говори, – смотрю на нее с вызовом.

– Не здесь, – она переминается с ноги на ногу, закусывает губу.

Знаю я эти «не здесь», начнет лапать, а она знает как надо и где. Я взбеленюсь, заеду ей по роже и прощай задуманный план. Черт! Как же у меня руки чешутся!

– Либо здесь, либо нигде. Я уезжаю, – показываю на джип, – так что долго не раздумывай.

Адель снова трещит о телефоне. Я уже забил на нее и не реагирую. Мобильник уже взломали, просканировали и понесли Владу. Пусть посмотрит на переписку своей женушки.

– Ты должен дать нам шанс, Аристарх, я люблю тебя, а ты любишь меня, – лопочет Лили и тащит меня в сторону, – пожалуйста, выслушай меня.

Стою как статуя, будто врос в каменный пол. Мне надо ослабить вожжи, иначе дело не сделать.

– Я слушаю, но ты пока кроме своей старой песни о счастливом воссоединении ничего стоящего не выдала. Мы уже все обсудили, как еще с тобой говорить?

Глаза Лили наполняются крокодиловыми слезами, всегда поражаюсь ее актерскому мастерству.

– Я знаю, что ты меня еще любишь! – она тянется к моим губам.

– Поэтому женился на другой, – язвлю я и отодвигаюсь.

Она наигранно громко вздыхает, взгляд кроткий как у овечки, говорит, что я совершил ошибку, что уже сам наверняка это понял и пора признать свершившийся факт. Больше всего я мысленно ржал над тем, как она поставила себя на пьедестал идеальной для меня жены. Типа она меня выведет на другой уровень, познакомит с нужными людьми. Пока она трещала, память унесла меня в те дни, когда я был с ней якобы счастлив. Никогда я ей не доверял, всегда сомневался и приходил в бешенство от того, что она постоянно пыталась мною манипулировать. Вот и сейчас та же песня. Уф! Как же мне повезло, что она укатила тогда с Добрыней!

– Ты тут трещишь о совместной жизни, но я не твой муж, у меня нет денег на твое содержание. Да и... – строю брезгливую рожу, – твоего отпрыска я не намерен воспитывать.

– У меня есть деньги...

– Лили! – осекла ее Адель.

Но Лили было уже не остановить. Она схватила меня за лацканы пиджака, прижалась всем телом и начала тараторить:

– Через три месяца после свадьбы я поняла, какую совершила ошибку, но было уже поздно что-то менять, я забеременела. С первых дней я копила деньги. Знала, что рано или поздно уйду от мужа. А на счет сына не переживай, муж выделит на него солидное содержание, ты его даже не увидишь.

– Как это? – усмехаюсь я. – Ты поселишь нас на разных этажах?

– Зачем? Я отдам его родителям. С ребенком будет штат нянь.

Я тарашу на нее зеньки.

– Ты проживешь в таком режиме полгода, а потом взвоешь и притащишь мне его в дом, – я перешел на крик. – На кой черт мне это надо!

– Нет! Этого никогда не будет! Мы будем семьей, у нас будут свои дети. Зачем он нам? Пусть живет у родителей. Они дали согласие.

Я охренел! Она уже согласовала этот вопрос с родаками!

– Мне он тоже не в радость. Когда я смотрю на сына, он напоминает мне мою ошибку. Я могла бы уйти, если бы не он. Мы могли бы быть счастливы! – Лили гладит меня по лицу, целует и постанывает. – Я люблю тебя! Безумно люблю. Не могу и дня без тебя прожить. Закрываю глаза и вижу наши ночи, этим и живу. Иначе бы давно с ума сошла.

Еще минута этого цирка и я бы слетел с катушек, но, слава богу, Добрыня вышел из укрытия и театрально захлопал в ладоши. Первый этаж тут же наводнился охраной. Последним вышел Влад. Адель вскрикнула и отступила к стене. Я схватил Лили за волосы и с брезгливостью отшвырнул ее на диван. На лице отпечатались все эмоции. Наружу рвалась ярость, мне хотелось ей все высказать, но я дал обещание Добрыни и должен его сдержать.

Добрыня сел на стул и закинул ногу на ногу, смерил оценивающим взглядом женушку и еще раз похлопал.

– Великолепно! Мы даже на такое не рассчитывали.

Лили выпучила на мужа глаза и вжалась в диван. Его помощник протянул ему диктофон и прокрутил запись, на которой была записана часть разговора о

ребенке. Комната снова заполнилась ее стенаниями. Повторно слушать я уже это не мог и расхаживал из угла в угол, будто мне ступни скипидаром намазали. Добрыня кивнул и расплылся в довольной ухмылке, а я уже прикидывал, как бы побыстрее отсюда свалить. Дальнейшее меня не касалось. Свою часть кордебалета я отыграл.

– У меня мало времени, поэтому буду краток, – от злости глаза Добрыни налились кровью. – Завтра утром мой помощник приедет в этот дом и даст тебе на подпись бумаги о разводе и отказе от родительских прав. Если не подпишешь, эта запись и еще парочка подарков от Аристарха, а он был так любезен и прислал мне сцены твоих красивых истерик и угроз покончить собой, отправятся прямиком в английский суд. Я позабочусь, чтобы пресса широко освещала твои подвиги на время всего процесса. Если тебе и этого будет мало, то пойдешь прямиком в тюрьму за сговор в похищении.

Адель и Лили переглянулись, обе восприняли это как пустые угрозы. Добрыня уловил их посыл и дал мне знак снова поставить запись. Меня от всего этого уже тошнило, но это же последний акт и надо сделать все красиво. Включаю запись, громкость на максимуме и голос Адель разносится по всему первому этажу: «Так это просто снотворное? Господи, я подумала, что ты ее отравил. Подстраховался? Я же сказала, что сделаю это. Почему ты мне не веришь?».

Обе гримзы бледнеют, Адель скатывается по стене на пол и закрывает лицо руками. В отличие от своей подруги, у этой хоть совесть местами просыпается. Лили даже в ус не дует. Собралась, поправила прическу и сложила руки на груди. Взгляд злющий, но пока не разобралась, кого ей больше ненавидеть.

– Если вы хоть на шаг приблизитесь к моей жене, – обвожу обеих красноречивым взглядом, – я пушу в ход эту запись.

– Мы бы не дали ее в обиду, – пытается оправдаться Адель, – нам просто нужно было вернуть акции. Мы собирались принять меры, у нас тоже есть рычаги давления на Адама...

Я рывкаю на нее: «Заткнись, сука!».

Пора сваливать! Пожимаю руки Добрыни и Владу и даю своим спецам команду выдвигаться. Через минуту сел в тачку и спросил:

- Как моя жена?
- В норме. Врачи дали ей успокоительное. Проспит еще пару часов.
- Готовьте самолет к взлету.
- Виноградов летит?
- Нет, его спектакль еще не закончен...

Вера

Просыпаюсь и протираю глаза. Смотрю на будильник и ахаю. Прилегла на час, а проспала три. Странно, что никто меня не разбудил. Муж бахвалился, что сам испечет пиццу в новой жаровне. Горелым вроде не пахнет. Выглядываю в окно, да и жаровню до сих пор никто не растопил.

Захожу в ванную и умываю лицо. Боже, со сна я опухшая и помятая. Краем глаза вижу в мусорном ведре что-то яркое. Это упаковка моих противозачаточных таблеток. Как они туда попали? Смотрю на аптечку, упали что ли? Хотела уже вынуть коробку, но на глаза попадает записка, прикрепленная к полочке «Они не упали! Я их выбросил!».

Меня бросило в жар. На глаза наворачиваются слезы. Так муж оповестил меня, что дает добро на рождение ребенка. Ох! Руссо!

Спускаюсь на первый этаж и вижу на кухонном острове бесформенную массу теста, а поверх него солнцезащитные очки. Рядом коктейль с трубочкой, по радио звучит регги.

– Что это? – в недоумении вскидываю брови.

– В рецепте написано, что тесто должно отдохнуть! – выдает муж, Саня ему поддакивает.

Оба уже подшофе. Сидят на диване и режутся в плейстешн. Судя по корке на тесте, оно не просто отдохнуло, а приказало долго жить.

– Короче, пиццу придется готовить мне самой... – делаю я вывод и иду к холодильнику.

Со стороны дивана нет никаких возражений. Все дружно делают вид, что не слышат. Повязываю фартук и делаю ревизию. Родители позаботились и набили холодильник на неделю вперед. Замешиваю тесто и берусь за нарезку ингредиентов для начинки. Вокруг меня наяривает круги Леха. Я за три метра слышу, как у него урчит желудок. Прошу его нарезать лук, пусть помогает, не все мне одной ораву в десять человек кормить.

Слышу грохот и смотрю в сторону генеральского дома.

– А что там у родителей?

– Мебель привезли, – отвечает Пашка, отъезжая от окна.

Он присоединяется к нам с Лехой и работа идет быстрее.

– Вы придумали, как будете дальнюю комнату в подвале оформлять? – спрашиваю я Пашку.

Тот кивает.

– Дэн распишет стены сценами из космических войн.

Слышу, как разрывается мобильник мужа.

– Милый! Твой мобильный!

– Выкини его! – кричит он, а сам показывает двойняшкам, чтобы принесли ему телефон.

Первым как всегда реагирует Леха и подает ему мобильник. Руссо ставит игру на паузу и резко погружается в дела. По разговору понимаю, что звонит Натан. Вчера они закрыли первую сделку и адвокат осведомляется, перевел ли клиент деньги. Я так понимаю, он имеет там свои проценты и хочет знать, когда он их получит. Его нетерпение понятно, на днях он сделал предложение племяннице Яши и свадьба не за горами.

Леха уходит разжигать жаровню, но видит, как во двор заезжает «Мустанг» Дэна и бежит придержать ворота. Анна выпархивает из машины и, увидев меня на привычном месте, машет рукой. Они заглядывают ненадолго, принохиваются и осведомляются что на ужин. По плану у них на этот уикенд покраска стен. Муж ждет не дождется когда эта шумная парочка переедет в дом напротив, там им выделили комнату. Бабушка просила, чтобы их поселили в гостевой дом, но Яша запротестовал, мол, тогда он в сауну никогда не попадет, а для него она такой же фетиш, как для моего мужа байк.

– Курт, ты еще не уехал?

Анна чмокает меня в щеку, хватая со стола яблоко и идет к лестнице.

– Завтра! – подает голос Саня. – Если хочешь что-то передать Мудрости, сейчас самое время.

– Что передать девушке, у которой теперь все есть? – Анна мне подмигивает.

Я улыбаюсь ей в ответ.

Саня завтра вылетает к Софе. До сих пор не верится, что мы их померили! Что мы только не делали, все бестолку. Оба упрямылись как два барана, пока не вмешался мой муж, кстати, все по той же причине: ему нужно освободить коттедж от «посторонних лиц». Один вечер он уделил брату, вправлял ему мозги за бутылкой скотча. На второй день позвонил Софе. Разговор длился несколько секунд, мы с Анной подумали, что Софа его послала и бросила трубку. Оказывается, он просто сказал: «Курт вылетает к тебе в субботу, можешь не краситься, он тебя и такую любит». Все! Дело сделано! На следующий день она поинтересовалась у меня, забронировал ли Курт билеты. Я подтвердила и на этом тема была исчерпана.

С командировки Саня вернулся две недели назад. Новость о беременности Софии выслушал молча, но по его виду мы с Руссо поняли, что мозги у него встали на место. Никакой пьянки и гудежа. С первых дней занимался обустройством быта. Я помогла ему с оформлением комнаты, а он помогал родителям в доме отдыха. Поехал поговорить с отцом, но когда приехал, увидел семейную идиллию, которой не было за все годы существования нашей семьи, даже в Рязани. Отец уезжал только на три дня, проведая дочь и приехав обратно. Саня считает, что перемены произошли из-за того, что родители живут не в поселке, где на них давили окружающий мрачный ландшафт и соседи, а среди леса и животных, которых отец любит больше людей.

На днях Саня подошел к Руссо и попросил занять деньги на собственную мастерскую. Он уволился из мото-салона Креста и изнывал без работы. Муж, конечно, согласился, но с тем условием, что двойняшки будут ему помогать. Саня обижено пробурчал, что мог бы этого не говорить и два часа дулся в своей комнате, пока Руссо не стукнул ему в дверь с криком: «Курт, тащи свой зад на

кухню, пиво остывает!». Они постоянно ругаются, иногда даже дело доходит до драки, которая, слава богу, тут же перемещается в спортзал, где у них оборудован ринг. Но стоит кому-то задержаться по делам и оба изведутся, доставая друг друга сообщениями и звонками.

Больше всего на брата произвело впечатление, как Руссо уладил дело с Адамом. Некоторые подробности я узнала только из их беседы. Адама признали виновным, и сейчас он находится под следствием в американской тюрьме в ожидании суда. Руссо запрещает мне смотреть репортажи, но Анна держит меня в курсе. Когда я впервые увидела фотографии спины Мэй, я чуть в обморок не упала. В памяти всплыла наша с ним первая встреча в примерочной бутика. Теперь мне понятна была его реакция. Ведь тогда я проколола иголкой палец и слизала кровь, вызвав в нем волну извращенных фантазий.

Как только мы вернулись домой из Парижа, муж вышел еще из трех проектов. Больше всего на него обиделся Егор. Тогда Руссо познакомил его с каким-то другим партнером и вроде все уладилось. Его долю в тату-салоне выкупил отец и больше трений между братьями по деловым вопросам не возникало. По словам Руссо у него оставались только бои и фитнес-центр. Но и этим фактом он был недоволен. На днях он спросил Годзиллу, не против ли он поработать с мужем Кобры, тот вроде дал согласие. На Новый Год муж хочет их свести и обсудить все деловые вопросы. Чтобы Руссо не появляться каждый день в фитнес-центре они поделили функции в боях между Саней и мужем Кобры. Я так понимаю, он действует плавно, чтобы не спугнуть Годзиллу, потому как он очень болезненно реагирует на отсутствие Руссо в зале.

Металлические двери в заборе между домами издают противный скрип. Поднимаю голову и вижу, как к коттеджу спешит Дэн.

– Решили, где будем собираться на Новый Год? – спрашивает он, входя в дом и покручивая в руке брелок с ключами.

Он здоровается со всеми за руку, а меня чмокает в щеку. По настоянию Анны он снял клыки, пирсинг и линзы и теперь не вызывает такого отторжения как раньше. В отличие от меня, Руссо еще не привык к его постоянному присутствию, тем более к семейному родству и зыркает на него злобным взглядом.

– Опять ты тачку сюда загнал?

– Там грузовик с мебелью весь проезд перегородил! – оправдывается Дэн и смотрит, как Анна выходит из их спальни и спускается по лестнице. – Отец сказал, что ужинать не придут. Типа там работы непочатый край.

Все переглядываются и ждут реакции Руссо. Ужинать без Яши никто не хочет. Если Руссо наш главнокомандующий, то Яша – генералиссимус.

– Надо бы им помочь, – Дэн подталкивает старшего брата к решению, но на него не смотрит, целует Анну и что-то ей шепчет про новую кровать.

Она краснеет и отмахивается. Дэн заливается громогласным смехом и шлепает ее по попе. Анна спешит ко мне на кухню.

– Лады, – Руссо поднимается с дивана, заправляет футболку в джинсы и хватает мобильник. – Кто со мной?

Шумной толпой они выдвигаются к генеральскому дому, пока идут к воротам, перешучиваются и пихают друг друга. Пашка с ними. Весь светится. Если он ничем не может помочь, то выполняет роль часового.

– Вчера звонила Адель.

– Да ладно! – Анна плюхается на ближайший барный стул. – Чего хотела?

– Извинилась. Сказала, что никогда бы не подвергла меня опасности. У них с Лили был какой-то план, как утихомирить Адама.

– Ты ей веришь?

Пожимаю плечами.

– Сейчас-то ей зачем врать?

Анна закатывает глаза и кривится в недовольной гримасе.

– Адель всегда и во всем найдет выгоду. Небось, ее муженек дал ей задание помириться с тобой и вернуть Руссо в бизнес, вот она и старается.

– Руссо не вернется, – я оглядываюсь по сторонам, убеждаюсь, что нас никто не слышит и приоткрываю завесу: – Он дал команду юристу зарегистрировать в оффшорной зоне компанию. Будет заниматься траблшутингом.

– А что это?

– Трабл-шутер – это человек, который решает проблемы.

– Хм... сколько знаю Руссо, он всегда решает какие-то проблемы... свои, чужие, партнеров... так что у него получится, – Анна понижает голос и спрашивает: – Адель развелась?

– Влад не дает ей развод. После той истории Джокки уехал на какие-то острова. Сейчас она одна, живет у отца в Швейцарии.

– Короче, осталась у разбитого корыта.

Вспоминаю ее визитницу и ухмыляюсь, что-то мне подсказывает, одинокой она будет недолго. У такой как Адель всегда есть запасные варианты.

Раскатываю тесто для пиццы и показываю ей на ингредиенты.

– Делаем три пиццы с мясом, три с грибами, три с креветками и три с сыром.

– Сколько? – у Анны сейчас ободок с головы упадет. – Двенадцать пицц?

– Поверь мне, это впритык, еще за последний кусок будут драться.

– С ума сойти, ты так каждый день готовишь?

Я киваю. Честно говоря, меня это совсем не утомляет. Готовить я люблю, а еще больше наблюдать, как родные поглощают твои кулинарные художества.

– Руссо настоял на помощнице по хозяйству, завтра придет первая кандидатка. Он сам хочет с ней поговорить. Но предупредил меня, чтобы к плите она не подходила.

– Еще бы! – Анна смеется.

Ворота открываются, мы видим, как к коттеджу идут Игнат и Арина.

– А-а! Сегодня пятница! – вспоминаю я и хватаюсь за голову. – Как я могла забыть?! – смотрю на раскатанное тесто для пиццы. – Еды не хватит. М-м-м... – судорожно соображаю что делать. – Попрошу Арину подготовить ингредиенты для итальянского салата с сыром, ветчиной и овощами, а сама займусь «Капризе» в сырных корзиночках.

– А к чаю что будет?

Кивком показываю на кулинарную книгу Витторио, еще вчера я выбрала два десерта и сделала закладку. Пока я встречаю гостей, Анна быстро начинает пиццу, и мы отправляем ее по-очереди в жаровню. Игнат, прихватив бутылку пива из холодильника, уходит на помощь в генеральский дом, а его девушка присоединяется к нам на кухне.

Позже вся компания собирается за общим столом и под охлажденное пиво дружно приговаривает все, что мы приготовили. Когда тарелки пустеют Саня и Руссо как по команде поднимают головы и изучают кухонный остров, куда я обычно выкладываю готовые блюда. Анна ловит их взгляд и смотрит на меня с пониманием. Я жестами даю понять, что если бы не десерт, мне бы снова пришлось примерять фартук. Она одними губами произносит: «Вот это да!» и закатывает глаза.

– Так вы решили, где будем собираться на Новый Год? – повторяет свой вопрос Дэн.

– А что тут решать? – пожимаю плечами я. – Нашу ораву можно разместить только в одном месте – в доме отдыха.

– Там клево! – восклицает Леха.

Руссо кивает, приканчивает третью бутылку пива и вытирает губы салфеткой.

– Накроем поляну в большой беседке, она на тридцать чел рассчитана, если не хватит, еще столы принесем.

– А кто будет? – спрашивает Анна.

– Все мы, – обвожу всех взглядом удостовериться, что ни у кого других планов нет, – плюс Годзилла с семьей, Кобра с мужем и сыном...

– Сева с семьей, – напоминает Руссо.

– Бабушка, – Дэн смотрит на отца и со страхом спрашивает: – Мы же не оставим ее одну дома?

– Конечно, нет! – восклицает свекровь.

Яша молчит. Посматривает на всех и улыбается. Он любит наши ужины и шумные компании. В пятницу обычно к нему приезжают сослуживцы, но сегодня у них доставка и сборка мебели для спален, поэтому внесли коррективы. К концу года он планировал уволиться, но его повысили и уговорили поработать еще пару лет. Яша дал согласие, но поставил условие, что его не будут дергать по выходным. В пятницу вечером они обычно уезжают в дом отдыха. Яша с моим отцом рыбачат, а потом идут в баню. Свекровь и моя мама занимаются огородом и цветами. Поставили несколько теплиц и обязались кормить нас овощами и свежей зеленью.

– Двадцать шесть человек, – насчитала я и округлила глаза.

Новый Год через неделю, если мы всей компанией махнем в дом отдыха на три дня, то нужно уже сейчас продумать, чем их кормить и развлекать. Ох! Как хорошо, что я купила подарки заранее, хоть муж и ворчал на меня всю дорогу от Парижа до Москвы.

С сожалением подмечаю, что уже в январе наш коттедж станет почти необитаем. Пашка уедет на операцию в Германию на три месяца, мы с Руссо в Милан на полгода, Анна с Дэном до весны будут зависать на Гоа. В коттедже планировали оставить Саню, чтобы приглядывал за Лехой, но теперь он уезжает к Софии и непонятно когда вернется. Так что в таком составе мы соберемся еще не скоро.

Эпилог

Арий

Сегодня со свободой прощается мой кореш Игнат – последний холостяк из нашей банды. Эта дубина стоеросовая уже двоих детей наклепал, а в Загс ни разу не сходил. Мы даже Дэна в прошлом году переманили в свой стан женатиков, а Игнат все продолжал нас раздражать не проштампованным паспортом.

Мы толчемся в небольшой квартирке Дэна, которую он теперь использует как мастерскую. Игнат – разряженный фронт – крутится перед зеркалом и все что-то поправляет и одергивает.

– Жесть, без Аринки не могу даже галстук красиво завязать.

– Дай сюда, – ворчу я, передаю дочь Дэну и завязываю галстук корешу.

Аврора раздражается коронным кличем «Ди-ди-ди», на ее языке это означает: отвали, верни меня отцу. Она со всей дури лупит своего дядьку по роже, рычит и пытается вырваться.

– Смотри, бро! – говорю я Игнату. – Левый хук у нее как у Рокки Марчиано!

– Это она слабенько, – отмахивается Игнат, – вот Ледоруба она вчера на мальчишнике долбанула колотушкой по башке так, что у него искры из глаз посыпались.

– Она может! Вся в папика, – с гордостью смотрю на дочь. – Я сказал Вероне, что хочу сына. Так что будет рожать пока не протянет мне кулек с правильным писюном!

– А если все время будут девочки? – ухмыляется Игнат.

– Тогда будет рожать до пенсии... Вчера прочитал в инете, что какая-то индианка родила в семьдесят. Да, Младшая Дерзость?– улыбаюсь дочери, чмокаю в ее сладкий лоб, моя краса улыбается в ответ, строит умоляющую мордашу и тянет ко мне пухлые ручонки.

– Сколько ей?

– Хрен знает, – пожимаю плечами.

– Придурок! Ты не знаешь, сколько лет твоей дочери?

– Я знаю, что год уже был, а два еще не было. В остальные детали не вникаю. Этой ерундой жена голову забивает, – я изображаю ее манеру, выкатываю шары и хлопаю хваталками, – нам год и пять месяцев... Кому нужны эти месяцы? Лишний повод для гостей? Удар по семейному бюджету и пьяные родственнички.

Смотрю на Курта, он порядком датый. Игнат назначил его ответственным за бухло и тот дегустировал бутылки с мото-братвой со вчерашнего вечера, а сейчас возиться с телефоном, чертыхается, видать, попадает мимо кнопок, не может жене смс отослать. Если он не протрезвеет через полчаса нам кранты. София устроит ему Армагеддон и свадьба превратиться в похороны.

Игнат заценивает мой новый костюмчик.

– Руссо, какого хрена ты вырядился круче жениха?

Теперь и я придирчиво осматриваю кореша, бью его по брюху и ржу.

– Женишок-то не первой свежести!

– Черт! Я забыл, когда в качалку ходил.

– Вот! А мы с Куртом почти каждый день друг другу рожи малюем.

Курт хрюкает, я жестом показываю ему на сортир, типа иди, умойся.

Оживает моя мобила. Жена! Сейчас начнется!

– Аврору уже пора кормить, – слышу ее щебет.

– Ничего с ней не случится, если ты график сдвинешь! Что ты зациклилась на этом режиме, не читай больше глупых книжек? Кормить ребенка надо тогда, когда он этого сам хочет. Аврора, ты ням-ням хочешь?

Это наша коронка, чтобы я не спросил, она четко отвечает «нет». Вот и сейчас она кричит в трубу как укушенная. Но Верона включает свою материнскую блабуду типа «где моя лапуля?». Аврора слышит ее голос, показывает на мобилу и начинает кукситься.

– Ма-ма-ма!

Сколько мы с Вероной не старались научить говорить ее папа и мама, Младшая Дерзость наотрез отказывается произносить по два слога, неважно чего, у нее все по три. Так что я у нее «па-па-па» и ты хоть тресни.

– Ари, – умоляюще произносит жена, – ее надо кормить.

– Да еду-еду!

Хватаю сумку Авроры, забираю дочь и выхожу из квартиры.

Дети – это боги, они правят вселенной, а вы их рабы. Вы на них работаете. Как только у вас рождается ребенок, ваша жизнь кончена! Все! Вас больше нет! Теперь вы кто угодно, но не тот кто был до того как появилось на свет и открыла глаза ваша маленькая копия, в нашем случае копия деда. Вы рука, качающая колыбель, подтиралка для попы, хваталка для соски, робот по приготовлению пюре, а еще у вас есть шея и там можно неплохо устроиться, главное, не забыть ребенку памперс надеть, а то я однажды забыл. Потом час стоял под кипятком и вылил на себя весь тюбик геля для душа.

До рождения Авроры наш коттедж был стильным и функциональным жильем, которое не стыдно было показать. Но так было только первые два года. Сейчас непонятно даже назначение комнат. Манеж стоит между кухней и гостиной, чтобы всем было его видно. Детские вещи заполнили весь дом: подгузники, салфетки, пеленки, пустышки, распашонки, погремушки, шапочки, пинетки. Игрушки все плачут, сигнализируют и пищат в самый неожиданный момент. У нас есть красиво оформленная детская, но Младшая Дерзость там не спала ни одного дня. Она спит где угодно, но не в своей комнате и сколько я не бодался по этому вопросу с родней, все по боку. Наш ребенок – гастролер. Иногда мы с

Вероной поворачиваемся, а ее нет и только через час кто-то из родни принесет ее в гостиную и спящую сунет в переноску. Это типа такая кровать, но с ручками.

Родители – это отдельная песня. Раньше вас холили и лелеяли, но как только появляется ребенок, они превращаются в бабушек и дедушек, а заодно и в ваших надзирателей-инструкторов. «Ты как держись ребенка!», «закрой окно, здесь же ребенок!», «не передразнивай ее, ей год, а тебе тридцать». Мои родители помешались на внучке. Ладно отец, у него она первая. Его фанатизм мне понятен. Но у моей матери она четвертая, казалось бы, успокойся, но нет. Верона сказала, что это из-за имени, что мать смотрит на нее и ассоциирует со своей потерянной дочерью. В первые месяцы она сама злилась и ревновала, но потом застала плачущую мать над кроваткой. Та приговаривала: «Ты вернулась к нам, Аврора» и Верона закрыла тему.

У моих родаков есть ритуал, они приходят в выходные днем к нам поспать. На самом деле они приходят пообщаться с внучкой, идея изначально такая. Но после короткой игры, они укладывают внучку спать, а в итоге она их. Поэтому не редка такая картина, ты ушел за чем-то в другую комнату, вернулся, а на диване спящее святое семейство. И так сладко спят, что аж все трое похрапывают. Аврора устраивается ровно между ними, берет каждого моего родителя за большой палец и закидывает на них ноги. Мы не раз делали фотки, снимали видео, выкладывали в инет и ржали всем миром.

Аврору мы ждали... шизец, не просто ждали, а уже мысленно вымаливали. После года стараний Верона уже закатывала тихие истерики и уходила поплакать в подвал. Я реально напрягся, побежал в клинику проверить смогу ли стать продолжателем рода Розенбергов. Когда врач озвучивал результат, отец сидел рядом, типа приехал меня поддержать. Услышав про высокий процент подвижности моих живчиков, папаша хлопнул себя по коленям, выдал «штатно» и отчалил на работу.

Помню, как мать впервые намекнула о смене моих паспортных данных. Тогда я сильно взбрыкнул, но прошло время и я прикипел к этой мысли. Подал документы и вручил новый паспорт папику на свою днюху. Виду он не показал, но по увлажненным глазам я понял, пробило его не на шутку. Так что теперь я – Арий Яковлевич Розенберг. Как только получил новый паспорт, жена сказала, что

беременна. После чего все ржали до коликов, типа, Аврора ждала, когда я поменяю фамилию.

Сажусь в тачку, проезжаю пару кварталов до хаты Игната, там собрались все наши бабы с детьми. Сегодня я шафер, весь день на ногах и непонятно, во сколько домой вернемся. Дочь встретили всеобщим обожанием, будто видят ее впервые. Я называю эту сцену временным помешательством. Это когда перед тобой стоит нормальная баба, а потом ей показывают ребенка и она резко слетает с резьбы. Издает «у-лю-лю», «у-тю-тю» и другие речевые обороты первобытного сообщества.

Как только Аврора увидела мою мать, закричала: «Ба-ба-ба» и потянула к ней руки. Я отдал дочь и пошел на поиски жены. Она как раз выпорхнула из спальни, где, судя по голосам, наряжали невесту и, увидев меня, расцвела как майская роза. Как же классно, когда тебя вот так встречает любимая женщина. Ее лицо озаряется светом, она вся наполняется радостью и желанием. Вижу озорной блеск в ее глазах, осматриваюсь и затаскиваю ее в ближайшую комнату. Это оказывается гардеробная.

– Ты с ума сошел, – шипит она на меня, еле подавляя улыбку, – нас могут увидеть, здесь же кругом дети.

– И что? – я осыпаю ее лицо поцелуями. – Пусть посмотрят процесс зачатия детей, обсудят на уроках биологии, – сжимаю ее попку, мой стон наверняка слышит даже мать на первом этаже.

– Мне нужно кормить Аврору, – жена пытается вырваться.

– Покорми сначала меня, – я дважды проворачиваю ключ в замке.

Кто-то тут же начинает ломиться в гардеробную. Хотел уже рывкнуть. Но жена, пользуясь заминкой, ныряет под моей рукой, открывает дверь, вылетает в коридор и скрывается в спальне. Облом!

Выхожу из дома и плетусь к тачке, настрой ниже плинтуса. Даже бухать мне сейчас не по кайфу. Прокручиваю в голове список дел, которые нужно еще сделать и сажусь за руль. На мобилу приходит смс. Читаю и ухмыляюсь.

В коттедже никого нет. Я кое-что подготовила для ночи, но мы можем это испробовать прямо сейчас.

Пишу ей ответ:

И ты еще не в тачке?

Не прошло и минуты как Верона выбегает из дома и с загадочной улыбкой несется ко мне. В последнее время я стал подуставать от общения с людьми. Все больше хочется быть дома с семьей. Рядом с ними я получаю заряд энергии и тот самый банальный смысл жизни. Смотрю на жену и вижу в ней столько граней, что описать не могу. Кажется, что ты уже все изучил и нового ничего не предвидится, но нет, происходит что-то, что меняет вас обоих, делает отношения глубже, преумножает любовь.

Истинная любовь – не кратковременное явление, для ее роста требуется время. Сначала ты познаешь тело женщины, ее внешнюю красоту и грацию. Затем она открывает тебе сердце, ты окунаешься в мир заботы, приятия и нежности. Последней перед тобой предстает ее душа, это уже вотчина энергии и взаимобмена.

До Вероны я знал, что такое страсть, но не знал истинной любви. Страсть это пожирающее чувство, при котором ты не можешь нормально мыслить и живешь не своей жизнью. Она удовлетворяет тебя на очень короткий срок, а потом тебе хочется еще и еще. Это как наркотик, он тебя истощает, сжигает изнутри. Ты как послушное орудие в чужих руках идешь на поводу без сил для сопротивления. В какой-то момент прозреваешь и понимаешь, что внутри тебя ничего нет. Ты пустой. Поэтому страсть так быстротечна. В любви я тоже исчезаю и растворяюсь. Но еще никогда я не ощущал такого подъема и наполненности. Я будто накачен невесомостью и парю в облаках. Мне хочется проникать в нее все глубже и глубже, а в итоге я вижу, что она бесконечна. Моя отрада... моя любовь... моя Верона...

Конец

Март 2018г.